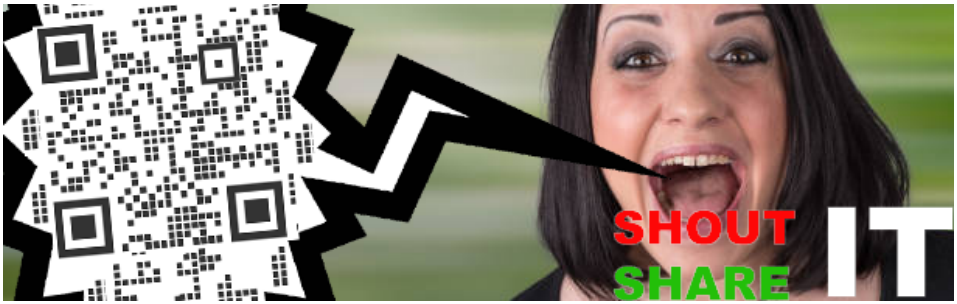
След в Истории

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА

ЭВЕЛИН ЛЕВЕР


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь французских королей, в частности Людовика XVI и его супруги Марии-Антуанетты, достаточно полно и интересно изложена в увлекательнейших романах А. Дюма «Ожерелье королевы», «Графиня де Шарни» и «Шевалье де Мезон-Руж».

Но это художественные произведения, и история предстает в них тем самым знаменитым «гвоздем», на который господин А. Дюма-отец вешал свою шляпу.

Предлагаемый читателю документальный очерк принадлежит перу Эвелин Левер, французскому специалисту по истории конца XVIII века, и в частности — Революции.

Для достоверного изображения реалий французского двора того времени, характеров тех или иных персонажей автор исследовала огромное количество документов — протоколов заседаний Конвента, публикаций из газет, хроник, переписку дипломатическую и личную.

Живой образ женщины, вызвавшей неоднозначные суждения у французского народа, аристократов, даже собственного окружения, предстает перед нами под пером Эвелин Левер.

- Эвелин Левер
  - ○
  - ○ Глава 1. О, АВСТРИЯ, ТЫ ПРЕКРАСНА!
  - ○ Глава 2. ДОФИНА
  - ○ Глава 3. ПОРАЖЕНИЕ ДОФИНЫ
  - ○ Глава 4. «ПЛОХОЙ ОТВЕТЧИК»
  - ○ Глава 5. «КАРЕТУ КОРОЛЕВЕ!»
  - ○ Глава 6. ДВАДЦАТИЛЕТНЯЯ КОРОЛЕВА
  - ○ Глава 7. ПЕРВЫЕ ИЗОЩРЕНИЯ
  - ○ Глава 8. НОВЫЕ ИНТРИГИ, НОВЫЕ КАПРИЗЫ
  - ○ Глава 9. ДЕЛО ГИНЕ
  - ○ Глава 10. СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА
  - ○ Глава 11. БАВАРСКОЕ НАСЛЕДСТВО
  - ○ Глава 12. ОПАСНЫЕ ИГРЫ
  - ○ Глава 13. «ДИТЯ НАДМЕННОГО КАПРИЗА И ЛЕГКОЙ СЛАВЫ»
  - ○ Глава 14. ДОФИН
  - ○ Глава 15. ВОЛНУЮЩЕЕ ОЖИДАНИЕ
  - ○ Глава 16. «НО ЧТО Я ИМ СДЕЛАЛА?»
  - ○ Глава 17. ИСТОРИЯ С ОЖЕРЕЛЬЕМ
  - ○ Глава 18. СКАНДАЛ
  - ○ Глава 19. СИЛА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

- Глава 20. СОМНЕНИЯ
- Глава 21. 1789
- Глава 22. ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ
- Глава 23. ТЮИЛЬРИ
- Глава 24. ПСИХОЗ
- Глава 25. ВАРЕНН
- Глава 26. ДВОЙНАЯ ИГРА
- Глава 27. А ДАЛЕЕ… КОНЕЦ!
- Глава 28. ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ…

Эвелин Левер
Мария-Антуанетта

Глава 1. О, АВСТРИЯ, ТЫ ПРЕКРАСНА!

В королевской церкви, служившей приходом для Венского двора, императрица Мария-Терезия и ее сын император Иосиф II вели к алтарю эрцгерцогиню Марию-Антуанетту — сквозь толпу придворных, высокопоставленных особ, среди которых были представители самых знатных семей империи. Сегодня, 19 апреля 1770 года, в длинном платье, расшитом серебром, шлейф которого поддерживала графиня Траутманндорф, малютка принцесса стояла рядом со своим братом, эрцгерцогом Фердинандом, представлявшим дофина Людовика-Августа, внука короля Франции Людовика XV, и обручавшимся по доверенности с самой красивой из дочерей Марии-Терезии.

В свои четырнадцать лет и пять месяцев супруга будущего короля Франции была уже очень хорошо сложена, хотя и считалась немного худоватой по канонам красоты того времени. Из-за нежно-розовой кожи, огромных удивленных глаз и маленького ротика с припухлыми губками она походила па обиженного ребенка, несмотря на величественную осанку и изысканно уложенные вокруг диадемы светлые волосы.

Пока папский нунций Висконти служил мессу в стенах готического храма под звуки величественных гимнов, императрица внутренне наслаждалась триумфом. Эта свадьба исполнила давнишнюю мечту королевы. Она скрепила дипломатический договор об альянсе, задуманный канцлером Кауницем более пятнадцати лет назад и заключенный между Францией и Австрией в 1756 году. С того дня укрепление этих хрупких связей стало задачей императрицы, желавшей сохранить дружбу с королем Франции и, кроме того, думавшей о судьбе своих многочисленных дочерей. Мария-Амелия вышла замуж за инфанта Пармского, Мария-Каролина за короля Неаполя. Даже эти выгодные для Марии-Терезии партии, конечно, не могли сравниться с нынешней, теперь уже никто не сомневался, что грациозная Мария-Антуанетта станет однажды королевой Франции.

Императрица думала о судьбе, которая ждет ее дочь, родившуюся 2 ноября 1755 года, в семь часов вечера, в то время как ее муж, император Франциск I, отсутствовал вместе со старшим сыном, эрцгерцогом Иосифом. Мария-Терезия больше не боялась родов. Она рожала уже в пятый раз. Императрица продолжала работать с документами до тех пор, пока ее не

заставили позвать врачей. Прежде чем отдать себя в их руки, она успела приказать дантисту вылечить ей больной зуб. Сразу же после родов она подписала еще несколько документов и только потом отправилась отдыхать.

Родившуюся девочку крестили на следующий день именем Мария Антония Жозефа Иоганна. От имени короля и королевы Португалии, ее крестных, к купели девочку подносили ее брат и сестра, эрцгерцог Иосиф и эрцгерцогиня Мария-Анна, относительно взрослые: четырнадцати и шестнадцати лет.

Как и все императорские дети, маленькая Антония была отдана в руки гувернанток, нянь, обязанных заботиться о ней. Занятая прежде всего государственными делами, которые она вела жесткой императорской рукой, императрица препоручила свои материнские обязанности доверенным лицам, отправляя им всякого рода письменные рекомендации. Ей случалось не видеть своих чад по несколько дней, но она неукоснительно требовала от нянь подробных отчетов о здоровье и поведении детей. Переписка велась на французском языке, который наряду с немецким и итальянским был одним из трех языков, на которых говорили все члены императорской семьи.

Уделяя большое внимание здоровью детей, Мария-Терезия отдавала многочисленные четкие приказания на этот счет. Она требовала, чтобы ее уведомляли в любое время дня и ночи о малейших признаках недомогания детей. Няни могли не бояться беспокоить императрицу по этому поводу. Она всегда говорила себе: «Надо быть готовой ко всему». Во время ее отсутствия только врачи имели право принять решения, касающиеся здоровья эрцгерцогов. И ни при каких обстоятельствах ни один гувернер или гувернантка не могли изменить режим питания императорских детей без специального разрешения доверенных лиц императрицы.

Самым влиятельным из них был знаменитый доктор Ван Швитен, который следил за здоровьем всей августейшей семьи. Он очень беспокоился о здоровье императора и императрицы, которые, по его мнению, никогда не придерживались предписанной им диеты. Оба слишком много ели, и от этого постоянно полнели. Он делал им кровопускания и давал хинную настойку. Мария-Терезия соглашалась на это и следовала советам доктора только ради своего многочисленного и прекрасного потомства.

Детям запрещалось поглощать много конфет, пирожных и других сладостей. Каждый вечер им полагалось есть суп, яйца и легкий десерт. Кроме того, императрица рекомендовала воспитателям приучать детей к личной гигиене, следя, однако, за

тем, чтобы «гувернантка тщательно следила за собой, подавая тем самым пример». Надо было также избегать переохлаждения детей и вместе с тем не кутать их.

Мария-Терезия уделяла больше внимания воспитанию самых маленьких детей. Она хотела приучить их спать, не обращая внимания на шум и свет, малышей обычно не укачивали и не пели им колыбельных песен. Полагалось также «искоренять в зародыше любые страхи перед чем бы то ни было». Заботясь о достоинстве, которое было свойственно людям ее ранга, императрица требовала, чтобы детей отвлекали от «кривлянья, гримасничанья и от всего, в чем чувствовалась фамильярность». Когда дети начинали говорить, няни должны были «не искажать обычные слова» в угоду малышам. Наконец, императрица желала, чтобы дети делали первые шаги как можно раньше, для этого «их не надо было слишком долго водить на специальных подвязках. Почувствовав, что ничего не стесняет их движений, дети станут более ловкими». Это были определяющие принципы раннего воспитания Марии-Терезии, которое проходило под строгим надзором графини Брандесс в апартаментах, отведенных специально для детей во дворце Гамбурга или в изысканном замке Шенбрунн, периодически перестраиваемом Марией-Терезией. В детстве эрцгерцогиня Мария-Антуанетта дважды заставила мать сильно переживать: в декабре 1757-го она перенесла краснуху, а в декабре 1763-го у нее начались сильные судороги, из-за которых девочка теряла сознание, и все думали, что это последние дни в ее жизни. Однако она вскоре поправилась и больше не болела.

Мария-Антуанетта играла вместе с братьями — Фердинандом, который был старше ее на год, и Максимилианом, 1756 года рождения. Однако ничто не могло сравниться для нее с компанией Марии-Каролины, которая была на три года старше ее. Другие братья и сестры были гораздо старше. Леопольд — 1747 года, Мария-Амелия — 1746, Мария-Елизавета — 1743, Мария-Кристина — 1742, Иосиф — 1741, Мария-Анна — 1738 года рождения. Тем не менее Мария-Терезия и Франциск I периодически собирали их вместе на семейные вечера, в которых не было ничего напыщенного и величественного, и свидетельство этому гуашь эрцгерцогини Марии-Кристины. Картина представляет королевскую чету с четырьмя детьми, которые только что получили свои подарки на день святого Николая в 1763 году. Император, в домашнем платье и ночном колпаке, читает, сидя у камина, императрица, просто одетая, стоит позади его кресла, а дети резвятся вокруг них. Мария-Антуанетта рассматривает новую куклу, Максимилиан играет со своими

солдатиками, а другой эрцгерцог (Фердинанд?) плачет.

Император с удовольствием выступал в роли супруга и отца большого семейства. Его жена ограничила развлечения с друзьями, и теперь он посвящал много времени воспитанию юных эрцгерцогов, что, впрочем, не мешало ему приятно проводить время с прекрасным полом. Всегда величественная глава государства, но покорная жена, Мария-Терезия, казалось, не замечала этих измен и предпочитала полностью отдаваться государственным делам, тогда как глава семьи, император, занимался больше сыновьями. Он вел себя с ними просто как любящий отец и приучал эрцгерцогов уважительно относиться к своим сестрам.

Желая наладить нежные отношения между всеми членами семьи, он понимал, что это требовало большой осторожности, принимая во внимание характер каждого ребенка. Всем своим детям Франциск 1 читал длинные нравоучения. Черпая вдохновение в высших принципах католической религии, в которой императорская семья воспитывалась, эрцгерцоги получали также основные начала управления: никогда не следует отдавать приказы в порыве гнева. Налоги не должны чрезмерно обременять народ, только для того чтобы содержать в роскоши королевский двор. «Были уже известны причины, заставляющие народ страдать под тяжестью налогов, величина которых была непомерна велика».

Что касалось частной жизни, принцев учили не доверять льстецам и лживым друзьям, «которые желали лишь воспользоваться тем доверием, которое им оказывалось», кроме того, не соблазняться на любовные увлечения вне брака. «Никогда не шутите с опасными вещами», — говорил им отец, пытаясь раскрыть им глаза на опасность. Он боролся с рассеянностью и грубыми играми, умолял детей «никогда не пытаться оправдывать то, что дурно». Так же как и простые смертные, эрцгерцоги должны были постоянно думать о спасении своей души, как о главном в своей жизни. Это воспитание, известное всем детям Марии-Терезии, должно было стать их духовным наследием.

Во время пышных торжеств по случаю свадьбы эрцгерцога Леопольда и дочери короля Испании Луизы с 5 по августа 1765 года случилось несчастье. Праздник уже был омрачен вестью о смерти герцога Пармы. Но на следующий день после свадьбы неизвестно откуда взявшаяся болезнь обрушилась на жениха. Всех охватила страшная тревога. В дополнение ко всему вот уже несколько дней Франциск I чувствовал себя очень плохо. Вечером 18-го, когда Леопольд был наконец-то вне опасности, императорская семья отправилась смотреть итальянскую

комедию. Во время представления императору стало плохо, и он покинул ложу вместе со своим сыном Иосифом. Едва добравшись до апартаментов, император пошатнулся и упал на руки эрцгерцогу. Он был мертв. Врач, бывший еще у постели Леопольда, явился в то же мгновение. Однако ему осталось лишь установить факт смерти.

Несмотря на присущую ей силу духа, Мария-Терезия несколько часов не могла прийти в себя. Затем, пересилив боль, она отдала все необходимые распоряжения. По традиции, гроб с телом императора перевезли в Вену, где состоялись торжественные похороны. Мария-Терезия и Иосиф вернулись в столицу лишь 6 сентября. Каждый день императрица занималась государственными делами.

Сначала она хотела даже отречься от престола и уйти в монастырь, но вскоре решила выполнять свой долг до конца, доверив роль соправителя, которую раньше выполнял Франциск I, своему сыну Иосифу, тому исполнилось двадцать четыре года. Однако юноша вовсе не хотел довольствоваться той ролью, которую выполнял его отец. Философ, поклонник прусского короля Фридриха II, он жаждал власти в августейшей семье. И вскоре эта мечта стала причиной длительного противостояния между сыном и матерью, как между соперниками.

На момент смерти отца, маленькая Антуанетта была очаровательным ребенком 10 лет, всегда веселая и всецело занятая игрой со своими братьями и сестрами. Ее воспитанием практически не занимались. Она едва умела читать и писать по-немецки, плохо говорила по-французски и по-итальянски. О ней самой известно совсем немного, и все, что можно сказать о ее реакции на смерть отца, является лишь версией. Эрцгерцогиня не казалась потрясенной смертью императора. Она была отдалена от своего отца, впрочем, так же как и от матери.

Замкнувшись в своем горе, как обычно, поглощенная государственными делами, Мария-Терезия не занималась воспитанием младших детей. Она уделяла время лишь старшим, пытаясь воспитать в них благородство и достоинство. Будущее супружество детей стало одной из основных задач для императрицы. Вся в черном, белые волосы скрывала шляпа, которая завязывалась под подбородком — весь ее вид говорил Марии-Антуанетте о пожилой даме, самой строгой из всех матерей.

Хотя маленькой эрцгерцогине было лишь десять лет, Мария-Терезия уже думала о ее замужестве. И у нее были серьезные планы насчет своей дочери, поскольку она была одного возраста со старшим внуком Людовика XV. Для предусмотрительной

императрицы такой брак скрепил бы отношения между Францией и Австрией, установленные еще в 1756 году. И полностью удовлетворил бы всех.

Альянс в свое время потряс Европу и вызвал во Франции самые противоречивые мнения. Примирившись со своим бывшим врагом, которого Франция пыталась победить в течение 150 лет, она отменила свою прежнюю политику, целью которой было ослабить австрийское влияние и укрепить свое собственное в небольших немецких графствах, Швеции и Османской империи. Ожидая предательства со стороны Фридриха II, который был союзником Англии, а та в свою очередь серьезным врагом Франции, Людовик XV охотно ответил на дипломатическое предложение, сделанное императрицей и канцлером Кауницем, которым был необходим союзник против Пруссии.

Находясь в окружении слабых государств, Франция ничего не боялась в пределах Европы, однако она и ничего не могла выиграть, находясь в гаком окружении. Ее удел — лишь судья в континентальных конфликтах, несмотря на договор, заключенный с Фридрихом II. В этих условиях она была бы вовлечена в борьбу против Англии за колониальное господство. Однако во имя иллюзорного союза против Англии императрица ловко втянула Людовика XV в Семилетнюю войну, по окончании которой она надеялась вновь завладеть Силезией.

Король Франции, став союзником, отправил свои войска сражаться бок о бок с войсками императрицы. В это время он потерял свои колонии в войне против Англии, несмотря на пакт о ненападении, заключенный с Испанией в 1761-м. После бесславного поражения для Франции императрица горько сожалела о том, что ей не удалось завладеть Силезией, поздравив себя, тем не менее, с просчетами своего союзника. Не только с тем, что Франция должна была отказаться от своих лучших колоний, согласно договору, подписанному в Париже в 1763-м, что на самом деле мало значило для императрицы, — но, особенно, после поражений, которые Франция потерпела на континенте, она потеряла свое влияние в Восточной Европе, где господствовали Россия и Пруссия. Примирение Австрии и Пруссии произойдет гораздо позднее, за спиной Польши, традиционного союзника Франции.

Мечтающая выдать замуж своих дочерей и укрепить союз, который был очень выгодным для Австрии, Мария-Терезия думала о брачных узах, которые соединят два двора. Уже с 1764 года герцогом Шуазелем, секретарем иностранных дел, и князем Штарембергом, послом Австрии во Франции, велись переговоры о свадьбе, но лишь 25 мая 1766 года последний написал своей

императрице о том, что она может рассчитывать на свадьбу одной из своих дочерей с внуком Людовика XV.

Объявлять о победе, правда, было слишком рано. Наследница Мария-Жозефина Саксонская, вдова Людовика-Фердинанда, единственного сына Людовика XV, вовсе не одобряла этой идеи. Настроенная очень враждебно по отношению к австрийскому альянсу, так же, впрочем, как и ее покойный муж, она желала женить своего сына, наследника престола с 1765 года, на принцессе Саксонской. Она осмелилась сказать о своем проекте Людовику XV, который ответил ей весьма уклончиво.

Узнав об этом шаге Марии-Жозефины, австрийский двор во главе с Шуазелем предпринял все возможное, чтобы убедить Людовика XV в необходимости свадьбы дофина и эрцгерцогини. Однако Мария-Жозефина, принимая во внимание молодой возраст будущих супругов, убеждала короля подождать с ответом, что очень выгодно для Франции. Таким образом никакого официального ответа дано не было.

Императрице не терпелось получить ответ. Маркиз Дюрфор, новый посол Франции в Австрии должен был вести очень осторожную политику. Он получил весьма двусмысленные рекомендации: король поручал ему поддерживать самые теплые отношения с императрицей, однако не давать никаких гарантий по поводу предстоящей свадьбы. «Во всяком случае, я прошу Вас не торопиться с тем, что может касаться свадьбы», — писал ему Шуазель 24 марта.

Императрица, которая прекрасно понимала дипломатические уловки, приложила все усилия, чтобы добиться своего. Она была внимательна и предупредительна, однако не без ее участия до Вены дошел слух о предстоящей свадьбе дофина и эрцгерцогини. Штаремберг, который в то время находился в австрийской столице, спросил походя Дюрфора, как он находит эрцгерцогиню Антуанетту? «Она великолепна», — ответил тот. Тонко улыбнувшись, Штаремберг произнес: «У дофина будет чудесная жена». «Лакомство становится изысканным лишь в руках гурмана», — нашелся посол, положение которого становилось все более деликатным.

Весной эпидемия оспы охватила всю императорскую семью, отставив на задний план свадебные проекты. Вначале заболела супруга Иосифа II, она умерла, незаметно для всех, 28 мая. За четыре дня до смерти своей невестки Мария-Терезия также заболела. Совершенно равнодушный к судьбе жены, Иосиф не отходил от постели матери в надежде на завещание. Вся Вена молилась за выздоровление императрицы. 5 июня стало известно, что здоровье ее вне опасности. Иосиф лично сообщил эту

радостную новость Людовику XV.

Как только императрица начала выздоравливать, в одном из своих замков принц Альберт Саксонский, муж эрцгерцогини Марии-Кристины почувствовал первые признаки болезни. Однако его удалось спасти.

21 июля, когда болезнь, казалось, была уже побеждена, императорская семья в полном составе присутствовала на благотворительной акции в соборе Святого Стефана в Вене. Полным ходом шли приготовления к празднествам, посвященным свадьбе эрцгерцогини Жозефины с королем Неаполя. Мария-Терезия сидела рядом с послом Франции. «Вчера в Шенбрунне состоялся большой прием. Императрица, так же как и эрцгерцогини, принимала участие в игре. В тот момент, когда игра была окончена, посол Испании и я подошли к столику, где играла эрцгерцогиня Антуанетта, — писал Дюрфор. — Немного погодя к нам подошла императрица: „Я очень рада видеть здесь вас обоих“. Затем она обратилась к испанскому послу: „Я надеюсь, что она добьется своего; мы с вами можем говорить более откровенно, так как, — добавила она, — посол Франции мне ничего не говорит“. Я высоко ценю юную принцессу, и молчание, что я хранил, лишь свидетельствовало о проявлении глубокого уважения к тем качествам, которыми она наделена. Наконец, я лишь притворяюсь, что не слышу того, что я на самом деле прекрасно слышу», — добавил он, немного смущаясь. Указания, поступающие из Версаля, были весьма формальны. «Король желает, чтобы вы действовали очень осторожно, до тех пор пока обстоятельства не изменятся», — предостерегал Шуазель.

Вскоре оспа снова настигла императорскую семью. Смертельно заболела эрцгерцогиня Жозефина, как раз в тот день, когда должна была обручаться по доверенности в Вене с королем Неаполитанским. Эрцгерцогиня Елизавета, заболевшая почти одновременно со своей сестрой, выжила, но на лице остались ужасные следы. Сразу же после того как тело Жозефины было погребено в семейном склепе, Мария-Терезия устроила брак короля Неаполитанского с другой своей дочерью Марией-Каролиной, а также брак Марии-Амелии с инфантом Пармским. Итак, оставалось лишь уладить дело со свадьбой Марии-Антуанетты.

Весть о свадьбе Марии-Каролины очень огорчила Марию-Антуанетту, так как она теряла своего самого близкого друга. Обе они были немного ленивы и очень смешливы, поэтому эрцгерцогини никогда не разлучались. Они постоянно над чем-то хихикали и подолгу шептались. Уважая дружбу двух сестер, их

привязанность и любовь, императрица решила все же разлучить их, начиная с августа. «Я запрещаю вам иметь всякие секреты и вести тайные разговоры… — писала она Марии-Каролине. — Все эти „секреты“, впрочем, лишь язвительные замечания в адрес ваших родственников или учителей. Я предупреждаю вас о том, что за Вами будут строго следить, и желаю, чтобы Вы как старшая вели себя более благоразумно и благотворно влияли на Вашу сестру»

Несмотря на строгий присмотр, сестры продолжали вести уединенные беседы. Однако час их разлуки уже пробил. Обе они были сильно опечалены, но все же в день свадьбы в апреле 1768 у них были приветливые и веселые лица. В своих письмах к графине Лерхенфельд, которая заменила графиню Брандесс, Мария-Каролина всегда вспоминала свою младшую сестру. «Пишите мне обо всем, что касается Марии-Антуанетты, что она говорит, что делает, даже о чем она думает. Я умоляю Вас, любите ее, это так важно для меня», — просила молодая королева через неделю после отъезда из Вены. «Прошу Вас передайте моей сестре, что я очень ее люблю», — добавляет она позднее. «Ничто не доставит мне большего удовольствия как известие о том, что мою сестру ждет счастье. Я испытываю к ней столько нежности, и когда представляю, что сестру ждет моя судьба, я хочу написать ей целые тома писем и признаться, что страдаю словно тайный мученик, который должен всегда выказывать довольство собой», — писала она 13 августа 1768 года, разочаровавшись в супружеской жизни.

Хотя императрица и не получала никаких вестей от французского двора, граф де Мерси-Аржанто, ее новый посол во Франции при дворе Людовика XV, периодически беседовал с Шуазелем и обнадеживал МариюТерезию. С начала 1768 года она решила завершить образование своей дочери, которой только что исполнилось тринадцать лет. Она поручила Глюку научить ее игре на клавесине, а Новеру — версальским придворным танцам. Оба учителя хвалили принцессу за успехи, но были ли они искренни? Мария-Антуанетта проявляла интерес скорее к урокам Новера, чем к занятиям Глюка.

Императрице пришла в голову идея обучить эрцгерцогиню ораторству и пению. Она хотела пригласить для этого Офрезна и Сенвиля, двух французских актеров, труппы которых были очень популярны в то время в Вене. Если выбор Глюка и Новера не удивил Людовика XV, то выбор двух комедиантов просто шокировал его. Французские принцы могли иметь любовниц — комедианток. Однако всем было известно, что у актеров не было ни стыда ни совести. Он не мог представить, как можно было

доверить им воспитание наследницы.

Шуазель уведомил французского посла в том, что король не очень хорошо оценивает такого рода воспитателей и было бы лучше найти других учителей для эрцгерцогини, которые бы смогли подготовить ее к достойному будущему. Мария-Терезия вовсе не была обижена таким замечанием, наоборот, такая реакция французского короля ее обрадовала.

Итак, король вовсе не отказался от свадебных проектов, о которых ему твердили дипломаты уже много лет. Она воспользовалась случаем и попросила де Мерси помочь ей выбрать наиболее подходящих наставников для эрцгерцогини. Мария-Терезия хотела найти духовника, знакомого с историей, литературой, и, кроме того, подготовить эрцгерцогиню к будущей жизни в Версале. По совету Шуазеля, посол обратился к епископу Орлеанскому, который был известен всему французскому духовенству. Тот рекомендовал аббата Вермона, доктора Сорбонны, первого викария Ломепи де Бриен, архиепископа Тулузы и библиотекаря в коллеже Четырех Наций.

Аббату Вермону, весьма скромного происхождения, обладателю довольно невыразительного лица, в то время было около сорока лет, и ему покровительствовали весьма влиятельные люди из Ломени де Бриен. «Аббат скромен и умен, он снискал уважение среди самых уважаемых епископов», — докладывал Мерси Кауницу. «Это человек достойный и честный, который соответствует желанию императрицы», — писал в свою очередь Дюрфору Шуазель. Ловкий придворный, однако не льстец и не педант, Вермон был очень обязан Мерси, и сразу же после приезда в Вену начал карьеру тайного советника при наследнице, которая, вне всякого сомнения, была отмечена особенной судьбой.

Поручить молодую и своенравную принцессу наставнику, не имеющему опыта в обучении детей, а также незнакомому с придворной жизнью, было большим риском. Однако, несмотря на все пересуды двора, эрцгерцогиня и аббат прекрасно ладили. Она очаровала его, и аббат был просто покорен. После отъезда Марии-Каролины Мария-Антуанетта чувствовала себя очень одинокой, и ее мало привлекало общество графини Лерхенфельд, которая тщетно пыталась продолжить ее образование. Так что аббат Вермон приехал в самый подходящий момент, для того чтобы дать принцессе те необходимые знания, в которых она так нуждалась, а также чтобы ответить на тысячи вопросов молодой девушки, которой прочили самую блестящую партию во всей Европе.

За очень короткий срок Мария-Антуанетта раскрыла аббату

Вермону самые тайные уголки своей души. «Я не могу описать Вашему Превосходительству то, как добра эта юная принцесса, как она внимательна и как боится причинить какое бы то ни было беспокойство или неудобство. Впрочем, она даже не подозревает, какое удовольствие находиться в ее компании. Я был бесконечно польщен откровенным и наивным ответом, — докладывал он Мерси, — на вопрос своей матери по поводу нашего общения: „Вы слишком обременяете аббата“. „Нет, мама, — ответила она, — я вижу, что это доставляет ему удовольствие“».

Вскоре аббат перешел к программе, которая включала в себя изучение религии, французского языка и литературы, а также истории. Он уделял особое внимание нравам и обычаям королевского двора и знакомил принцессу с историей знаменитых французских семей, с которыми она вскоре должна будет познакомиться. Эрцгерцогиня делала заметные успехи, и Вермон не забывал напоминать ей о них. Ежедневный час работы, как это предполагалось раньше, превращался в долгие беседы, во время которых аббат старался указывать на ее ошибки во французском. Эрцгерцогиня, которая больше не могла обходиться без своего наставника, охотно проводила с ним время.

По субботам императрица выслушивала еженедельные отчеты о работе по обучению ее дочери. Она была очень приветлива с аббатом Вермоном и каждый вечер приглашала его на семейный ужин. Оказывая такое внимание аббату, императрица думала о будущем. Она надеялась, что во Франции он по-прежнему будет рядом с дочерью и станет одновременно и ее покровителем и шпионом, короче говоря, он был ей совершенно необходим в хитрых дипломатических операциях.

Эрцгерцогиня росла и становилась все более и более привлекательной. Она была скорее очаровательной, нежели милой. Несмотря на слишком высокий лоб, который умело скрывали под изысканными прическами, с первого взгляда она очаровывала любого собеседника. «У нее до странности правильные черты лица, — писал о своей ученице аббат Вермон, — однако их нельзя назвать милыми. Некоторые ее черты будут казаться во Франции удивительными: живость, зажигательный и веселый нрав, открытая улыбка, которая не сходит с очаровательного личика»

Теперь эрцгерцогиню можно было видеть на всех официальных приемах австрийского двора. Каждую неделю она присутствовала на игре у своей матери и явно предпочитала лотереи, которые разыгрывались почти ежедневно для нее и молодых принцесс ее возраста. Зимой она очень любила кататься на санках по заснеженной столице. Ей не нужны были пи балы, ни

спектакли, и если, по несчастью, приходилось менять планы из-за какого-нибудь официального приема, она была очень опечалена этим. Такая беззаботная жизнь продолжалась до весны 1769-го, когда начали уже серьезно поговаривать о предстоящей свадьбе. 13-го июня Мария-Терезия получила официальное предложение. Накануне в одном из своих замков императрица устроила праздник в честь своей дочери. Вечер окончился грандиозным фейерверком. Трудно было представить более радостное и счастливое событие, как то, к которому готовился императорский двор. Мария-Терезия незамедлительно ответила на предложение Людовика XV. Она была очень счастлива отдать свою дочь за наследника Франции и желала, чтобы «ее дочь имела счастье понравиться Его Величеству».

Дата свадьбы была намечена на май 1770 года. И тут же с обеих сторон начались судорожные приготовления. В то время как канцлеры обговаривали юридические формальности, касающиеся этого брака, маркиз Дюрфор вместе с французским посольством занимался вопросом подготовки пышного празднества, которое должны были устроить в честь свадьбы, императрица и аббат пытались завершить обучение Марии-Антуанетты. Совершенно ничего не было известно о том, что говорят об эрцгерцогине при французском королевском дворе. Доклады Мерси не содержали никаких подробностей на этот счет, впрочем, как и донесения его предшественника Штаремберга.

Короля Людовика XV можно было смело назвать «добрым стариной», хотя ему исполнилось всего лишь шестьдесят лет. Занятый больше внутренними делами своего королевства, он все же испытывал особый интерес к внешней политике. Свадьбы его детей и внуков являлись важным делом для Его Величества. Став отцом семейства, этот прежде несколько распущенный монарх предпочитал, чтобы в семье царил порядок. После смерти королевы Марии Лещинской, последовавшей 24 июня 1768 года, Шуазель подумывал женить короля на эрцгерцогине Елизавете, но король, который не устоял перед невероятным шармом графини Дюбарри, очень скоро забыл о столь выгодном браке. В семье разразился большой скандал, когда король поселил свою фаворитку в апартаментах дофины, умершей 13 марта 1767 года, и решил представить свою новую любовницу ко двору. Церемония представления проходила 22 апреля 1769 года посреди любопытной и взбудораженной толпы. Медам Аделаида, Виктория, Луиза и София, четыре дочери короля, не бывшие замужем и продолжавшие жить в тени славы своего отца, который был еще весьма привлекательным, были потрясены. Они высказывали свое негодование молодой поросли королевской

семьи, т. е. племянникам, наследнику, которому исполнилось лишь пятнадцать лет, и графу Прованскому, он был младше первого на год. Однако они не осмелились ничего сказать третьему, графу д'Артуа, тот был весьма созревший для своих двенадцати лет, и принцессе Елизавете, и принцессе Клотильде, которые были слишком молоды и слишком невинны, чтобы выслушивать подобные гнусности. Такой была семья, в которую должна была войти эрцгерцогиня Мария-Антуанетта.

Будущий король Людовик XVI был худощавым и нескладным подростком, который к тому же очень быстро рос. Его правильное лицо выглядело довольно привлекательным, несмотря на неровные зубы и подростковые прыщи. Большие голубые глаза, нежные и немного близорукие, никогда не смотрели в лицо собеседнику. Он был доверчивым и одновременно скрытным, имея вид самого унылого человека в мире; говорил он мало и голосом неприятно высоким и гнусавым. Несмотря на худощавость, он ходил очень напряженно, как бы под взглядом неприятеля.

Обделенный любовью родителей, которые предпочитали ему старшего брата герцога Бургундского, умершего в 1765 году, и младшего брата графа Прованского, Людовик-Август не испытывал никакого нежного чувства к кому бы то ни было, даже к своим тетушкам. Те, в свою очередь, считали его резким и нескладным. Король, который являлся ему дедом, по сравнению с внуком казался великолепным и был слишком могущественным, затеняя дофина, кроме того, интриги и скандалы, сопровождавшие его личную жизнь, отнюдь не способствовали сближению короля и дофина.

Осознавая свою неуклюжесть, молодой принц тем не менее проявлял живой интерес к учебе. И в отличие от своей будущей жены получил неплохое образование. Он прекрасно знал историю Европы, неплохо разбирался во французской литературе, изучал право, говорил по-английски и немного по-итальянски. Для своего времени он обладал хорошими знаниями в области самых различных наук, а также разбирался в географии.

Из-за своей невероятной скромности, принц избегал любых контактов с женщинами, и свадьба, которую ему навязывали, совершенно не привлекала его. Кроме того, жениться на эрцгерцогине в качестве залога прочного союза между Австрией и Францией — одна только эта мысль была противна дофину. Зная, что его мать была против этого союза, а отец тоже крайне не одобрял его, дофин примет свою супругу с большим недоверием, позже ее будут использовать в дипломатических интригах и Шуазель и собственные родственники.

В волнующей суете приготовлений к знаменательному событию Мария-Антуанетта не могла даже предположить, что окружение будущего супруга окрестило ее как «Австриячка», и в этом вражеском лагере были даже дочери короля, сестры дофина, которые еще не зная, уже ненавидели ее. Она не знала и о том, что общественное мнение было также далеко от одобрения этого союза. Политическая антиавстрийская пропаганда, развернувшаяся во Франции, негодовала против постыдного мира 1763 года: этому «союзу» приписывались все возможные недостатки, а саму Австрию называли «кровопийцей Европы». Эрцгерцогиня стала воплощением горьких обид, накопленных за долгие годы после постыдного поражения в Семилетней войне.

В Вене же дофину тщательно готовили к той роли, которая ее ожидала. Делалось все, чтобы она предстала в полном блеске. Собирали самое дорогое приданое; она проводила долгие часы у французского парикмахера и дантиста, также француза, который должен был придать идеальную форму ее красивым, но не очень ровным зубам. Мария-Антуанетта должна была позировать художнику Дюкре, писавшему ее портрет по личной просьбе Людовика XV.

Вся эта лихорадочная подготовка не мешала аббату Вермону продолжать обучение этой девчонки-непоседы. В канун Нового года Мерси, будучи проездом в Вене, привез ей гравюру с изображением дофина, обрабатывающего землю. Таков портрет, который французский двор подарил будущей наследнице! Чувствительный к идеям своего времени, Иосиф II нашел жест очень символичным: наследник французского престола не гнушается работой на земле. Однако мы не знаем, как сама Мария-Антуанетта восприняла этот подарок.

3 апреля Мария-Антуанетта получила парадный портрет дофина. Она была очень рада подарку и попросила, чтобы его поставили к ней в комнату. Последние дни, которые она проводила со своими родными, несли отпечаток грусти. Она, наивная и неопытная, совершенно не готова к жизни в самом блестящем и пронизанном интригами королевском дворе Европы. Словно стараясь наверстать упущенное, Мария-Терезия использовала каждую минуту, чтобы поговорить с дочерью. Отныне и вплоть до самого отъезда Мария-Антуанетта спала в одной комнате с матерью. Та проводила с дочерью много времени, это было время, которое она никогда не могла ей посвятить раньше.

Последнюю неделю перед церемонией эрцгерцогиня провела в уединении в обществе аббата Вермона, который не питал больших иллюзий насчет духовного диалога. «Эти размышления

не могут быть слишком долгими; я боюсь, что духовное чтение и наши беседы не дадут особых результатов, но тем не менее эти три дня она должна провести в полном уединении», — писал, несколько взволнованно, аббат Вермон, адресуясь к Мерси. Мария-Антуанетта с нетерпением ожидала приближения свадьбы и одновременно была очень опечалена предстоящей разлукой с близкими.

17 апреля Мария-Антуанетта публично отреклась от своих прав на наследование трона, и вечером император устроил пышный прием во дворце Бельведер. Вена еще не видела такого пышного праздника со времен принца Евгения, с ужином на сто пятьдесят персон и маскарадом. На следующий день прием устроил Дюрфор во дворце Лихтенштейна, но Мария-Антуанетта не появилась там, посол не позволил себе пригласить принцессу. Наконец, настал день, которого все так ждали: 19 апреля эрцгерцогиня стала дофиной Франции, церемония проходила в церкви августинцев. Во время ужина, после религиозной церемонии, Мария-Антуанетта сидела рядом с императором. Несмотря на то, что весь следующий день был посвящен приготовлениям к отъезду, вечером был устроен еще один прием для высшего общества Вены. В этот день Мария-Терезия, продиктовав дочери письмо к королю Франции, сама написала ему от своего имени. В этом письме она просила короля стать отцом и покровителем ее дочери, которая была еще совсем молода и нуждалась в руководстве и совете.

На следующее утро, в 9.30, попрощавшись со всеми родными, юная эрцгерцогиня села в роскошно убранную карету и направилась в сопровождении огромного эскорта навстречу своей судьбе, во Францию. Кроме ее свиты, в которой были принц Паар, граф Паар, граф Виндишгрец, граф Штернберг, граф де Старэй, граф Траутсманндорф, граф де Шасгоч, все в сопровождении своих супруг, вместе с эрцгерцогиней ехали: аббат Вермон, врач, капеллан, хирург, три пажа со своими гувернерами, а также шестьдесят слуг. Разумеется, такой огромный кортеж не мог ехать быстро. После восьми-девяти часов дороги приходилось делать остановки.

В первый же вечер прибыли в Мельк, где император Иосиф уже ждал эрцгерцогиню. Они слушали оперу, которую исполняли монахи-бенедиктинцы. Унылое представление и холод в здешних местах еще больше омрачили настроение несчастной Марии-Антуанетты, которая навсегда покидала родные места. На следующий день Иосиф нежно обнял сестру, пообещав навестить ее в Версале в самом скором времени. Итак, путешествие продолжалось, и частый дождь стучал в окна кареты, везшей

эрцгерцогиню. Принцесса останавливалась в Анне, Ламбахе, Альтхайме, Аугсбурге, Гюнсбурге, Фрибурге, Шуттерне, все дальше и дальше от родной Вены. И везде ее встречали приветственные возгласы.

7 мая, утром, сопровождающая свита придворных покинула ее, так как она въехала на территорию Франции. В 11 часов утра, окруженная огромной толпой, эрцгерцогиня проезжала через Страсбург, где ее встречала уже французская свита. Специально для этой церемонии был сооружен павильон на одном из берегов Рейна. Он состоял из двух огромных залов: западный — австрийский и восточный — французский, оба зала соединялись комнатой, где и должна была состояться церемония «передачи» дофины.

Эрцгерцогиня вошла со стороны австрийского зала и сменила дорожный костюм на элегантное платье, расшитое золотом. С комом в горле она попрощалась со всеми, кто сопровождал ее в этой поездке, за исключением тех, кто поедет с ней из Страсбурга в Версаль. Дверь отворилась, и она с замирающим сердцем вошла в огромный зал. Граф де Ноай произнес приветственную речь. Как в хорошо подготовленном спектакле, обе свиты обменялись поздравлениями; теперь перед Марией-Антуанеттой открылись двери Франции, и она вошла в них — дофина в сопровождении огромного эскорта, который проследует вместе с ней до Компьена, где уже ожидали король Франции и его внук. Почетный эскорт состоял из графа де Соль-Таван, почетного рыцаря дофины, маркиза де Гранжа, церемониймейстера, графа Тессе, первого шталмейстера, шевалье де Сан-Совера, командующего личной охраны дофины, полковника де Контада, маркиза де Воге, за ними следовали придворные дамы, которые также должны были сопровождать дофину: графиня де Ноай, первая фрейлина принцессы, герцогиня де Вилар, маркиза де Дюра, графини де Майли и де Соль-Таван, все они были при дворе еще в бытность Марии Лещинской.

Мадам Кампан предполагала, что дофина пересечет символическую границу, рыдая на руках графини де Ноай. Возможно, так оно и было. Тем не менее представление было окончено, и дофина вместе со своей уже французской свитой въехала в город, где в ее честь были. воздвигнуты триумфальные арки. В епархии приветственную речь для Марии-Антуанетты произнес сногсшибательный прелат Людовик-Эдуард де Роан, племянник епископа Страсбургского. Принцесса ответила по-французски, однако не упустила случая ответить по-немецки тем, кто обращался к ней на этом языке. С лучезарной улыбкой на устах она присутствовала на всех приемах в ее честь и покинула

Страсбург лишь 9 мая. Итак, снова вперед. Повсюду, где бы она ни проезжала, слышались комплименты, дань восхищения и восторга. Однако дофина уже очень утомилась столь долгой дорогой. Во время спектаклей, по вечерам, она позевывала, казалось, время тянулось невероятно долго.

14 мая должна была состояться долгожданная встреча дофины со своим будущим супругом и королем Франции. Людовик XV специально поехал навстречу и остановился в Компьене, чтобы как можно скорее увидеть новую внучку, с которой ему не терпелось познакомиться. В придворном платье, с изысканной прической Мария-Антуанетта с волнением ехала из Суассона в Компьен. Толпы людей встречали ее радостными возгласами. И с приближением к Компьену людей становилось все больше. Вскоре принцесса заметила несколько карет. Приближался великий момент. Дофина вышла из своей кареты в сопровождении графа де Соль-Таван и графа де Тессе. И затем, нарушив все правила этикета, подбежала к королю и опустилась на колени перед Людовиком XV и своим будущим мужем. Хотя король ожидал увидеть грациозное создание, он все же был очарован милым личиком и восхитительной улыбкой. Людовик тут же поднял дофину и, прежде чем представить ее своему внуку, нежно обнял, дофин же в свою очередь чинно поцеловал будущую жену.

Если принцесса и была разочарована, она умело скрыла свои чувства. Затем король представил ей своих дочерей и всех придворных ее свиты, после чего сел в карету со своими внуками. Во время переезда в замок Компьен он оживленно болтал с Марией-Антуанеттой и более напоминал жениха, нежели его внук, который за все время пути не произнес ни слова.

На следующий день королевская процессия направилась в Париж. По пути сделали остановку в Сен-Дени, чтобы навестить мадам Луизу, самую младшую дочь короля, которая в прошлом месяце решила уединиться в монастыре кармелиток, чем ее отец был весьма опечален. Вечером того же дня вся королевская семья собралась в замке де ла Мюэт. Мария-Антуанетта познакомилась с братьями своего мужа — чопорным графом Прованским, совершенно не понравившимся ей, и графом д'Артуа, еще наполовину ребенком. Конечно же, этот нахальный мальчишка был самым привлекательным из трех братьев. На ужине Мария-Антуанетта заметила рядом с королем очень красивую молодую даму. Никто не представил ее дофине. Когда Людовик XV, его дочери и внуки уехали в Версаль, поскольку будущие супруги не могли спать под одной крышей, юная принцесса попыталась выяснить, кто эта таинственная красавица. Вполне возможно,

слегка смутившись, мадам де Ноай ответила, что мадам Дюбарри находится здесь по желанию короля, а Мария-Антуанетта, тоже вполне возможно, ответила, что та достойна стать ее соперницей. Впрочем, мы не знаем, что произошло на самом деле, может быть, это всего лишь досужий вымысел. Тем не менее дофина поняла, что видела любовницу короля. В отведенных ей апартаментах Марию-Антуанетту ждал сюрприз. Король подарил ей великолепное алмазное ожерелье, как две капли воды похожее на ожерелье покойной дофины Марии-Жозефины.

Апартаменты, которые теперь занимала Мария-Антуанетта, раньше были покоями Марии Лещинской. Все здесь еще помнило о своей прежней хозяйке. По сравнению с маленьким дворцом своего детства, дворец в Версале казался ей невероятно большим и роскошным. Мария-Антуанетта до этого не выезжала из Шенбрунна, и поэтому залы Версаля оказались для нее лучшими в мире. Впрочем, у нее не было времени осматривать владения, которые вскоре будут принадлежать ей, так как оставалось менее двух часов до свадебной церемонии в королевской часовне. Пока ее одевали, доложили, что король желает представить сестер дофина: мадам Клотильду, толстущую принцессу, на вид добродушную, и совсем еще маленькую мадам Елизавету.

В час пополудни принцесса вошла в кабинет короля. На ней было одно из лучших платьев. Дофин, также одетый с иголочки, подошел к ней и подал руку. «Она приветствовала его и поцеловала руку короля, все это было сделано с невероятной грацией. Принцесса показалась мне довольно милой, маленькой и нежной», — изложил свои впечатления герцог де Круа.

Следуя за королем и принцами, молодая пара медленно шествовала по залам, полным придворными и знатью. В часовне молодожены заняли свои места на бархатных ковриках у алтаря, где стоял архиепископ Реймсский, король же сидел на своем обычном месте, вдали от семьи и наследников. «Часовня была украшена сверху донизу, с высоких ступенек была видна огромная толпа лучших фраков, красивых платьев и вообще всего самого красивого и изысканного, лучи солнца заливали часовню и наполняли ее светом», — писал все тот же герцог де Круа. Дофин, невероятно взволнованный, дрожащими руками надел кольцо на палец эрцгерцогини. Церемония окончена, и теперь надо было подписать свадебный контракт. Свою подпись поставил король, затем дофин свою, очень скромную. Подошла очередь дофины, которая неловко подписала контракт и в конце поставила жирную кляксу.

В два часа, пока гости отдыхали, дофина принимала в апартаментах клятвы верности от своих придворных. Герцог

д'Омон, первый советник короля, принес ей «свадебную корзину», очень изысканную, наполненную драгоценностями, украшениями, статуэтками, шкатулками и другими весьма дорогими предметами, которые предназначались для вручения различным высокопоставленным особам. Затем надо было присутствовать на приеме послов, до тех пор пока не начнется королевская игра в Зеркальной галерее, сверкающей от яркого освещения.

Все с нетерпением ожидали представления в парке — водной феерии и фейерверка, но неожиданно началась гроза, разрушившая все праздничные приготовления. Разочарование молодой принцессы, всех гостей, а также простых горожан, которым было разрешено прийти в парк при условии, что они будут достойно выглядеть, было просто неописуемо! Однако было решено перенести представление на послезавтра, если будет хорошая погода.

День свадьбы окончился грандиозным пиршеством в десять часов вечера, которое состоялось в новом зале Оперы, оформление которого было только что завершено Габриелем. Дофина и дофину, усталых и обессиленных долгим пиршеством, проводили в супружескую спальню, где они в античной обстановке должны были провести первую брачную ночь. Архиепископ Реймсский благословил семейное ложе, король торжественно передал дофину ночную рубашку, а герцогиня де Шартр, самая старшая из замужних принцесс, подала дофине ее пеньюар. Дофин выказывал несколько скучающий вид, тогда как Мария-Антуанетта была, как всегда грациозна и приветлива. После соответствующих приготовлений их препроводили в спальню на глазах у всего двора. Король шепнул на ухо своему внуку игривое напутствие и задернул портьеры. Однако придворные не покидали спальни, так как занавес должен был снова открыться перед толпой любопытной знати, чтобы показать наследника Бурбонов действительно делящего ложе с дочерью Цезаря. Итак, портьеры были снова раздвинуты и только после этой процедуры Людовика-Августа и Марию-Антуанетту оставили наедине.

Празднества должны были продолжаться еще несколько дней. Весь следующий день был посвящен представлению новой дофины. Вечер прошел, как обычно, очень скучно, все делали вид, что наслаждались «Персеем» в исполнении Кино и Люлли. 18-го молодые могли, наконец, отдохнуть, что означало для дофина охоту на заре, а для дофины — беседы с мадам де Ноай. Вечер 19-го числа должен был стать апофеозом всех торжеств, посвященных свадьбе. В тот день новобрачные давали открытый бал в зале Оперы, в садах готовился фейерверк, тот, что не

состоялся в день свадьбы. Посреди всеобщего веселья тем вечером разразился скандал, по сути, из-за Марии-Антуанетты. Напомнив о родстве с дофиной, дочерью Франциска Лотарингского, принцессы Лотарингские попросили позволить им танцевать сразу после принцесс Франции, перед герцогинями. Людовик XV уступил их просьбам, нанеся ущерб, в некотором роде, французской знати. После этого многие придворные дамы демонстративно покинули бал, где посмели ущемить их права по прихоти какой-то маленькой Австриячки.

Дофин и дофина не обратили внимания на дворцовый бунт, впрочем, как и сам король. Людовик XV был так рад этой свадьбе. Может быть, даже больше, чем его угрюмый внук. Что касается дофины, она развлекалась от души. Ей не составило труда одержать победу над всеми придворными дамами, а теперь тетушки сопровождали ее в Париж, смотреть фейерверк на площади Людовика XV (ныне площадь Согласия) в честь новобрачных. Мария-Антуанетта в первый раз едет в Париж. Мысль об этом переполняла ее радостью. Однако по дороге в столицу ей стало не до веселья, когда при въезде в Королевскую аллею раздались глухие крики. Эскорту пришлось свернуть с дороги. На площади Людовика XV только что произошла трагедия. Огромная толпа людей, с нетерпением ожидавшая приезда дофины, докатилась до бульваров, образовав пробку на темной Королевской улице. В ужасной толчее погибло 132 человека, они были раздавлены и затоптаны. Так закончились свадебные торжества.

Глава 2. ДОФИНА

Молодые были совершенно утомлены праздниками, устроенными в их честь. Мария-Антуанетта тем не менее оставила об этих днях добрые воспоминания. Непосредственностью подростка и прекрасными голубыми глазами она очаровывала всех вокруг. Однако горделивая осанка и уверенность в себе позволяли увидеть в ней величественную женщину, которой она обещала быть. Она, казалось, была создана для того, чтобы править в Версале, и королю это страх как нравилось. Но каким же скучным супругом наделили ее интересы государства, эту маленькую жизнерадостную малютку принцессу! У них никак не получалось сблизиться, в дни празднеств и приемов их ни на минуту не оставляли один на один. Мария-Антуанетта тайком наблюдала за своим супругом и видела, что он избегает ее.

Вечером они, наконец, оставались вдвоем — они встречались в постели. Но и там ничего не происходило. Король, принцы, принцессы, послы и весь двор с нетерпением ждали новость, которая обычно является своеобразным итогом брачной ночи. Но с момента их первой встречи в Компьенском лесу, дофин не проявил «ни малейшего знака внимания ни на публике, ни наедине». Австрийский посол, доверенное лицо императрицы, добавил в отчете, что, «к счастью, безразличный п себе на уме вид принца не внушал принцессе уважения, и, безусловно, по воле случая ее поведение в этом вопросе могло быть продиктовано ей опытом и ловкостью, которые совершенно не свойственны ее возрасту».

Дикость сия повергала в шок весь французский двор настолько, что Шуазель посчитал нужным поделиться своими опасениями с королем. Не скрывая опасения, министр без обиняков сказал королю, что наследник трона «скоро превратится в позор нации», если не изменит своего настроения. Шуазелю скрытно противостоял гувернер принца герцог ла Вогийон. Этот лицемер, для которого благородство и ум всегда представлялись большим недостатком, размышлял о своем прежнем ученике с возрастающим беспокойством. Ему хотелось управлять делами дофина и извести эрцгерцогиню, которую ненавидел. Иезуитскими нравоучениями, которые у него получались довольно ловко, он совершенно парализовал и без того тихую и скромную натуру принца, который после этого вообще не хотел иметь дел с женщинами. При своей жене дофин становился самым растерянным человеком в королевстве. Быстро разгадав

игру ла Вогийона, Мария-Антуанетта с трудом подавила ненависть, которую он в ней вызывал, и поклялась разрушить его влияние на дофина.

Пламенная речь Шуазеля не смутила Людовика XV, впрочем, как и все происходящее. Его родной сын совершил свой супружеский долг лишь после нескольких месяцев бесплодных попыток. Молодым надо дать время, чтобы они лучше узнали друг друга. «Этого не произошло, но всему свое время, и я надеюсь, что все вскоре уладится. Мой внук не силен в любви, но ведь он очень любит охоту», — писал король инфанту Пармскому. Действительно, пока дофина еще крепко спала, ее муж, поднявшись на заре, уже охотился. «Прошло не так уж много времени, чтобы оставлять жену», — шептались в кулуарах. Принцесса же оставалась у себя в апартаментах в компании мадам де Ноай, которая продолжала уныло обучать ее истинно французской святыне — правилам этикета. Сорокалетняя женщина, не очень привлекательная, посредственного ума, лишенная всякого воображения, однако с безупречной репутацией и прекрасно воспитанная, мадам де Ноай была назначена королем наставницей дофины, в ее задачу входило помочь принцессе привыкнуть к новой жизни. Преданная маленькой принцессе, в которой она видела будущую королеву, мадам де Ноай смирилась с игривым и легкомысленным отношением принцессы ко всему, но все же немного раздражала дофину, которая тайком посмеивалась над ней и прозвала «мадам Этикет».

Получив от Марии-Терезии распоряжение быть духовником эрцгерцогини, аббат Вермон постоянно находился подле нее, и она, в свою очередь, была очень привязана к нему. Он был единственным человеком, кого дофина хорошо знала и кому могла довериться, так как императрица считала его близким другом семьи. «Когда сегодня утром я был у мадам дофины, вошел ее супруг. Дофин спросил ее: „Вы спали?“ — „Да“. И он ушел… Дофина поиграла немного с щенком, а затем мы долго беседовали. Я был очень опечален нашей беседой», — записал аббат на следующий день после свадьбы. «Единственное настоящее счастье в этом мире — удачный брак, — так писала императрица дочери. — Все зависит от женщины, от ее доброты и мягкости». Покорно и одновременно легко дофина старалась выполнять клятву, данную под венцом.

Мария-Терезия, несмотря ни на что, продолжала управлять своей дочерью и желала знать все о ее жизни. Она поручила своему послу графу Флоримону де Мерси следить за Марией-Антуанеттой, быть ее наперсником. Кроме того, он должен был

давать подробнейшие отчеты императрице о каждом поступке дофины.

Итак, без ведома двора и особенно дофины между императрицей и ее доверенным лицом во Франции установилась доверительная переписка, разумеется, помимо официальной. Не вдаваясь в тончайшие подробности, которые он передавал Марии-Терезии, Мерси не скрывал от канцлера Кауница существования переписки. «С сегодняшним курьером я передаю обширный рапорт о совершенно незначительных событиях, связанных с дофиной, — писал он 20 октября 1770 года. — Было бы гораздо проще давать немногословные отчеты, но Ее Величество требует мельчайших подробностей, и я заметил, что чем длиннее доклад, тем лучше». Со своей стороны, Кауниц радовался той роли, которая была предоставлена Мерси: «Я хочу, чтобы мадам дофина […] решилась смотреть на все вашими глазами». Через Мерси-посредника австрийский канцлер и императрица надеялись влиять на принцессу, дабы заставить ее в случае необходимости защищать их политику.

Надежды, которые они возложили на Мерси, оказались ненапрасными: он сумел наладить все каналы для своей системы информации. Само собой, Мерси мог свободно говорить с Марией-Антуанеттой. Однако он понимал, что его присутствие не должно привлекать внимания и тем более вызывать подозрения. Имел ли он союзника и помощника в лице аббата Вермона? Мерси договорился с аббатом — все, что принцесса будет доверять своему духовнику будет известно и ему. Однако это было еще не все. Он успешно выискивал интересующую его информацию в долгих разговорах с мадам де Ноай; и естественно, как и все послы, подкупал служанок дофины и ее супруга, так что ничего даже из личной жизни наследников не могло ускользнуть от Мерси.

Верный своему делу и императрице, Мерси недолюбливал короля, двор и вообще Францию. Он не скрывал своего презрительного отношения к престарелому Людовику XV, занятому больше собой и своими удовольствиями, нежели государственными делами. Думая о том, что вскоре король уже не сможет решать государственные дела, он представлял будущее этой страны в темных красках. В прошлом году он предсказал «упадок монархии, которая сможет подняться лишь при сильном монархе, силой своей воли извлекшем страну из того хаоса, в каком она сейчас пребывает». Мерси видел, насколько нынешний наследник не соответствует этим требованиям! Вряд ли такие перспективы могли обрадовать власти предержащие. Итак, надо было подготовить Марию-Антуанетту к той роли, которую ей

придется исполнять.

Наивная и откровенная, дофина с радостью принимала Мерси. Он один мог говорить с ней от имени ее матери. Это был худощавый, высокий мужчина сорока трех лет, всегда элегантный и спокойный, он знал, как завоевать дружбу и доверие принцессы, несмотря на сдержанность и высокомерие, с которым дофина иногда отвечала ему. Однако за надменностью на самом деле скрывалось желание нежной дружбы и привязанности. Дофина и посол ничего не скрывали друг от друга. Она была слишком молодой, слишком наивной, слишком неискушенной, чтобы стесняться его, и видела в нем скорее отца и друга. Без особого труда Мерси стал ее личным советником.

Не понимая смысла всех дворцовых интриг, она полностью полагалась на прозорливость министра своей матери, который помогал ей выбрать правильную позицию в любых ситуациях.

«Маленькая принцесса, которую я встретил здесь в первые минуты, когда для нее все было новым и необычным […], покорила меня своим доверием, а мои знания, опыт, моя преданность ей покорили ее», — писал он позднее Марии-Терезии.

Будучи наставником принцессы, Мерси постоянно давал ей необходимые советы, он обязан был научить ее мыслить, оценивать людей и ситуацию, как того желали в Вене, мыслить именно так, а не иначе. И прежде всего было необходимо, чтобы она сумела подчинить своего нескладного мужа, чтобы полностью распоряжаться им, когда он, наконец, станет королем Франции.

Не представляя себя вне игры, Мария-Антуанетта довольно быстро привыкла к новой жизни и освоилась в королевской семье. Еще в Вене императрица рассказывала дочери, что интриги при дворе в Версале более тонкие и страшные, чем при австрийском дворе.

«Здесь всего лишь ребячество и ревность из ничего, однако там все гораздо опаснее», — писала она в своих «Правилах» для эрцгерцогини. Все, что могло казаться призрачным и туманным в ее глазах, быстро озарялось невероятным светом. Так, например, приветливый и милый король, «такой добрый к ней и ею нежно любимый», вовсе не был так уж идеален. Ее новые тетушки с большой радостью объясняли ей, какую роль при дворе играет блистательная мадам Дюбарри, которую дофина во время обеда накануне свадьбы нашла просто очаровательной. Не умолчав о происхождении этой женщины, перезревшие принцессы, обреченные на вечное целомудрие, внушили маленькой принцессе презрение к королевской любовнице.

«Слабость, которую он испытывает к мадам Дюбарри,

достойна жалости, она глупейшее и пренеприятнейшее создание, которое только можно себе представить», — писала она матери 9 июля. Те же разговоры тетушки вели и с дофином. Скорее всего, именно после обработки неугомонными девицами, Мария-Антуанетта решила откровенно пренебрегать фавориткой. Что касается дофина, он незамедлительно отказался от охоты в Сен-Гюбере, куда король его давно приглашал.

Людовик XV, еще не заметивший молчаливого противостояния своих внуков, «продолжал быть добрым и любезным с дофиной. Она была милой с ним, все это выглядело довольно трогательно», — отмечал Мерси. Король так оценивал внучку: «Живая, но еще совсем дитя», и добавлял: «Они все такие в ее возрасте». Дофина действительно была еще ребенком. Опьяневшая от относительной свободы замужней женщины, она мечтала жить в свое удовольствие. Никакие серьезные занятия не привлекали ее.

Мерси был очень обеспокоен этим, более того, должность аббата Вермона была под угрозой. Аббат не мог исполнять свои функции воспитателя и духовника, поскольку дофина вообще отказывалась читать, герцог де ла Вогийон же пытался всячески избавиться от посланника Шуазеля, которого подозревал в шпионаже.

Со всем тактом Мерси вмешивался в обязанности мадам де Ноай и осторожно бранил принцессу, которая взялась за чтение лишь раз после своего приезда, и то под угрозой потерять его доверие. Она притворялась, что это интересует ее. Однако надолго привлечь ее внимание книгами было невозможно. Она предпочитала играть с собаками и маленьким внуком своей служанки. «Девочка всегда любила проводить время с детьми», — отвечала Мария-Терезия Мерси, который удивлялся такому увлечению. Без какого-либо кокетства она «с одинаковым интересом» относилась и к званым обедам и к игре у короля, где, удобно устроившись в кресле, откровенно хохотала за своим веером над теми, кого находила глупыми. Двор начал шушукаться. Дофина стремительно приобретала врагов. И Мерси должен был встать на ее защиту. «При столь шумном дворе сначала легко завоевать поддержку и одобрение, но трудно удержать их», — постоянно твердил он.

Близость в королевской семье проявлялась, когда все ее члены выезжали в небольшие замки Марли, Шуази, Бельвью, где оставались на несколько дней. Двор находился там с 18 по 28 августа. Во время недолгого пребывания в королевских резиденциях лед в отношениях между супругами начал постепенно таять. Мария-Антуанетта была очень весела и любезна

с Людовиком-Августом, который, в свою очередь, начал хотя бы разговаривать с ней. Он даже признался мадам Аделаиде в том, «что находит свою супругу очень милой, ему нравится склад ее ума, и он очень доволен ею».

Прекрасно понимая, что. его внук «из ряда вон скромный и робкий» и «не такой, как все обыкновенные мужчины», король все же надеялся, что брак вскоре перестанет быть только платоническим. В Шуази впервые дофин и дофина смогли, наконец, объясниться, как положено, и побыть наедине. Людовик, смущаясь, признался Марии-Антуанетте в том, что «он не знал ничего, что касается брака и семьи; ведь с самого начала их брак был всего лишь договором, которого он хотел избежать; а теперь пришло, наконец, время, и он желает жить с дофиной в близости, которая поддержала бы их союз».

Итак, дофин преодолел свою робость. Воодушевленная такой прекрасной речью, его жена ответила: «Поскольку мы должны жить вместе, в близости и гармонии, нам следует поговорить со всей откровенностью». Последовал диалог, и они совершенно естественно перешли к теме мадам Дюбарри. Дофин доверился и открыл сердце той, что стала ему совсем близкой. Какое невероятное облегчение! Сбросят ли они теперь маски друг перед другом? Принц шепнул дофине, что видел и понимал все, но никогда не позволял себе высказываться вслух насчет этой персоны. Оба супруга видели, что у них одинаковое мнение о своих родственниках. Однако Мария-Антуанетта чуть не испортила все, когда заметила, что, весьма досадно, из-за личных интриг король был вовлечен в связи, которые повлекли за собой столько недоразумений при дворе и только для того, чтобы устранить герцога де Шуазеля. Произнеся имя министра, инициатора их свадьбы и защитника брачного союза, Мария-Антуанетта задела мужа за живое. Он унаследовал от своего отца, и об этом знали все, чувство неприязни к Шуазелю. Испытывая антипатию, граничащую с ненавистью, он тем не менее сумел достойно ответить своей жене, «что она просто не знает всего совершенного Шуазелем, чтобы занять тот пост, который он занимает и по сей день». И если вспомнить протекцию мадам Помпадур… Очень ловко Мария-Антуанетта избежала спора по этому поводу, и разговор на этом закончился.

Уже на следующий день она сообщила императрице о долгожданном сдвиге в отношениях с дофином. «Для моего дорогого мужа многое изменилось к лучшему, — радостно пишет она. — Он проявляет ко мне симпатию и, кроме того, доверяет мне». Мерси, словно заглядывая в будущее, сказал: «Несомненно, ей удастся подчинить себе мужа». О чем и написал Марии-

Терезии. Однако та не слишком обрадовалась. Здоровье дофина, которое, несомненно, грозило туберкулезом, серьезно огорчало ее. «Я боюсь, он не проживет долго», — ответит она достаточно холодно 1 августа. Мария-Терезия, очевидно, меньше всего думала о счастье или несчастье своей дочери, ее интересовала лишь судьба альянса…

30 июля дофин и дофина прибыли в Компьеи, два дня спустя молодой принц стал жертвой серьезного недомогания. Мария-Антуанетта сама ухаживала за мужем, что очень тронуло последнего. Супруги являли собой картину если уж не счастья, то хотя бы доброго согласия. Принцесса откровенно заигрывала с мужем, за ужином не позволяла ему есть сладости, которые он просто обожал, но они были причиной несварения желудка. Он разгадал эти маленькие хитрости, к которым она прибегала, чтобы привлечь его внимание.

Мария-Антуанетта целиком и полностью внимала советам и внушениям своей матери. Она не оставляла заботой и короля. Принцесса подчеркнуто исповедовала его веру, старалась читать по часу, реже два часа ежедневно, пела, играла на клавесине, сопровождала его на охоте, следуя за ним в коляске. По вечерам играла с ним в игру, которая была очень похожа на лото и ужасно ей не нравилась. Она старалась придерживать язычок в присутствии придворных. И если бы больше следила за своими манерами и носила «китовый панцирь», то есть корсет, как ее учила мать, она была бы образцовой принцессой.

Во время пребывания в Компьене долгожданных изменений в жизни супругов все же не произошло. По всей вероятности, дофину нравилась компания своей супруги. Он казался даже ласковым с ней, но и после болезни, которую перенес во время поездки, так и не переселился в спальню к жене. Как если бы болезнь была спровоцирована неизбежным актом, который он должен был совершить. При дворе тихо ползли слухи. Мария-Антуанетта и Людовик это знали. «Ваш кузен охотится вместе со мной, когда может и располагает лошадьми. Остальное не так хороню, как хотелось бы, но больше не напоминаю и, может быть, это произойдет быстрее, если перестать думать об этом», — писал король другому своему внуку, инфанту Пармскому.

Удивленная и, быть может, втайне утешенная таким отношением мужа, Мария-Антуанетта тщательно скрывала истинное положение вещей. Она «с большой нежностью» говорила о своем муже Мерси, о том, «что очень довольна дофином […], у него очень добрая душа, он лучший из детей короля и у него прекрасный характер». По это вовсе не доказывало настоящей привязанности. Тон был скорее снисходительным. В принце,

разумеется, не было ничего, что могло бы пробудить желание в молодой девушке. Сильная закомплексованность и отсутствие опыта, естественно, заставляли его избегать сближения с принцессой, и она инстинктивно вторила ему. Таким образом, он боялся ее, а она — его. И потом, отказ от привычного, последовавший на момент ее приезда во Францию, вылился в душевный тайный протест, жертвой которого стала она сама. В довершение ко всему, бестактность придворных, неуместные наставления тетушек, которые к тому же были совершенно не опытны в этом вопросе, и негласное присутствие Марии-Терезии, с которой нужно было держать ушки на макушке и постоянно давать ей отчет. Императрица жила только ради дочери, так считала Мария-Антуанетта.

Сомневаясь в себе и в своих мыслях, она, не прекращая, спрашивала Мерси, так ли уж необходимо вести себя, как того желает ее мать. Чтобы потрафить матери, она должна спать с мужем и «удвоить свою нежность» к нему. Но так как дофин всячески избегал супружеской спальни, совесть ее была чиста. Однако ничуть не привлекательный супруг и тот факт, что он не замечает ее, все же не могли не ранить ее самолюбия.

Мерси пытался убедить императрицу, повторяя ей то, что говорил королевский хирург ла Мартиньер: «Запоздалое развитие дофина никак не проявляет себя […], в его конституции нет ничего, что могло бы противостоять приобретению хорошего и крепкого здоровья, лишь бы только он щадил себя в этих упражнениях, которые могут пагубно сказаться на его здоровье». Обессиленный от охоты, дофин входил во дворец чуть живой от усталости, к большому сожалению своей супруги, которой оставалось только жаловаться тетушкам.

Влияние тетушек на молодых возрастало день ото дня. Обманутая и разочаровавшаяся в своих желаниях и амбициях мадам Аделаида полностью подчинила себе своих сестер Викторию и Софи, которые безропотно повиновались ей. Испытывая нежные чувства к дофину, Аделаида больше всего любила давать ему советы. Несмотря на ее неприятие свадьбы с эрцгерцогиней, она неплохо относилась к Марии-Антуанетте и, казалось, была даже привязана к ней. Однако внешняя дружба была насквозь пропитана ревностью и злостью: несносная девчонка, приехавшая из Вены, по ее мнению, дурно воспитана и, кроме того, ведет себя как королева, забрав всю власть в свои руки.

Аделаида, как, впрочем, и герцог де Круа, по большому счету терпеть не могли «Австриячку» и даже строили планы против нее. Пользуясь отсутствием опыта у дофина и ленью дофины, что она

считала несомненным изъяном в характере, Аделаида надеялась взять над ними опекунство и тем самым захватить власть. «Принцессы так искренни и целомудренны; это настоящее счастье для вас; и я надеюсь, вы завоюете их дружбу», — говорила Мария-Терезия дочери еще до свадьбы. Слушая мать, дофина следовала ее наставлениям. Лишенная материнского тепла, она полностью отдалась во власть своих новых тетушек. Она без всякого внутреннего сопротивления поддалась их власти: сколько доверия видела она в их невинных глазах, сколько лживой добродетели. Само собой, тетушки не терпели вокруг себя никаких скандалов, но зато сами не пропускали ни одной придворной интриги и им принадлежало авторство наиболее грязных. Мария-Антуанетта этого не знала; она даже не догадывалась, что именно Аделаида окрестила ее Австриячкой. Дофина получила ключи от апартаментов тетушек и проводила с ними долгие часы. Она открывала им самые потаенные уголки своей души, куда не впускала никого. С подозрительным сочувствием дочери Людовика XV слушали о том, что происходило за занавесом алькова.

18 сентября Мария-Антуанетта примчалась к ним и выпалила, что ее супруг пообещал послезавтра посетить ее спальню. Все произошло в присутствии надменной госпожи де Нарбон, фрейлины мадам Аделаиды. Через несколько часов весь Версаль был осведомлен о намерениях молодого принца. Возможно, он сам и не узнал бы о том, что стал героем дня, если бы мадам Аделаида не захотела сделать ему «наставления». Он так испугался, что попросту забыл о своем обещании дофине. Три недели спустя принц снова решился посетить спальню своей жены, которая опять же поспешила сообщить радостную новость тетушкам. На этот раз все повторилось точь-в-точь. К счастью, решил вмешаться Мерси. Он объяснил принцессе, что не стоит кричать всем и вся об отношениях со своим супругом. Вынужденная все рассказать послу, Мария-Антуанетта призналась: «Было очень неосторожно довериться в этом вопросе мадам де Нарбон. Но разве могла я подумать, что дамы окажутся настолько болтливыми и бесцеремонными, что станут публично рассказывать такие личные вещи?». Она ни на минуту не могла себе представить, что ее тетушки настолько неделикатны. Тем не менее дофина продолжала общаться с ними и внимать их советам.

«Эти дамы благодаря своему воспитанию весьма скромны и лишены всего, что могло бы понравиться, но они очень хотят, чтобы мадам дофина во всем была похожа на них самих», — с огорчением отмечал Мерси. В разговоре с ними Мария-

Антуанетта жалуется, что ей приходится присутствовать на всех приемах при дворе, как того требует этикет. Какая находка для принцесс! Якобы сочувствуя ее лени, они предлагают заменить ее, хотя это и противоречит этикету, который гласит, что при отсутствии королевы все ее обязанности выполняет дофина. Тетушки празднуют победу, тогда как дофина думает, что избавилась от тяжкой обязанности. Они не упускают момента бросить тень на молодую принцессу. Так, когда дофина узнает, что Парижское и Лангедокское представительства вскоре приедут, чтобы выказать свое почтение королевской семье, она спрашивает тетушек, как ей следует ответить. Они, оказавшись в пикантной ситуации, не нашли подобающего совета. При всем хорошем отношении к Марии-Антуанетте дамы не смогли выдавить из себя ни единого словечка. Однако аббат Вермон, как всегда, начеку. С его помощью она подготовила очаровательную ответную речь, которая очень поправилась представителям Парижа и Лангедока. Тем не менее, по словам тетушек, принцесса выглядела как избалованный, капризный и скучающий ребенок.

В Версале, куда двор вернулся 31 августа, дни снова потекли медленно и обычный распорядок снова воцарился в жизни дофины. «Встаю в десять, иногда в девять часов, одевшись, я читаю утреннюю молитву, затем завтракаю и иду к тетушкам, где обычно встречаюсь с королем, — писала Мария-Антуанетта своей матери. Это длится до половины одиннадцатого; в одиннадцать ко мне приходит парикмахер. В полдень иду к себе, и все, кто хочет, могут войти туда. Я привожу себя в порядок, умываюсь перед этими людьми, затем мужчины выходят, а женщины остаются, и я одеваюсь при них. В полдень месса. Если король в Версале, я иду с ним, моим мужем и тетушками к мессе; если его нет, иду вместе с дофином, и всегда в одно и то же время. После мессы мы обедаем вдвоем перед всеми придворными, но это длится лишь до половины второго, так как мы оба едим очень быстро. Потом я иду к дофину или, если у него много дел, возвращаюсь к себе: читаю, пишу или вышиваю жилет для короля. Работа движется очень медленно, однако я надеюсь, что, с божьей помощью, через несколько лет ее закончу. В три часа снова иду к тетушкам, король также приходит туда в это время. В четыре часа ко мне приходит аббат, в пять у меня учитель по клавесину или пению, до шести часов, в полседьмого я почти всегда у тетушек или же на прогулке. Надо отметить, что мой супруг почти всегда вместе со мной у тетушек. С семи до девяти мы играем, но если на улице хорошая погода, я предпочитаю прогуляться и тогда играют не у меня, а у тетушек. В девять мы ужинаем, если короля нет, то на нашей половине, а если король в Версале, идем к

тетушкам и ждем короля, который обычно приходит без четверти одиннадцать. Ожидая короля, я обычно устраиваюсь на канапе и дремлю до его прихода. Если его нет в Версале, мы идем спать в одиннадцать. Вот весь наш день».

Парижский двор готовился к последнему в этом году путешествию: поездке в Фонтенбло, где придворные должны были остаться до 20 ноября. Мария-Антуанетта, которая уже начала скучать в Версале, была очень рада увидеть замок, о нем она совсем ничего не знала, тем более что Людовик XV переоборудовал его каких-нибудь двадцать лет назад. Апартаменты королевы и короля были отданы дофине.

Перестроенный и модернизированный в 1747 году для Марии Лещинской, этот замок был более приветливым, чем Версаль — просторные залы в античном стиле, кабинеты, гардеробы, светлые антресоли, изысканная мебель. Марии-Антуанетте сразу же понравилась эта королевская резиденция с богатым прошлым. Она, которая не проявляла особого интереса к архитектуре, попросила рассказать ей о каждой детали этих огромных и древних зданий замка. Наконец, сам Фонтенбло ей понравился гораздо больше, чем Версаль, и она начала с того, что обошла все парки один за другим, вспоминая свои прогулки на ослике в те времена, когда только мечтала о настоящей верховой езде. Принцесса ездила верхом три-четыре раза в неделю на резвом коне, который был слишком спокойный, по ее мнению. Эти прогулки проходили в сопровождении ее фрейлин, которые были гораздо старше, и им было все слишком утомительно. Но это не интересует молодую принцессу, которая с восторгом открывает для себя скалы, леса, равнины посреди золотой осени! Кое-как придворные дамы поспевали за дофиной, с трудом переводя дыхание, однако не смея противостоять маленькой Австриячке, которая, казалось, сливалась с природой.

Австриячкой ее продолжали называть при дворе, однако Мария-Антуанетта все меньше и меньше была ею. Теперь она говорила по-французски с большей уверенностью, «с большей живостью и с меньшим вниманием», докладывал Вермон своему союзнику Мерси. И когда ей случалось произносить фразы, «не слишком французские, это происходило просто из-за торопливости и несобранности, однако они были всегда грамматически верны». С лучшим наставником — языком чтение становилось не таким скучным для принцессы, которая прерывала аббата после трех-четырех страниц, чтобы поболтать с ним. Вермон пользовался этой непринужденной беседой, чтобы исправлять ее ошибки. Он не диктовал ей больше писем, лишь перечитывал их. Она писала матери своим крупным и неловким

почерком деловые письма, где не было ни клякс, ни помарок, орфография же оставляла желать лучшего. Но в этом Мария-Антуанетта мало отличалась от молодой женщины своего времени, будь она даже королевой. И многие светские мужчины были не более ловки и умелы с пером и бумагой. Вермон тем не менее старался исправить все, что могло выглядеть как невоспитанность. Он хотел, чтобы она оценила «Письма старика молодому принцу» графа Тессе, знаменитого шведского дипломата, великого почитателя французской культуры XVII века, гувернера Гюстава III. Читая эту книгу, дофина скучала меньше, чем за чтением «Поучительных пустяков» аббата Койе, описывающего, по словам Вермона, «нравы, обычаи и особенности французов живым и интересным языком».

Ни граф Тессе, ни аббат Койе не интересовали Марию-Антуапетту. Она думала лишь о том, как испросить у короля разрешение для верховой езды. Дофину нравилась эта страсть, но Мерси и мадам де Ноай очень переживали по этому поводу. Если дофине удастся уговорить короля, никто уже не сможет противостоять этой страсти, даже ее строгая мать! Ну так надо было действовать осторожно, тайком от наставников. При помощи ловкой лести ей удалось убедить мадам Аделаиду поговорить о ней с отцом. Король вначале сопротивлялся, но потом все же уступил.

Дофина не могла скрыть своей радости. Сидя в мужском седле, а не в седле амазонки, она стала брать уроки верховой езды лошадь держали на корде. Счастливая, что обошла Мерси, она призналась герцогине де Шельн, «что еп любопытно посмотреть, как он отреагирует на эту новость». Посол действительно разозлился, поняв уловку принцессы, ясно представил себе поток упреков, который обрушит на него императрица, а потому не пришел в тот день к дофине. «Я вас не видела, хотя все, кто только не приходил вчера, говорили мне очень лестные комплименты», промурлыкала она ему на следующий день. Тогда Мерси объяснил ей вред от этого занятия. Упершись на своем, она ответила, что хочет ездить верхом для того, чтобы нравиться своему мужу, Дипломат предпочел сражаться более тонко и написал Марии-Терезии длинный доклад. «Лишь при этом дворе может быть позволена такая глупость», — писал он. Еще более непредсказуемая, чем Людовик XV, она дала согласие на эти занятия; императрица попросту смешала свои упреки и наставления с необыкновенной нежностью к дочери.

Ни единого упрека не обрушилось на Марию-Антуанетту, которая только что одержала свою первую победу. Она

становилась независимой. И тут начала замечать, что придворная молодежь с одобрением смотрит на нее, ту, которая олицетворяла собой веселое будущее французского двора. Впервые принцесса увидела это, и они стали для нее явлением реального, настоящего мира, для нее, обреченной жить в строгих рамках интересов государства, ограниченных Этикетом. Ей хотелось сблизиться с молодежью, которая неудержимо влекла ее к себе. Она заимела привычку припрятывать холодное мясо и напитки в карете, которая везла ее на королевскую охоту. Там в веселой компании ели, шутили, смеялись, это было единственное общество, которое было ей по нутру.

Графиня де Ноай и другие фрейлины не участвовали в забавных вечеринках, из которых скучный протокол был навсегда изгнан и заменен на веселье и счастье. Мерси был этим просто шокирован, отмечая, «что там нет вообще никакого уважения и почтительного отношения, которое должно иметь место в присутствии молодой принцессы». Дотошный наставник взял на себя смелость напомнить дофине., насколько ее компрометирует фамильярность, с которой некоторые желают к ней приблизиться. Мария-Антуанетта послушно внимала наставлениям посла, но думала, что отныне будет развлекаться на свой лад.

Занятая своими удовольствиями, Мария-Антуанетта не видела, как угасала звезда Шуазеля. Карьера министра была на гране краха, и принцесса стала надеждой тех, кто противопоставлял себя всемогущей королевской фаворитке. Политика не интересовала дофину, которая с трудом находила в себе силы и внимание прочитать хотя бы три страницы в день. Она знала лишь то, что Шуазель устроил ее свадьбу с дофином и он был тем министром, который создал альянс, залогом чего являлась сама Мария-Антуанетта, и его следует поддерживать. Это советовала ей Мария-Терезия, и потому хорошо запомнилось. Впрочем, она прекрасно понимала, что ее муж ненавидит этого человека, который слишком ненавидел, в свою очередь, его отца. Она даже слышала, как злые языки обвиняли Шуазеля в попытке отравить короля. Лживые слухи были, без сомнения, пущены дофином, и Мария-Антуанетта еще не оцепила в полной мере, насколько могут быть опасны чувства ее супруга для Шуазеля. Для дофины вся политика ограничивалась дворцовыми интригами. Она не могла понять, что Шуазель и те, кто его поддерживали, защищали концепцию конституционной монархии, то есть монархии в союзе с парламентом, и что сторонники герцога д'Эгийона и канцлера Мопу ратовали за усиление абсолютизма. Для внешней политики первые защищали политику альянса 1755-го, а вторые ее отрицали. Чтобы суметь

распознать эти тенденции, достаточно было тех знаний, которые ей тщетно пытались дать. Она видела лишь то, что Шуазель заискивает перед ней и неистощим на похвалы в ее адрес. Кроме того, она прекрасно понимала, что клан этих «богомолов», душой которого был л а Вогнйон, ее личный враг, вертелся вокруг мадам Дюбарри. Тот факт, что ратующие в защиту добродетели и религии покровительствуют королевской любовнице, так же как их моральные нравоучения, ранили ее самолюбие.

Несмотря на все это, великая жрица королевской любви н дофина, еще девственница, стали символами борьбы, которая проходила вдали от их прекрасных головок. Принимая сторону мадам Дюбарри, желали добиться от короля отставки Шуазеля и изменения курса политики; те, кто принимал сторону Марии-Антуанетты, видели в ней будущую королеву, которая будет поддерживать герцога или того, кто заменит его.

В расцвете своей блистательной красоты, обожаемая королем, мадам Дюбарри была некоронованной королевой Версаля. Впервые в своей жизни она испытывала то редкое упоение, которое дает власть. Горделивая знать, которая презирала ее, теперь обязана была не только любить ее, но и преклоняться перед ней, как перед королевой. Еще более она желала, чтобы королевская семья так же относилась к ней. Если бы она смирилась с отношением принцесс и умеренной враждебностью дофина, то могла бы надеяться на большее понимание дофины. Однако она плохо знала юную принцессу, которая решила игнорировать выскочку из королевской спальни. Тетушкам, которые откровенно ненавидели фаворитку короля, очень нравилось то презрение, которое испытывала к ней дофина. До сих пор дофина и мадам Дюбарри вели скрытую войну. Мадам Дюбарри воспринимала презрение дофины как оскорбление, и отцовская нежность ее престарелого любовника к этой «рыжей бестии» приводила ее прямо-таки в бешенство. Король же, который очень не любил семейных ссор, притворялся, что ничего не замечает.

После поездки в Шуази ссора между графиней де Граммон и мадам Дюбарри вынудила дофину выступить против любовницы своего деда. Вечером в театре давали комедию. Фаворитка, в сопровождении герцогини де Мирепуа и герцогини де Валантинуа, вошла в небольшой зрительный зал, когда первые ряды были уже заняты. Придворные дамы отказались уступить ей свои места. Фаворитка и графиня де Граммон, сторонница Шуазеля из свиты Марии-Антуанетты, обменялись несколькими оскорблениями. На следующий день поступил королевский указ о высылке графини де Граммон за пятнадцать лье от Версаля.

Сторонники Шуазеля в полной растерянности пытались поправить положение, прибегнув к помощи дофины. Мерси, который хотел избежать нежелательных конфликтов между королем и дофиной, успокоил, как мог, Марию-Антуанетту в ее антидюбарристских настроениях. Принцесса прислушалась к его советам и в разговоре с королем упомянула, насколько она сожалеет об инциденте, в котором замешана ее фрейлина. Кроме того, она укоряет себя, что не смогла предотвратить этот ужасный пассаж. Удовлетворенный тем, что дофина не упоминала настоящую причину своего вмешательства и несмотря на то, что все же речь была слишком натянутой, Людовик XV ответил ей длинно и витиевато и весьма похоже па извинение.

Дело на этом не закончилось. Через некоторое время графиня де Граммон заболела и ее состояние здоровья потребовало возвращения в Париж. И вот она пишет Марии-Антуанетте в надежде, что та уговорит короля вернуть провинившуюся придворную. После обеда Мария-Антуанетта приступила к деду. Так как Людовик XV молчал и казался неумолимым, дофина воскликнула: «Каким огорчением будет для меня, сир, если женщина, которая была так предана мне, умрет в вашей немилости!». Покоренный пылкостью внучки, король улыбнулся и уступил. Тем не менее графиня де Граммон должна была представить заключение врачей, чтобы иметь право вернуться в Париж, но ко двору она принята не будет. Мадам Дюбарри на этот раз одержала верх, но у дофины ненависть только удвоилась.

В то же самое лето Шуазель понял, что его власть сильно ослабла. В Компьене канцлер Мопу и главный наместник Террей пытались оговорить его перед королем. Он же яростно спорил с герцогом Ришелье, который пользовался доверием короля. Ришелье обвинял свою сестру в том, что она пыталась поднять сторонников парламента в Лангедоке и Провансе против королевской власти. В эти тяжелые дни Шуазель целый час провел у дофины, «Я в восторге от молодой принцессы, — говорил он Мерси. — В свои годы я еще ничего подобного не видел […]. Я буду верен ей всегда, и она может всегда рассчитывать на меня», — добавил он. Может быть, очарование дофины действительно так подействовало на этого скептика, но говоря эти слова ее наставнику, министр думал только о своем будущем. Очевидно, он не говорил с дофиной о политике. Думая вместе с ней о тысячах деталей ее новой жизни, ясно показывая их ей и убеждая ее, он хотел предстать перед ней как настоящий провидец. С королем, говорил он, нужны веселость и очарование, с ним нужно говорить откровенно, без всякой тени страха […]. В общении с дофином нужны дружелюбие и такт, доверие и

терпение. Он настаивал на том, «чтобы она не принадлежала ни к одному клану, кроме своего собственного, и старалась не ввязываться в придворные интриги».

Мария-Антуанетта не предчувствовала падения Шуазеля, она считала, что он все еще могуществен. Он постоянно участвовал в Совете, и, казалось, нападки мадам Дюбарри его не волновали, вечерами он, как обычно, принимал участие в королевских играх. Но Мопу втайне готовил ему капкан. Ему удалось убедить Людовика XV в своевременности судебной реформы, чтобы разрушить амбиции сторонников парламента, которые мечтали ограничить королевскую власть. Чувствуя происки канцлера, Шуазель думал, «насколько война могла бы укрепить его министерство». Во всяком случае, так он писал Мерси, Он пытался убедить, что на основании «договора о сотрудничестве» Франция должна помочь Испании защитить острова, захваченные Англией, что означало объявление войны Англии, тогда как французский флот не был готов к внезапной войне, и к тому же против сильной державы. Людовик XV отказался поддержать подобную глупость. И 24 Декабря Шуазель получил указ о ссылке. Приняв слова сочувствия от знатных особ и философов, он отправился в Турен.

Расстроенная этой новостью и находящаяся под давлением Мерси, Мария-Антуанетта сумела скрыть свое разочарование. Лишь несколько горьких слов она позволила себе в присутствии тетушек. Действительно, ничего страшного не случилось. Но из Вены с большой тревогой Мария-Терезия писала своему послу: «Падение Вермона неизбежно, я предвижу это так же, как и падение моей дочери […]. Эта страшная придворная стая погубит мою дочь, они устраняют всех, кто мог бы дать ей совет. Мне кажется, я знаю, какой это страшный удар для моей дочери».

Глава 3. ПОРАЖЕНИЕ ДОФИНЫ

Немилость, в которую впал Шуазель, умело подстроенная Мопу, Террейем, Эгильоном и их друзьями, не очень-то беспокоила дофину, которая считала ее капризом фаворитки. Мария-Антуанетта с головой окунулась в бездну развлечений, беспрестанно меняющихся, которые полностью удовлетворяли ее. Как бы стараясь восполнить недостатки своего внука, старый король баловал маленькую принцессу, и ей это очень нравилось. Тот тон привязанности, который слышался в их общении, не освобождал их от некоторой галантности. Он любил целовать ее маленькие ручки и иногда даже брал ее на колени. Когда Мария-Антуанетта «хотела почувствовать себя слабым ребенком, она забывала наставления тетушек, тогда король был счастлив, как никогда, ни с одним своим ребенком ему не было так весело», — говорил Мерси. Людовику нравилось, что Мария-Антуанетта развлекалась. Зимой она поняла, что в Версале было гораздо больше развлечений, чем в Вене. Она поднималась позже, всегда совершала долгие прогулки верхом, ездила на охоту, иногда она каталась па санях, и эти веселые поездки напоминали ей совсем недавнее прошлое. Вечера были очень насыщены. Каждый понедельник она давала бал. Дамы приходили в белом домино, а мужчины во фраках. Для развлечения дофины два раза в неделю король заказывал комедии. Мадам де Ноай также организовывала балы в своих апартаментах в честь дофины. Мария-Антуанетта впервые пришла туда под руку со своим мужем. «Я надеюсь, вы принимаете у себя супругов, мадам, мы пришли сюда не для того, чтобы принести с собой скуку, а разделить с вами веселье»; — сказал дофин, заходя к фрейлине своей жены. Весь вечер он танцевал и разговаривал со всеми гостями. По всей очевидности, Людовик-Август хорошо усвоил уроки танцев и показал всем свою любезность, которая была ему несвойственна. Казалось, что его подменили. Сам Мерси признал, «что он изменился в свою пользу». Однажды кто-то из придворных дам заметил, «что мадам дофина танцевала бы с улыбкой, даже если бы пол был утыкан иголками», на что дофин ответил: «В ней столько достоинств, что ей без труда удается все очень хорошо; и в конце концов она просто очаровательна». Учитывая приятные изменения в характере дофина, Мерси подумал, что Мария-Антуанетта «не упустит шанса, чтобы подчинить себе супруга».

Если дофин и проявлял живой интерес к своей супруге в обществе, то наедине его поведение оставалось весьма странным. «Я начинаю уставать от постоянного ожидания», — писала Мария-

Терезия дочери. Весьма обеспокоенная холодностью принца, она посылает из Вены одного из своих врачей, которому, однако, также не удалось объяснить «странное супружеское состояние» молодых. Мария-Терезия, которая ничего не понимала в поведении принца по отношению к жене, спрашивала себя, «не являются ли те дурные принципы воспитания, которые были внушены дофину, причиной его неполноценности». «Поведение, по меньшей мере, необъяснимое», — явно лицемерил Мерси, поскольку испанскому послу он не постеснялся сказать, что это просто-напросто «моральная фригидность».

Прекрасно осознавая странность своего поведения, дофин попытался объясниться с женой. В начале января он вдруг внезапно затронул волнующий его вопрос, сказав ей, «что на следующий день после их свадьбы он хотел фактически подтвердить их брак, но тот страх, который его удержал, мешает до сих пор ему сделать ото». Мерси отметил, что в отношениях между супругами «наблюдалось больше фамильярности и таинственности». Дофина уже не слишком распространялась об этих интимных подробностях, но было ясно, что ее муж «действительно влюблен в нее». 21 марта принц, наконец, провел ночь в спальне своей жены.

На следующий день весь двор знал ату новость и многие предполагали, что принц исполнил свой супружеский долг. Дофин ночевал вместе с Марией-Антуанеттой и на следующую ночь, но «из этого не следует, что это действительно свершилось. По крайней мере, у меня есть серьезные доводы опасаться этого», писал Мерси Марии-Терезии. «Общество думает, что брак свершился, — продолжает он. — Я стараюсь поддерживать это мнение, так как оно положит конец унизительным пересудам на такую деликатную тему». В другой раз Мерси был лучше информирован, ибо Вермон, как обычно, поспешил сообщить ему последние новости. «Мы много и откровенно беседовали, — писал он. — мадам дофина пообещала ничего не требовать; она сдержала свое слово». Итак, дипломат подчеркнул, что «очень важно, что мадам дофина не расстроилась из-за того, что могло бы причинить ей боль в настоящий момент, ведь отвращение, которое могло последовать после этого, расстроило бы и без того хрупкий брак, которому были необходимы сильные чувства».

Фактическое подтверждение брака занимало все мысли императрицы и посла, поскольку это было, в прямом смысле слова, конкретизацией знаменитого союза. Развлечения молодых приобрели для них первостепенную политическую важность; в это время, когда немилость к Шуазелю обернулась его ссылкой, малейший толчок мог стать причиной изменения внешней

политики королевства. Мерси и те, кто стоял за ним, прекрасно понимали, что преемник Шуазеля, который еще не был назначен, не будет таким горячим союзником Австрии, как его предшественник. Они успокаивали себя, думая, как писал об этом посол Кауницу 28 января 1771 года, что «альянс важен для Франции так же, как и для Австрии. Я предъявлю эту аксиому новому министру, как только он будет назначен, скажу ему об этом более или менее ясно и четко и, наконец, заставлю его считаться со мной», — продолжал он. В своих письмах императрице и канцлеру Мерси не скрывал того отвращения, которое он испытывал к Людовику XV и его правительству, постоянно упоминая «о беспорядке, который царил при дворе», и утверждая, что «все решения являются следствием прихоти фаворитки или же спровоцированы интригами министров и придворных». И Кауниц, лицемерно притворяясь, отвечал ему, что «ужасно наблюдать за государством, которое управляется как сегодняшняя Франция», или, как он пишет несколько недель спустя, «хорошие друзья и союзники они стыдятся всего, что происходит во Франции». Австрия подавила в себе презрение к своему союзнику, который тем не менее был так любезен. Пусть Франция слабеет, это может сыграть только им на руку.

Очень осторожная на этот счет в переписке с дочерью, Мария-Терезия все же позволяет себе высказать презрение, бьющее из ее немецкого самолюбия, и показывая свое отношение к французам как к людям легкомысленным и беспечным. Никого она не пощадила: «Я не могу достаточно точно предвидеть все обстоятельства, в которые будет вовлечена вся королевская семья Франции, по вся она уже давно обмельчала. Они не способны задать топ пли сиискать уважение к себе. Задавать этот тон придется Вам», — писала она дочери 1 ноября 1770 года. Когда-то она советовала ей воздерживаться от политики, сейчас же открыто напоминает, что та должна заменить Шуазеля. «Не позволяйте себе следовать дурным примерам, не уподобляйтесь легкомысленным французам, оставайтесь истинной немкой», — а это уже 10 февраля. И Мария-Антуанетта до конца своей жизни сохранит это антифранцузское предубеждение, которое внушила ей мать. Властная мать, которая защищает лишь интересы империи, — такой была Мария-Терезия, оставаясь для Марии-Антуанетты главной и последней инстанцией. «Достойная дочь Марии-Терезии» — назовут Марию-Антуанетту придворные льстецы.

Этой зимой несчастный дофин продолжал оставаться заторможенным и нерасторопным мужем рядом с прекрасной супругой, мать которой, находясь за сотни лье от Версаля, не

упускала ни малейшего события, мадам Дюбарри же стала практически символом французского двора. Фаворитка наслаждалась своим триумфом. По желанию короля, она устроилась в бывших апартаментах дофины Марии-Жозефины Саксонской, расположенных как раз под покоями короля. Государю достаточно было спуститься по внутренней лестнице, которая вела в библиотеку, чтобы оказаться прямо в спальне своей любовницы. Выходя окнами на мраморный двор, «маленькие кабинеты», целый ряд салонов и спален, открывающих окна лишь к полудню, представляли собой чистейший образец лучших творений архитекторов того времени.

Долгие месяцы строительные группы Габриеля работали над созданием столь тихого и уединенного места для короля и его любовницы. Вдали от шумного двора, в покоях, выдержанных в гармоничных пропорциях и отделанных золотом и белой тканью, Людовик XV чувствовал себя действительно по-домашнему. А воображение мадам Дюбарри, вероятно, подсказывало ей, что она — королева Франции, хотя бы здесь, за пологом алькова, в этой спальне, ввиду огромного комода, наполненного севрским фарфором.

До сих пор она была довольна такой жизнью: занималась всеми увеселительными мероприятиями при дворе; назначала репетиции придворного театра… Королевский интендант Папийон де Лаферте не принимал никаких решений без ее ведома. Она проверяла проекты по реконструкции Комеди Франсез; и когда строители угрожали бросить работу, так как им не платили (а это случалось очень часто), начальник строительства умолял ее поговорить с королем. Если Марии-Антуанетте требовался ремонт в ее апартаментах, изысканность и удобство которых значительно уступали покоям фаворитки, ее просьба не могла пройти мимо этого всемогущего создания, что весьма раздражало принцессу.

Людовик XV привык принимать некоторых своих министров в покоях Дюбарри, иногда даже в ее присутствии. И чтобы удовлетворить эту особу, министры соглашались. Не беремся утверждать, но, как писала мадам Дюдеван, «она была большей государыней, чем ее предшественница или даже кардинал де Флери». Ее власть росла с каждым днем. Даже почетные гости, такие как молодой король Швеции Гюстав III, не забывали почтить ее вниманием. После отставки Шуазеля многие его сподвижники были сняты с важных постов и на их место пришли ставленники Мопу и Терре. Все изменения приписывались исключительно капризам фаворитки. Однако позволим себе предположить, что сотрясение внутренней политики было

неизбежно, заслуга это Дюбарри или нет.

Мадам вместе с Вогийоном внимательно следила за событиями, связанными с графом Прованским, который должен был в мае жениться. Младший брат дофина женился на Марии-Жозефине Савойской, внучке короля Сардинии Шарля-Эммануэля III. Гувернер и фаворитка присвоили себе право определить состав придворных для новобрачных. Людей назначали падежных и преданных, из тех, кого Мерси и Мария-Терезия называли «шайкой». Так, герцогиня де Валантинуа, приближенная фаворитки, стала первой фрейлиной будущей графини Прованской, а граф Моден, тесно связанный с Вогийоном стал приближенным принца. Для того чтобы располагать союзниками на местах, они объединили две свиты, так что старые придворные, вроде герцога де Круа, очень удивились: «Нарочно не придумаешь». Министры и фаворитка хотели создать вокруг Людовика-Станислава и Марии-Жозефины «савойскую партию» — противника «шуазелистам» и проавстрийцам, которых представляла Мария-Антуанетта. «Партия Вогийона и Дюбарри рассчитывает на поддержку графини Прованской», — писал Мерси Марии-Терезии.

Новый министр иностранных дел еще не назначен, посол обеспокоен — более того, король начал замечать, что дофина поддерживает настроения противников его любовницы. В довершение всего, дофин, всегда податливый, начал игнорировать традиционные ужины в Сен-Гюбере, выражая явное презрение по отношению к графине Дюбарри, канцлеру Франции, а также тем, кто их поддерживает. Его бывший гувернер тоже не был обойден вниманием — презрение к нему было очевидно. Смена отношений, замеченная королем, могла исходить, скажем так, только от его жены. Людовик XV, который очень не любил ссориться со своими детьми, вынужден был вызвать к себе мадам де Ноай. Похвалив ее за качества, которые ей удалось привить дофине, король перешел к упрекам: принцесса должна вести себя скромнее, когда находится при дворе, и держать при себе свои насмешки. Ей следует избегать фамильярности, которую она позволяет себе на охоте с молодыми людьми из ее окружения. Наконец, он коснулся самой серьезной проблемы: дофина позволяет себе слишком свободное суждение о том, что она видит или что хочет видеть, и ее оценка может вызвать весьма нежелательный эффект в королевской семье. Король даже позволил *себе намек, рассчитанный* для ушей этой фрейлины, что сожалеет о дурных советах, которые дофина получает от тетушек.

Взволнованная рассказом мадам де Ноай, Мария-Антуанетта набралась смелости поговорить с королем, Немного смущенный,

но в глубине души обрадованный таким поступком дофины, Людовик XV не вдавался в подробности и сказал ей, что любит ее все сердцем. Затем обнял ее и на том дело закончилось.

13 апреля 1771 года Мария-Антуанетта присутствовала на заседании суда об отмене высших судов, что было основным пунктом в реформах канцлера Мопу, Однако дофине не давал покоя скорый приезд графини Прованской. Уж не собирается ли новоиспеченная принцесса стать при дворе ее соперницей? Мария-Антуанетта решила принять девушку подчеркнуто холодно, чтобы та, «ощутив препятствия, не возомнила о себе слишком много». Мерси пришлось использовать талант дипломата, чтобы заставить упрямую дофину изменить решение и принять графиню с подобающей учтивостью — чрезмерное высокомерие и спесь «станут причиной возникновения междоусобной войны в королевской семье». Итак, дофина пообещала вести себя должным образом и «завоевать дружбу и доверие», хотя пребывала в убежденности, что принцесса из Савойи полностью примет сторону мадам Дюбарри. Однако полученный ею портрет будущей соперницы ее успокоил. Сразу видно, что принцесса, мягко выражаясь, обделена природой. Маленькая, по всем канонам красоты своего времени, слишком худая, слишком смуглая, с полным отсутствием приятности. Дурнушка, одним словом. Итак, вся Европа узнала, что графу Прованскому достался отнюдь не «лакомый кусочек». Мария-Терезия даже написала своей дочери: «У Вас нет никаких причин для ревности, но есть причины для жалости: и *это* сделает Вам честь, но не для того, чтобы управлять новой принцессой, а помочь ей выйти из затруднительного положения, так как, честно говоря, она не так хороша собой, но очень тиха и, наконец, очень хорошо воспитана, со временем ее дружба и доверие могут Вам пригодиться».

Желание сохранить семейное благополучие дочери не было единственным мотивом Марии-Терезии. Повторим еще раз — императрица подчинялась интересам своего дома. Она любой ценой хотела избежать вовлечения принцессы Савойской в «шайку» мадам Дюбарри, что способствовало бы вытеснению ее дочери. Особенно, если бы ей удалось забеременеть раньше МариинАнтуанетты. «Старайтесь во всем снискать одобрение короля, — пишет она в том же письме. — Я также хочу, чтобы Вы как можно чаще приглашали его к себе, это очень важно. Раньше каждый день он приходил к Вашей свекрови в ее апартаменты, и сейчас, к моему большому удивлению, мне приходится узнавать, что со дня церемонии он ни разу не посетил Вас… Итак, в будущем старайтесь обращать внимание именно на это…»

Помня совет матери, жаждущая утвердиться как первая принцесса при дворе Мария-Антуанетта, несмотря на некоторые колебания, отправилась в Фонтенбло, чтобы встретить будущую принцессу, которую ожидали 12 мая. Все ее мысли были поглощены этим событием. С момента отъезда из Версаля все замечали, что она была необыкновенно внимательна и любезна с королем, которому это очень нравилось. Па следующий день, когда будущая принцесса Прованская вышла из кареты, Мария-Антуанетта с облегчением вздохнула. Как она и ожидала, Мария-Жозефина была некрасивой, неловкой и страх как всего стеснялась. Дофина постаралась выглядеть очаровательной вдвойне. Она встретила приехавшую «так любезно и дружелюбно, насколько это вообще возможно». Совершенно естественно, она отнеслась очень внимательно к новобрачным, «выказывая те маленькие хитрости и приемы ласковой лести, которые произвели хорошее впечатление на короля». Людовик XV был счастлив. На другое утро он пришел в гардеробную дофины, войдя через дверь, которой не пользовались до этого момента. Он провел два часа в апартаментах своей внучки, выпил с ней чашечку кофе и казался как никогда веселым и довольным. Все следующие дни дофина блистала при дворе в ущерб бедной Марии-Жозефины, к большому сожалению графа Прованского, который лишь притворялся, проявляя самый живой интерес к своей жене.

Граф был того же возраста, что и Мария-Антуанетта, и представлял собой человека корпулентного. Среднего роста, нижняя часть немного тяжеловесна из-за слишком полных бедер, он ходил, подавшись плечами вперед, переваливаясь с боку на бок. Если бы не черные и необычайно живые глаза, красивый и чувственный рот, розовое и круглое лицо, его можно было бы назвать скорее неприятным молодым человеком. Чрезмерная напыщенность была вызвана тем, что он хотел показать свое превосходство перед старшим братом, дофином. Ему доставляло удовольствие выставлять напоказ презрение к скромному дофину, который тем не менее обращался с ним довольно грубо. На следующий день после свадьбы он победоносно заявил своему деду, что он был «трижды счастлив». Это, по крайней мере, то, что написал в своей хронике Башомон, но имелось в виду нечто другое. Если Людовик-Станислав и умел использовать риторические гиперболы, то лишь па литературном поприще, а не в алькове жены. Он не подтвердил фактически своего брака, и письма, которые Мария-Жозефина тайно писала своей семье, доказывают, что никакой близости между супругами не было.

Не испытывая большой привязанности к графу и графине

Прованским, дофин и дофина видели их тем не менее каждый день. Как обычно, братья обменивались колкостями, а жены осторожно следили друг за другом. Уверенная в своей силе над Марией-Жозефиной, дофина писала матери, что «все четверо они очень дружны. Моя сестра очень нежна, любезна и весела; она любит меня и доверяет мне», — добавляла она с явным удовлетворением. Она решительно утверждала, что Мария-Жозефина «не настроена ни в пользу мадам Дюбарри, ни в пользу Вогийона, как она раньше боялась».

Тогда как дофин и дофина думали лишь об охоте, прогулках и спектаклях, которые заполняли всю их вольготную жизнь, Мария-Терезия продолжала отправлять приказы Мерси, для того чтобы управлять молодой женщиной по своему усмотрению. Судьба альянса волновала ее теперь как никогда. Действительно, поводов для опасения было достаточно. 6 июня 1771 года Людовик XV, наконец, назначил нового министра иностранных дел, им стал герцог д'Эгильон. Назначение бывшего правителя Бретани, злейшего врага предыдущего министра и ярого противника высших судов, означало победу партии святош, партии, как это ни парадоксально, мадам Дюбарри. Больше ничего не требовалось, чтобы дофина отныне обращалась с новым государственным секретарем надменно, холодно, презрение же к фаворитке только удвоилось. Такое отношение не могло ускользнуть от короля и тем более от всевидящего ока Марии-Терезии.

Совершенно вдруг Мария-Антуанетта решила противостоять тому, что желает Вена. На этот раз упреки последовали не от императрицы, а от короля, через посредника — д'Эгильона. Последний, который обычно не торопился обсуждать политические вопросы с Мерси, сразу же пришел за объяснениями по поводу поведения принцессы. Людовик XV не только позволил, но и вдохновил своего министра побеседовать с послом. После обычных комплиментов он незаметно перешел па разговор о том ледяном тоне, который позволила себе дофина во время его представления как нового министра, он, не колеблясь, сказал, что не знает, как можно совместить характер принцессы с «таким поведением, причиной которого стало его признание королем Франции». «Его Величество, говорил он, — с большим неудовольствием наблюдал в поведении мадам дофины ярко выраженное презрение к людям, которые составляют цвет общества. Пусть мадам дофина не отказывается общаться с теми, кто составляет двор». Недовольство Людовика XV, высказанное через герцога д'Эгильона, имело гораздо больший вес, чем наставления мадам де Ноай, Используя все свое дипломатическое

мастерство, на которое он только был способен, Мерси попытался объяснить причины столь необычного поведения Марии-Антуанетты, делая упор на то, «что было бы несправедливо требовать от пятнадцатилетней принцессы серьезных и обдуманных поступков, которые еще не свойственны этому юному возрасту». Посол не забыл также упомянуть о дурном влиянии ее тетушек и что в первую очередь надо заняться не принцессой, а ее окружением.

Вскоре узнав обо всем, Мария-Терезия ответила, что «она никогда бы не смогла одобрить свою дочь в ее вызывающем отношении к столь влиятельным лицам и упрекает ее в этом». Тем не менее она советует ей «не обращать внимания на неприятные черты характера людей, которых выделяет король». Взволнованный больше, чем сама императрица, канцлер Кауниц хотел, чтобы дофина извинилась перед королем за содеянное, как она сделала это в начале года. Он даже дошел до того, что продиктовал ей те слова прощения, которые она должна использовать в подобных обстоятельствах. Мария-Антуанетта хотела избежать разговора тет-а-тет с королем, притворяясь очень занятой, чтобы тратить драгоценное время на разговоры с Мерси. Она ограничилась тем, что стала более любезной с мадам Дюбарри и на редкость милой с герцогом д'Эгильоном и даже предложила герцогине место в своей карете для прогулки по королевским угодьям. Когда министр пришел представить ей принца Людовика Руанского, епископа, соправителя Страсбурга, он как раз собирался отъезжать в Вену, куда был назначен в качестве нового посла, она сказала ему несколько любезных слов. Тут уж дофина откровенно кривила душой, потому что не могла не знать, что назначение старого распутника вовсе не обрадовало ее мать. Мария-Терезия даже хотела не принимать его, однако предусмотрительность остановила ее, поскольку этот поступок мог навредить ее дочери.

Мария-Антуанетта завоевывала свою независимость. Проходили недели. Ничего не менялось. Мерси, со своей стороны, посещал фаворитку, притворяясь, что разговаривает с ней без всякой задней мысли, и беспрестанно обвинял тетушек в том, что они подстрекают дофину к непослушанию, тогда как сама дофина продолжала упрямиться воле матери и короля.

Однако ей пришлось уступить материнской воле. Мария-Антуанетта выбрала для этого новый год. 1 января 1772 года, когда фаворитка в сопровождении герцогини д'Эгильон и супруги маршала Мирепуа прибыла к дофине на праздник, Мария-Антуанетта повернулась к ней и сказала: «В Версале сегодня столько народу». Мадам Дюбарри торжествовала, король был

удовлетворен, а Мерси с облегчением вздохнул. Впервые Мария-Антуанетта испытала страшное чувство поражения. «Один раз я обратилась к ней, но теперь точно знаю это все, впредь она не услышит от меня ни слова», — сказала она Мерси в присутствии своего мужа. Полностью поддерживаемый дофином, Мерси настаивал еще на одном — «необходимости осторожного поведения, дабы не шокировать короля своим невероятным упрямством […] и, в частности, не ввязываться в дворцовые интриги». Посол знал, насколько хрупкой может быть победа. «Я надеюсь извлечь выгоду из этой женщины, — писал Мерси Кауницу, говоря о фаворитке. — Лишь бы только дофина не помешала». Он располагал лишь одним настоящим средством давления на принцессу: убеждение ее в том, что альянс между двумя государствами находится под угрозой. И как свидетельство тому письмо Марии-Антуанетты матери, датированное 21 января. Послу пришлось прибегнуть к крайнему средству, чтобы заставить дофину поговорить с фавориткой. «Поверьте, что я пожертвую всеми моими предубеждениями и недостатками, только не предлагайте мне ничего бесчестного, — сказала она ему. — Если испортятся отношения между двумя странами, это будет самое большое несчастье в моей жизни; пусть я всегда останусь верна своему сердцу, но долг выполню до конца. Я содрогаюсь от мысли, что это может произойти, и надеюсь, что этого все же не будет, и уж, по крайней мере, не я буду причиной этой ссоры».

Глава 4. «ПЛОХОЙ ОТВЕТЧИК»

Очень тепло встреченная королем после этой памятной сцены, Мария-Антуанетта думала, что отдала дань и ему, и суровой матери. Еще несколько дней во всем Версале ей пели дифирамбы. И только назойливые тетушки ругали племянницу. Но теперь это не имело значения, поскольку дофину, наконец-то, оставили в покое. Она могла продолжать жить дальше, не упрекая себя, при дворе, к которому она так привыкла, лишь бы ее не ругали за определенные симпатии или антипатии и не заставляли демонстрировать те чувства, которых она не испытывает. Легкомысленная и небрежная, противница всяких условностей, Мария-Антуанетта утвердила себя как своенравная молодая женщина, неспособная лгать и притворяться. Ее живое, все еще детское лицо выражало все мысли, тогда как она даже не подозревала об этом. Любой мог почувствовать ее взгляд и внутренне содрогнуться, если только она смотрела не так, как подобает.

Если императрица понимала, с какими трудностями пришлось столкнуться ее дочери, то Кауниц отказывался их признавать. Эрцгерцогиня была лишь пешкой в дипломатической игре, и не более того. Она должна уметь легко подчиняться всем правилам этой игры. Из-за неуместных выходок дофины Кауниц затаил на нее злобу. «Скупой платит дважды», — писал ему Мерси 5 января, имея в виду принцессу. Ту же поговорку мы встречаем и в письме, датированном 10 февраля. Он явно воспринимал дофину так, как «если бы она действовала не из убеждения, но из принципа».

В тот момент, когда австрийские войска были готовы захватить Польшу, задача дофины была простой: она должна была быть любезной и вежливой с фавориткой и королем. Если и не говорить о любезности дофины, как о плате за молчание Франции, то эта любезность, уж точно, значительно облегчила дипломатические усилия Марии-Терезии.

Используя то кнут, то пряник, Мария-Терезия вместе с Мерси продолжали уверять дофину, что судьба альянса находится в ее руках и своей грубостью она может поставить под угрозу благополучие двух великих европейских держав. Ее внешняя политика заключалась в полном послушании. Находясь под опекой посла, она старалась вести себя настолько хорошо, насколько могла. «Наша юная принцесса, наконец, поняла необходимость того, что от нее требуют», — писал он Кауницу 29 февраля.

Отношения между братьями могли иногда становиться на редкость жестокими. Граф Прованский, который был уже известен, как ценитель изящных искусств, и любил окружать себя дорогими вещами, имел несколько фарфоровых статуэток, которыми очень гордился. Дофин восхищался той, что стояла на камине в спальне графа. И вот однажды, беседуя с Марией-Антуанеттой и супругами Прованскими, он взял статуэтку в руки и начал рассматривать ее. Граф не отводил глаз от брата, как будто он был уверен в неизбежной опасности, и следил за каждым его движением, затаив дыхание. Вдруг дофин роняет статуэтку, которая разбивается на мелкие кусочки. Граф набросился на брата с грубыми оскорблениями. Спустя мгновение оба рухнули на пол и началась потасовка. Мария-Антуанетта сразу же кинулась разнимать братьев, ей все же удалось это сделать, хотя и получив несколько тычков.

Немного позже братья играли в пикет и дофин забавлялся тем, что подкалывал младшего брата дротиком. Принц продолжал развлечение, а граф вдруг, не вытерпев, кинулся на брата, чтобы выхватить дротик. Мария-Антуанетта едва успела развести их в стороны и остановить драку. Что это, ребячество или затаенная ненависть?

Однако тем не менее иногда они могли прекрасно ладить.

Дофина продолжала развлекаться, она все лучше и лучше танцевала, иногда пела и никак не могла сосредоточиться на чем-нибудь более серьезном. Она ведь была еще подростком. Все еще росла и регулярно сообщала матери свои размеры. Марию-Антуанетту нельзя было обвинить ни в чрезмерном кокетстве, ни в растратах. Старая герцогиня де Вилар, фрейлина из ее свиты, сама выбирала платья для дофины. Мария-Антуанетта практически не занималась этим, она полагалась па вкус герцогини. Однако когда молодая мадам Декоссе, сменившая герцогиню, решила проверить гардероб дофины, она обнаружила у дофины непомерные требования. И действительно, на все про все тратилось 200 000 ливров в год вместо предусмотренных 120 000. Мария-Антуанетта была в шоке. И снова вмешался Мерси. Он подсчитал все расходы, и стало ясно, что герцогиня де Вилар сквозь пальцы смотрела на огромные расхищения в ее ведомстве. Мария-Антуанетта, которая никогда ничего не проверяла, подписывала огромное количество счетов за покупки, которых никогда не существовало. Так, ее служанки имели по четыре пары туфель каждую неделю, они могли брать по три рулона лент ежедневно, лишь для того чтобы починить пеньюары принцессы, перчатки, тафту — воровали все. По совету посла, дофина и мадам Декоссе решили привести в порядок свои

финансовые дела.

25 мая австрийские войска под командованием маршала де Ласси вошли в Польшу. Разрываемая на части между государственными интересами и угрызениями совести за свои макиавеллиевские поступки, лишенные всяких моральных норм, как, впрочем, и поступки Фридриха II, набожная Мария-Терезия думала, не без оснований, о тех опасностях, которые грозили ее дочери из-за этой политики. Чувствуя свою вину за предательство, императрица не осмеливалась больше писать Людовику. Она предпочла предоставить полную свободу Мерси, чтобы он от ее имени сказал что-нибудь королю в оправдание.

Если послу и удавалось так ловко защищать интересы своей императрицы, то только потому, что внутренняя обстановка благоприятствовала в этом. Полностью поглощенный внутренними реформами и финансовыми вопросами, Людовик XV, казалось, без особого огорчения воспринял известие о разделе Польши, «смотря на это сквозь пальцы», что могло лишь облегчить душу австрийской императрицы.

Чтобы убедиться самой и убедить дофину в ее содействии этому предприятию, Мария-Терезия изменила гон своих писем. Теперь они были полны любви и нежности. Мария-Антуанетта воспринимала с радостью добрые чувства. «До того времени она думала, что ее уже больше не любят и отныне она будет получать лишь строгие наставления», — писал Мерси. «Но последние письма разрушили это предубеждение, — продолжал он, — и Ваше Величество может быть уверенной, что мадам эрцгерцогиня осознала всю важность и значимость своего положения. […] Больше нет сомнений в том, что в дальнейшем мы столкнемся с какими-либо отклонениями в ее поведении».

Итак, победила великая игра чувствами. Было найдено слабое место дофины. Наконец они могли управлять ею. Было решено заставить ее жить под угрозой потерять любовь матери. Дофина стала союзником, в котором так нуждалась Австрия. Однако такого рода политика могла привести к другим последствиям.

Материнская любовь, навязанная ей, которую она воспринимала как одолжение, оставалась и могла остаться навсегда главным мотивом ее чувств. Любовь столь необычной натуры, наделенной властью, зависящей от интересов политики, могла ли она быть истинной? В то время Мария-Антуанетта любила лишь свою мать, она была способна сделать все, чтобы сохранить эту любовь. Однако отношение Марии-Терезии было чересчур холодным. Ей было недостаточно покорности, а любовь дочери не трогала ее. Мария-Антуанетта была начисто лишена того дара и той ловкости, за которые могла быть любима

матерью. Дочь не соответствовала условиям ее игры.

Людовик XV проявлял особую нежность к дофине. Он был благодарен ей за доброе отношение к мадам Дюбарри и, казалось, не догадывался, как Мария-Терезия хотела воспользоваться дочерью. Он знал, что принцесса слишком мало интересуется политикой, чтобы иметь хоть какое-то влияние. «Нам с вами не следует говорить о событиях, связанных с Польшей, поскольку ваши близкие не разделяют нашего мнения», — сказал он однажды в ноябре 1772-го. Намекая на государственный переворот в королевстве Гюстава III, который поддерживал Францию, он допускал и другую возможность: «Император хочет противостоять тому, что происходит в Швеции; это приведет нас в замешательство, и я отправлю вас в Вену». Сразу же после этой шутки он по-отечески обнял ее, смеясь вместе с ней.

Король начинал проявлять беспокойство по поводу странных супружеских отношений своих внуков. За несколько месяцев до этого он написал дофину, попросив его объяснить ему причину, «по которой он не может выполнять супружеские обязанности». Принц не ответил деду. Мария-Антуанетта не выказывала своего недовольства. Она лишь шутила по поводу столь щекотливого положения. Так, когда она узнала, что ее брат Фердинанд еще в первую брачную ночь утвердил себя как супруг, она безо всякого упрека сказала дофину: «Говорят, что через год у моего брата будет ребенок». Принц, «получив ненавязчивый намек, ничего не ответил и ничего не пообещал», свидетельствовал Вермон, который слышал этот разговор из комнаты прислуги. «Я не теряю надежды, — писала дофина матери, — он любит меня и делает все, что я хочу, все будет хорошо, когда он перестанет чувствовать себя так скованно». Шло время, принц оставался достаточно «скованным». Начали подумывать о лечении, в частности о ваннах. «А после ванн, — отмечал Мерси, — должна последовать очень легкая операция, необходимая для желаемого результата». Однако врачи колебались. Только через две недели они объявили о своем решении. «Они обсудили все и объявили, что беспокойство необоснованно, что исполнение супружеского долга зависит лишь от желания молодого принца, и когда же он решится на это, никакие физические препятствия ему мешать не будут. Мне кажется, что переход герцога Вогийона в мир иной мог бы существенно изменить развитие событий», — добавил посол. Наставник дофина умер, так и не дождавшись визита своего августейшего ученика. Считал ли тот герцога виновным в недоразвитии? Воспринял ли смерть наставника как освобождение? Нам не дано этого знать. На первый взгляд безобидный факт, тем не менее он кажется довольно

значительным: как раз в это время ему оборудовали ванну в личных апартаментах.

Ясность и безмятежность, наблюдавшиеся в жизни Марии-Антуанетты в начале 1772 года, исчезли уже к весне. Часто охватываемая необъяснимыми налетами грусти, она предавалась «печальным размышлениям о странном поведении дофина». Мария-Терезия, несколько удивленная тем, «что этим вопросом никто всерьез не занимается», была, наконец, удовлетворена. 28 октября Людовик XV пригласил к себе принца и его жену и потребовал форменной исповеди по поводу их интимной жизни. Принц объяснил, что он пытался исполнить свой супружеский долг, но каждый раз острое болезненное чувство останавливало его. Он не знал, что это — следствие физического недостатка или что-то еще. Два дня спустя король пожелал прояснить эту ситуацию сам и узнал, что препятствие действительно существовало и было свойственно подросткам, однако этот физический недостаток не требовал операции.

В Версале не умели хранить секретов. Через несколько часов весь двор знал, что король вмешался в интимную сферу своих внуков, о чем говорили вот уже два года. Дофин, который изменился в лучшую сторону и стал намного увереннее в себе, испытывал тем не менее жуткий стыд, представляя, как снова становится предметом сплетен и пересудов всего Версаля. «Он думает, что на следующий день после близости с женой все общество узнает об этом и будет насмешливо поглядывать на него», — писал Мерси Марии-Терезии. И без того тяжело переживая свою анормальность, дофин становился еще более неловким при одной мысли об испытании, которое ему придется выдержать. Что касается Марии-Антуанетты, та тоже не была сведущей в этих вопросах. Она ожидала от него решительных действий и готова была помочь ему, если бы он смог пробудить в себе «мужское достоинство», как однажды она сказала тетушкам. Все это позволяет предположить, что, чувствуя себя униженной своим беспомощным мужем, она не могла любезно принимать эти мучительные в своей безысходности объятия. И одна мысль о мадам Дюбарри, ее личном враге, которая знала от короля все о ее интимных проблемах, только усугубляла это унижение.

Усилия дофина оставались напрасными, Людовик XV, который думал, что причиной всему «неловкость и неопытность» Людовика-Августа и Марии-Антуанетты, проконсультировался с Лассоном, личным врачом дофины, и поручил ему просветить молодых людей в этом вопросе. После нескольких таких лекций Мария-Антуанетта написала своей матери 15 марта 1773 года, что врач был «очень доволен и обнадежил их». Месяц спустя она

говорила, «что дофин хорошо сложен и любит ее, но его небрежность и лень покидают его лишь на охоте». Супруги начали жить в одной комнате, и весь двор с нетерпением ожидал новости. Практически все слуги молодых супругов были подкуплены. С особенной тщательностью каждое утро проверялась постель супругов, и о результатах сразу же сообщали. Наконец 15 мая прошел слух, что брак свершился. Вермон сразу же уведомил Мерси, что «слух исходил от короля, который спросил […] мадам дофину об этом, услышал и понял больше, чем сама дофина хотела ему сказать. Правда была такова: очередная попытка была удачнее, чем все предыдущие; но оба супруга испытывали болевые ощущения, а от этого и большое напряжение. Л ассон, который при всем присутствовал, надеется, что дофину вскоре удастся сорвать бутон». Преодолев волнение, дофина написала матери, что «ее муж продвинулся немного дальше, чем обычно».

Молодые супруги были рады сплетням, хотя это были лишь сплетни. Разговоры о подтверждении брака придавали дофину больше смелости и, может быть, помогали ему преодолеть последние препятствия. Репутация, отныне им завоеванная, разумеется, была лучшим катализатором, несмотря на то, что его попытка пока не увенчалась успехом.

И уже во время поездки в Компьен принц мог праздновать свою победу. 22 июля 1773 года на рассвете, перед тем как отправиться на охоту, дофин и дофина явились к королю. В тот момент, когда заскрипела открывающаяся дверь, король спросил, кто там, и тогда дофин, который стоял рядом сказал: «Это я и моя жена». Король, улыбаясь, спросил, по какому праву он может ее так называть. Дофин тогда ответил, что теперь у него есть все права называть ее так. Удивленный и смущенный монарх взял молодых супругов за руки и провел их в свой кабинет, и там дофин сказал ему, что их брак, наконец, свершился. Король, казалось, был охвачен невероятной радостью, он расцеловал своих внуков и весь следующий день пребывал в чудесном настроении из-за этого радостного и столь долгожданного события. Мария-Антуанетта так написала об этом матери: «Мы решили, что непременно должны сказать об этом королю, в ответ он расцеловал нас и назвал меня *дорогой дочерью*, он не удержался от того, чтобы раскрыть наш секрет. Узнав об этой новости, все вокруг были очень рады».

Не испытывая настоящей любви к незадачливому мужу, тем не менее она была очень дружна с ним. Она поняла, что под маской грубости пряталась очень добрая натура, и увидела в нем «человека, ценящего справедливость, правду, порядочность и

поступающего именно так». Однако его апатия, неспособность быть романтичным и чувственным, разочаровывали дофину. Очень восприимчивая и тонкая, она не могла смириться с безразличием скромного юноши, которого старалась приручить. В конце концов она стала даже опасаться, что у него нервное расстройство, «поэтому он не может думать и чувствовать по-настоящему, а следовательно, добиваться успеха». Она знала, что во время охоты, которая делала его действительно счастливым, хотя и обессиленным, Людовик становился другим человеком, сильным, лишенным физических недостатков, выпуская на волю свою необузданную и дикую натуру. Она стыдливо понимала, что в этих бесконечных изнуряющих упражнениях он находил выход своим неудовлетворенным желаниям. Хотя охота всегда была излюбленным занятием Бурбонов, это было действительно королевское развлечение. Дофина всегда сопровождала мужа, ехала, правда, вдали от него, для нее это было всего лишь прогулкой верхом. Она с трудом выносила пристрастие мужа. Иногда она устраивала ему сцены и даже плакала в присутствии графа и графини Прованских. Упреки в таких случаях сыпались на него всю дорогу, вплоть до спальни, откуда спустя некоторое время они выходили окончательно успокоившимися. Дофин вежливо говорил брату, «что ссоры влюбленных не бывают долгими». Однако, несмотря ни на что, он не отказывался от своих увлечений.

Были и другие пристрастия дофина, раздражавшие Марию-Антуанетту не меньше. Она не могла не страдать от его увлечения строительством. Поскольку в это время в Версале проводилась реконструкция, он в течение дня помогал каменщикам, носил балки, камни, выполнял любые строительные работы. К вечеру он возвращался обессиленный и доведенный до изнеможения. Оскорбленная Мария-Антуанетта жаловалась Мерси на столь странное поведение мужа. Посол же советовал ей «нежно убеждать принца», а не упрекать. Тогда дофина стала призывать мужа «быть более мягким и покладистым, хотя бы на людях».

С первых дней после свадьбы она старалась обратить на себя внимание дофина. Она мечтала об их общих интересах и увлечениях. Принц старался угодить ей, отдавая ей всю свою нежность. Он всегда шел ей навстречу и даже заявил однажды, «что будет одобрять то, что послужит ей развлечением, и никогда не будет ни в чем ее стеснять».

Став, наконец, настоящим супругом, он не стеснялся публично проявлять к ней нежность. Мерси, который в свое время сильно критиковал принца, уверенно отмечал явный прогресс в

его характере, и это, по его мнению, хотя и несколько преувеличено, была заслуга дофины. Однако нужно ли было льстить императрице и отвешивать комплименты в адрес принцессы, создавая видимость откровенности? Дофин с большим уважением относился к Мерси, позволяя ему думать, что дела в государстве шли гораздо лучше, чем можно было бы подумать.

Необычайная популярность, которой пользовались молодожены, в значительной степени способствовала тому, что можно было бы назвать счастьем. 8 июня 1773 года они совершили торжественный выезд в столицу, как того требовали обычаи.

Речь шла о тщательно спланированной церемонии, в которой должны были участвовать и простые горожане. В этот летний день в половине двенадцатого их встречали губернатор Парижа, главный шеф полиции, а также торговцы и горожане. Супружеская чета вместе со свитой разместились в шести каретах, приготовленных специально для церемонии. Кортеж медленно последовал по дороге сквозь толпу, восторженно встречающую будущих наследников. Казалось, народ видел в них свое будущее, полное надежд и обещаний. «Господин дофин, подарите нам ребенка!» — выкрикивали торговки. Поскольку эти дамы совершенно не стеснялись в выборе слов, принц мог лишь улыбаться в ответ на такую откровенную фамильярность. «Прелестная наивность, хотя и выраженная в столь грубой форме, выражает волю народа», — писал книгопродавец Арди, из числа восхищенных зевак. Как и все парижане, он был очарован молодой дофиной, которая, улыбаясь, смотрела на толпу приветствовавших, а когда рукоплескания усиливались, восхитительно грациозно приветствовала их. Все восхищались ее красотой и изяществом. Мария-Антуанетта олицетворяла идеал той королевы, о которой они давно мечтали, кому жаждали поклоняться и повиноваться. В тот день она полностью затмила дофина. Однако тот любезно благодарил за приветствия, несшиеся отовсюду: и с Сен-Женевьев, и у коллежа Людовика Великого, и с Нового Моста, и во время банкета, устроенного в их честь в Тюильри.

Пока они обедали, нетерпеливая толпа заполнила все ближайшие парки. Самые ловкие и любопытные забирались на деревья. Когда супруги вышли на прогулку, их встретили громом рукоплесканий и восторженных криков. Дофин и его жена приказали «не расталкивать народ и позволить людям приблизиться к ним». Парижане еще не помнили подобного веселья. Они кинулись к принцессе и чуть не задавили ее, однако

улыбка не покинула ее лица. «Там было столько людей, писала она матери, — что мы, наверное, полчаса не могли сдвинуться с места. Дофин и я несколько раз приказывали полиции не расталкивать людей, что произвело на них огромное впечатление. В тот день на улицах не было ни одного раненого, несмотря на огромное количество людей. После прогулки мы поднялись на открытую террасу и оставались там. Не могу Вам описать, дорогая моя мама, какую радость и признательность я испытывала в тот момент. Прежде чем уйти, мы снова приветствовали людей. Как это прекрасно чувствовать любовь и поддержку целого народа! Я еще ничего подобного не испытывала и никогда этого не забуду».

Парижане были очарованы дофиной, которая вернулась в Версаль, чуть живая от восторгов вконец обезумевшего народа. Проявления любви были бальзамом на тайные раны принцессы. Она хотела снова приехать в Париж, который представлялся ей ее королевством. Будущее рисовалось в волшебных красках, следующие дни она должна была провести в Опере и Комеди Франсез. «Теперь мне понятно все, чему Вы меня учили, дорогая матушка», — писала она матери. В Париже к ней пришли поклониться не придворные, а простые люди в знак своей любви и признательности. Она прониклась неподдельной любовью к этому городу, такому живому и прекрасному, где она чувствовала себя королевой и где править было так просто.

Глава 5. «КАРЕТУ КОРОЛЕВЕ!»

Среди всех восхвалений дофины слышались и недовольные голоса, в частности аббата Деснуаера: «Хотелось, чтобы все королевы были похожи на покойную супругу Людовика XV, которая не знала иных страстей, кроме как страсть к благотворительности. Я же вижу перед собой лишь ту, что готовится представить зрелище невиданных потрясений народу, который давно известен своим непостоянством. Ей говорят лишь о ее будущем величии, ей дарят лишь удовольствия, она ожидает лишь мира у своих ног и удачи, по своему приказу. Эту иллюзию внушили ей еще при дворе, где она родилась, и такой предстала она при дворе, где ее ожидали. […] Королева, которая была коронована лишь для собственного развлечения, станет гибелью для народа, который призван оплачивать ее прихоти».

К счастью, немногие в королевстве слышали тогда эти зловещие предсказания желчного иезуита, ставшего жертвой политики Шуазеля и его сподвижников. Стараясь привлечь внимание к воспитанию и поведению дофины, он хотел свергнуть политику бесчестного министра. Как и многие придворные, он опасался его возвращения к власти. Все понимали, что сразу после смерти Людовика XV, которая могла вскоре случиться, Мария-Антуанетта вернет того, кто устроил ее брак. Отец Деснуаер получал всю интересующую его информацию от многочисленных врагов принцессы. И вот впервые из-под его пера появились некоторые намеки, которые вскоре превратятся в мерзейшую клевету. Он уже начал описывать, как эта Австриячка разрушает Францию.

Бдительный наставник и покровитель Мерси неусыпно следил за принцессой: «Приближалось время, когда нужно будет говорить с ней об очень важных и серьезных вещах». Он один при дворе думал о Марии-Антуанетте, продолжал настраивать ее на единственную цель: защиту интересов Австрийского двора. Он не объяснял ей всей подноготной дворцовых интриг, только лишь политику короля и правительства. Посол продолжал тайно, по капле, пропитывать принцессу, как, впрочем, это уже делала ее мать, неприязнью ко всему французскому. Какое мнение могло сложиться у нее, если он постоянно твердил, «что министр может получить свой пост лишь при помощи интриги и будет использовать свое высокое назначение для личного обогащения»? Ей нужно знать только то, что в самом ближайшем будущем она будет играть роль первого плана. Он убеждал ее также в необходимости «управлять поступками дофина», вдохновлял «на

завоевание доверия короля, примирение со всеми министрами и теми, кому тот доверял». Он готовил ее на трон, но очень своеобразно. «Не вызывает сомнения, что эрцгерцогиня однажды будет управлять страной и следствием этого станет ее блестящая и великая судьба», — писал он императрице. Интересно, что сказал бы отец Деснуаер, прочитав это?

С трогательным старанием Мария-Антуанетта внимала советам посла, который иногда не боялся говорить ей о неприятностях, которые могут случаться и с королевой. Это пугало дофину, и она начинала плакать. «Вы мучаете меня, пугаете, я не хочу больше слышать о политике», — говорила она, заливаясь слезами. Дофина усваивала науку о «делах» не так быстро, как того хотел Мерси. Она опасалась ложных ходов и хитрых советов, с помощью которых посол хотел вразумить ее. «Она гонит от себя мысль о том, что однажды получит власть, огромную власть; это стало следствием того, что ее характер склоняется перед трудностями; отсюда ее страх в любой неизвестной для нее ситуации, — писал он императрице. — Однако это не самое главное из того, что ей следовало бы усвоить. Я уверен, что если ей удастся стать правой рукой короля, то у него не будет больше ни фавориток, ни министров, которые могли бы противостоять ее весу и влиянию, этим мадам дофина должна заняться в первую очередь».

Настал как раз тот самый момент, когда нужно было превратиться в ребенка, взлелеянного самим королем, без которого он не мог обходиться, с кем он был бы весел, счастлив и откровенен. Мерси убедил дофину, что она в состоянии развеселить старого короля, уставшего от врагов и близости смерти. Дофина должна была исполнять его любые желания, дав волю своей молодости, как когда-то герцогиня Бургундская очаровала Людовика XIV и грозную Ментенон. Хитрая как кошка, эта маленькая женщина, к тому же дурно воспитанная, которая некогда вызывала презрение многих придворных и даже членов королевской семьи своей невероятной фамильярностью, прекрасно знала, как защитить дело тех, кому она была преданна, ей даже удавалось получать информацию, которая поступала в Савойский двор. Людовик XIV оценил талант герцогини лишь после ее преждевременной смерти. «Эта маленькая плутовка обвела нас вокруг пальца», — говорил он мадам Ментенон, когда узнал о существовании секретной переписки принцессы. Благодаря своей любезности и едва проглядывавшей наивности, герцогиня Бургундская ловко надувала Людовика XIV. Именно это требовалось и от Марии-Антуанетты. Однако ей никогда не рассказывали о смышленой принцессе.

Однажды взгляды императрицы не совпали со взглядами посла. Разумеется, Мария-Антуанетта должна была служить дому Габсбургов, но зная «молодость и ветреность своей дочери, а также всякое отсутствие прилежания в ней», императрица не желала, чтобы та имела решающее влияние в государственных делах. Мария-Терезия прекрасно понимала, что Мария-Антуанетта никогда не будет блестяще разбираться в политике. Она не обладала лукавством и хитростью, столь важными для интриги, искусством которой в совершенстве владела мать Людовика XV. И, наконец, она не испытывала родственных чувств к престарелому королю. Она рассуждала о нем с безжалостной жестокостью, свойственной юности, и проводить подле него все дни напролет было выше ее сил. «Она только вызывает в монархе безразличие ко всему, что ее окружает, полное равнодушие к любым чувствам, которые только могут взволновать душу. К сожалению, эрцгерцогиня недостаточно проницательна, чтобы чувствовать все это», — с явным беспокойством отмечал Мерси. Король, который знает женщин, как никто другой, прекрасно видел угловатость своей упрямой внучки, вызванную скорее всего постоянной жаждой удовлетворения тайных желаний и плотских наслаждений.

Плотских наслаждений — вот чего так не хватало принцессе в самом расцвете ее юности, ее восемнадцати лет. Находясь в обители извращенной любви, посреди изысканного двора, где распутство являло образ существования и обладало силой закона, она, казалось, была обречена терпеть жалкие попытки супруга, неспособного сделать ее матерью. При полном безразличии к своим супружеским обязанностям, дофин тем не менее испытывал нежность и одновременно страх к женщине, которой он овладел с большим трудом. Он сомневался в себе с того самого момента, как переступил порог супружеской спальни.

Лучше забыть наставления Мерси, стараться не замечать сплетен и насмешек придворных. Нужно притворяться, как будто веришь в искренность этих слащавых улыбок, которыми ее встречали, потому что сейчас она дофина, но завтра будет королевой. И Мария-Антуанетта поверила в это притворство. С момента своего первого визита в Париж дофин и дофина несколько раз посещали столицу. И каждый раз она испытывала сладостное головокружение. В Париже она забывала обо всем. В Париже она была желанна, и это чувство переполняло ее.

Необычайная любовь подданных к молодым супругам стала отражением популярности монархии в целом. Король поздравлял себя с успехом, противники же просто молчали. Дофина брала реванш.

Вскоре она получила разрешение короля ездить в Париж каждую неделю «без всяких церемоний с небольшой свитой». Ее можно было видеть и в художественном салоне Лувра, и в галерее растений, и на ярмарке в Сент-Овид, которая размещалась на площади Людовика XV. Она неторопливо прогуливалась по английскому саду, принадлежавшему маршалу Бирону. Она могла предаваться мечтаниям на руинах и гротах, которые находились неподалеку и в которых был свой неуловимый шарм. И везде ее ожидал блистательный успех.

С каждым днем Мария-Антуанетта становилась все более и более независимой. Теперь она осмеливалась просить милости у своего деда, который старался во всем ей угодить. Когда умер сын госпожи де Майли, которая была принята ко двору, принцесса хотела отправиться в Париж, чтобы выразить свои глубочайшие соболезнования. Однако тетушки напомнили ей о порядке, согласно которому положение дофины не позволяло совершить подобный демарш. Разозлившись на этот запрет, она тут же написала королю, который находился в Марли. Людовик XV ответил ей очень нежным посланием, позволив поступать по собственному желанию: «Дорогая моя дочь, вы можете делать все, что продиктует вам ваше доброе сердце по отношению к этой несчастной женщине». Принцесса тут же отправилась в столицу. Этот акт доброты и милосердия имел огромный успех среди парижан, которые не привыкли к подобному состраданию и сочувствию со стороны королевской семьи.

Однако на горизонте снова замаячила угроза альянсу. Мария-Антуанетта вновь с надменностью начала относиться к фаворитке. С приближенными мадам Дюбарри отношения были примерно такими же. Начиная придворную жизнь, дофина не удостоила вниманием свою племянницу, которая вышла замуж за виконта Дюбарри. 1 января 1774 года дофина проигнорировала присутствие фаворитки, которая находилась в другом конце кабинета вместе с герцогиней д'Эгильон и герцогиней Мазорин.

Людовик XV оставался «очень деликатным во всем, что касалось дофины». Тем не менее никто не мог утверждать, что его страсть ослабела. «Привычная связь, которая его объединяла с любовницей, неминуемо бы разорвалась, если бы здоровье его пошатнулось и привело к благочестию», — утверждал посол Швеции.

А в это время все как будто выжидали появления малейшего признака усталости или недомогания на постаревшем лице короля. Смерть только что унесла с собой трех его близких друзей и оттого он казался подавленным. 23 ноября 1773 года маркиз Шовелен, который всегда играл с ним в вист,

скоропостижно скончался, сидя в своем кресле. Через какое-то время скончался маршал д'Арментьер, также скоропостижно. Аббат де Лавиль из министерства иностранных дел внезапно умер от апоплексического удара. «Арментьер успел позвать к себе исповедника. Для меня страшнее всего умереть как собаке, как Шовелен или Буйон», — признавался король. Он вспоминал также смерть шведского короля, который умер за игрой в карты два года назад. Разговор с герцогом де Кони окончательно поверг его в уныние. Король спросил, отчего возникла «болезнь Бернара, который сошел с ума». И услышал совершенно спокойный ответ: «Все просто, Сир, он был распутником и слишком часто для своего возраста путался с женщинами». Несчастный был с королем одного года рождения.

Дофин и дофина не могли даже предположить, что дни старого монарха уже сочтены. Людовик-Август продолжал охотиться, читать и участвовать в семейных праздниках. Мария-Антуанетта развлекалась и наслаждалась положением дофины. Жизнь казалась ей такой чудесной.

26 апреля, когда Людовик XV находился в компании мадам Дюбарри и нескольких близких друзей в маленьком замке Трианон, он вдруг почувствовал себя плохо и отказался обедать. На следующий день он чувствовал себя слишком слабым, чтобы сесть в седло, как он обычно это делал, поехал на охоту в карете, вечером у него начался сильный жар. Через два дня помимо жара добавилась тошнота. Ла Мартиньер, его хирург, велел ему побыстрее покинуть Трианон: «Сир, вы можете болеть только в Версале». Король не заставил себя долго уговаривать. Он накинул манто прямо на домашнее платье. Садясь в карету, крикнул: «Гони!». Прибыв в Версаль, он сразу лег в постель, чувствуя сильную слабость. Дети поспешили к его изголовью, никто не был особенно обеспокоен.

В течение следующей ночи врачи советовались по поводу состояния их величественного пациента, у которого сильный жар сопровождался мучительными мигренями. 29 апреля, на рассвете, врач решил сделать кровопускание. Церемония проходила по все правилам, несмотря на это, король продолжал находиться в постели. Через три часа кровопускание повторили, но улучшения не наступило, что доказывало серьезность случая. Из-за сильного жара голос короля стал еле слышным. Часто он звал своего дворецкого и посылал его за мадам Дюбарри, которая проводила все ночи у постели больного, в тот вечер она также оставалась с ним. Мария-Антуанетта и дофин ходили без устали по королевской спальне. Вся королевская семья бродила по апартаментам короля в нервном оживлении. Беспокойство начало

нарастать и через несколько часов превратилось в тревогу.

Ближе к полуночи по Версалю прокатился страшный слух: у короля оспа. Дофин и дофина узнали об этом первые, Мария-Антуанетта написала несколько записок, сообщавших эту ужасную новость. Сразу же врачи запретили всем принцам и принцессам заходить в комнату, поскольку никто, исключая графиню Прованскую, не болел этой болезнью. Марии-Антуанетте в свое время сделали прививку против оспы. Дофина с ужасом вспоминала эпидемию 1767 года в Вене, когда болезнь унесла с собой жену брата Иосифа и сестру Марию-Жозефину, которая в то время была помолвлена с королем Неаполитанским. Но что ожидало французский двор? Дофина трепетала, проходя с мужем по небольшому саду. Тем не менее отважная дофина собралась дежурить у постели короля. Врачи воспротивились, поскольку риск был слишком велик. «Однако сам факт, что дофина предложила остаться наедине с больным королем, чтобы ухаживать за ним, останется навсегда в памяти подданных», — отмечал Мерси.

С того момента, как король заболел, Мерси поселился в Версале, для того чтобы подготовить принцессу ко всему, что могло произойти. Наследника престола и Марию-Антуанетту не допускали к монарху, они уединились в своих апартаментах и не принимали никого. Лишь Вермон и Мерси приходили к Марии-Антуанетте. Необходимый как никогда Мерси рассказывал мадам эрцгерцогине все, что только могло представить себе ее воображение, все, что могло случиться в данных обстоятельствах либо в самом ближайшем будущем.

Теперь уже все знали, чем болен государь, за исключением его самого. Тетушки, которые, впрочем, никогда не болели оспой, оставляли спальню короля лишь ночью. Не опасаясь заразиться, герцоги Орлеанский, Ришелье, де Круа, д'Эгильон, де Ноай, министры и многие другие каждое утро навещали больного. Входило ли в их намерение сказать ему правду? Все окружение короля и его врачи расходились во мнениях, стоит ли это делать. Одни утверждали, что эта новость убьет его. Другие же говорили о том, что надо сказать королю о его болезни, чтобы он успел примириться с Богом. В любом случае все знаменовало конец мадам Дюбарри. Победили сторонники умолчания — герцоги Ришелье и д'Эгильон.

Появилась сыпь, однако король, убежденный в том, что в детстве перенес оспу, ничего не подозревал, несмотря на то, что голова его была красной, распухшей и похожа на шар.

Все убеждали, что у него потница. Окружающие стеснялись, боялись, и никто, как это обычно и происходит в таких случаях,

не мог говорить свободно с государем. Из боязни напугать короля никто не осмеливался упомянуть о возможном заражении, даже архиепископ Парижа, который, будучи очень болен, 1 мая отправился к королю. Он не произнес ни слова о своей миссии — спасении души государя. Во время их беседы Людовик больше беспокоился о здоровье архиепископа, так что тот ушел, не добившись успеха. Аббат Моду, исповедник короля, совершенно напрасно прождал, что король позовет его для исповеди.

Все жили в ожидании. Никто не осмеливался говорить, что король не поправится, но все это понимали. 6 мая было решено, что будущий монарх и его близкие должны отправиться в Шуази, до тех пор пока король не скончается. На следующую ночь, к трем часам утра, король, чье распухшее лицо было похоже на маску, наконец, попросил к себе исповедника. В спешке разбудили всю королевскую семью. В семь часов кардинал де Ларош причастил короля в присутствии всех придворных. Мария-Антуанетта присутствовала на этой церемонии вместе с Марией-Жозефиной в зале Совета, тогда как дофин и его братья стояли на коленях внизу у лестницы. После того как король получил Святое Причастие, кардинал подошел к двери, чтобы произнести слова раскаяния, которые король уже не был в состоянии услышать.

10 мая Людовик XV был в сознании до обеда: около грех часов король скончался. Тут же внутри дворца началась молчаливая суета. Придворные спешили в апартаменты дофина. Двое из них постучали в дверь комнаты, и оттуда вышли потрясенные наследники. Вскоре пришли сестры нового короля мадам Клотильда и мадам Елизавета, которых нежно обнял новый монарх. «Мы не расстанемся, — сказал он им. — Я не оставлю вас». Всех остальных он отправил в Шуази.

Медленно и с достоинством королевская чета пересекла галерею, пройдя через толпу склонившихся придворных. Словно во сне, Мария-Антуанетта услышала, как кто-то отдал приказ: «Карету королеве!».

Глава 6. ДВАДЦАТИЛЕТНЯЯ КОРОЛЕВА

«Я не перестаю удивляться силе Провидения, которое выбрало меня, самую младшую из Ваших детей, для самого прекрасного из всех королевств Европы. Сейчас, как никогда, я начинаю чувствовать, как должна быть обязана моей августейшей матери, которая приложила столько усилий для этого». Эти слова исходили от сердца. Мария-Антуанетта написала их через четыре дня после смерти короля — это было время эйфории и счастья. Не осознавая опасности, которая ей угрожала, молодая королева позволила круговороту захватить себя. А в это время в Вене ее охваченная дурным предчувствием мать пишет: «Судьба моей дочери […] может быть либо великой, либо несчастной. […] Счастливые дни для нее закончились». Для Марии-Антуанетты это было лишь началом счастья.

Первые впечатления рассеялись, и Мария-Антуанетта почувствовала в лице Людовика XVI облегчение, несмотря на присутствие недовольных, из-за траура собравшихся при дворе. С королем, которому не было двадцати, и с восемнадцатилетней королевой Франция становилась государством молодости и радости. Не зная реальности, принцесса наивно верила, что теперь она станет действительно свободной и сможет жить лишь в свое удовольствие — для развлечений, восхищения и любви. Впрочем, правление начиналось весьма счастливо. 10 мая королевская чета была встречена криками восторга и радостными возгласами людей, собравшихся на дороге в Версаль. Те же рукоплескания повторились и 18 мая, когда пришлось срочно уехать из Шуази, так как тетушки заразились оспой. Но теперь это признание относилось не к королеве, полной обаяния, а скорее к молодому королю, который воплощал собой возрождение золотого века после шестидесятилетнего правления его деда.

В замке Мюэт, как и в Шуази, Людовик XVI и его жена являли собой пример семейного счастья. Пока король работал, встречался с министрами, подписывал документы, Мария-Антуанетта оставалась со своими деверями и их женами. Обедали и ужинали они все вместе в апартаментах королевы. Между молодыми людьми сохранились былая дружба и доверие. Людовик XVI попросил братьев и их жен называть его «братом», так как обращение «Ваше Величество» предполагало большую дистанцию между ними. Вечером незатейливо одетые принцессы прогуливались по Булонскому лесу вместе со своими мужьями.

Людовик XVI не стеснялся при всех обнимать свою жену и проявлять по отношению к ней знаки внимания. Обстановка в замке Мюэт была невероятно веселой. Королеву и принцессу часто видели на балконе перед восторженной толпой, которая постоянно толпилась у ворот замка. Когда королевская семья входила или выходила из дворца, каждый раз их встречали и провожали восторженные возгласы. Весь Париж восхищался благородным королем и грациозной королевой. Во всех концах страны поэты воспевали начало новой эры, эры процветания для Франции. Казалось, что король сумел завоевать доверие и любовь народа. Молва о популярности молодых монархов достигла границ Австрии, и Мария-Терезия вскоре поздравила дочь, написав ей: «Все восхищаются Вами; Вам пророчат великое будущее, Вы вдохнете новую жизнь в нацию, которая находится в состоянии полного изнеможения и ожидает монарха, который поддержит ее. Однако все восторги лишь временные и сохранить доверие очень трудно».

Опьяненная успехом и уверенная в своей популярности, об эфемерности которой она даже не подозревала, королева, казалось, забыла о своих врагах, которые считали ее опасным агентом Марии-Терезии.

Неуверенная в будущем дочери и альянса, Мария-Терезия старалась всячески помочь королеве своими советами, которые убеждали последнюю в мудрости матери. В письмах та советовала ей слушаться во всем Мерси. «Смотрите на него как на Вашего министра и одновременно и моего, что, впрочем, может прекрасно сочетаться», — напутствовала она. Таким образом, Мария-Антуанетта старалась слушаться Мерси, читала и перечитывала письма матери, но подчинялась лишь своим капризам. «Юная принцесса из-за своей легкости и живости не может обременять себя ничем, что требует внимания и настойчивости; единственное средство от этой скуки — не думать о серьезных вещах», — жаловался Мерси императору Иосифу, умоляя его образумить принцессу. «Нужно бороться с ее ленью и расточительством, — отвечал последний. — Смиритесь с этой привычкой, и пусть она видит, что отсутствие опыта и неразумность, находящие одобрение, приведут ее в бездну».

Если бы даже эти строгие наставления и повлияли на принцессу, они все равно не имели бы нужного результата. Возможно, несмотря на все это, Мария-Антуанетта собиралась обмануть свою опытную и благоразумную семью, для того чтобы показать себя королевой, которой восхищается вся Франция. Все ее желания сводились к тому, чтобы отомстить врагам и осчастливить друзей или, вернее, тех, кого она таковыми считала.

На протяжении будущих месяцев и лет она будет настаивать на своем и вмешиваться в то, что ей будет казаться невероятно важным, путая личные капризы с государственными интересами. И этой весной 1774 года она почувствовала себя удовлетворенной, так как король отправил мадам Дюбарри в аббатство Понто-Деф. Мария-Антуанетта уверовала, что наконец отомстила бесстыдной фаворитке. Оставалось освободиться еще от одного врага — герцога д'Эгильона и вернуть ее любимого Шуазеля.

Обстоятельства сложились так, что 3 июня, разумеется, по совету дяди, герцог д'Эгильон попросил отставки. Мария-Антуанетта ликовала, Мерси же умело скрыл свою досаду. Было очевидно, что был исполнен очередной каприз королевы. Постоянно держа в голове советы Кауница, он тут же начал внушать королеве мысль о назначении кардинала Берни, который был необходим для укрепления альянса. Мария-Антуанетта оставалась «холодной и безразличной». Она предпочитала небрежно отвечать, что ей более симпатичен барон Бретель, который недавно вернулся из Неаполя и кого так хвалила ее сестра Мария-Каролина. «Однако это предпочтение было вызвано еще и желанием продемонстрировать свою власть,» — догадывался Мерси. Назначение Вержена, которое произошло чуть позже, никак не обеспокоило ее. По всей вероятности, посол Марии-Терезии злоупотреблял или вернее, притворялся, что злоупотреблял влиянием королевы. Если король был готов уступить ее капризам, он не докладывал об этом своему правительству. «Людовик заявлял о желании не допускать женщину к государственным делам», — отмечал аббат Вери, имевший точные сведения от Морепа и Вермона, чьим другом он являлся.

Чтобы порадовать жену, король согласился вернуть Шуазеля. Должно быть, ей пришлось использовать всю свою хитрость, чтобы добиться своего. Ведь тот, кто пренебрегает супружескими обязанностями, должен каким-то образом компенсировать этот недостаток. И король исполнял все ее просьбы. Однако прием Шуазеля, состоявшийся через несколько дней, показал, что король не собирается возвращать ему пост министра. Несмотря на любезное отношение королевы и графа д'Артуа, Шуазель вскоре снова отправился в Шантлу. Мария-Антуанетта не проявляла ни особой радости, ни огорчения по поводу этого спешного отъезда.

Летом 1774 года вокруг королевы начали плестись интриги. Ее упрямство и непринужденность в общении с врагами вскоре привели к тому, что при дворе образовалась целая партия ее

противников, о которой она даже не подозревала. Все началось еще в Мюэте, в дни траура. По обычаю, все были одеты в черное, на головах — нелепые черные колпаки. Все придворные дамы подходили к королеве и приседали в реверансе. Шествие тянулось невероятно долго, миловидные мордашки сменялись одряхлевшими и трясущимися головами «почетных вдовушек», королева держалась с достоинством. Вдруг маркиза де Клермон-Тонер, которая стояла позади Марии-Антуанетты, устав, решила, что будет гораздо удобнее присесть, укрывшись за широченными фижмами фрейлин и королевы. Природная веселость маркизы взяла верх, и она шутки ради потянула за юбки фрейлин. Этого было более чем достаточно, чтобы королева растеряла весь свой серьезный и напыщенный вид. Не сумев сдержаться, она расхохоталась, прикрывшись веером, прямо перед носом нескольких почтенных герцогинь, которые знали себе цену. Наглость молодой ветреницы, которая восседала на троне, взбесила их. Они навсегда запомнили эту выходку.

На следующий день появился первый памфлет на Марию-Антуанетту. Мало того, что герцог д'Эгильон, уйдя в отставку, затаил ненависть к молодой государыне, та очень быстро ополчила против себя могущественного принца Руанского и его многочисленных союзников. Однако не она, как таковая, была причиной ненависти. Они скорее ненавидели австрийский альянс, чем саму эрцгерцогиню.

К большому облегчению императрицы посол был отозван во Францию сразу после вступления на престол Людовика XVI. Принц, разумеется, тешил себя надеждой получить пост министра, но новый король даже не думал об этом. Если его тетушка мадам де Марзан и прилагала массу усилий, чтобы добиться своего, это было чистое поражение. Приехав в Версаль он был встречен «с невероятной холодностью и с ним больше не разговаривали», утверждал Мерси. Измученный своими кредиторами, принц Руанский слыл теперь человеком, погрязшим в долгах, не без удовлетворения говорил Мерси. «Его положение было самым ужасным, насколько это возможно». В данном случае можно было только удивляться легкости посла, с которой он утверждал, «что ни он сам, ни его семья не могли больше быть причиной недовольств королевы», поскольку они больше не играли никакой роли при дворе. Это была недооценка собственной власти и власти Субизов, их родственников, союзников и друзей. Императрица опасалась с их стороны мести, жертвой которой станет ее дочь.

Тем не менее, увидев, как все ее враги один за другим падают с пьедесталов, Мария-Антуанетта с легким сердцем и довольная

собой отправилась в Компьен. Там она ощутила полную свободу — поздно вставала, после обеда принимала друзей, близкую подругу принцессу де Ламбаль, которой она предоставляла удовольствие управлять на свой лад, так чтобы последняя не чувствовала себя несчастной. Откровенная милость вызывала жгучую ревность тетушек, здоровье которых настолько пришло в норму, что они вернулись ко двору. Вскоре все заметили, что Мария-Антуанетта словно отодвинула их на второй план. Герцог де Круа «находил королеву пополневшей и очень решительной. Мне больно видеть тетушек короля (для которых оспа не прошла бесследно и состарила их на много лет), с которыми обращаются как с простыми придворными».

Обида тетушек находила поддержку у многих недоброжелателей молодой королевы. Графиня Прованская и графиня д'Артуа очень скоро стали союзниками тетушек, поддерживая безразличное отношение к невестке, высокомерие которой не могло не задевать их. Напрасно Мерси пытался убедить королеву, что «лишь королевское достоинство может стать разумным поведением для нее […] и строгость должна подавить ее живость и легкомыслие». Мария-Антуанетта не могла избавиться от тщеславия и высокомерия. Она продолжала по-детски дразнить своих родственников, то позволяя им все, на что может рассчитывать королевская семья, то вдруг вспоминая, что она королева, «надевала маску высокомерия, будто соответствующую ее рангу, и отпускала обидные замечания в адрес принцев и принцесс». Они не без оснований чувствовали себя игрушкой в ее руках. Графини Прованская и д'Артуа жаловались тетушкам, и все дружно выносили на обсуждение малейшие детали личной жизни королевы, искажая их до неузнаваемости. То, что одна лишь предполагала, другая подтверждала, а третья сочиняла из этого целую историю.

При дворе действовала настоящая *партия врагов*. Начиная с 30 июня, об этой партии уже знал аббат Бодо. «Эта партия, — говорил он, — шайка противников Шуазеля, канцлеров и его приспешников, д'Эгильона и его советников, а также озлобленных тетушек. Они плетут самые грязные и бесстыдные интриги против королевы, которым кое-кто охотно верит, несмотря на полное противоречие и несуразность». Это было 13 июля, 7 августа, согласно тому же источнику, король нашел под своей салфеткой анонимную записку со злым памфлетом.

До сих пор Мария-Антуанетта, казалось, не замечала клеветы, которая разрасталась все больше и больше. Людовик XVI должен был тем не менее сказать ей о существовании памфлетов. Это очень встревожило канцлеров как в Париже, так и в Вене. Через

Бомарше, тайного агента, который служил еще Людовику XV, Людовик XVI узнал, что в Лондоне и Амстердаме готовилась к печати отвратительная брошюра против королевы. Он посылает Бомарше в Англию, чтобы помешать публикации этой книжонки. Познакомившись с издателем, неким Анжелуччи, драматургом, Бомарше щедро заплатил ему за то, чтобы тот уничтожил позорную книжку. Затем вдвоем они добрались до Голландии, чтобы предать забвению второй экземпляр.

Интересно, как развивалось невероятное приключение, о котором рассказывал Бомарше. Последний, узнав, что Анжелуччи сохранил для себя экземпляр памфлета, чтобы все-таки размножить, решил последовать за ним. После доброй рукопашной бумаги все же оказались у Бомарше. Однако вместо того чтобы срочно вернуться в Париж, он едет в Вену, где просит аудиенции у Марии-Терезии и Кауница в надежде получить и от них вознаграждение за свои труды. Императрица и канцлер принимают его с явным недоверием. Вследствие подозрения в том, что Бомарше — обычный мошенник, сфабриковавший все эти памфлеты, Кауниц задерживает его в Вене до получения подтверждения из Франции.

Написанные ради испанских Бурбонов, чтобы сохранить «свои права на французскую корону» в случае отсутствия наследника по старшей линии, эти стишки были направлены против Шуазеля и королевы. В который раз бывшего министра обвинили в попытке отравить покойного короля и назвали его «опаснейшим человеком при дворе королевы». Авторы творений в свое время втерлись в доверие к Марии-Антуанетте. «Самые надежные средства приструнить ее — это поместить под недреманное око благочестивых тетушек, разорвать ее тайную связь с матерью (что было самым основным), отправить аббата Вермона обратно в Вену, и, наконец, избавиться от Шуазеля». Ее называли австрийской шпионкой, говорили, что она пойдет на все, чтобы захватить трон у своего безвольного мужа. Бесстыдная австриячка — так называли ее уже после двух месяцев правления Людовика XVI.

Король не придавал этому большого значения. И очень хотел убедить в этом жену. Растревоженная, она потребовала от Мерси подробнейших сведений. Для посла это было еще одной возможностью призвать королеву к осмотрительности. Он настаивал на необходимости остаться любимицей, являя собой пример для народа. Так как она не отличалась уравновешенностью характера, он добавил, что «подобные вспышки гнева могут стать лишь пищей для презренных авторов подобных стишков».

Несколько дней спустя на улицах из-под полы продавали брошюру «Восход зари». Этот *ужасный пасквиль* […] против монарха и его приближенных изобличал похотливую и распущенную Марию-Антуанетту. «В самых черных красках описывались совершенно невинные развлечения королевы, живущей за городом», — утверждала мадам Кампан. Автор этих стишков был вдохновлен реальным фактом. Когда весь двор находился в Марли, а король со своими братьями — под присмотром врачей после сделанных им прививок, Мария-Антуанетта изъявила желание встретить восход солнца, поднявшись в верхний сад. Это предложение было встречено с большим одобрением молодыми придворными, но совершенно не прельстило Людовика XVI, который очень не любил рано вставать. Тем не менее он позволил празднество на всю ночь, как того хотела жена, сказав ей, что сам в этом участвовать не будет. Итак, он, как обычно, ушел спать. Концерт продолжался до трех часов ночи. В это время сменился караул, и все отправились смотреть представление, устраиваемое на улице. Королева не уставала восторгаться: «Как восхитительно, как красиво!», оставшись в компании мадам де Ноай и принцессы Ламбаль. Эта прелестная ночная прогулка была испачкана и превращена пасквилем в безумную оргию, во время которой Мария-Антуанетта развлекалась, пустившись во все тяжкие.

«Грациозная королева, легкая на подъем в силу юного возраста, с ее страстью к расточительности, толкала людей на коварство и ревность, на ненависть к тем, кто ее окружал», — писал аббат Вери в своей «Газете». Принцесса производит такое впечатление потому, что в ее возрасте подобные вещи просто поражают, она не может чувствовать всей ничтожности этих поступков. Только большая беда может образумить людей. […] Но горе обрушивается на народ, когда их монархи становятся бесчувственными к тому, что о них говорят, и обоснованные упреки воспринимаются ими как грязная клевета. В нашем случае клевета побудила королеву к размышлениям, которые, несомненно, делают ей честь. «Ну вот, — говорила она, — прекрасный урок, чтобы избавиться от эйфории, теперь мне придется поверить в ту злобу, о которой мне все твердили».

По словам Метра, шпиона короля Прусского, «народ требует возмездия». Подозревают, что автором клеветы был канцлер Мопу. Во всяком случае, король только что выслал министра своего отца. Парижане радостно встретили весть о назначении министров, которые не были замешаны в недавней бойне. Тюрго и Миромесниль, пришедшие на смену ненавистным министрам, казалось, являли собой оазис процветания и справедливости.

Маленькая королева праздновала победу. Она ни разу не вмешалась в министерские назначения, и клевета не очернила ее в глазах людей.

Во время пребывания в Компьене король выглядел безумно влюбленным в свою жену. Они довольно часто ужинали вдвоем в небольшом кабинете Людовика XVI и всегда спали вместе. Герцог де Круа, который внимательно следил за супругами, заметил, что «им было по-настоящему хорошо вдвоем и на эту молодую чету было очень приятно смотреть». Однако «супружеское положение» молодой семьи не отвечало ожиданиям двора. Говорили, что после прививки королю сделали небольшую операцию. И та предупредительность, с которой он относился к жене, позволяла думать, что благодаря скальпелю он сможет без труда выполнять свои супружеские обязанности. Однако ничего не происходило. Граф д'Аранда, испанский посол, который шпионил за Людовиком и Марией-Антуанеттой, был в курсе даже самых интимных вопросов супругов. По его словам, король страдал сужением крайней плоти. Можно, конечно, удивляться знанию таких подробностей из частной жизни короля, но надо понимать, что для Испании это было делом государственной важности. Если старшая ветвь Бурбонов прекратится на Людовике XVI, то испанские Бурбоны будут иметь право на французский престол. Увы, в это лето ни королева, ни графиня Прованская, ни графиня д'Артуа не проявляли ни малейших признаков беременности.

Глава 7. ПЕРВЫЕ ИЗОЩРЕНИЯ

Королевский двор покинул Компьен и направился в Версаль, где оставался всего лишь несколько дней. За это время королева должна была удостовериться, что работы в Трианоне идут как положено. Затем все, по обыкновению, отправились в Шуази и Фонтенбло. Траур по покойному королю не позволял молодому королевскому двору наслаждаться балами, праздниками и приемами. Но Мария-Антуанетта уже готовилась к возвращению в веселую жизнь, этот знаменательный факт король решил отметить в Версале в декабре. Все с нетерпением ждали празднеств, королева обновляла гардероб и старалась хоть как-то освежить в памяти унылые требования этикета.

С весны 1774 года все знатные дамы носили «пуфы» от модистки мадемуазель Бертен. Поднимая волосы высоко надо лбом, «пуфы» представляли собой настоящие архитектурные сооружения, на которые помещали самые различные предметы: цветы, фрукты, овощи, птичек и самые разные безделушки; некоторые устраивали у себя на голове настоящие театральные сцены. Так, например, Мария-Антуанетта водрузила на голову невероятный «пуф в честь прививки». Сооружение представляло собой восходящее солнце, оливковую ветвь, вокруг которой устрашающе извивалась змея, угрожая прекрасному цветку. В этой композиции можно было видеть символ новой эры: победы науки над злом, начало золотого века. Парикмахеры и модистки состязались в фантазии, изобретая прически-притчи, прически-зрелища, являвшие в себе эстетику того времени. Все что угодно, даже самый неожиданный предмет мог оказаться на голове у дамы и тем самым превратиться в произведение искусства. Доходило до абсурда — прически пытались отразить современную действительность. Так, например, можно было увидеть прическу «возвращение Верховных судов», «английский сад», «руины замка» и другие изощрения. «Прически больше не гармонируют с одеждой, их создают как живописные произведения, и скоро женщины начнут ходить разодетые словно театральные персонажи и не останется ничего для карнавальных нарядов, которые все-таки должны отличаться от обычных нарядов, лишь ночные колпаки и домашние халаты», — писал Местер в ноябре 1774 года. Несмотря на сарказм, объектом которого становились «пуфы», мадемуазель Бертен стала невероятно известной. Все ее тридцать работниц больше не сидели без работы, так как главной клиенткой была сама королева. Мария-Антуанетта теперь принимала модистку два

раза в неделю. «Работа у Ее Величества», которой Роза Бертен очень гордилась, закончится лишь в 1789 году. Очень скоро начали говорить о расходах, которые съедало «министерство моды». «Происхождение дамочки просто несносно, — писала баронесса д'Оберкирш, — помесь высокого полета и черни, на языке одна лишь дерзость, следствие которой безудержная наглость, если не поставишь ее на место». Бертен вела себя с королевой как преуспевающая модистка, умела убедить королеву, что той необходима какая-то вещь, могла ловко уговорить купить одно, а потом другое. Итого, в первый год правления Мария-Антуанетта потратила 300 000 ливров. И большая часть этих денег нашла приют в карманах мадемуазель Бертен.

Тюрго, получив свой пост, сразу же удвоил сумму на содержание королевы с 96 000 до 200 000 ливров в год. Марии-Антуанетте самой не приходило в голову просить увеличения. Мерси должен был подключать аббата Вермона, который через финансиста «заставлял короля самого почувствовать необходимость этого решения».

Траур заканчивался. Двор вернулся в Версаль изза сильных холодов. Декабрь для Марии-Антуанетты начинался как нельзя более счастливо. С весьма экстравагантной прической, Мария-Антуанетта любила подолгу кататься на санях вместе с графом д'Артуа. Прогулки были наполнены бесшабашным весельем и хохотом. Вернувшись в апартаменты, она играла на арфе и болтала с принцессой де Ламбаль, которая пожирала ее восхищенными глазами. Наконец-то жизнь во дворце проснулась. Мария-Антуанетта буквально завалила королевского интенданта де Лаферте своими идеями, причем все они должны были выполняться в очень короткий срок. Кроме приятных ужинов, ей хотелось устраивать каждую неделю по два бала, давать по два спектакля, один силами актеров Комеди Франсез, а другой — Комеди Итальен. В целях экономии (!) она решила не приглашать певцов и музыкантов Оперы во дворец. Чтобы послушать их, королевская семья отправлялась в Париж.

Первый костюмированный бал состоялся уже в новом году, 9 января. Занятые в первой кадрили были одеты в норвежские и лапландские костюмы, весьма изысканные. Король пришел лишь к девяти часам, прошелся туда-сюда, поговорил кое с кем из гостей, но не танцевал. Особое внимание Марии-Антуанетты в тот вечер привлекали иностранные дамы, которые были приглашены на бал, однако не представлены ко двору. Версаль уже очень давно не видел такого шумного и многолюдного праздника.

Подготовка к таким балам была сумасшедшим временем для всех. Маски и наряды с каждым разом менялись на новые и

оригинальные. «Обилие масок и костюмов, танцы и представления — все требовало бесконечных репетиций и большого количества времени, маскарады следовали один за другим, каждый понедельник, их едва успевали готовить», — жаловался Мерси. Вскоре графиня де Брион дала у себя костюмированный бал, куда, разумеется, были приглашены король с королевой. Королева высоко оценила маскарад: в первом танце все были одеты в костюмы XVI века, во втором — танцоры нарядились как бродячие акробаты, в третьем представили тирольские наряды, а в четвертом — индийские. Королева изъявила желание, чтобы маскарад повторили через несколько дней в Версале. Король оставался на балу до трех часов ночи, королева же танцевала до семи утра и после мессы отправилась спать. Она ложилась спать все позже и позже, что не очень нравилось ее мужу. Однажды около одиннадцати часов королева еще была в постели, но все же приняла Мерси, поскольку этого хотел король, «разумеется, так было нужно для того, чтобы я увидел короля в домашнем халате у постели своей жены. […] *Я должен был* увидеть простоту и нежную дружбу в отношениях короля и королевы». Однако Мерси заметил королеве, что очень не хотел бы вмешиваться в личную жизнь августейших супругов.

Потихоньку наступало время, когда уже и народ начинал прислушиваться к анекдотам, главной героиней которых была королева, а она продолжала заполнять свою жизнь самыми разнообразными развлечениями. Граф д'Артуа, который слыл женским соблазнителем, стал ее лучшим другом. Развязный до дерзости, непостоянный, амбициозный, он являлся полной противоположностью королю, и именно этим нравился королеве. С ним она могла развлекаться, как она того желала. Мария-Антуанетта даже ездила с ним на лошадиные бега, которые он устраивал на Саблонской равнине. Весной 1775 года о связи королевы с развратным деверем стали сплетничать.

Граф д'Артуа был не единственным близким другом королевы. Через несколько месяцев она образовала маленькое общество, где, наконец, почувствовала себя свободной. В первых рядах ее приближенных по-прежнему была принцесса де Ламбаль. Марии-Антуанетте нравилось проводить время в компании мадам Дилон и принцессы де Гемене. Именно в салоне мадам де Гемене Мария-Антуанетта познакомилась с герцогом Лозаном, чьи любовные похождения были известны всей стране. В свои тридцать лет он сделал себе удачную карьеру, когда-то он был херувимом маркизы Помпадур, однако прославился скорее в любовных делах, чем на дипломатической службе.

Ее внимание привлекла очаровательная молодая женщина. Маленькая, с темными волосами, красивым овальным лицом, белоснежной кожей, белыми ровными зубами, с грациозными и мягкими движениями, именно такой была графиня Жюли де Полиньяк, урожденная Габриела Иоланда де Поластрон. Немного ленивая и абсолютно не тщеславная, она не стремилась к успеху и славе. Проводя большую часть жизни в Клае, она редко приезжала в Версаль и вела себя очень незаметно. Тем не менее Мария-Антуанетта хотела познакомиться с ней поближе и вскоре добилась своего. «Сердце молодой королевы просто создано для дружбы и любви. Она привлекала скорее своей приветливостью, чем могуществом». Пораженная открытым и красивым лицом графини Жюли, мягкостью и нежностью ее глаз, скромностью и открытостью, что делало ту очень привлекательной, королева подружилась с ней и сохранила эту дружбу до конца жизни. Близкий друг супругов Полиньяк, Безенваль, первый заметил это сближение. Далекий от мысли «завоевания дружбы и доверия королевы», он все же одобрял эту симпатию, понимая, «какую выгоду можно извлечь, имея такую подругу». В сотрудничестве с мадам Полиньяк Безенваль вскоре добился значительного успеха в окружении королевы.

За своей ветреной жизнью у Марии-Антуанетты не было времени замечать мужа, который теперь более походил на ее тень. Под предлогом насморка она попросила его не приходить к ней в спальню. Однако и после выздоровления отчуждение продолжалось, королева не проявляла ни малейшего желания снова сблизиться со своим супругом. В надежде предотвратить угрожающий разрыв Мерси решил отремонтировать подземный переход между покоями короля и королевы. То есть, когда Людовик XVI захочет провести ночь со своей женой, ему не придется испытывать на себе многозначительные взгляды придворных.

Легкомыслие королевы переходило все границы, и Мерси хотел образумить ее. Он старался внушить ей, «что первым и самым основным условием, необходимым для ее счастья, было доброе отношение с королем и согласие с особенностями его характера. Что же касалось его странных привычек и привязанностей, то король, спокойный и методичный, привыкший к порядку и уравновешенности, освободится от них, когда его, в свою очередь, освободят от нескончаемых, шумных праздников». Он упорно продолжал ей повторять, «что противопоставляя королю бесконечный поток балов и увеселений, она только больше сделает его серьезным, душа его очерствеет, и так же

быстро исчезнет доверие, вся его любезность и любовь пропадет, если все оставить по-прежнему». Какое-то время Мария-Антуанетта пыталась прислушиваться к слова Мерси, но вскоре она снова почувствовала настоятельную потребность в развлечениях, словно опасалась умереть со скуки.

Все готовились к церемонии коронации, которая должна была состояться в следующем месяце. По французской традиции, короновался только король, а королева присутствовала при священной церемонии.

У Марии-Антуанетты были другие заботы. Когда она не выезжала на прогулки с графом д'Артуа, то проводила время со своими новыми друзьями. Реформы

Тюрго, «мучная война», которая наводила ужас на все королевство, все это не интересовало королеву, она не стремилась ни понять политику министров, ни узнать причины, ее породившие. И все эти волнения в стране служили лишь хорошим предлогом для сподвижников Шуазеля, чтобы снова заговорить с королевой о необходимости вернуть прежнего министра. В начале апреля графиня де Брион, которая была известна как любовница Шуазеля, отправила Марии-Антуанетте письмо, в котором говорила об ужасной ситуации, которая сложилась во Франции. Естественно, она описала Шуазеля как единственного человека, способного вернуть Франции былую славу. Королева же случайно дает это письмо своему мужу, который приходит в ярость от подобного заявления. Разумеется, теперь было уже бесполезно говорить с ним о ненавистном ему министре.

Однако шуазелисты не отказались от борьбы. Они замыслили новый план. Для того чтобы вернуть Шуазеля к власти, нужно было освободиться от Морепа. Весь этот сложный маневр состоял в том, чтобы добиться ссылки герцога д'Эгильона, за которой вскоре последовала бы отставка Морепа. Уставший от бесконечных интриг противников, старик потерял бы силы и предпочел уйти в отставку. В этом случае король вернул бы прежнего министра. Шуазелисты все свои надежды возлагали на королеву, которой предназначалось быть в центре их интриг. Авторы этого плана доказывали полное отсутствие политической интуиции, полагаясь на сомнительное влияние королевы, слабость короля и власть министров.

Безенваль начал с того, что настроил Марию-Антуанетту против герцога д'Эгильона. «Одной заинтересованности королевы хватило бы для того, чтобы атаковать д'Эгильона, поскольку у меня нет никаких личных причин для ненависти к герцогу,

который, впрочем, был инициатором интриг против Шуазеля. И только это пробуждает во мне желание отомстить ему. Невозможно даже предположить возможность возвращения Шуазеля, когда д'Эгильон находится о ворот власти», — писал он в своих мемуарах. Королева, которая всегда недолюбливала д'Эгильона, была готова слушать кого угодно. В общем, обстоятельства для осуществления этого плана были самые благоприятные.

Убедить королеву в необходимости отставки д'Эгильона было детской игрой для старого хитреца Безенваля, и не более. Задача упрощалась сплетнями и слухами, крайне неприятными, которые ходили о королеве в столице. Он без труда сумел убедить Марию-Антуанетту в том, что их автором был не кто иной, как герцог д'Эгильон. Мария-Антуанетта решила вызвать к себе Сартена, бывшего лейтенанта полиции, чтобы «приказать ему принять все необходимые меры для пресечения свободы слова в парижских кабачках». Опасаясь, что ее не встретят громом оваций, как обычно, она решила не отправляться в Оперу на «Орфея» Глюка. По совету Безенваля, Мария-Антуанетта «начала настраивать короля против д'Эгильона». Не проходило ни одного дня, чтобы Мария-Антуанетта не заговорила с королем на эту тему. Уставший от бесконечных сцен жены, обессилевший от слез, Людовик XVI пообещал выслать герцога в его владения в Турене.

Убежденная в скорой блестящей победе, Мария-Антуанетта поспешила сообщить эту новость своему доверенному. К ее большому сожалению он не разделил ее радости. В Турене д'Эгильон начнет изливать душу, полную ненависти и желания отомстить. Его следовало бы отправить гораздо дальше, в Эгильон, чтобы «отдаленность пресекла коварные интриги». Поскольку Мария-Антуанетта казалась несколько отстраненной, Безенваль использовал все свое красноречие, чтобы убедить ее в необходимости шага, если она хочет добра себе и честным людям. На следующий же день она снова начала уговаривать мужа. «Я говорила с королем: наконец, он понял, что д'Эгильон просто насмехается над ним, и я думаю, он скоро отдаст все необходимые приказы», — писала она вскоре Безенвалю, который уже праздновал свою победу.

Этот шаг короля очень устрашил многих министров, поскольку на первый взгляд не было никаких причин для отставки д'Эгильона. Интриги королевы на этот раз обошли их стороной, однако они занервничали. Не зная о тайных намерениях королевы и ее приближенных, они «могли лишь строить предположения». Однако королева объяснилась с Морепа, который был весьма удивлен той строгостью, с которой она

обошлась с его племянником. «Чаша терпения переполнилась, — сказала королева, — это была последняя капля». «Но, Мадам, я считаю, что если король хочет кого бы то ни было наказать, наказание не должно исходить от Вас». — «Может быть, Вы и правы, но я полагаю, что у нас не было иного выхода. Поэтому мне пришлось это сделать». — «Могу ли я заметить, Мадам, что это скорее была воля Вашего Величества, поскольку, как мне кажется, король безразличен к этому делу?» — «Вы можете это обнародовать, я согласна, я все возьму на себя». Морепа, который по-прежнему пользовался большим доверием королевы, вдруг почувствовал недоброе дуновение, и это был ветер отставки. Обозлившись на этого капризного ребенка, лишенного всякого опыта и разума, теперь он мог ожидать от нее любого решения.

«Все бы ничего, если бы влияние королевы ограничилось делами иностранными. Однако ни в чем нельзя быть уверенным, — звучало в речах аббата Вери. — Король скорее боится ее, чем любит, поскольку он выглядит гораздо более веселым и естественным в компаниях, где ее нет. Впечатление привычного страха, каким бы абсурдным оно ни казалось на первый взгляд, тем не менее было правдоподобным. […] Влияние королевы на решение государственных вопросов (если таковое имеет место) не принесет ничего хорошего для страны. Ее голова не такая милая и добрая, как сердце. Она легко обманывается и не способна быть решительной в важных вопросах. Первым от этого пострадает ее муж. Его правление наполнено придворными интригами и одновременно народной любовью, которая растет с каждым днем».

Опьяненная властью, королева вместе с королем 5 июня отправилась в Компьен. Супруги и придворные провели там три дня, прежде чем отправиться в Реймс для коронации. Эта церемония навсегда закрепляла союз короля с народом и для Людовика XVI являлась особенно важной.

Когда король торжественно подошел к монументальному трону, возвышающемуся посреди зала, королева не могла удержаться от волнующей дрожи. Взволнованная и очарованная, она следила за ходом церемонии, не упуская ни единого жеста своего супруга; обычно неловкий и несмелый, теперь он казался полным грации и достоинства. В самый торжественный момент у королевы даже скатилась слеза. Король поднял голову и со значением посмотрел на нее. На его лице можно было видеть удовлетворение и гордость, которые невозможно было презирать. Из-за подступивших слез Мария-Антуанетта быстро удалилась в апартаменты, чтобы не плакать в присутствии подданных.

Эмоции все же перехлестнули через край. И все с удивлением

наблюдали, как поддерживаемая Триполи, королева покинула ложу вся в слезах. Однако вскоре вернулась на свое место, король нежно смотрел на нее и улыбался. Церемония проходила строго по распорядку. К вечеру, уставший, но невероятно счастливый Людовик XVI с супругой рука об руку удалились прочь от шумной толпы придворных, сквозь ликующую толпу. Мария-Антуанетта чувствовала себя желанной и любимой. Несомненно, у нее испортилось бы настроение, если бы друзья напомнили ей о другой реальности.

В Реймсе дворцовые интриги обострились. Желая извлечь выгоду из отсутствия Морепа, оставшегося в Портшартрене, шуазелисты с большим пылом возобновили борьбу. Мерси мог лишь беспомощно наблюдать за их маневрами: «Сподвижники герцога Шуазеля буквально атакуют королеву, они действуют из своих личных соображений, ради собственной выгоды, им безразлична судьба королевы», — писал он императрице. Невероятная новость очень быстро облетела двор, который по-прежнему находился в Реймсе: королева согласилась принять Шуазеля. Никто не знал, о чем они говорили во время встречи, однако уже поползли слухи о возвращении бывшего министра к власти. Может быть, Мерси так и считал, однако Шуазель вовсе не просил королеву вернуть его в Версаль. Он предпочел бы обратиться к услугам Безенваля, который охотно помогал ему. Предварительно Мария-Антуанетта получила разрешение супруга, сказав ему с нежной улыбкой, что «надо бы поговорить с бывшим министром». «Вы, вероятно, уже знаете об аудиенции, которую я предоставила Шуазелю в Реймсе, — писала она графу Розенбергу. — Все только и говорят, что старик Морепа боится уехать в свои владения и, таким образом, уйти на покой. Вы прекрасно понимаете, что это стоило мне немалых усилий, однако даже не представляете, с какой ловкостью мне пришлось разговаривать с королем, чтобы не показать, будто прошу его об отставке министра. Я сказала ему, что надо поговорить с Шуазелем, а день у меня занят. И так ловко все обыграла, что бедняга устроил для меня встречу в самое подходящее время. Я думаю, что полностью использовала права жены». Это письмо, которое так возмутило Марию-Терезию и Иосифа (поскольку Розенберг показал его им), без сомнения, без прикрас представило Марию-Антуанетту, поскольку доклады Мерси, в которых посол с необычайным красноречием описывал королеву, были хоть и правдивы, но достаточно льстивы. С Розенбергом же королева говорила совершенно искренне. В письмах к нему она показывала себя совсем с другой стороны, тогда как в письмах к матери это была послушная и воспитанная дочь. Мария-Терезия

имела полное право на откровенное признание королевы Франции: «Коронация была просто превосходной. Казалось, что все были без ума от короля, он же действительно был великолепен. Все от мала до велика следили за каждым его движением, трогательные рыдания прервали в момент коронации церковную церемонию. Я ничего не могла с собой поделать, слезы катились сами по себе. Во время поездки я искренне восхищалась народным ликованием, и хотя было очень жарко и людно, я совсем не думала об усталости, что, впрочем, не повлияло на мое здоровье.

Это удивительно и одновременно прекрасно: быть так тепло встреченными спустя два месяца после подавления „мучной войны“, которая, впрочем, все еще продолжается. Удивительное свойство французского характера — быстро забывать зло. Видя этих людей, которые, находясь в ужасной нищете, по-прежнему любят тебя, мы чувствуем, что просто обязаны еще больше трудиться на их благо. Мне кажется, король испытывал те же чувства, я уверена, что никогда в жизни (даже если она будет длиться сто лет) не забуду этого дня». Ну и ну! Какая же она на самом деле, МарияАнтуанетта?

Глава 8. НОВЫЕ ИНТРИГИ, НОВЫЕ КАПРИЗЫ

«Слова, красивые слова», — печально размышляла Мария-Терезия над письмом дочери. «Посреди ее блестящего успеха меня не покидает страх, легкомысленность и неразумие могут сильно навредить ей», — впрочем, старая императрица изъяснялась на весьма живописном французском.

Опьяненная и немного уставшая от восторгов, уверенная в своей абсолютной власти, Мария-Антуанетта вернулась в Версаль, сияя от счастья. Удовлетворение самолюбия заменило двадцатилетней женщине удовлетворение в любви, которое оставалось для нее лишь мечтой. Король, обычно всегда угрюмый и неразговорчивый, стал по-детски добрым и приветливым, как в день коронации. Он с нежностью смотрел на жену и, казалось, уверовал в счастливое будущее. Должно быть, он искренне любил свой народ, который встречал его восторженными криками и ждал от него чуда. И он верил всем сердцем, что оправдает их ожидания. Но что мог он знать об истинных желаниях и нуждах подданных? «Я стараюсь ради одной цели: сделать мой народ счастливым, я уверен, он того заслуживает, — писал он Морепа, прежде чем покинуть Реймс. — Задача довольно сложная, но с божьей помощью и помощью ваших друзей я постараюсь справиться с ней». Мария-Антуанетта полностью поддерживала добрые намерения супруга. Она заявила Тюрго, «что тоже желала бы оказать содействие и всячески помогать ему в этом начинании».

Однако Людовик XVI и Мария-Антуанетта витали в облаках. Охваченная вдохновением и действуя из самых благих намерений, Мария-Антуанетта не думала больше о Шуазеле. Ей было достаточно добиться своего — получить разрешение на аудиенцию бывшему министру. Добившись своего, она праздновала победу, и больше ей ничего было не надо. Однако столь знаменательная встреча не принесла результатов. По-прежнему надеясь на свое скорое возвращение в Версаль, Шуазель тем не менее вел себя очень осторожно. В просьбах герцога и в его рассуждениях чувствовалась скорее новая интрига чем беспокойство о королеве. Шуазель дал ей единственный дельный совет, убедив, что «она должна поставить перед собой лишь две цели: завоевать сердце короля теплом и нежностью и самое главное подчинить его себе». По словам Мерси, королеве больше понравилась вторая цель.

Сподвижники Шуазеля по-прежнему продолжали мечтать о ближайшем возвращении министра к власти. Безенваль, графиня де Брион возобновили свое давление на Марию-Антуанетту, несмотря на тщетные попытки Мерси и Вермона помешать этим маневрам. Обескураженный невероятными капризами молодой женщины, Вермон начинал серьезно подумывать об отставке. Послу пришлось приложить все свои усилия, чтобы разубедить его в этом. В период весьма натянутых отношений между Австрией и Францией для Марии-Антуанетты было очень важно прислушиваться к советникам своей матери. И снова она не делала ни шагу без совета шведского барона; он убедил ее, что ее влияние станет еще большим, если будущий министр будет во всем ее поддерживать. Ей, которая интересовалась политикой лишь из любопытства, защита и поддержка кандидата на столь высокий пост казалась игрой, и она хотела выиграть ее ради собственного самолюбия. Не имели значения опыт, компетенция и личные качества кандидатов. Она жаждала победы именно этого кандидата. Однако все представлялось весьма зыбким, поскольку королева в любой момент могла перестать интересоваться политикой.

Вернувшись в Версаль, она изменила свое отношение к Морепа. Оставила презрительный и высокомерный тон и достаточно любезно общалась с ним, что не переставало удивлять старика и других министров, которые внимательно отслеживали ее резкие смены настроения, особенно после недавнего дела д'Эгильона. Министры сразу же решили, что это был новый маневр шуазелистов. И не ошиблись. Попытка изгнать Морепа не удалась, и теперь Безенваль настоятельно советовал королеве сблизиться с министром. «Я убежден, — писал он, — что если она захочет сделать всего лишь один шаг к нему, то увидит его готовность сделать для нее все что угодно». Объектом атаки стал на сей раз Тюрго, весьма влиятельный в правительстве человек. «Присутствие его в Версале несовместимо с возвращением Шуазеля, — утверждал аббат Вери. — Их взгляды, политика, способ мышления, даже биение их сердец полностью не совпадают».

Нервное оживление Марии-Антуанетты, бесконечные капризы, кризисы ее ложной власти — все это скрывало ужасное разочарование и пустоту. Королеву часто охватывала ужасная тоска, это была ностальгия. Она чувствовала ее даже в обществе, мечтала снова увидеть Вену, свою мать, братьев, сестер… Она едва удержалась от слез, когда узнала, что граф и графиня Прованские уезжают в Шамбери. И Мария-Жозефина проведет целых две недели вместе со своей семьей — по случаю свадьбы

младшей сестры Людовика XVI с принцем Пьемонтским. «Как это ни ужасно, но я не могу даже надеяться на подобное счастье», — писала королева матери. Ей довелось лишь увидеть своего брата Фердинанда, когда тот приезжал на несколько дней вместе с женой. «Разлука слишком дорого мне обходится. От подобных мыслей на меня нападают тоска и отчаяние, особенно когда я думаю о моей родине», — снова пишет она императрице. Австрия по-прежнему оставалась родиной для французской королевы, которая оставила там все свои детские мечты, существование, такое тихое и безмятежное, покой, который охраняла бдительная мать-императрица. Вена с императрицей и императором казалась ей сейчас убежищем от всех ненастий и кошмаров. В Версале Мария-Антуанетта не обрела второй семьи и после смерти Людовика XV не знала, где найти защиту и поддержку, в которых она так нуждалась. Ей никак не удавалось испытать хоть какое-нибудь глубокое чувство к своему супругу. Временами она с трудом могла выносить его как короля и монарха. Тем не менее женщина должна, по существующей этике, первой подчиниться ему и принимать его таким каким он был. Так-то оно и было, но ценой каких же больших разочарований. Увы, она видела в своем муже лишь «бедолагу», который не способен сделать ее настоящей женщиной, а здесь, во Франции, означало, кроме того, и продолжательницей рода Бурбонов. В общем, неспособность Людовика XVI быть мужчиной еще больше подталкивала завыть от ностальгии по родной Вене.

Несмотря на тайный ход, который позволял супругам проводить вместе ночи так, чтобы двор не знал об этом, близости между супругами не было. Мария-Антуанетта чувствовала себя ужасно, узнав, что 6 августа 1775 года графиня д'Артуа родила сына. Маленький герцог Ангулемский был третьим наследником престола. И если королева вскоре не забеременеет, то потомки графа д'Артуа в ближайшие десятилетия взойдут на французский престол. У графини Прованской было тоже мало шансов в скором времени стать матерью. «Не могу даже описать вам, матушка, как я страдаю когда вижу наследника престола, который не является моим сыном», — писала Мария-Антуанетта. Впрочем, уже снова начинали поговаривать об операции для короля, однако никто не спешил с этим вопросом. Даже заинтересованные лица. Хотя Мария-Антуанетта и убеждала мать, что «безразличие исходит вовсе не от нее», положение не менялось. Во Франции это значило, что у королевы, не имеющей детей, были весьма непрочными позиции. Мария-Терезия прекрасно знала все тонкости светской психологии и пыталась подбодрить дочь. Мария-Антуанетта приняла разумное решение: «отдаться во

власть Провидения и смиренно ждать исхода, надеясь на лучшее».

Семья ее мужа не была слишком добра к ней. Она много времени проводила с золовками и деверями. Если ей нравилась компания графа д'Артуа, ей тут же напоминали, что подобная дружба может быть очень опасной. Она не испытывала никакой привязанности к тетушкам. Что же касалось других принцев по крови, они состояли в слишком дальнем родстве, и их отношения с блистательной кузиной испортились после какой-то незначительной ссоры. Оставалась лишь маленькая принцесса Елизавета, которой исполнилось одиннадцать лет. Королева открыла для себя этого милого ребенка «с добрым и открытым сердцем». Девочка привязалась к Марии-Антуанетте, когда уехала ее сестра Клотильда — вероятно, навсегда. Королева прекрасно понимала чувства ребенка и сама боялась слишком сильно привязаться к ней, поскольку через несколько лет это милое создание точно так же навсегда уедет из Франции.

Муж с каждым днем все больше и больше разочаровывал ее, в семье она не находила поддержки — все это заставляло Марию-Антуанетту искать душевное тепло в дружбе, поскольку любовь была ей недоступна. Летом 1775 года она не скрывала своей привязанности к графине де Полиньяк и принцессе Ламбаль, которая получила в подарок совершенно бесполезный пост сюринтендантки. Королева и ее подруга много времени проводили уединившись. Время проходило так быстро, что они никогда не успевали обсудить все свои незатейливые, в общем-то ненужные проблемы, которые, впрочем, и придавали неповторимый шарм посиделкам. Графиня де Полиньяк по-прежнему была близка королеве и вызывала у впечатлительной принцессы Ламбаль страдания от обделенности признанием августейшей подруги. Легкие столкновения между двумя фрейлинами доставляли Мерси массу хлопот и пробуждали к жизни новые сплетни при дворе. По всей вероятности, прелестная графиня де Полиньяк еще несколько месяцев назад обошла свою соперницу. Как же она была высокомерна и безразлична с бедняжкой Ламбаль! Жизненный опыт давал ей явное преимущество в глазах королевы — эта женщина с ангельской улыбкой и искренним взглядом вовсе не славилась своей добродетелью. Совсем еще юной ее выдали замуж за графа де Полиньяка, который был лишен не только наследства, но и какого бы ни было обаяния. Впоследствии тайная и страстная любовь связала ее с графом де Водреем. Разумеется, она буквально заставила королеву примириться с ее жизненной ситуацией. Скорее приятный, чем красивый, изящный и живой, избранник графини был представителем древнего рода, его семья,

достаточно богатая, очень быстро навязалась в общество королевы, которая, впрочем, никогда не испытывала к ним чувств искренней дружбы и признательности. Графиня де Полиньяк представила еще нескольких членов своей семьи, среди них была графиня Диана, прирожденная интриганка, способная на все ради собственной выгоды. Тогда Мария-Антуанетта не видела в них компании «придворных ловкачей», для нее это было веселое общество, помогавшее ей развлекаться. Наконец-то, она избавилась от престарелых маразматиков, став подлинной хозяйкой двора.

В своем маленьком кружке, который она выбрала по своему вкусу, Мария-Антуанетта правила на свой манер, что позволяло ей сказать: «Я не королева, я — это я». «Новые куплеты, свежее словцо, фривольный анекдот, скандальная история — все было предметом разговоров в этом маленьком, очень личном обществе королевы. […] [Она] очень любила подобную манеру общения — ей импонировали эти вкусы — и говорила, что никогда не сможет подружиться с занудой», — свидетельствовала мадам де Кампан, подчеркивая тем не менее достойное отношение королевы к мужчинам, которые липли к ней, как, впрочем, и женщины.

Обе фаворитки королевы — как мы можем узнать из переписки тех лет, и в первую очередь из переписки Мерси — прекрасно сотрудничали в те времена. Они действовали осторожно, но назойливо, что давало основание Мерси подумывать о возможной отставке. После ужина, по словам последнего, «это был самый опасный период дня». Мария-Антуанетта отправлялась к принцессе Ламбаль или мадам де Гемене. В апартаментах сюринтендантки к тому времени уже находились герцог де Шартр и все приближенные Орлеанского дома, другими словами, то, что называли Пале-Рояль. Партия Шуазеля собиралась в апартаментах мадам де Гемене, там были супруги де Полиньяк, их друзья и, естественно, Безенваль, которого Мерси называл «подстрекателем» Шуазеля. Обе группировки не имели точной политической программы. Можем ли мы говорить о том, что шуазелисты довольствовались одним желанием — вернуть бывшего министра к власти? На самом же деле обе партии занимались только лишь тем, что затевали дворцовые интриги. «Каждый день от этих двух партий исходило столько пожеланий и требований, что было просто невозможно выполнить их все сразу, и к тому же им не было конца», — писал Мерси.

Мерси и Вермон не упустили случая, чтобы раскрыть глаза королеве на Безенваля и мадам де Полиньяк:

«Я докажу королеве, что ее обманывают, ловко скрывая от нее действительность, и добиваются всего, что они хотят, под видом личных просьб. […] Я располагаю фактами, истинность которых не подлежит никаким сомнениям, и сбрасываю со счетов легкомыслие и желание набить себе цену. Графиня де Полиньяк и тем более барон де Безенваль в ряде случаев были готовы на предательство, они хотели рассказать то, что королева говорила им, в надежде на дружбу и доверие, они были готовы воспользоваться этим доверием ради личных выгод». По всей вероятности, демарш Мерси принес-таки плоды. Мария-Антуанетта упорно противостояла натискам *близких друзей*, притворяясь, будто у нее нет свободного времени ни для мадам де Полиньяк, ни для Безенваля, затем все окончилось тем, что она пригласила к себе барона. После красноречивых признаний в верности и преданности он попросил ее «сказать ему о сведениях, которые вызвали у нее такое отношение, для того чтобы он смог достойно опровергнуть их». «Королева лежала на софе, когда я вошел к ней, она вытирала платком глаза, слезившиеся из-за простуды, и с трудом отвечала мне: „Мне никто ничего не говорил против вас, мое отношение к вам осталось прежним“», — рассказывал герой этой истории. Вне себя от ярости, что с ним обошлись так ужасно, он отправился рассказать эту неприятную новость мадам де Полиньяк. Очаровательная графиня любезно встретила его и также пожаловалась ему на невнимание со стороны королевы, но когда она пришла к государыне, глаза той, полные слез, все ей объяснили. Мария-Антуанетта чувствовала себя покинутой, после расставания подруги стали близки как никогда. Ни мадам де Полиньяк, ни Безенваль не понимали причины выказанной холодности. Они терялись в догадках, предполагали, что кто-то из их кружка настроил королеву против, но даже представить себе не могли это делом рук Мерси. Безенваль на самом деле поверил, что впал в немилость, мадам де Полиньяк, напротив, чувствовала, что ее положение укрепляется. Тем не менее Безенваль по-прежнему оставался доверенным лицом королевы, хотя и жаловался на некоторую холодность с ее стороны. Что касается мадам де Полиньяк, то ее звезда только-только взошла на небосводе.

Столько примеров неосмотрительности, допущенной при дворе в тот 1775 год, не могли оставить равнодушными врагов королевы, которые напропалую платили авторам многочисленных пасквилей. «У нас настоящая эпидемия памфлетов, — писала Мария-Антуанетта своей матери 15 декабря. — Их сочиняют обо всех придворных, о женщинах и мужчинах, и эти французские трещотки замахнулись даже на короля. Но меня не проведешь.

Хотя злоязычие столь популярно во Франции, все весьма пошло и грубо, да и манера изъясняться не пользуется популярностью ни у народа, ни в приличном обществе». Судите сами. Вот вопрос, читала ли королева «Придворные новости»? Людовик XVI обвиняется в бессилии, в том, что пал жертвой жены-прелюбодейки (которая обманывала его с многочисленными любовниками) и тещи, якобы советовавшей дочери:

Дочь моя, вам нужен наследник!
Мне неважно, кто посредник,
Хоть с короной, хоть и без,

Но прежде чем войдет он в будуар,
Уж постарайтесь обсудить с ним гонорар
И также убедитесь в том,
Что в состоянии он стать отцом.
Занятие, куда вовлекаю я Вас,
Поверьте, чудесно, совсем без прикрас,
Что ж до деталей, решайте уж сами,
Ведь дело-то все-таки личное.

А если дело все же не свершится,
Могу сказать, что это завершится
Тем, что с Версалем можете проститься,
К тому же навсегда.

Мерси, в свою очередь, не проявлял особого беспокойства по поводу эпидемии памфлетов, хотя первый выпуск гнусных стишков был серьезным ударом по репутации королевы. Тем не менее любопытно, что 17 декабря он все же подтверждал, что «влияние и власть королевы основательно беспокоят столь легкомысленную и живую нацию, которая не желает, чтобы ею управляла иностранка, которая лишена единственного качества для признания француженкой — материнства».

Глава 9. ДЕЛО ГИНЕ

Зима снова вовлекла весь фр. чгчузский двор в круговорот праздников. Несмотря на морозы, насморки и другие болячки от переохлаждения, королева не лишала себя удовольствия прокатиться на санях, не пропустила ни одного бала, ни одного приема, ни одного спектакля в Опере. Ей случалось иногда среди ночи ехать в Париж и дрожать от холода в королевской ложе театра, однако возвращалась она лишь к шести часам, шла на мессу и только потом отправлялась спать. Ею владела настоящая страсть к развлечениям. Любой час, незаполненный каким-либо развлечением, казался ей ужасно тоскливым. Она занимала себя любым, даже ненужным занятием, лишь бы одиночество не захватило ее, чтобы избежать тягостных раздумий и размышлений. «По вечерам, во время игры она разговаривала только с Безенвалем, „который вышучивал все вокруг“ […]. За обедом общалась только с придворной молодежью», — рассказывал герцог де Круа. Уже очень давно она не брала в руки книг, если не считать каких-то маленьких романов. Она больше не музицировала. Мерси и Вермон чувствовали себя счастливыми, поскольку имели возможность регулярно беседовать с ней.

Общественное мнение на ее счет очень изменилось. Восторга поубавилось, и она даже удивлялась этому. Королева старалась избегать тех мест, где ее могли встретить не так, как хотелось бы. Безразличная к обыденной жизни парижан, она была равнодушна к их бедам, попросту не могла видеть их, проносясь в санях с веселой компанией молодых придворных. Муж был полностью погружен в министерские реформы и экономические проблемы, а двадцатилетняя королева, напротив, совершенно не интересовалась жизнью королевства, *«этой* страной», как она писала матери. Что до простых французов, она их тем более не знала. Для нее существовала лишь придворная знать, с которой судачила целыми днями. Однако все должны были преклоняться перед волей короля или перед ее собственным мнение что было, впрочем, одно и то же. Добродушный Людовик XVI, мог ли он быть благодаря своим добродетелям отцом для всех французов, которые иногда выглядели суровыми, но в душе своей оставались добрыми и отзывчивыми? Так рассуждала Мария-Антуанетта, если это можно было назвать рассуждением. Она представляла французов как огромную толпу непослушных детей, которых нужно было постоянно призывать к порядку, к доброму королевскому порядку. Если Мерси с Марией-Терезией и смогли ее убедить в чем-то, так только в том, что этой нации очень

свойственно легкомыслие. «Моя дорогая мать совершенно права насчет легкомыслия и ветрености французов, — писала королева сразу же после истории с памфлетами, — но я действительно очень огорчена, что она испытывает настоящее отвращение к этой нации. Ее характер действительно непостоянный, но совсем не дурной; перо и слово не передают того, что в душе у этого народа. Доказательством является то, что им вовсе не ненавистна власть, хвалят они гораздо чаще, чем ругают». Сама Мария-Антуанетта была вновь встречена рукоплесканиями, когда приехала в Париж, для того чтобы внести щедрые пожертвования пострадавшим от пожара, который разразился в парижском дворце Правосудия.

Королева не занималась политикой, и министры поздравляли себя с этим. После того как она безуспешно пыталась противостоять некоторым назначениям, то отказалась от идеи играть главную роль в управлении страной. И ограничивалась тем, что просто просила министров выполнять различные пожелания ее друзей.

В самом начале нового года Тюрго подготовил текст четырех указов, которые должны были потрясти все устоявшиеся основы французской монархии. Тогда как король и его министр только и думали, что о предстоящих реформах, разразилось *дело Гине.* Послушавшись своего самого коварного советника, Мария-Антуанетта незамедлительно вмешалась в опасную игру. Вержен совсем недавно заявил на совете, что граф де Гине несколько месяцев назад вернулся в свое лондонское посольство и распространяет весьма странные дипломатические письма. Он взял на себя опасную инициативу, которая противоречит интересам короля и самого Вержена. В действительности же граф позволил себе, будучи на приеме в испанском посольстве, поставить под сомнение франко-испанский договор и заметил, что Людовик XVI не будет поддерживать Карла III, если тот ввяжется в войну против Португалии, чтобы установить свое влияние в колониальной Америке. Кроме того, Гине заявил, что военные приготовления направлены не только против английских колоний в Америке, но и против испанской Мексики. Наконец, он заявил, что Франция никогда не придет на помощь «повстанцам» в Америке. На кого работал граф Гине? Не был ли его ход направлен на то, чтобы привести Францию к войне? Не был ли посол вдохновлен Шуазелем, сторонником ответной войны с Англией, направленной на то, чтобы вернуть утраченную власть? Некоторые были уверены в этом, однако никто не мог дать точного ответа. Король решил отозвать Гине. Помня, с каким упорством Мария-Антуанетта защищала Гине, министры

пытались нейтрализовать ее влияние. Когда Людовик XVI сообщил, что он уже пообещал королеве не назначать преемника на место графа де Гине, пока тот не будет оправдан, все поняли, что королева открыто защищала протеже.

Шуазелисты внезапно изменили тактику и в течение нескольких дней оставались в бездействии, словно выжидая чего-то. Они представляли Гине как жертву Тюрго. Чтобы избежать столкновений с Марией-Антуанеттой, Тюрго решил предъявить Гине обвинения в неверности не только королю и министрам, но и королеве. Таким образом он мог неосмотрительно вовлечь королеву в государственные дела и одновременно создать опасный прецедент, хотя аббат Вери предупреждал его. «В глубине души королева очень честная, хотя и легкомысленная, — отвечал Тюрго. — Вы знаете о ее доверии к аббату Вермону, который является исключительно честным человеком. Нерешительность короля перед натиском жены часто ставит под угрозу решение важных государственных задач, и министерства находятся в полной растерянности. Интересы короля, в сущности, совпадают с интересами королевы; и если уж женщина должна оказывать какое-то влияние на решения короля, не лучше ли, чтобы это была собственная жена, чем мадам Помпадур или мадам Дюбарри? Наша задача — прославлять их и предупреждать опасные интриги и заговоры». Через несколько дней, вновь находясь под влиянием шуазелистов, королева назначила встречу бывшему министру на балу в Опере. И уже на следующий день она приняла сторону Гине, резко противопоставив себя всем министрам, с головой окунувшись в водоворот страстей. Разрываемые на части, министры отказались от своего плана. 3 марта Гине вернулся во Францию и доставил письмо Вержену. Он хотел оправдаться перед королем и убедить его в том, что находится под защитой королевы.

Верховный суд отказался зарегистрировать указы Тюрго, впрочем, этого можно было ожидать. Людовик XVI решил прибегнуть к королевскому месту в Верховном суде, чтобы заставить судей уступить. Во время торжественного акта, который состоялся 12 марта, воспользовавшись правом решающего голоса, король запретил любую критику реформ, что стало неприятным сюрпризом для многих министров. Тем не менее король и первый министр не уступили.

После такого жесткого решения Людовик XVI, как будто испугавшись своего поступка, снова впал в уныние и нерешительность. Воспользовавшись страхом короля, Морепа смог еще больше напугать его резкой политикой реформ. Он намеренно преувеличивал недовольство, которое вызывал Тюрго

у всех придворных. Король не на шутку встревожился. Если бы у него случайно вырвалось хотя бы слово в присутствии королевы, это стало бы началом разнузданной травли министра. Подстрекаемая друзьями, Мария-Антуанетта объявила открытую войну ненавистному министру. Вполне вероятно, что королева не читала указов, тем не менее раздражавших ее. Она довольствовалась бездумным повторением придворной критики, которую слышала в салонах и на балах. На деле же молодая женщина ненавидела министра вовсе не за его реформы. Она презирала этого вольнодумца за то, что он посмел открыто высказать свои мысли, совершенно забыв о той дистанции, которую должен был сохранять. Совсем недавно он посмел отказать мадам д'Андоло, тетке графине де Полиньяк, в денежном содержании. Его заставили подчиниться королю, однако он так и не принял благодарности фаворитки. Подобное поведение раздражало Марию-Антуанетту, которая желала доказать свою власть. Ненависть ее удвоилась, когда однажды до нее дошли слухи, что именно Тюрго требовал отзыва дипломата Гине, которого считал опасным для политики Франции и к тому же заявлял, что Гине работал на врагов, хотя, к сожалению, пока неизвестно, на каких именно. О примирении не могло быть и речи. Несмотря на то, что Вержен был гораздо более опасен для Гине, гнев и ненависть королевы обрушились на Тюрго, которого она мечтала изгнать из Версаля.

Теперь уже дело было вовсе не в Гине. Можно было подумать, что королева уже забыла об этом дипломате, которого с таким упорством и трудом защищала. Казалось, она совершенно не интересовалась им и продолжала вести жизнь, полную развлечений, все меньше и меньше обременяя себя общением с королем. Во время поста 1776 года королева увлеклась верховыми прогулками, совершая их вместе с графом д'Артуа и герцогом де Шартром по Саблонским равнинам. Мерси был возмущен до предела, увидев, как в среде придворной молодежи игнорируются Этикет и правила протокола, касающиеся присутствия королевских особ. Золовки, которые очень часто сопровождали Марию-Антуанетту, зачастую придерживались весьма развязного тона в общении, что придавало еще большую свободу отношениям, впрочем, от нее не отказывалась и сама королева. Иногда она отправлялась вместе с графом д'Артуа поохотиться на лань в Булонский лес. Трудно себе представить, что у нее еще находилось время на интриги, тогда как ее муж мучался вопросом, нужно ли перекраивать министерство. Однако Мария-Антуанетта ни на мгновение не забывала ни о графе Гине, ни о своей ненависти к Тюрго.

Во время прогулок и зрелищ *друзья* всячески поддерживали в ней воинственный настрой. «Им прекрасно удавалось задеть ее самолюбие, очернить, разозлить против тех, кто сопротивлялся их воле.[…] Наконец, им удавалось так настроить королеву, вывести из себя, опьянить ненавистью к врагам, что она шла на крайние меры в отношениях с королем, в такие моменты было просто невозможно взывать к ее благоразумию», — писал Мерси. Посол ее матери с пристрастием следил за ней, он прекрасно умел это делать, и заметил, как она отправлялась к королю по утрам, когда тот был один в своих апартаментах. Визиты не лишены были тайны и особого интереса. По словам Мерси, она встречалась со своим мужем, лишь «когда хотела добиться от него нужного ей решения, которое монарх никак не мог принять».

С самых первых дней своего правления Людовик XVI не испытывал еще подобной раздвоенности. Нападки королевы на министра буквально парализовали его волю. Брат короля обрушился на него с критикой. Морепа систематически поносил его. Что до других министров, они демонстрировали терпение, хотя время от времени показывали зубы. И если более просвещенная часть двора поддерживала реформы Тюрго, то другая его часть напрочь отвергала их. Народные массы живо интересовались ходом реформ, однако оставались пассивными наблюдателями. Занятые повседневными заботами и делами, дороговизной зерна, они были далеки от дворцовых проблем. Пожалуй, власть Тюрго и его реформы поддерживались только Людовиком XVI. Однако на борьбу у него уже не хватало сил. После долгих и мучительных раздумий король все же решился на отставку министра.

10 мая 1776 года, несмотря на то, что новость была еще неофициальной, она распространилась с невероятной скоростью: Тюрго уходит в отставку, граф Гине — герцог. Отставка Тюрго никого не удивила, но вот вторая новость поразила весь двор. «Милость, которую король проявил к Гине, даровав ему титул герцога, всех просто потрясла, — писал граф Креуц Гюставу III. — Мадам с необычайной ловкостью устроила это дело, ловкостью, несвойственной ее возрасту; нигде вообще не упоминалось о Гине; все думали, что она просто забыла о нем, и вдруг такой блестящий успех. У нее огромное влияние на короля, в этом нет никаких сомнений». На этот раз Мерси был серьезно обеспокоен: «Я не могу больше скрывать от Вашего Величества действительного положения дел, — писал он императрице. — Уже несколько недель как при дворе возникли серьезные осложнения, дела принимают опасный оборот, королева неконтролируема. […] Ваше Величество может совершенно

обоснованно беспокоиться о положении королевы, о доверии к ней, которое может исчезнуть и со стороны ее супруга и со стороны народа. В этом *деле Гине* король находится в противоречии с самим собой. Письма, написанные его собственной рукой и адресованные графу де Гине и графу де Вержену, противоречат друг другу, он скомпрометировал самого себя и своих министров в глазах народа, который знал все обстоятельства этого дела, а также знал о влиянии королевы на короля и его решения.

Требования королевы заключались не только в отставке Тюрго, но она также хочет заключить его в Бастилию, причем в тот же день, когда граф Гине будет объявлен герцогом. Чтобы успокоить разгневанную королеву, нужны самые жесткие и решительные действия против реформ Тюрго. Однако этот министр был известен французам как необычайно честный и справедливый, кроме того, он был очень любим народом, так что его отставка, вызванная желанием королевы, не нашла своего одобрения в народных массах. Ее Величество может отправить в отставку и графа Вержена, и я не знаю, до каких пор королева будет продолжать творить необдуманные поступки. Ваше Величество, возможно, очень удивится, когда узнает, что граф Гине не представляет никакого личного интереса для МариинАнтуанетты, и все же этот человек стал причиной столь сильных волнений в Версале; однако весь секрет состоит в окружении королевы, которое очень заинтересовано в успехе этого дела». Так объяснял эту ситуацию Мерси.

Пережив волнения и оживление, что последовали за отставкой Тюрго, Мария-Антуанетта совершенно не интересовавшаяся политикой его преемника, вдруг внезапно почувствовала себя очень одинокой. Она скучала в этом пустом, нагоняющем тоску Версале. Мерси удавалось иногда убедить Марию-Антуанетту, что ежедневные прогулки вдали от Версаля очень нехорошо действовали на придворных. Королева продолжала находиться в задумчивом и унылом настроении. Наконец, она решила заняться богоугодными делами, и даже расписала их вплоть до своего пятидесятилетия. В течение нескольких недель она полностью отдавалась новой идее. Ее постоянно видели посещающей проповеди в церкви Версаля. Она даже отказалась от привычных ей развлечений. Не ездила больше в Париж и Булонский лес. Не посещала спектаклей и позволяла себе лишь иногда послушать концерт в небольшом зале, где обычно собирались пожилые придворные. Два-три раза в неделю она сопровождала мужа на охоту в Сен-Побер, обедала вместе с ним и к полуночи всегда возвращалась в Версаль. В это время

Мария-Антуанетта даже отнеслась учтиво и внимательно к герцогу д'Эгильону и потребовала отменить приказ о ссылке, когда узнала, что мадам де Шабрийан, его дочь, скоропостижно скончалась во время своего пребывания в имении отца. Королева лишь просила, чтобы тот не появлялся при дворе.

Мария-Антуанетта любила детей, и решение, которое она приняла однажды, после того как графиня д'Артуа родила девочку, было не случайным. Проезжая через деревню неподалеку от Версаля, она увидела старуху, окруженную детьми, одетыми в лохмотья. Она приказала остановить карету, дала им денег и спросила крестьянку, не хочет ли она отдать ей этих детей. Ей отдали самого младшего из всех — Жака, беленького трехлетнего мальчугана. Счастливая Мария-Антуанетта продолжила свою прогулку, которую, однако, пришлось сократить, поскольку ребенок «кричал и сучил ножками, отталкивая и королеву и ее фрейлин. Приезд Ее Величества в Версаль с этим маленьким чертенком удивил весь двор; он кричал во все горло, звал бабушку, братьев и сестер; ничем нельзя было его успокоить», — писала мадам де Кампан. Через два дня Жака, теперь уже Армана, вернули в апартаменты королевы, одетым в великолепный костюмчик, расшитый белыми кружевами и серебром. Мерси нашел мальчика «живым» и очень «шустрым» и заметил, что Мария-Антуанетта «чудесно проводит с ним время». «Этот ребенок, оставаясь в моих апартаментах, никогда никого не беспокоит и не доставляет никаких хлопот», — писала она матери.

Впервые с момента своего приезда во Францию Мария-Антуанетта заболела. Началось с сильного жара и насморка, было совершенно непонятно, чем вызвано недомогание. Лассон не нашел ничего лучшего, как сделать ей промывание желудка, но состояние королевы от этого не улучшилось. Постоянно заливаясь слезами, она пребывала в глубоком унынии и отказывалась говорить с кем бы то ни было, едва сдерживая раздражительность, а чаще даже не сдерживая по отношению к своим фаворитам. Круг ее друзей заметно сузился, остальных она просто отказывалась принимать. Графиня де Полиньяк не покидала ее ни на минуту. Мерси был просто поражен и даже оскорблен отношением к себе и этой избирательностью, последствия которой могли стать непредсказуемыми. В его глазах «мадам де Полиньяк была всего лишь фигурой, ничего не значащей при дворе и к тому же с подмоченной репутацией». Он находил ее «довольно глупой и пустой», способной лишь увлечь королеву в бездну. Племянница Морепа, она была тесно связана с партией Шуазеля, «ее даже подозревали в шпионаже в пользу

этой партии». Мерси очень боялся за королеву. Мария-Антуанетта с открытым сердцем и без малейшего сомнения доверяла подруге все свои чувства и мысли, «она была с ней откровенна до конца». Если мадам де Полиньяк уезжала в Париж или в свое имение, королева писала ей письма. Из всей переписки, которую вела Мария-Антуанетта, эту переписку Мерси считал самой опасной. «Подобные письма не могут оставаться тайными. […] Однако у меня есть все основания утверждать, что совершенно бесполезно говорить об этом с королевой, ее невозможно убедить в этом», — писал он императрице. Посол знал, что говорил: доверие, которым отныне пользовалась мадам де Полиньяк, вне всяких сомнений, приведет к тому, что в самом скором времени шуазелисты захотят им воспользоваться. Они у лее начали использовать этого посредника, чтобы получить привилегии и милости.

Вермон привык разговаривать с королевой без обиняков. Он попытался открыть ей глаза и показать всю опасность такого сближения. «Вы стали слишком терпимы к нравам, манерам и репутации ваших приближенных, говорил он. — Я могу доказать, что в вашем возрасте такая терпимость, особенно к женщинам, приведет к плачевному итогу, допустим, вы ввели ее в свое общество, потому что она исключительно любезна; правда, она не столь безупречна, как, скажем, священник, но не явились бы дурные манеры и скверная репутация пропуском в круг ваших приближенных, вот что действительно очень опасно. В последнее время вы даже не пытаетесь сохранить отношения с теми женщинами, которые этого достойны». Мария-Антуанетта спокойно прослушала нравоучение, однако после, с улыбкой на устах, сказала аббату, что он ошибается насчет ее подруг, и снова вернулась в старую компанию.

Завалив подарками свою подругу, Мария-Антуанетта пожелала, чтобы граф де Полиньяк занял почетное и высокое место при дворе. Мария-Антуанетта хотела сделать его первым смотрителем королевской конницы, преемником графа Тессе, жена которого была из могущественного рода де Ноай. Назначение преемника на этот пост было нарушением Этикета. Королева же презрела этот факт, тогда как семья де Ноай восприняла подобный акт как вызов. При дворе начинали шептаться по поводу такого великодушия королевы к Полиньякам, поскольку этот пост подразумевал денежное содержание в размере 80 ООО ливров. Предвидя подобные последствия, Мерси и Вермон пытались убедить королеву хотя бы сохранять приличия и спасти свою репутацию. Однако ради того чтобы доставить радость своей подруге, она готова была пойти на

что угодно, даже неосторожно расправиться с семейством де Ноай, которое «возомнило себя могущественным стадом при дворе», — как писала она матери.

Щедрость королевы по отношению к своим друзьям не знала счета. Мария-Антуанетта продолжала тратить невероятные суммы на свои наряды. Однако они казались настоящей мелочью по сравнению с теми суммами, которые она тратила на украшения, в частности на бриллианты. В начале года она купила втайне от короля подвески, цепа которых была просто баснословной — 460 000 ливров. И — поскольку не смогла вовремя заплатить ювелиру, как она это обещала, ей пришлось прибегнуть к великодушию короля, чтобы уладить денежные проблемы. Однако этой покупки ей было недостаточно. Она продала по самой ничтожной цене несколько личных драгоценностей, для того чтобы купить великолепные бриллиантовые браслеты стоимостью 250 000 ливров. Так как мать делала ей постоянные замечания, «упрекая в том, что она вовлекает своего супруга в бесполезные и ненужные растраты», она сказала Вермону: «Ну вот, о моих браслетах уже известно в Вене!». На вопрос Вермона о том, сильно ли расстроена императрица, ответила как всегда беззаботно: «Взгляните сами» — и протянула ему гневное письмо матери. Для нее все это было лишь «переливанием из пустого в порожнее», как говорила Мария-Терезия.

В Трианоне королева бесповоротно прожигала состояние. Она заказала у графа де Карамана знаменитые английские сады. До этого обустраивала по последнему слову моды прилегающие окрестности малого замка, все это очень здорово облегчило королевскую казну.

Новым капризом королевы стала китайская пагода. Она уже представляла себе манеж с павлинами, разноцветную форму драгун, придворные и свита были также частью антуража. Был построен театр, только для самых близких друзей. Мария-Антуанетта мечтала о том, что она будет играть в этом маленьком театре, как она это делала когда-то. Во время своего пребывания на посту министра Тюрго приложил немало усилий, чтобы ограничить кредиты, требуемые на устройство Трианона. Несколько раз работы останавливались из-за отсутствия денег. Как всегда очень нетерпеливая, королева возмущалась, когда работы останавливались, и это только добавляло в ней ненависти к тому, кто был причиной остановок и задержек. Тем не менее общество выражало явное недовольство тем, что королева становится причиной таких больших расходов. Что тут говорить, если ее долг уже составлял 487 272 ливра, а теперь расходы

удвоились?

Как и Мария Лещинская, Мария-Антуанетта очень любила азартные игры — это были «игры на деньги», которые редко оставляли ее в проигрыше. *Ландскнехт* и *фараон*, запрещенные даже для принцев, казались ей гораздо более интересными и захватывающими, чем *лото* и *кавaноль*. Во время поездки в Фонтенбло осенью 1776 года лаской и лестью она смогла получить от мужа разрешение привезти ко двору парижские банкометы. Король подумал со своей обычной мягкостью, что это не повлечет за собой никаких последствий, ведь речь идет всего об одном вечере. Банкометы прибыли 30 октября и их отправили в апартаменты принцессы Ламбаль до утра 31-го, где королева играла до трех часов утра. Это можно было сравнить со стихийным бедствием, сметающим все на своем пути. Однако королева лишь пошутила на этот счет, сказав королю, что он позволил ей играть и при этом не определил продолжительности игры, так что теперь она вправе играть тридцать шесть часов. Король рассмеялся в ответ и ответил: «Что ж, идите, Вы стоите гораздо больше этого, равно как и это не стоит Вас!». Королева проиграла около сотни ливров, но была без ума от игры. Как всегда очень внимательный к малейшим желаниям жены, испытывая, однако, непреодолимое отвращение к азартным играм, Людовик XVI предложил отправить банкометов. 11 ноября снова начали играть в *фараон*. Неспособная остановиться, Мария-Антуанетта проводила за игрой ночи напролет. *Фараон* собирал молодых, ловких людей, презирающих Протокол и Этикет, которые, не смущаясь, употребляли соленые словечки в присутствии королевы. Возбужденная, с горящими щеками, королева весело отвечала им, забывая о солидных и рафинированных аристократах, сидящих и тщетно ожидающих от нее хотя бы одного словечка. Для МариинАнтуанетты результат игры и мнение, высказанное несерьезными и поверхностными людьми, оказались гораздо важнее! В том году в Фонтенбло азартные игры стали неотъемлемой частью королевского двора. Те, кто хотел понравиться королеве и заслужить ее уважение, должны были отличаться отменной щедростью, памятуя об участии в игре.

Глава 10. СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

Злые языки не переставали чесать. У короля не было фаворитки, и он продолжал оставаться самым внимательным поклонником королевы. Капризная Мария-Антуанетта, чье поведение оставляло желать лучшего, подверглась обстрелу не только французского двора, но многих иностранных. О ней говорили, как когда-то о королевской любовнице. В докладах своим государям послы не упускали малейших деталей. Австрийской сыскной службе удалось перехватить письма барона Гольца к Фридриху II. То, что Мария-Терезия узнала из этих писем, «повергло ее в невероятное уныние». А что могла она испытывать, прочитав депешу графа де Вери, посла Сардинии? 4 ноября 1776 года, рассказывает он, состоялась отставка мадам Тьери, горничной королевы, которая вызвала шквал обсуждений. «Эта горничная, писал он, — фактически надзирала за поведением королевы, а та заставила ее покинуть Версаль». Возвращаясь к этому делу в следующем письме, он сообщает, что отъезд дал повод для многочисленных скандальных предположений. […] «Некоторые утверждали, — добавляет он, — что герцог де Кони в определенные часы входил в апартаменты королевы, которая сама дает повод для сплетен».

В Вене Мария-Терезия была в полном отчаянии и понимала, что положение ее дочери стало «критическим». Вот уже несколько лет Иосиф II думал о поездке во Францию. Однако планы были нарушены смертью Людовика XV. Его присутствие возле сестры сразу же после вступления на престол Людовика XVI могло быть дурно истолковано, однако к 1777 году риск заметно уменьшился. Императору было любопытно посетить могущественное королевство — Францию; ему хотелось укрепить альянс и увидеть своими глазами, в состоянии ли свояк взять на себя ведение важных и деликатных дипломатических дел. Наконец, Иосиф II хотел понять, какой бес смог увлечь его сестру в беспутный водоворот, столь опасный для королевы. С осени 1776 года он окончательно определился в своем решении поехать во Францию, однако сроки визита несколько раз изменялись.

Когда королева узнала о скором приезде своего брата, то сначала невероятно обрадовалась. «Я так долго об этом мечтала и уже не надеялась, что когда-нибудь это произойдет», — написала она матери. Однако радость смешивалась с чувством беспокойства. Она знала строгость своего брата, его решительный и волевой характер, отцовский деспотизм. В своих письмах он был беспощаден и никогда не нежничал с ней. Что же ждать от

него в разговоре с глазу на глаз? Понимая, что не сможет скрыть от него личную жизнь, она страшилась объяснений с ним, которые обещали быть весьма серьезными. Обманывая себя, она твердила, что «самым большим счастьем для нее будет то, что, увидев все своими глазами, брат сможет рассеять опасения матери и успокоить ее». Тем не менее именно этот страх заставил ее открыться близким друзьям, а также Мерси. Все это подробнейшим образом отразилось в переписке Кауница, императора и Мерси. «Уверяю вас, я испытываю настоящее счастье, когда думаю, что очень скоро увижу сестру, которую нежно и искренне люблю, и, конечно, я буду прислушиваться к вашим советам, чтобы мой визит стал как можно более полезным для королевы и ее будущего», — писал Иосиф послу. Со своей стороны, Кауниц буквально диктовал императору слова, которые тот должен сказать сестре, те проблемы, которые они должны обговорить. Он посоветовал отложить все самые серьезные разговоры на конец визита и не слишком утомлять ими королеву. «Если король, королева или министры решат, что вы приехали во Францию лишь для того, чтобы вмешаться в их внутренние дела, они будут вести себя натянуто, что же касается Марии-Антуанетты она почувствует смущение, а не радость и счастье». Кауниц еще добавит для Мерси, что Мария-Антуанетта может быть уверена, что император не будет говорить с ней о политике или о внутренних делах Франции и вмешиваться в то, что хоть как-то касается отношений ее и короля. «Скажите королеве, — писал он еще, — что было бы неплохо, если бы она уговорила короля и министра настроиться на отдых, а не на деловую встречу».

Успокоенная Мария-Антуанетта пообещала исполнять любые капризы Иосифа, который путешествовал инкогнито, как обычный иностранец граф Фалькенштейн, и отказался от официального приема в Трианоне. В Париже он остановился у Мерси, а в Версале — просто в гостинице. Во Франции император хотел быть свободным в своих поступках и мыслях, увидеть страну, поездить по провинциям, узнать людей, их нравы, обычаи, условия жизни. А помпа, которой сопровождался любой официальный визит королевской особы, могла помешать ему увидеть и узнать то, что он хотел.

19 апреля 1777 года Мария-Антуанетта со смешанными чувствами ждала брата. Она поднялась в то утро рано. Император провел ночь в замке Малый Люксембург и должен был покинуть столицу в восемь утра. Королева отправила Вермона встретить его во дворе замка, поскольку император хотел сразу же без свидетелей отправиться в апартаменты сестры. Он прибыл в

половине десятого. Тщательно выполняя поручение, Вермон провел императора через пустынный холл, затем по задней лестнице, которая вела в апартаменты королевы. Мария-Антуанетта была еще не убрана и одета по-домашнему. «Первые минуты их встречи были очень трогательны; они нежно обняли друг друга и долго стояли так, молча, им не надо было ничего говорить друг другу», — записал Мерси, которому открылся Вермон. Но всплеск первых эмоций прошел, и королева увела брата в дальний кабинет, где они оставались наедине около двух часов. Иосиф был очень взволнован и удивлен, последний раз он видел эрцгерцогиню, когда та была еще маленькой девочкой с большущими глазами, а теперь перед ним стояла прекрасная величественная женщина. Он сразу же сказал, что «если бы она не была ему сестрой, и к тому же любимой и родной, он, не колеблясь, решил бы жениться второй раз, чтобы обзавестись столь очаровательной женой». После шутливого комплимента королева стала более мягкой и откровенной, она говорила с ним так, как никогда и ни с кем, и держалась очень естественно. Она рассказала ему обо всем, что ее тревожило, и прежде всего о странной семейной жизни, не скрывала даже сугубо личные и интимные подробности отношений с мужем. Ей было необходимо исповедаться перед ним, ничего не скрывая. Император слушал очень внимательно и с большой нежностью. Он смог убедить ее в том, что приехал исключительно для того, чтобы помочь ей разрешить семейные проблемы. И королева, теперь уже совершенно спокойная, проводила его к Людовику XVI, который очень тепло принял свояка, намерения которого, правда, были пока не ясны королю.

Несмотря на то, что его встретили как брата, император сохранял официальный тон в присутствии Марии-Антуанетты. Братская любовь не мешала ему оставаться внимательным наблюдателем жизни сестры. И лишь в садах Трианона или небольших апартаментах королевы они могли говорить, не соблюдая правил Этикета и Протокола. Королева открывала ему самые потаенные уголки своей души, самые тайные секреты. Иосиф слушал, размышлял, давал советы, но не критиковал, вдохновляя и побуждая к открытости и откровенности. Разумеется, он посещал и увеселительные мероприятия королевы, сопровождая в Оперу, где ее по-прежнему встречали аплодисментами. Ежедневно он обедал с королевской семьей, по вечерам отправлялся к мадам Гемене или к принцессе Ламбаль. Ему интересно было понять, какую силу и влияние имеют эти женщины, а также масштабы придворных интриг. Ничто не ускользало от его внимания, однако он по-прежнему оставался

нейтральным по отношению к внутренним делам Франции. Он много размышлял, иногда проводил целые вечера у Мерси, с которым они обсуждали положение его сестры. Мерси, как никто другой, знал королеву.

Император смог теперь позволить себе иногда делать сестре замечания по поводу туалета, привычек или окружения. Так, например, он не согласился с тем, «что мадам де Полиньяк — умная и прозорливая женщина». Надеясь получше узнать мадам, он «вывел ее на разговор, касающийся непосредственно королевы». В результате разговора император окончательно сделал вывод в том, что она достойна презрения. К тому же он не делал из этого тайны. Вечером он высказался самым нелицеприятным образом о салоне мадам де Гемене, который назвал *настоящим притоном.* Хотя сестра и пыталась подготовить его к обществу, насквозь продажному, где любовница могла стать законной хозяйкой двора, подобного положения дел он не мог даже представить. Мария-Антуанетта выслушала брата, не произнеся ни слова и с видимым достоинством, однако сразу после этого вернулась к подруге и продолжила игру, хотя перевалило далеко за полночь. Император был «вне себя от гнева», и Мерси вынужден был взывать к его терпению и надежде.

На следующий день император первый раз поговорил с глазу на глаз с королем. Лед в официальных отношениях между двумя государями был нарушен.

Иосифу II нравился этот неуклюжий юноша с грубоватыми манерами, в котором он тем не менее видел мудрого политика. Король, не колеблясь, поделился с императором своим горем «о том, что у него нет детей, он вдавался в мельчайшие подробности по поводу своего физического состояния и спрашивал совета у императора». Доверительные беседы с Иосифом, которые передавались Мерси, а он в свою очередь все передавал императрице, принесли желаемые результаты. 4 октября Иосиф написал своему брату Леопольду: «Король Франции, как Вы, наверное, уже знаете, наконец, совершил великое дело, и королева теперь может вскоре забеременеть; они оба написали мне и благодарили за советы. Хотя на самом деле, я знаю, причиной всему были невежество, неловкость и апатия». На пикантном французском он довольно холодно и отстраненно описал секреты супружеской жизни: «Его поведение в супружеской постели своеобразно, он вводит крайнюю плоть и остается там примерно две минуты совершенно неподвижно, затем выходит, оставаясь по-прежнему в состоянии эрекции, и желает супруге спокойной ночи. При этом он считает, что все нормально, иногда, разумеется, у него случаются ночные

поллюции, но однако он совершенно доволен собой и говорит, что не испытывает удовольствия и рассматривает это как супружеский долг. Ах, если бы я мог присутствовать хоть раз при этом, я бы все уладил, нужно заставить его освободиться от семени. Моя сестра, разумеется, ничего при этом не испытывает, они похожи на неловкий и неопытный дуэт».

Трудно быть более откровенным. Теперь мы можем понять, что толкало Марию-Антуанетту оставлять своего мужа по ночам. В прекрасном портрете королевы Марии-Антуанетты, принадлежащем перу Стефана Цвейга, используются некоторые фрагменты переписки, до сих пор тщательно скрываемой. Именно он первым обратил внимание на взаимосвязь сексуальной неудовлетворенности королевы и ее поведения. Другие историки Марии-Антуанетты впоследствии повторили аргументы этого сторонника Фрейда лишь для того, чтобы хоть как-то уберечь от бесконечных пересудов и сплетен память о королеве. Если верно, что откровение, связанное с супружеской жизнью королевы, заставило по-новому взглянуть на личность Марии-Антуанетты, то необходимо под этим углом пересмотреть и многие ее поступки.

Иосиф, который собирался продолжить свое путешествие, посетив Нормандию, Бретань, Бордо, Лангедок, Тулон и Лион, уезжал спокойным за судьбу сестры. Она искренне взволновала этого человека, достаточно властного и холодного, хотя до этого он испытывал к ней и к ее судьбе скорее безразличие. «Я с трудом смог покинуть Версаль, настолько привязался к моей сестре, — писал он императрице, — я нашел свою прелесть в той жизни, которую раньше презирал и от которой отказывался, но вкус к которой меня никогда не покидал. Мария-Антуанетта очаровательна и очень любезна; я проводил с ней долгие часы и даже не замечал, как быстро бежало время. Она была так трогательна, мне стоило больших трудов уехать и оставить ее там, в Версале». Иосиф II приветливо отнесся к королевской семье. Ему были неприятны граф Прованский, граф д'Артуа и их супруги. Что же касалось Людовика XVI, он описал его «немного слабовольным, но совсем не глупым, имеющим собственное мнение и способность к суждению. Правда, он был подвержен апатии и физически и морально, — добавляет он. — […] Нельзя сказать, что король немощен в физическом и в духовном плане, создается впечатление, что сила его словно дремала еще, а жизнь представлялась как бы в восходе», так говорил он своему брату Леопольду. Сестру он нашел очаровательной, но живущей лишь ради удовольствий и способной думать только о развлечениях. «Она ровным счетом не испытывает ничего к своему мужу, —

продолжал он, — она опьянена расточительством и распутством этой страны, короче говоря, не выполняет ни обязанностей жены, ни обязанностей королевы, а как женщина вообще игнорирует Людовика. Ну и совершенно не заботится о своем народе». Однако абсолютно ясно, что любовь, которую он испытывает к столь своенравной сестрице, способной заставить его выполнять все ее просьбы, самая что ни на есть искренняя. Ему как бы доставляет некоторое облегчение заявлять: «Ее добродетель вне всяких сомнений; она целомудренна по своей природе, а не по разуму».

Во время своего пребывания в Версале Иосиф написал сестре длинное наставление по поводу ее супружеских и королевских обязанностей. Документ сей представлен, в виде откровения и рассказывал гораздо больше о характере и чувствах Марии-Антуанетты, чем письма Мерси. Обращаясь непосредственно к сестре, император просил ее остановиться, оглянуться и осознать свое предназначение. Вопросы, которые он ставил перед ней, побеседовав предварительно с обоими супругами, могли ловко ввести ее в заблуждение. Было очевидно, что целью его было заставить королеву изменить мнение по отношению к королю — своему супругу: «Проверьте себя. Все ли Вы использовали, чтобы покорить короля? Узнали ли Вы его желания, характер, чтобы понять супруга, старались ли привлечь его к себе, к Вашим увлечениям, друзьям, интересам, чувствует ли он в себе пустоту без Вас? А Вы? Чувствуете ли Вы необходимость в нем, убеждали ли Вы его в том, что ни одна подруга, никакие слава или успех не могут Вам заменить его? Видел он когда-нибудь Ваше восхищение им, Ваше одобрение?».

Мы знаем, почему он так настаивал на ее сближении с мужем. Иосиф искренне хотел прекратить эти непонятные отношения между Марией-Антуанеттой и Людовиком.

«Наедине друг с другом у вас общие желания, он же должен проявлять волю и решительность при решении государственных вопросов. […] Одним словом, ему необходимо стать Вашей судьбой, и в то же время Ваша судьба зависит от его воли. Не забывайте об этом!» — говорил он как мужчина и как государь. По убеждению императора, королева, его сестра, должна была преклонить голову перед своим господином. Он считал, что личность ощущает себя таковой лишь когда у нее есть высокая цель, предназначение.

Император бесстыдно врывается в интимный мир супругов. Будучи абсолютно уверенным в неловкости и неуверенности молодой супруги, он напомнил ей об обязанностях жены в самом прямом смысле слова, как если бы она одна была ответственна за

«бессилие» мужа: «Не выказываете ли Вы рассеянность или холодность, когда он ласкает Вас, говорите ли Вы ему нежные слова в эти минуты? Не представляете ли Вы себя уставшей и скучающей? Неужели Вам хотелось бы близости с холодным и равнодушным мужчиной, который не способен понять Ваших желаний? Близость требует от Вас нежности и внимания к партнеру, все, что Вы сделаете для достижения этой цели, будет тесно связано с Вашим будущим, с Вашим счастьем. Никогда не отстраняйтесь от него и продолжайте поддерживать в нем надежду, что у Вас еще будут дети, никогда не теряйте этой надежды и не впадайте в отчаяние. Избегайте любого отдаления от супруга, спите всегда в одной постели, все зависит только от Вас, Вашего расположения и от Вашей дружбы». Нам остается лишь сожалеть о том, что не знаем, какие советы император, должно быть, дал свояку. Можно тем не менее предположить, что в этом случае проблемы Марии-Антуанетты в расчет не шли. Король — мужчина, он должен утвердиться перед женой, и она — выполнять все желания господина. В общем, для лучшего из лучших все самое лучшее.

В своем длинном и подробном послании Иосиф переходит к критике приближенных королевы, а также ее откровенных глупостей: «О человеке можно судить по его друзьям и по его вкусам. Думали ли Вы когда-нибудь о том, какое впечатление производили бы в обществе Ваши друзья и приближенные, если бы не их особое положение в свете?».

Обвиняя ее в чрезмерном увлечении игрой, он спрашивал, думала ли она когда-нибудь о возможных последствиях, вспоминала ли о тех трагических фактах, которые произошли на ее глазах: «Подумайте, наконец, о том, что король не играет, что Вы одна из королевской семьи поддерживаете азартные игры при дворе». Что же касалось ночных похождений, балов в Опере — вот это «уже, несомненно, самое недостойное из всех Ваших увлечений. Вы только подумайте о том, что сами мне рассказали об этих забавах. […] Для чего Вам это? Зачем Вам хочется притворяться? […] Совсем немного надо — и, уже дурная репутация. Вы ищете этого? […] К чему ходить по лезвию, смешиваться с толпой распутников и чужеземцев, выслушивать их пошлости, которые, впрочем, для них так естественны. Верх неприличия! […] В Версале вы оставляете на всю ночь короля, для того чтобы замарать себя в парижском болоте».

Наконец, Иосиф дает несколько советов с присущими ему откровенностью и легкостью. Он настаивает на необходимости серьезного чтения для королевы, направленного на ее образование, вместо пустых и никчемных романов. «Забудьте и не

позволяйте себе даже думать о тех глупостях, которыми изобилует подобное чтиво». Он потребовал от нее дорожить своей репутацией, не искать постоянных развлечений и всегда помнить: она — королева Франции. Иосиф не скрывал своего беспокойства по поводу дальнейшей судьбы сестры. Если она не изменит своего поведения, «это, несомненно, приведет к последствиям, которые будут ужасны». В таких выражениях он призывал ее разорвать порочный круг, который мешал ей выполнять свой долг и добиться счастья.

Читая наставления брата, Мария-Антуанетта пыталась оправдаться хотя бы перед самой собой. Чтобы спасти свою честь, она старалась отвечать на эти вопросы, однако очень скоро разочаровалась, так как не нашла весомых аргументов. И в конце концов согласилась со строгими замечаниями брата, пообещав ему вести себя хорошо. В глубине души она была благодарна ему, проницательному и любящему, несмотря на некоторую грубость и жесткость, ведь он старался увести ее с того пути, который казался ей единственно правильным. Отъезд императора отразился на ней весьма тягостно. Вечером произошел даже нервный срыв. На следующий день она поднялась поздно и провела весь день в Трианоне вместе с принцессой Ламбаль и госпожой Граммон.

«Разлука с братом стала для меня большим потрясением, — писала она матери, — я страдаю и не могу успокоиться, даже когда думаю о том, что он тоже переживает нашу разлуку. […] Я солгала бы, утверждая, что боль и пустота, которые я испытываю, оставили мне лишь сожаления. Ничто не может заменить то счастье, которое я испытала, и ту дружбу и понимание, которые он мне дал. Я уверена, что он хочет лишь одного — моего счастья, и все его советы только подтверждают это».

Казалось советы Иосифа что-то перевернули в королеве. Отныне она проявляла о короле внимание и заботу, на которые он имел право как супруг. Каждый день после обеда они проводили вместе, закрывшись в своих апартаментах. Мария-Антуанетта больше не ездила в Париж и покидала Версаль лишь для того, чтобы прогуляться в садах Трианона в сопровождении нескольких дам. Ее даже видели за чтением «Истории Англии» Гюма. Перенеся в июле незначительную болезнь, она продолжала такую же спокойную и неторопливую жизнь, однако спала по-прежнему отдельно от мужа, чем волновала Мерси гораздо больше, нежели собственного супруга. Возвращение графа д'Артуа, который уезжал, как и его брат граф Прованский, в путешествие по Франции, внесло некоторое оживление в жизнь двора и вывело Марию-Антуанетту из состояния оцепенения. В

конце июля двор отправился в Шуази на несколько дней, чтобы немного развлечься. Мария-Антуанетта теперь прекрасно исполняла свою роль государыни, подумывая о том, чтобы проявить особое расположение ко всем, кто это презирал, избегая тем не менее открытого покровительства, поскольку оно всегда вызывает ненужные толки.

Вскоре супружеские отношения с королем возобновились. «Что же касается моего состояния, оно по-прежнему, к сожалению, остается без изменений, и это не дает мне покоя, моя дорогая матушка. Однако я не теряю надежды, поскольку есть и улучшения в наших отношениях, король стал гораздо более уверенным, это для него большой шаг вперед. Он очень добр со мной, и я стараюсь отвечать ему тем же». Физическая близость супругов установилась окончательно. Мерси сообщил эту триумфальную новость Марии-Терезии 12 сентября с небольшим опозданием, которое он объяснил так: «Это событие, столь долгожданное, произошло 18 августа. Король пришел к королеве в десять часов утра, в тот момент, когда она выходила из ванны. Супруги оставались наедине больше часа. Король потребовал с большой настойчивостью, чтобы все это осталось в тайне от чужих ушей, и королева пообещала сохранить ее. Исключение составлялось лишь для врача Лассона, который по приказу короля в любом случае сообщил, что брак подтвержден». На самом же деле королева рассказала обо всем Мерси и Вермону лишь 26 августа, на следующий день после праздника Святого Людовика, поскольку король «согласился сказать об этом после долгих сомнений, лишь после того как сам смог поверить в эту новость, столь долгожданную». 24 августа Мария-Антуанетта «приятно удивила супруга развлечениями, которых он никак не ожидал, об этом можно прочитать в „Секретной переписке“. Все придворные заметили радость и нежность супругов и предполагали даже, что праздник закончится для супругов романтической сценой, результат которой Франция увидит через девять месяцев». В Версале любая тайна раскрывалась очень быстро, и супружеский секрет очень скоро был известен всем. Мария-Антуанетта написала матери об этом лишь 30 августа: «Это самое большое счастье в моей жизни, вот уже восемь дней, как мы по-настоящему близки с королем, это повторялось уже не один раз, и вчера еще более явно чем, в первый раз. Я думала сразу же послать вам курьера с этой новостью, но хотела сама еще раз убедиться, что все действительно свершилось. Не думаю, что уже беременна, но это произойдет очень скоро». Мария-Терезия вскоре получила письмо от Лассона, который полностью подтвердил слова ее дочери.

Однако нежная любовь, которая установилась. между супругами, длилась недолго. Через несколько дней королева вернулась к своим прежним привычкам и развлечениям, вставала очень поздно, ложилась лишь под утро. Несмотря на суровые наставления брата, она продолжала играть с огнем. По словам Мерси, «эта игра становилась все более беспорядочной и вольной». На глазах королевы придворные жульничали и плутовали. Мария-Антуанетта снова проиграла астрономическую сумму, долги ее росли, но это, казалось, совсем не беспокоило ее. Брат забросал ее серьезными и даже грозными письмами, на которые она отвечала несколько вольно, словно забыв об их весенних беседах и клятвах.

Летом 1777 года она ввела еще один вид развлечений, который вызвал много лишних разговоров и недовольств. Поздно вечером музыканты французской гвардии отправлялись играть на большую террасу в саду Версаля, открытом для публики, которая с удовольствием прогуливалась там под звуки приятной музыки. Вдохновляемая графом д'Артуа, королева смешивалась с толпой в надежде не быть узнанной, совсем как на балах в Опере. Она прогуливалась под руку со своими золовками, но иногда принцессы продолжали свои прогулки одни. Под покровом темноты были возможны любые встречи и любые предложения. Поскольку король также проявил любопытство к подобным развлечениям, с которых возвращался в весьма игривом настроении, королева чувствовала себя довольно свободно и с удовольствием предавалась шалостям. Она убегала от своей жизни государыни, впрочем, так же как и от своей супружеской жизни. «Королю не нравится спать вдвоем, — жаловалась она матери. — Я делаю все, чтобы это разделение не было окончательным. Иногда он приходит ко мне, и мы проводим вместе ночь. Я считаю ниже своего достоинства говорить ему о том, чтобы его визиты стали более частыми, но и так он приходит ко мне каждое утро в мой кабинет. Его дружба и нежность возрастают день ото дня». Поскольку Мария-Терезия не понимала, «почему король проявляет так мало желания по отношению к молодой и красивой женщине», Мерси должен был восстановить справедливость по отношению к Людовику XVI. «Я считаю, что это лишь уловки королевы, — отвечал он ей. — Он доказывает мне, что никогда не испытывал к ней отвращения и они перестали спать вместе из-за привычек королевы, ее ночных игр и развлечений. Он ложится рано, чтобы встать пораньше, и никогда не знает, когда вернется королева. Он не хочет ни в чем стеснять ее: вот настоящая причина того, что они спят врозь». И когда она возвращается на рассвете и ложится спать, он может прийти к

ней, чтобы закрыть за собой королевскую дверь, так писал Скарнафис, новый посол Сардинии. В Версале никто не знал, когда король ходит к своей жене, так как их апартаменты соединял тайный переход. В Фонтенбло он должен для этого пройти через прихожую, обычно очень людную. Однажды вечером он ткнулся в закрытую дверь и вернулся к себе, совершенно не расстроившись. По словам посла, во время пребывания в Фонтенбло он провел с Марией-Антуанеттой не более трех-четырех ночей. Добавим для сравнения, что на охоту король ходил двадцать шесть раз!

Мерси больше не старался оправдывать поведение королевы. Он был вынужден признать, что поведение ее стало еще хуже, чем до приезда императора. Отныне совершенно бесполезно напоминать ей обещания брату. Она лишь улыбалась в ответ. Посол даже думал, что «Правила», которые писала ей Мария-Терезия, были сожжены. Фавориты полностью подчинили себе королеву. В водовороте балов и развлечений герцог де Копи и госпожа де Полиньяк не забывали просить о милостях по отношению к их родственникам и протеже. Назначения, посты, пенсии и содержания раздавались направо и налево. Разумеется, это вызывало недовольство тех, кто не мог получить их по справедливости. Дружба и близость королевы к госпоже де Полиньяк крепла с каждым днем. Она советовалась с подругой по любому вопросу, доверяла ей самые большие тайны, показывала письма матери и брата. Если верить Мерси, она никогда не писала матери, не поговорив предварительно с мадам де Полиньяк. Посол полагал, что именно та советовала королеве бесстыдно лгать матери, впрочем, в те времена это было сплошь и рядом. До сей поры Мария-Антуанетта была покорной и послушной дочерью и всегда говорила с матерью совершенно откровенно. Иногда правда бывала ей не совсем на руку, но тем не менее это всегда была правда. Теперь же Мария-Терезия не была единственной повелительницей сердца и разума ее дочери. Иоланда де Поластрон графиня де Полиньяк теперь заняла ее место. Она использовала все свое влияние на так легко обманывающуюся женщину, которая к тому же в глубине души была очень наивной. Имея гораздо больший жизненный опыт, нежели молодая королева, подруга могли уговорить ее на все, что угодно, даже не прилагая особых усилий.

По всей вероятности, несмотря на внешнюю браваду, королева вовсе не чувствовала себя полноценной женщиной, хотя, разумеется, без причины не избегала супружеской близости. Стараясь скрыть отвращение к супружеским обязанностям, она, однако, доверилась, как обычно, своим самым близким друзьям в

том, «что она не испытывала бы ни досады, ни злости, если бы король завел для себя непродолжительную и несерьезную интрижку, это, по ее мнению, придало бы ему больше энергии и страсти». Мерси, очевидно, направил все свои усилия, чтобы избежать подобной ситуации в столь деликатной сфере, он представлял себе, какие разговоры и сплетни могут распространиться по этому поводу.

Когда посол позволил себе напомнить ей об опасности, что она рискует на себя навлечь, говоря о муже подобные вещи, Мария-Антуанетта не выказала никакого интереса к его замечаниям и нисколько не смутилась. Она была слишком уверена в своем влиянии на короля, чтобы волноваться о какой-то временной интрижке, даже если таковая и будет иметь место. Наконец, она думала, «что тогда у нее будет больше оснований подчинить его своим прихотям […], король был малочувствителен и невнимателен, а это дало бы ей еще один шанс управлять им, этот метод казался ей короче и доступнее, чем проявление заботы, внимания и доверия».

По возвращении в Версаль королева вновь делила постель с супругом. 11 декабря «свершились события, более приятные и удовлетворяющие, чем те, которые им предшествовали, — поспешил доложить Мерси. — Через день после приезда и в течение следующих дней одни и те же события повторялись в личном кабинете короля, и так изо дня в день — то, что раньше случалось крайне редко, теперь стало происходить постоянно и похоже, что с таким же постоянным успехом». Людовик XVI написал через несколько дней императору, что он теперь уверен в том, что делает все как нужно, и надеется в следующем году обязательно подарить ему племянника или племянницу. «Именно Вам я обязан своим счастьем, — признавался король, — поскольку после Вашего отъезда все происходит лучше и лучше, результаты просто превосходны».

Однако он должен был признать, что бесконечные балы и карнавалы могут «навредить возможной беременности». 19 апреля Мария-Антуанетта, наконец, открылась матери в своих надеждах на материнство.

Глава 11. БАВАРСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Новость о беременности королевы, столь долгожданная, потрясла Людовика и саму Марию-Антуанетту, позволив Марии-Терезии и Иосифу II с облегчением вздохнуть. Король Франции, наконец, выполнил «великий долг», как говорил император, и испытывал от этого законную гордость. Для королевы будущее материнство казалось настоящим чудом и приносило невероятную радость. Она подсознательно приняла для себя новый образ жизни, соответствующий ее теперешнему положению. Теперь ничто не могло отвлечь ее от приятных и нежных мыслей, если бы не постоянные наставления матери и брата, с помощью Мерси, о том, что она должна уговорить Людовика XVI решить вопрос с наследием Баварии в пользу Австрии. По причине бессмысленных амбиций императора в Австрии в начале 1778 года наступил острый кризис. Для Иосифа и Марии-Терезии вмешательство Марии-Антуанетты, которая к тому же наконец-то забеременела как нельзя кстати, было просто необходимо. Как сможет Людовик XVI отказать своей жене в момент, когда она, наконец, воплотит его мечту?

Дело не должно было провалиться. Заботящийся об увеличении своих владений, Иосиф II уже давно грезил о Баварии. Захват этих земель не только увеличит его владения, но и отодвинет границы государства далеко к Рейну, что станет опасно для Франции. В 1765 году Иосиф женился на принцессе Марии-Жозефине, сестре наследника Баварии Максимилиана-Иосифа, у которого не было детей. Принцесса умерла два года спустя, тоже бездетной, но император никогда не оставлял надежды на баварское наследство и ждал смерти Максимилиана-Иосифа в своих интересах, чтобы претендовать, по крайней мере, на часть Баварии. Он задумал этот план уже очень давно. Вместе с Кауницем он ловко обманул Карла-Теодора, законного наследника Максимилиана-Иосифа. Тот, наконец, согласился принять права Иосифа на Баварию, в ущерб своему заранее назначенному наследнику, герцогу Карлу Допонскому, который принадлежал к младшей ветви Виттельсбахов.

За два дня до нового года Максимилиан-Иосиф умер. В Австрии объявили траур. Иосиф II поспешил подтвердить договор с Карлом-Теодором. Согласно этому договору, подписанному 3 января, Карл-Теодор уступал императору Нижнюю Баварию с правом регентства в Ландсхуте в Страубинге. Иосиф II, однако, мыслил заполучить всю Баварию, уступив часть Нижних земель, и подготовил армию из 12 000 солдат для захвата Нижней Баварии.

Новость о смерти наместника Баварии и угроза вторжения в нее Австрии, что становилось опасным и для Парижа, породила серьезные движения против политики Вены. Снова начинали говорить о недоверии к австрийскому союзу. Поползли слухи о неизбежной войне. Испуганная волнениями, которых она не могла не почувствовать, даже несмотря на свою идиллию, Мария-Антуанетта опасалась разрыва отношений между двумя державами, двумя семьями. Все остальное для нее не имело значения. Обеспокоенная, она писала госпоже де Полиньяк, «что боится, как бы ее брат не сделал глупости». Вскоре весь Версаль знал о чувствах королевы.

Хотя Мария-Терезия была очень обеспокоена действиями своего сына, которых она не одобряла в полной мере, она тем не менее очень хотела, чтобы «королева использовала свое влияние на короля, но как можно было заставить ее вернуться к былому легкомыслию и послушности?» — жаловалась она. В своих письмах к дочери императрица вернулась к задушевному, мягкому, материнскому тону: «Разрыв альянса между нами убьет меня, я ведь так нежно люблю Вас». Желая придать еще большую важность письму, она добавляет: «Король Пруссии боится лишь Вас, и я уверяю, что для нас с Вами это большой плюс. Наш союз, такой необходимый и совершенно естественный для наших стран, скрепленный такими нежными чувствами, очень нужен для сотен людей и их судеб, необходим для нашей веры, и в своем сердце я надеюсь на то, что Мерси посоветует вам, а со временем Вы и сами это поймете, что это просто необходимо для всех нас».

Мария-Терезия сделала точный расчет. Одна лишь мысль о смерти матери, единственной, в ком она находила поддержку и понимание, повергла Марию-Антуанетту в ужас. Мерси видел, как она побледнела, читая эти строки. После этого стала невероятно смиренной и послушной с послом, который тут же начал убеждать ее в важности дела о наследстве Баварии. Понимая, что королева не может сама верно оценить ситуацию и заподозрить его в чем бы то ни было, он ловко объясняет ей законность всех претензий Австрии на наследство Максимилиана-Иосифа. Посол заставляет ее поверить, что Франция уже фактически дала свое согласие па договор между императором и наследником Баварии, подписанный 3 января. Наконец, он пробудил в ней враждебные чувства по отношению к Пруссии, которая угрожала не только разрушить эти планы, но и разорвать альянс Франции с Австрией.

Через несколько недель отношения между Веной и Версалем стали не столь напряженными. Королева, возможно, и не знала этого, поскольку король и министры не распространялись насчет этого столь деликатного дела. Морепа и Вержен не скрывали от

Людовика XVI той роли, которую исполнял при королеве Мерси, что объясняло любезность, с которой король выполнял все просьбы жены в начале 1778 года.

В конце марта Мария-Антуанетта решила провести несколько ночей со своим мужем. Она воспользовалась интимными моментами, чтобы получить — как она это назвала — «хорошие новости» для своей семьи. Итак, вскоре матери отправлено письмо, что ее муж «очень дорожит альянсом». Она добавила также, что поговорила с Морепа и Верженом, которые, как ей показалось, весьма лояльно настроены к этому союзу, однако она не могла знать о возможном военном вмешательстве Франции. И если Мария-Антуанетта была еще довольна далека от того, чтобы заниматься проблемами политики Габсбургов, то ее ненависть к королю Прусскому, пыл, с которым она говорила о необходимости сохранения альянса, долгие и частые беседы с Мерси, вмешательство в министерские дела, а также связи с кланом Шуазеля лишь способствовали падению популярности в обществе, ей приписывали такое влияние на короля, каким она совершенно не обладала. «Ее Величество в глубине души своей справедлива», — отмечал аббат Вери в конце марта. Это сразу бросалось в глаза тем, кто беседовал с ней. Однако ее легкомыслие, ограниченность ума, опасные советчики, которыми она была окружена, совершенно меняли картину. В противовес здравому смыслу она начнет общаться с теми, кого вообще не желает знать, лишь с одной целью — заставить волноваться и беспокоиться ненавистных ей министров. Ее муж прекрасно к ней относится, но никогда не будет находиться под ее влиянием, сколько бы королева ни мечтала и сколько бы ни хотели этого от нее другие. А думать надо было о том, как можно найти выход из бесконечной битвы с министрами.

Ни король, ни министры не сдавались перед ее натиском. Ответ Людовика XVI на письмо императора заставлял себя ждать, впрочем. Иосиф так и подозревал. Убеждая союзника в верности договору, он ответил 30 марта, что «положение посредника во многом превосходит ту роль, которая была определена в договоре». С другой стороны, «обстоятельства не позволяют ему принимать какую бы то ни было сторону, кроме нейтралитета», в случае прусской агрессии. Заявления такого рода сильно разозлили императора и канцлера. «Сейчас нам придется забыть об обиде, для того чтобы вспомнить о ней впоследствии», — пишет император своему брату Леопольду. Король Пруссии уже готов к войне, он умоляет Людовика о военном вмешательстве в случае нападения на австрийские земли.

Воспользовавшись своей беременностью в тот момент, когда

ее муж отказал в военной помощи Австрии, на случай войны, Мария-Антуанетта, став сильной «в теперешнем положении», 22 апреля вызвала к себе Морепа и Вержена. «Я говорила с ними немного резко, — сообщила она матери, — и, я думаю, это произвело на них соответствующее впечатление, особенно на последнего. Я осталась недовольной доводами этих господ, которые хотели обвести вокруг пальца и меня и короля, и намерена снова поговорить с ними, может быть, даже в присутствии короля. Просто ужасно сталкиваться с такими нечестными людьми в важном государственном деле». По словам аббата Вери, она все же согласилась с тем, что Франция в сложившихся обстоятельствах не может предоставить военной помощи Австрии, но настаивала на том, чтобы «публично признать себя сторонником и союзником Австрии». Использовав все свои доводы, пытаясь убедить Марию-Антуанетту в том, что волю короля нельзя смешивать с интересами немецких государств, Морепа закончил так: «Мадам, выберите золотую середину! Королевы очень часто так поступают. Уговорите императора уступить ту часть земли, которую он захватил в Баварии, мы же тогда попробуем уговорить короля Пруссии смириться с его частью». Вержен в этой ситуации полагался на короля. «Естественно, что королева огорчена затруднительным положением, в котором она видит своего брата, и так же естественно, что она пыталась помочь ему», — говорил государь Морепа. Последний предпринял все возможное, чтобы король скрыл разговор от королевы. К великой радости Ее Величества, король объявил на совете, что в случае военного вторжения в Австрию, он окажет своему союзнику помощь. Мария-Антуанетта почувствовала облегчение.

В течение нескольких недель королева думала, что теперь, наконец, ее оставят в покое, поскольку она сделала все, чтобы спасти Австрию, «свою родину». Кауниц сам заявил, что был доволен ее действиями, поскольку она «показала себя с лучшей стороны и в разговоре с королем и в разговорах с министрами». Он высказал также желание, «чтобы она продолжала усиливать свое влияние на государственные дела, польза которого может быть неисчислимой». Но Мария-Антуанетта хотела думать теперь только о ребенке, которого носила. Она следила за своим здоровьем, наблюдала, как изменялась ее фигура, и была очень удивлена, когда обнаружила, что уже в первые недели «набрала четыре с половиной фунта». Будущая мать похорошела и не чувствовала совершенно никаких недомоганий. Ее повседневная жизнь была спокойной и неторопливой. В Марли, куда переехал весь двор, она поздно вставала, совершала короткие прогулки по

саду, навещала принцесс, болтала долгими часами с мадам де Полиньяк, вышивала или плела ажурные кошельки. Пока Мерси размышлял над задачей, которую хотели возложить на мадам де Гемене, — быть гувернанткой королевских детей, Мария-Антуанетта, как и любая другая женщина в ее положении, предпочитала говорить о первых месяцах жизни новорожденных и лучших способах воспитания детей. Ребенок, была уверена она, доставит ей много хлопот. То, как воспитывали ее, братьев и сестер, казалось ей самым правильным способом раннего воспитания: их не пеленали, они всегда находились либо в колыбельках, либо на руках у гувернанток, их приучали подолгу бывать на свежем воздухе и в конце концов практически целый день держали в саду. «Я считаю, что для ребенка это самый лучший режим и прекрасное воспитание. Мой будет также много времени проводить на свежем воздухе, в манеже с невысокими стенками, в котором он научится ходить гораздо быстрее, чем на паркете во дворце».

В садах Марли Людовик XVI все же разговаривал с женой об интересах государства. «Я не могу скрывать от короля то, какую боль причиняет мне его молчание, — сообщала она матери. — И очень огорчена тоном, которым он говорит на эту тему». Правда, он сказал: «Вы видите, что я также переживаю, что не могу сказать Вам ни слова в ответ». Чтобы избежать объяснений, которые его жена не захочет или не сможет понять, король предпочел произнести эту тираду, которая прозвучала довольно красиво и произвела должное впечатление на королеву. Все ее недовольство обратилось в адрес министров, которые «теперь вели себя не так хорошо, как раньше».

Роль Марии-Антуанетты в тяжелом деле Баварии закончилась раньше, чем она сама того ожидала. Русская императрица Екатерина внезапно вмешалась в события. Царица, которая только что уладила разногласия в Оттоманской империи в свою пользу, благодаря французскому вмешательству, объявила, что отныне она думает о своих обязательствах перед союзником, Пруссией. Итак, она угрожала Австрии вступить в войну на стороне Пруссии, если права принца Саксонского не будут учитываться. Марии-Терезии и Иосифу не оставалось ничего делать, как уступить. Итак, под председательством Франции, представленной бароном Бретелем, который был наделен всеми полномочиями короля, и князем Голицыным со стороны России, начались переговоры в Тешене, которые окончились 13 мая 1779 года. Австрия получала, согласно мирному договору, лишь небольшой округ Баварии (Инн), по берегам Дуная, Рейна и Зальца. Принц Саксонский также получил свою долю в

наследстве. Что же касалось Пруссии, она забирала свою часть территорий: Байрейт и Ансбах.

Однако Мария-Антуанетта уже забыла о долге, пределы которого она никогда не могла определить. «Я родилась, чтобы служить моей дорогой матушке, я обязана ей своим душевным покоем, который она вселила в меня своей любовью, мягкостью, добротой и, не побоюсь этого слова, терпением», — без обиняков заявила она в письме императрице сразу после подписания мирного договора. Не касаясь до конца всей сложности и тонкости дипломатических маневров, скажем, дело о Баварском наследстве принесло королеве много вреда. Отныне в глазах многих она оставалась лишь австрийской принцессой, а не королевой Франции. В воздухе уже повисли слухи об измене и предательстве. Было начало 1779 года.

Глава 12. ОПАСНЫЕ ИГРЫ

Подошло время, когда Марию-Антуанетту нужно было оставить в покое. Срок ее беременности подходил к концу, а постоянные размолвки между родными могли только навредить здоровью. Однако королева вовсе не боялась приближающиеся родов. Она вела размеренную и неторопливую жизнь, ложилась в полночь и поднималась в одиннадцать часов утра. Довольствовалась лишь небольшими прогулками по галереям дворца, быстро сбегая по ступенькам. Король буквально источал нежность и любовь. По Версалю ходили грязные слухи относительно отца будущего ребенка. Злые языки утверждали, что им был герцог де Кони, однако королевская семья не обращала внимания на сплетни. Кроме того, дипломатическая победа, которую одержал Людовик XVI, а также его политическая мудрость стали известны всей Европе, что придало скромному и неуверенному в себе королю гордости и решительности, которых он раньше никогда не испытывал. К тому же в скандальном и громком баварском деле он не уступил своей жене, как часто происходило, и это добавило ему уверенности.

В ночь с 18-го на 19-е декабря Мария-Антуанетта почувствовала первые схватки. Тут же разбудили короля, и когда он пришел в покои своей жены, та была еще в своей постели. «Через полчаса ее перенесли на специальную родильную кровать, — записал король в своем дневнике. — Мадам Ламбаль отправилась предупредить королевскую семью, а также принцев и принцесс, которые были в Версале; послали за герцогом Орлеанским, герцогиней Бурбонской, принцессой Конти, они все находились в Сен-Клу. Герцог Шартр, герцог Бурбон и принц Конти были уже в Париже». Согласно обычаю, роды королевы должны были проходить на публике.

Как только новость достигла ушей придворных, «все проснулось и пришло в движение». Принцы и принцессы крови расположились в соседней комнате, а остальные придворные ожидали в зале Геркулеса. Схватки возобновились к восьми часам утра. Мужественная и стойкая королева не издала ни звука. К одиннадцати часам двери, наконец, открыли и «все, кто находился в зале, словно живой поток, ринулись к постели королевы». «Королева родила!» — объявил Вермон. В первые минуты думали, что новорожденный мертв, поскольку он не кричал. Однако вскоре все услышали долгожданный и победный крик. «По обычаю, который установила сама королева, все принялись хлопать в ладоши, что заставило ее подумать, о

мальчике. В этот момент она потеряла сознание. Ребенка, сильного и крепкого, унесли в другую комнату, куда проследовал король, и только там все увидели, что это была девочка, после чего придворные тихо удалились, словно чувствуя за собой вину», — рассказывал герцог де Круа.

В то время как маленькую принцессу приводили в порядок, королева чуть было не умерла. Она лежала неподвижно, лишь губы ее иногда вздрагивали. Нужно было срочно делать кровопускание. Вермон закричал, чтобы принесли теплой воды, но было невозможно пройти сквозь толпу в салоне, и тогда он приказал первому хирургу Шавиньяку сделать кровопускание всухую. «Немедленно режьте», — сказал он. Как только вскрыли вену и кровь начала медленно сочиться, королева пришла в себя и акушер закончил обрабатывать роженицу. Когда она узнала, что у нее родилась девочка, она долго не могла успокоиться и горько плакала.

Людовик XVI отправился на мессу сразу после того, как его дочь обмыли и запеленали, и узнал об опасности, грозившей его жене, гораздо позже. Он испытывал новые чувства и невероятное счастье, получив, наконец, ребенка. Малышку принесли матери, та с нежностью взяла ее. Если верить мадам де Кампан, королева сказала: «Сын более принадлежит государству, а не матери. Вы же будете со мной, и мы разделим счастье и горе». Высокопарная речь вовсе не была свойственна королеве, разумеется, здесь мадам де Кампан хорошенько приукрасила, Мария-Антуанетта сказала проще и то, что пришло ей в голову. Конечно же, молодая мать была очень счастлива. Девочку назвали Мария-Терезия.

Ослабленная тяжелыми родами, королева в течение нескольких дней жила в относительном покое. Король не покидал замка. Он приходил к королеве утром, после обеда, иногда оставался на весь вечер, и это не мешало ему навещать несколько раз в день маленькую Марию-Терезию. «Он относился к ней с невероятной нежностью и любовью».

По обычаю новорожденных отдавали *гувернантке Детей Франции*, на этот раз небезызвестной госпоже де Гемене, в покоях у которой королева так часто играла в фараон. Эта женщина не отличалась особой добродетелью и не славилась безупречной репутацией, тем не менее пришла на смену госпоже де Марзан. Она была второй в многочисленной свите маленькой принцессы. При всем желании сократить ее, она все же насчитывала 24 человека! Мария-Антуанетта хотела, чтобы дочь ее, как и все французские принцессы, воспитывалась без особых затей. Людовик XVI не возражал. Так, было решено не выступать с речью во время торжественного представления ребенка

высокопоставленным лицам государства и послам. Снова, в который раз, был нарушен закон святого Этикета: «Я не приемлю никаких законов этикета, когда речь идет о воспитании моего ребенка […], нынешняя мода, стремления к крестьянской свободе и развязности мне совершенно не нравятся, я не вижу в ней никаких достоинств, наоборот, одни лишь недостатки. Я вовсе не имею в виду, что надо вскармливать в ребенке надменность и гордыню, но необходимо приучать с детства к приемам и аудиенциям, чтобы предотвратить, как я называю, неизбежные неприличия, когда без знания этикета государь ничем не отличается от своих подданных. Я считаю, что это главное в воспитании, особенно в воспитании француза, представителя народа, где легкомыслие и ветреность являются национальной чертой характера», — ворчала императрица. Однако к ее мнению мало прислушивались.

Через шесть недель после рождения наследницы королевская семья направилась в Нотр-Дам, в церковь Св. Женевьевы, для церемонии крещения, за которой последовали многочисленные празднества. Было решено, что король и королева прибудут в Париж 8 февраля, чтобы отпраздновать рождение дочери так же пышно, как если бы это был сын. По этому случаю в соборе в присутствии Людовика XVI и Марии-Антуанетты должны состояться бракосочетания более ста девушек, каждая удостоенная этой чести получала 500 ливров приданого. Королева также собиралась оплачивать кормилиц детям, которые родятся в этих браках. По поводу народного ликования на каждого участника планировали израсходовать по 15 000 ливров.

Мерси отмечал по поводу праздника, что «общественное поведение было не совсем таким, каким его ожидали, возгласы „Да здравствует король!“ звучали крайне редко, а Марию-Антуанетту встретили вообще в леденящей тишине. Толпы зевак собирались скорее из любопытства, чем для выражения любви и восхищения», — он вынужден был это признать. Холодность народа

скорее вызвана дороговизной хлеба, что влекло критику и неприязнь со стороны обывателей, но, по мнению посла, постоянные развлечения королевы и ее отстраненность от народа, наконец, принесли свои плоды. «Пришло время королеве узнать и убедиться, что парижане, как, впрочем, и все французы, ее не любили. Я не вижу, чтобы мнение народа изменило ее взгляды на жизнь, она презирала народные чувства», — писал послу аббат Вери, который никогда не скрывал своих мыслей.

Молва приписывала королеве любовную интригу с герцогом де Кони, но это было не совсем так. Королева испытала в первый

раз сладкое чувство любви вовсе не к одному из своих французских придворных. Предметом ее страсти был граф Ферзен, которого она встретила на балу в Опере. В августе прошлого года он вернулся во Францию. Веселая и фривольная жизнь при дворе Густава III порядком ему поднадоела. Красивый 23-летний юноша, сорвавший блистательный успех, находился в состоянии меланхолии, которую легко можно было принять за холодность. В нем не было ни французского задора, ни немецкой тяжеловесности, ни английской изюминки. Загадочность натуры будоражила души и сердца многих женщин. Прирожденный распутник, испытывал ли он угрызения совести? Вряд ли! И зачастую бывал втянут сразу в несколько любовных интриг. В 1778 году Ферзен оборвал все любовные связи. Он подумывал о женитьбе, как и всякий молодой дворянин, желающий преуспеть в жизни. Его не интересовала сама женщина, его будущая супруга, лишь бы она была богата и происходила из знатного рода. В этом плане у Ферзена напрочь отсутствовал какой-либо налет романтики и возвышенности. Типичный представитель аристократии своего времени. Его только что отвергла одна молодая особа, богатая английская наследница с большим приданым, у которой не возникло желания покидать своих родителей. Самолюбие его было, разумеется, ущемлено, и он просил своего отца отпустить его «либо в Париж, работать под началом Креуца, либо на войну. И последнее было предпочтительнее, — добавил он. […] — Я хочу иметь возможность послужить родине. Служить ей— это все, чего я желал, но для этого нужно было приобрести некоторые знания». Ферзен грезил о походах и битвах, он мечтал участвовать в какой-нибудь военной кампании.

Приехав в Париж, он «тут же отправился ко двору, чтобы быть представленным королевской семье. Королева, действительно очаровательная, сказала, увидев меня: „Ах, старый знакомый!“. Мужская половина королевской семьи не произнесла ни слова», — писал он отцу 26 августа 1778 года. Мария-Антуанетта никогда не забывала этого очаровательного шведа, с которым она познакомилась на маскараде в Опере, и он несколько раз приходил к ней в Версаль, еще до смерти Людовика XV. В то лето 1778 года Ферзен вновь вернулся к своей счастливой парижской жизни. Граф Креуц, шведский посол, ввел его в самые престижные и знаменитые салоны Парижа. Его положение для Версаля было скромным, даже слишком скромным, по мнению королевы. «Королева, самая милая и любезная из всех, кого я когда-либо знал, была так добра ко мне. Она несколько раз спрашивала Креуца, почему я не прихожу в Версаль на воскресную игру, и

узнав, что однажды я приходил, но мест уже не было, даже извинилась передо мной». При французском дворе иностранному молодому дворянину обычно не оказывали такого почтения.

Приехав в Париж в начале октября после недолгого отсутствия, он снова вернулся в Версаль. «Королева по-прежнему обращается со мной очень любезно, — писал он своему отцу 19 ноября. — Я часто прихожу к ней на игру, и каждый раз она говорит мне несколько теплых слов. Когда ей рассказали о моей военной форме, она изъявила желание увидеть меня в этом костюме, и в среду пригласила не ко двору, как обычно, а к себе лично. Это сама любезность». Ферзен произвел настоящий фурор белой туникой, голубым камзолом, роскошными замшевыми штанами с шелковыми оборками внизу, золотым поясом и шпагой с золотым эфесом — костюм весьма оригинальный и совершенно необычный для французов. «Весь Версаль только и говорил о графе Ферзене, он пришел в национальном шведском костюме, который королева, как мне говорили, рассматривала самым внимательным образом», — писал будущий архиепископ Линдблом, который лично не знал графа, но тоже находился в это время при дворе. Граф де Сен-Прист упоминал в своих *Мемуарах* об этом знаменитом эпизоде: «Все самое блестящее и роскошное впитывало сердце этой кокетки [королевы], и, по словам многих очевидцев, граф Ферзен, швед, полностью захватил сердце королевы. Королева […] была просто сражена его красотой. Это действительно заметная личность. Высокий, стройный, прекрасно сложен, с глубоким и мягким взглядом, он на самом деле способен произвести впечатление на женщину, которая сама искала ярких потрясений». Свидетельства графа становятся особенно ценными, когда мы узнаем, что его собственная жена впоследствии станет любовницей Фрезена.

Король, казалось, не замечал симпатии королевы к молодому шведу. К тому же королева не испытывала ни малейшего желания возобновлять супружеские отношения с Людовиком, которые она прервала на втором месяце беременности. После родов королева заявила мужу, что не имеет намерений в скором времени вновь повторить это состояние. Король не настаивал, к тому же не испытывал особой потребности. Итак, Людовик XVI снова уступил жене. Мерси и Вермон, по обыкновению, должны были образумить королеву и напомнили ей, что произошло с покойной королевой, когда она отказалась принять Людовика XV как своего супруга. Но Мария-Антуанетта не верила, что се муж способен на измену, и не ошибалась. Они продолжали жить отдельно. Несмотря на Мерси, Вермона, Марию-Терезию, которая метала громы и молнии, требуя наследника.

Слухи и наблюдения зашли уже достаточно далеко, и графу Ферзеиу пришлось принять абсолютно правильное решение уехать в Америку. Удалившись от Версаля он, безусловно, избегал многих опасностей, но, очевидно, в его возрасте нужно иметь огромную сдержанность и мудрость, чтобы не поддаться какому-то соблазну. Королева не могла отвести от него взгляда в последние дни; в глазах у нее стояли слезы. Когда стало известно об отъезде графа, все фавориты были просто счастливы. Герцогиня де Фицджеймс сказала ему: «Что! Месье, вы так покидаете вашу победу?» — «Если бы я завоевал хотя бы одну, я бы не покинул ее никогда, — ответил он. — Я уезжаю свободным и, к несчастью, не оставляя сожалений. Ваше Величество, может быть, найдет этот ответ слишком благоразумным и осторожным с высоты своего возраста». В своих *Мемуарах* сэр Ричард Барингтон вспоминает эти душевные муки Марии-Антуанетты, выражавшиеся, когда она пела арию Дидоны: «Глаза королевы были полны слез, голос дрожал и передавал все муки ее сердца. Нежное и очаровательное лицо краснело, когда она смотрела на Ферзена, который также был подавлен чувством, которое заставило его совершить этот поступок. Бледный, опустив глаза, не произнося ни слова, он слушал арию, слова которой заставляли сердце учащенно биться. Те, кто видел их в эту минуту, не могли больше сомневаться в природе нежного чувства». Однако каким бы оно ни было, Ферзен уехал в Гавр.

Едва он успел покинуть Париж, как Мария-Антуанетта серьезно заболела. Тридцать первого марта у нее обнаружили корь. Горло воспалилось, она тяжело дышала, язык и рот были покрыты сыпью. Сомнений в диагнозе врачей не было. Как только она узнала, чем больна, тут же потребовала, «чтобы короля не пускали к ней в комнату», — утверждал Мерси. Людовик XVI строго соблюдал требования своей жены, в который раз он уступил ее капризу. При дворе еще никогда не ходило столько слухов. По утрам четверо фаворитов приходили к королеве, они выполняли все ее желания и весь день занимались только одним — ее развлечением. Ради этого они могли не спать ночами. Понадобились внушительные угрозы Мерси, Вермона и даже доктора Лассона, чтобы прекратить подобное безрассудство. Эти господа добились того, что фавориты покидали комнату королевы в одиннадцать часов. Мадам де Полиньяк, из-за провала некоторых интриг, была лишена милости королевы. Однако волей-неволей Марии-Антуанетте приходилось иногда принимать эту даму, которую она больше не любила, та, впрочем, отвечала ей тем же.

Болезнь Марии-Антуанетты постепенно отступала, и она

решила продолжить выздоровление в Трианоне, куда переехала 12 апреля. Перед поездкой она говорила с мужем с высоты своего балкона, под предлогом того, что риск заражения был еще велик (известно, что корь заразна в течение трех недель). Со своей немногочисленной свитой, которая насчитывала четырех дворян, перенесших корь, она вела относительно спокойную жизнь: «Тихие незатейливые праздники в прекрасных местах в прекрасное время года, поездки на двуколке и прогулки по воде, ни интриг, ни дел, ни азартных игр; лишь величественное спокойствие царило здесь, что очень удивляло Версаль», — вспоминал граф Эстерхази. Мария-Антуанетта решила продлить свое пребывание в этом раю. Граф Прованский приезжал к ним обедать, но король по-прежнему оставался в Версале. Монарх выполнял просьбы королевы, «чувствуя безразличие к тому, что происходило в Трианоне». Все считали, что он был оскорблен своей собственной женой. Королева вернулась во дворец и заставила себя вновь стать любезной со своим супругом лишь после долгих уговоров Мерси, который напомнил ей о том, как долго они «трудились, чтобы завоевать доверие короля». Она снова вернулась к супружеской жизни, которую находила немного пикантной из-за угрозы, нависшей над ней. Тем не менее она хотела убедиться, что по-прежнему имеет влияние на слабого мужа, которого не могла любить, но которым могла управлять. От этих нежных отношений она получала то, что хотела. Он говорил ей, что любит ее всем сердцем и не может осуждать; он никогда не испытывал ни привязанности, ни любви ни к одной женщине кроме нее.

Несколько недель Мария-Антуанетта должна была выполнять свой долг, принимать участие в развлечениях мужа. Она ездила с ним на охоту, сопровождала его в Сен-Гюбер. По вечерам тянула его к госпоже де Полиньяк, которая устраивала приемы у себя во дворце. Людовик XVI добровольно соглашался на все предложения жены и их видели вместе несколько раз у фаворитки, которая была очень горда тем, что принимает у себя королевскую семью. Пытаясь привыкнуть к мужу, королева проводила с ним ночи. «Я очень хочу еще иметь детей и ради этого готова на все, — писала она матери. — Если раньше я и была неправа, то всему виной моя легкомысленность, однако теперь надо стать серьезнее. Думаю это мой долг». Дочь чувствовала себя прекрасно и быстро росла, королева внимательно следила за ее развитием. «Малышка уже потихонечку топает в своей колыбельке. Несколько дней назад она сказала *папа.* Зубки еще не прорезались, но их уже можно нащупать пальцем. Я так рада, что ее первое слово было папа, я

знаю, как это важно для него. Разумеется, для меня это тоже важно, но мне не нужно ничего, чтобы больше любить ее». Малышке тогда было восемь месяцев. В письмах к матери Мария-Антуанетта с большой нежностью рассказывает о ребенке. Императрица, несомненно, проявляла большой интерес к воспитанию внучки, но не переставала повторять о необходимости брата для этой малышки. Однако никакой надежды на беременность пока не было. Было даже предложено провести лечение железом, чтобы победить бесплодие, которое подозревали врачи. Они также думали о том, чтобы отправить королеву на воды в Форж-Лезо.

Незадолго до возвращения Ферзена Мария-Антуанетта снова вернулась к излюбленному развлечению — карточным играм. В Марли король впервые сел за игровой стол и вел себя с той же страстью и азартом, что и остальные игроки. Результат не заставил себя долго ждать. Он потерял весьма значительную сумму от 200 000 до 400 000 ливров. Несмотря на крайнюю заботливость и внимание, которые проявлял к ней Людовик XVI, Мария-Антуанетта не могла отказаться от своих отношений с Ферзеном.

Блестящий соблазнитель, «великий Швед» — как называли его друзья — приумножал свои завоевания, не стараясь найти самой выгодной и достойной партии для себя. По всей вероятности, он знал, что королева Франции неравнодушна к нему, однако он прекрасно понимал, что могла повлечь за собой такая связь. Опьяненный свободой, жаждущий узнать жизнь со всеми ее трудностями, молодой Ферзен по-прежнему мечтал о карьере военного, крещении огнем и сражением, а потому он уезжал. И это вовсе не огорчало его. Что касалось королевы, она могла открыться лишь мадам де Полиньяк. Тем не менее она нашла средство разделить свое беспокойство самым достойным способом, написав матери доверительное письмо незадолго до отъезда французских войск в Америку: «Естественно, мы не можем рисковать таким значительным отрядом военных, не будучи уверенными в поддержке па море. Признаюсь, я не могу спокойно думать об этом».

Королева переборола тоску. Она отдала себя дочери и безумной дружбе с мадам де Полиньяк. Последняя по-прежнему оказывала огромное влияние на королеву. Мария-Антуанетта готова была бросить все ради встречи с нею. Однажды, еще прошлой зимой, она отказалась от встречи с королем, который ждал ее в Сен-Гюбере, чтобы поехать в Париж к своей подруге, которая только что вернулась из путешествия. «Никто не осмеливался сказать ей то, что диктовали приличия по

отношению к королю, однако это никогда бы не остановило ее. Она забывала все ради своей фаворитки», — писал аббат Вери. Графиня, без которой королева уже не могла обходиться, постепенно становилась причиной многих скандалов. Используя свое влияние, она добилась того, чтобы король дал в приданое ее дочери невероятную сумму — 800 000 ливров. Молодой девушке, которую уже собирались выдать замуж за графа де Граммона, было всего лишь тринадцать лет. До сих пор сумма приданого, которое мог назначить государь, никогда не превышали 8 000 ливров! «Графиня де Полиньяк единственная подруга королевы. Я бы очень хотел, чтобы мои действия не имели никаких неприятных последствий», — заявил Людовик XVI своим министрам с явным смущением. Королевская казна терпела убытки и от долгов семейства Полиньяк, которые составляли около 400 000 ливров; аббат де Полиньяк был назначен епископом; королева устроила судьбу Дианы де Полиньяк — несмотря на репутацию, ее назначили первой фрейлиной в свите принцессы Елизаветы, а графиня де Шалон возглавила свиту принцессы д'Артуа. Любовник графини, де Бодрей, также не был забыт. Поскольку война с Англией помешала ему получать доход с тех денег, которые он вложил в колониальные острова, то получил ренту в размере 30 000 ливров ежегодно, а вскоре еще и солидный пост, в общем-то никому не нужный. Водрей стал одним из высших чинов при короле и теперь занимал великолепные апартаменты.

На вопрос Мерси, который осторожно и с пониманием интересовался такой щедростью, королева отвечала, что ею движет дружба, долг по отношению к подруге, ей очень трудно сопротивляться просьбам мадам де Полиньяк, хотя это вовлекает ее в неприятности и в большие траты. Было просто невозможно призвать королеву к разумному суждению о мадам де Полиньяк, которая была на девятом месяце беременности — весьма подозрительной, поскольку граф де Полиньяк уже больше года, как жил в провинции. Однако щепетильное положение подруги мало волновало королеву, решившую, что двор отправится в Мюэт, когда подойдет время, и тогда она сможет беспрепятственно помогать подруге и поддерживать ее в трудный и ответственный момент. И снова Мерси просто кипел от ярости: «У королевы такие слабые нервы, что один лишь вид страдающего человека, которого она любит, может совершенно надорвать ее собственное здоровье». Счастливый момент настал, двор уехал в Мюэт. Королева встречалась с подругой утром в ее доме в Пасси, обедала с ней и оставалась у ее постели до самого вечера. Даже сам король вынужден был наносить визиты мадам де Полиньяк.

Это единственный частный дом, куда монарх заходил с момента своего вступления на престол, так что особое отношение к его хозяйке производило настоящий фурор в обществе и было, разумеется, весьма на руку для самой графини де Полиньяк. Сразу после рождения ребенка граф де Полиньяк стал герцогом, а мадам заняла свое место при дворе. «История знает слишком мало примеров, когда заслуги семьи отмечались королевой в такие сумасшедшие сроки, — возмущался Мерси, — ах, как хотелось бы напомнить королеве о границах приличия или хотя бы попросить ее несколько приостановить подобные реверансы в сторону Полиньяков, ведь последние считали все милости по отношению к ним чем-то совершенно естественным». Из-за этого Мария-Антуанетта теряла доверие в глазах своих подданных. Везде только и говорили о столь необходимой экономии, а король Франции позволял супруге тратить баснословные суммы на фавориток, под предлогом того что королева дорожит их дружбой. Вери пророчествовал, что окружение Марии-Антуанетты вскоре «станет для народа так же ненавистно, как и любовницы покойного короля. Именно в этом обществе теперь решались вопросы, связанные с армией, — добавлял он. — Если влияние его распространится и на другие сферы общественной жизни, […] это будет очень похоже на правление мадам де Помпадур или мадам Дюбарри». Королеву обвиняли не только в растратах государственной казны ради своей подруги, а также в том, что она дала возможность подруге иметь на себя такое влияние. «Подозрение в том, что общество чесало языки о ее любовниках, оказалось неполным, — сокрушался Вери. — Дело дошло до того, что ее обвиняли в любовной связи с лицами ее же пола. Некоторые умы, склонные верить всему, находили эти предположения похожими на правду, однако здравомыслящие люди, понимающие подоплеку этой лжи, могли без труда опровергнуть все эти домыслы».

Глава 13. «ДИТЯ НАДМЕННОГО КАПРИЗА И ЛЕГКОЙ СЛАВЫ»

Марии-Антуанетте вскоре исполнялось двадцать пять лет. Она была в самом расцвете красоты, такой показала ее в знаменитом портрете мадам Виже-Лебрен, где запечатлела королеву в парадном платье с глубоким вырезом, роза в руке — символ величия, процветания и молодости. Академичный по стилю портрет все же имеет некоторый налет романтизма: молодая женщина, уверенная в себе, грациозная и одновременно раскованная, полностью удовлетворенная своей судьбой, и будь она одета в более скромный наряд, то ее можно было принять скорее за придворную даму, нежели королеву. Мадам Лебрен удалось изобразить королеву какой ее хотели видеть.

Художник, разумеется, польстил своей модели, однако сама модель, по словам современников, даже самых суровых, представляла собой сочетание всех эстетических качеств. «Она была не слишком красивая, не слишком милая, не безукоризненно сложенная, однако блеск се очарования, элегантность заставляли преклоняться перед ней многих женщин, которые были гораздо красивее ее по природе», — утверждал старый распутник Безенваль. «Я много слышал о ее красоте, признаюсь, никогда полностью не разделял этого мнения, — рассказывает Тилли, который был пажем королевы. — Но в пей было больше, чем красота, что стоило гораздо дороже на французском троне. Ее лицо, даже когда она не могла притвориться милой, казалось прелестным и одухотворенным». Пажи, как известно, являлись большими ценителями женской красоты. Он наделял ее многими качествами — не только добротой или способностью выразить презрение, но, кроме того, превосходной степенью нежных губ, кожи шеи и плеч. «Больше никогда я не видел таких красивых рук и пальцев, — продолжал он. — Походка у нее могла быть совсем разной: она могла быть быстрой, торопливой, но всегда с достоинством, или же, наоборот, мягкой и расслабленной, я бы даже сказал танцующей, но внушающей уважение. Никто и никогда не смог бы присесть в гаком же грациозном реверансе, как бы о том ни мечтали».

С того момента как Людовик XVI взошел на престол, Мария-Антуанетта, в отличие от предыдущей королевы, сконцентрировала на своей персоне весь интерес, который когда-либо привлекали лишь королевские любовницы. И так как королю не доставало жесткости и настойчивости, королева играла роль

гораздо более сильную, чем ее муж. С этой точки зрения, французский народ считал, что она обладает невероятной властью, да и она сама производила впечатление влиятельной королевы, тогда как истинное ее влияние — теперь-то нам об этом хорошо известно — оставалось до сих пор весьма слабым. Однако ничто не может быть более ошибочным, чем личность в кривом зеркале французского двора. Мария-Антуанетта вовсе не мечтала о том, чтобы править, как это представляли даже самые серьезные наблюдатели, она проявляла лишь одно желание — жить в свое удовольствие, однако эти удовольствия редко соотносились с ее «королевским ремеслом». «Чувство, которое росло в ней изо дня в день, являло собой решительное желание стать совершенно независимой. […] Она не хотела быть направляемой, руководимой, ведомой кем бы то ни было. Это единственное, о чем она тогда постоянно думала и чего так добивалась. Однако за пределами этих мыслей она не заботилась ни о чем, даже ее независимость была нужна ей лишь для развлечений и удовольствий», — отмечал в 1776 году барон Пишлер, секретарь Марии-Терезии.

Даже четыре года спустя его свидетельство остается абсолютно справедливым. Королева мало изменилась. Ей по-прежнему не хватало серьезности. Она не могла долго думать о серьезных вещах. И если ее библиотека постоянно увеличивалась, то это только благодаря мадам Кампан, которая добросовестно исполняла функции библиотекаря и покупала все, что было необходимо. Когда узнали о том, какие книги находились в этой библиотеке, даже самые просвещенные придворные были удивлены, увидев там Кребильона… Что бы там ни говорили защитники королевы, она, как и многие другие женщины того времени, листала скорее легкие романы, нежели серьезные исторические труды или произведения великих классиков французской литературы. И если даже мы найдем на ее полках произведения Расина и других классиков, то можно сильно сомневаться, что она читала их или хотя бы просматривала. Что касалось философов, хотя они и занимали место в ее библиотеке (у Марии-Антуанетты было полное собрание сочинений Вольтера, Руссо и даже несколько книг Дидро), они не вызывали у нее ни малейшего интереса. Когда Вольтер вернулся во Францию в 1778 году, ее сразу же начали просить о том, чтобы пригласить его в Версаль. «Ее величество резко отказалась от этого предложения и заявила, что ни при каких обстоятельствах не позволит человеку, чьи моральные убеждения стали причиной таких неприятностей, посетить Версаль,» — писал Мерси. В июне 1780 года она отправилась в Эрменвиль, полюбоваться прекрасными

английскими садами. Стало известно, что она останавливалась на острове Пеплие, очень красивом острове, где покоится прах великого Руссо, и пребывание на месте памяти великого философа очень изменило ее взгляды. Она увидела могилу Руссо, оценила простой стиль его дома, который находился в спокойном и навевающем меланхолию месте, однако вскоре ее уже не занимали мысли о великом философе.

Но разве могло быть иначе? Короля, чьи познания и культура были весьма обычны для того времени, не приводили в восторг идеи просвещения. Королева же их просто не знала. Еще когда Иосиф II гостил в Версале, он был просто поражен, как мало интереса королевская семья проявляла по отношению к тому, что сейчас мы называем интеллектуальным достоянием современности. Он не отставал от аббата Вери: «Ну почему король, его братья и сама королева не собирают дискуссионных обществ? Ничто не развивает ум лучше, чем споры о вещах, которые еще не приобрели четких очертаний». Вери возразил ему, сказав, что любителей споров надо искать не при дворе, а в Париже, «среди толпы зевак, которым совершенно не важно, о чем кричать». Людовик XVI был слишком не уверен в себе, чтобы встречаться с просвещенными людьми. На Марию-Антуанетту споры и дискуссии действовали как хорошее снотворное. Она старательно избегала всего более или менее серьезного. «Она вообще не вникала в то, что занимало умы и души людей того времени, — отмечал Безенваль, — как только разговор принимал относительно серьезный характер, королева заметно скучнела и переставала поддерживать его. Ее интересы были поверхностны, легкомысленны и несерьезны, она говорила об одном, а то вдруг переключалась на другое». Однако Безенваль, Кони, Водрей и Адемар, не имея глубоких познаний и не будучи высокообразованными людьми, были способны привлечь ее к литературной и артистической жизни. Водрей, который был меценатом Бомарше, любил окружение людей искусства, его дворец в Женевильере заполняли музыканты и писатели, для которых он устраивал пышные праздники. Граф Адемар и герцог Кони считались тонкими ценителями литературы. Что же касалось Безенваля, он, к сожалению, бросил писать *Мемуары* — произведение, выдававшее в нем настоящего писателя. Однако ей все это было неинтересно. Чтобы нравиться королеве, се друзья должны были рассказывать легкомысленные анекдоты, их беседы ограничивались лишь театральными обсуждениями. Желая блистать в этом, пусть даже небольшом обществе, которое вращалось только вокруг нее, Мария-Антуанетта предложила шевалье де Буфлеру, знатоку куртуазного творчества, запечатлеть

в стихах ее образ без какого бы то ни было недостатка. Шевалье использовал для этого образ Фемиры. Фемира! Что за странная поэтическая маска для королевы. Придворное общество, многие из которого читали произведения Буффона, разве не знали они, кто скрывается под этим нежным именем? Кто бы мог сказать? Кто бы мог подумать? Фемира — не что иное, как маленькая мушка… Мария-Антуанетта, разумеется, этого не знала. Восхищенная этой короткой поэмой, она была очень тронута:

Говорят, что разум строгий
Никогда не беспокоил
Эту нежную натуру,
Обожающую лесть…
Только ласка, только нежность
Могут тронуть это сердце,
Сердце, полное любви.

Королева очень любила музыку, которую считала приятным и нежным искусством. Но, несмотря на то, что могла часами слушать лучших музыкантов своего времени, несмотря на долгие часы пения и игры на арфе, она была всего лишь любителем и не более. Музыка оставалась для нее приятным времяпрепровождением.

Королева и ее друзья не скучали ни минуты. Они устроили свой театр, постоянно учили роли, репетировали и снова учили, все это проходило в атмосфере крайнего возбуждения. Магия сцены позволяла Марии-Антуанетте убегать от своей главной роли — королевской, которая теперь казалась ей скучной и обременительной. Не было случайностью то, что она исполняла роли пастушек и горничных, которые казались ей романтичными и веселыми, где она представала перед публикой в передничке горничной или чепце прачки, ведь королева старалась не появляться на сцене в той роли, которую ей приходилось играть в жизни.

Если верить Мерси, королева приглашала на эти спектакли только короля и членов королевской семьи.

Король посещал все спектакли и не лишал себя удовольствия освистать актеров, когда они играли дурно. Его смелость вдохновляла других зрителей, которые не боялись таким образом подшучивать над высокопоставленной труппой. Хотелось этого или не хотелось некоторым придворным, никто из них не отказывался прийти в театр на представление, скажем, «Англичанина в Бордо», поскольку «было позволено критиковать талант актеров, не избегая даже исполнителей первых ролей».

Тем не менее спектакли, где играла королева, всегда воспринимались очень хорошо, даже если игра актрисы оставляла желать лучшего. «Эти развлечения, которые были доступны лишь немногим избранным, стали признаком близости к королеве, а также причиной ревности и зависти для тех, кто не имел доступа на спектакли», — отмечал Мерси в письме императрице, которая, разумеется, не одобряла новой страсти своей дочери, «зиая, по собственному опыту, чем обычно заканчиваются подобные развлечения».

В то лето Мария-Антуанетта носила белые, очень простые платья с прозрачными косынками на плечах. Ей казалось, что еще никогда она не была столь естественной и независимой. Став королевой и властительницей маленького общества, членов которого выбирала по своей душе, она испытывала невероятное удовлетворение.

Малейший жест монархов был подчинен неумолимым правилам Этикета, который «преследовал их даже в минуты уединения и близости, радости и горя, вплоть до самой смерти. […] Процедура переодевания королевы была истинным шедевром Этикета, все было подчинено этим правилам, — рассказывала мадам де Кампан, в обязанность которой входило внимательно следить за исполнением королевской семьей Этикета. — Первая фрейлина и дама из свиты выполняли свои обязанности. Дама из свиты подавала платье, первая фрейлина наливала воды, чтобы вымыть королеве руки, и передавала рубашку. Если в гардеробной находилась принцесса из королевской семьи, первая фрейлина уступала ей свои обязанности, однако тут речь не шла о принцессах крови. Каждая из фрейлин строго следила за порядком выполнения процедуры. Однажды зимой случилось так: королева была совсем раздета, наступил момент передавать рубашку, я держала ее сложенную. В этот момент вошла дама из свиты и тут же поспешно сняла перчатки, чтобы взять рубашку и подать ее королеве. В дверь постучали, это была госпожа герцогиня Орлеанская, уже без перчаток, и поэтому сразу же вышла вперед подать рубашку королеве, которую не дама из свиты не может передать ей, поэтому рубашка возвращается ко мне, а я, в свою очередь, должна передать ее герцогине, однако в дверь снова постучали. Это была графиня Прованская — герцогиня Орлеанская передала рубашку ей. Королева продолжала стоять; скрестив руки на груди, совершенно замерзшая. Графиня, чувствуя неприятное положение, поспешила сбросить накидку и, оставаясь в перчатках, передала рубашку королеве, которая рассмеялась, однако потом произнесла, стуча зубами от холода, несколько раз: „Какой кошмар! Какая

глупость!“» Можно привести огромное количество примеров подобного рода и понять, почему королева ненавидела Этикет, который она называла «глупой ложью». Непостижим смысл этого древнего протокола, еще более ужесточенного Людовиком XIV. Так же как Людовик XV, она даже не пыталась осмыслить его. Не могла она согласиться с тем, что принадлежала не себе, а всей Франции. Каждый ее жест и каждое слово несли особый смысл для общества, и это ее исключительное положение призывало служить не домашнему очагу, а Франции и представлять королевскую семью. Семейства Ришелье, Субиз, Дюра и Ларошфуко, как и многие другие, оспаривали между собой честь подать стакан воды, передать рубашку или помогать ей выходить из ванны.

Мария-Антуанетта не была единственной королевой Европы, желающей освободиться от сетей протоколов. Все монархи мечтали о том, чтобы как-то облегчить себе жизнь. Всем известно, что императорская семья Австрии жила более «свободно», чем Бурбоны, но ни Мария-Терезия, ни Иосиф II не отказывались от протоколов и этикета. Они довольствовались лишь тем, что сохраняли простоту отношений внутри семьи. Император мог путешествовать инкогнито, но ничего в его поведении, интересах и даже мыслях не заставило бы его забыть, кто он есть. Такой простотой следовало восхищаться. Поведение же Марии-Антуанетты было совершенно иным — отказ от королевского долга, бегство в мир удовольствий и развлечений.

Тем временем придворные интриганы не дремали. В политике шла стенка па стенку. Во главу угла был поставлен инцидент, в котором заметную роль сыграла госпожа де Полиньяк. Морепа удалось убедить королеву в том, что она была обманута и мадам де Полиньяк просто-напросто воспользовалась ее доверием и дружбой.

Королева в первом порыве гнева потребовала объяснений у подруги. Последовали горькие упреки и обвинения в том, что фаворитка преследовала личные цели, что недопустимо в государственных делах. Спокойно выслушав претензии королевы, мадам де Полиньяк отвергла все эти гневные обвинения, и дело закончилось тем, что фаворитка, встав в позу, заявила, что с того момента, как королева позволила себе то, что продемонстрировала, она не может быть больше привязана к ней и отныне больше не покажется при дворе, к тому же, поскольку не может пользоваться благами, которые она получила от королевы, то вернет их все, за исключением нового поста своего мужа, так как она не сможет убедить его отказаться от назначения.

Королева была поражена речью мадам де Полиньяк, ее

холодностью и неприступностью и вдруг внезапно почувствовала невозместимую потерю, в ней победили теплые чувства любви и дружбы, она попыталась исправить положение, но не тут-то было. Подруга, разумеется, вела себя в границах дозволенного, но так и не простила королеве ее недоверия.

Для Марии-Антуанетты сцена была слишком жестокой, с мокрым от слез лицом она в конце концов бросилась на колени перед мадам де Полиньяк, умоляя ее о прощении и повторяя, что дружба для нее важнее всего на свете.

Хитрая бестия торжествовала. Она тоже расплакалась, и подруги нежно обнялись. Итак, они расстались друзьями, причем никогда еще не были так близки друг другу.

29 ноября 1780 года после непродолжительной болезни скончалась старая императрица. Узнав об этом раньше жены, король попросил аббата Вермона сообщить ей как можно более осторожно. Когда аббат выполнил тяжелую задачу, Людовик XVI зашел к Марии-Антуанетте и даже нашел несколько слов, которые смогли утешить ужасную боль. Наедине с женой он забыл о строгих порядках и правилах и выказал большую деликатность и нежность. Убитая ужасной новостью, Мария-Антуанетта в течение нескольких часов оставалась в своих апартаментах и не могла поверить в это. Позже она собралась с мыслями и написала несколько слов Иосифу, который отныне правил один: «Я не могу найти слов и письмо пишут Вам мои слезы, это самое ужасное событие в моей жизни. О! Дорогой мой брат, у меня не осталось никого кроме вас в стране, которая мне будет всегда дорога! Найдите в себе силы, соберитесь, это Ваш долг. Я могу лишь мысленно быть в эти минуты с Вами и моими сестрами. Они еще более несчастны, еще более одиноки! Прощайте! Я больше ничего не вижу, не могу писать. Помните, что мы навсегда будем вашими друзьями и союзниками; любите меня. Целую вас».

Незадолго до смерти, Мария-Терезия написала личное письмо королеве Франции. Последнее письмо своей дочери, датированное третьим ноября. Послание, как всегда, было коротким, но очень проникновенным. Оно словно вдохновляло принцессу к жизни во имя памяти матери, несмотря на «опустошенность и тоску», которую она испытывала, ибо «мелкие неприятности могут стать большой бедой, особенно в той стране, где правят легкомыслие и безрассудство», — добавляла мать. В который раз она настаивала, чтобы молодая своенравная женщина выполняла свой долг перед супругом. «Уже очень давно мы с мужем не спим вместе, — сообщала та легкомысленно. — Я думаю, что моя дорогая матушка об этом знает. Приличия, которые должны соблюдаться между мужем и женой, могут

заставить короля изменить положение, однако я не считаю своим долгом напоминать ему об этом». Мария-Терезия подозревала, что королева сама хотела этого разделения. «Я не могу считать нормальным то, о чем Вы мне пишите, — так отвечала мать. — Мне бы очень хотелось, чтобы Вы были немкой хотя бы для того, чтобы понять истинный долг женщины». Так вот, чтобы исполнить последнюю волю матери, Мария-Антуанетта сближается с мужем. В итоге, в конце февраля 1781 года она почувствовала признаки новой беременности. Вскоре всякие сомнения отпали. Королева надеялась к следующему октябрю подарить Бурбонам наследника престола.

Шок, причиной которого была смерть императрицы, казалось, вернул Марии-Антуанетте покорность и послушание по отношению к Мерси, который старался воспользоваться счастливым мгновением. Иосиф II и Кауниц также решили убедиться в надежности альянса, и послу было поручено напомнить королеве, что она «залог» этого союза. «Скажите мне, что я должна делать, и я обещаю вам, что сделаю это», — заявила она Мерси, который начал с того, что попросил ее подготовить преемника для Морепа. «Как мне найти того, кто подходил бы нам? Подыщите его, а я поддержу ваше предложение», — заявила она. Несмотря на проявление доброй воли, Мерси не торопился действовать. Он слишком хорошо знал ветреность королевы, ее легкомыслие и очень боялся «быть обыгранным ее приближенными. […] Когда хитрое и лживое окружение наступало ей на пятки, […], у нее совершенно опускались руки относительно альянса», — жаловался Кауниц.

Убежденная и вдохновленная наставлениями Мерси, Мария-Антуанетта желала лишь одного — трудиться на благо Франции и Австрии. Ради этого она предприняла самые решительные шаги, поговорив с королем и Верженом. Опасаясь непредсказуемых выпадов королевы, которая часто вела себя, как эрцгерцогиня Австрии, министр решил вести себя крайне осторожно, возлагая всю ответственность на Морепа. «Король провел Совет, которым он пользовался в исключительных случаях и который часто его уговаривал не прислушиваться к моим просьбам», — заявил он молодой женщине. Используя все свое обаяние, на которое она была способна, ей удалось уговорить мужа решить вопрос с войной. Он признался ей в том, что не совсем доверяет австрийскому посредничеству, опасаясь, что оно будет полезным скорее для Англии, нежели для Франции. Мария-Антуанетта немедленно сообщила Мерси о тайном разговоре с королем. Даже если ее вмешательства и не приводили к желаемому результату, то она все равно продолжала защищать интересы брата, а не

мужа. По наивности, а может, и по глупости.

Когда в Вене узнали о ее беременности, император, канцлер и посол вновь обрели надежду влиять на французскую политику. «Итак, теперь остается лишь управлять им через Ее Величество, которую нужно научить пользоваться этим доверием не только сейчас, но и в будущем», — писал Мерси императору. В течение следующих недель Иосиф несколько раз писал своей сестре. В этой переписке он не раз упоминал о важнейших дипломатических вопросах. К сожалению, письма, которые смогли бы внести ясность в политические отношения брата и сестры, были утеряны.

Иосиф решил отправиться в Версаль. Королева была счастлива, узнав о планах своего брата. Министры же, наоборот, очень опасались этого визита. Для Мерси приезд его государя был большим облегчением. Иосиф II собирался поддержать действия посла по отношению к Марии-Антуанетте, что значительно облегчало его задачу. Только император мог внушить королеве «настоящее уважение, […] будь то в личных вопросах, либо в вопросах управления государством, на которые следовало бы обратить особое внимание». Вся радость от встречи с братом после шести дней траура выразилась в долгом разговоре с глазу на глаз. Как и в прошлый приезд, Иосиф проводил время, беседуя с сестрой и наслаждаясь нежным теплом летнего солнца. Одетая в белое открытое платье с муслиновым голубым поясом, без украшений, королева, чья фигура заметно изменилась вследствие беременности, прогуливалась по аллеям садов Трианона под руку со своим братом, доверяя ему все свои тайны и переживания. Император проникновенно отвечал сестре, что-то советовал по поводу ее личной жизни и отношений с мужем. Однако нам мало что известно об этих разговорах.

Спустя несколько лет Иосиф делает довольно ясный намек, вспоминая семейство Полиньяк и окружение королевы.

«Помните ли вы, моя дорогая сестра, — пишет он ей 5 ноября 1789 года, — когда я приезжал к Вам последний раз, Вы сидели на камне в саду Трианона и я позволил себе предложить Вам оценить Ваше, так сказать, общество? И я не смог удержаться, чтобы не спросить, не хотите ли Вы убедиться сами, действительно ли эти люди искренне привязаны к вам или они любят лишь себя. Вам следует лишь иногда отказывать им в просьбах, чтобы увидеть степень и искренность их любви к Вам. Может быть, они любят в Вас лишь свои почести и привилегии?»

Иосиф не мог остаться в Версале, сколько бы ему ни хотелось. Приехав 29 июля, он уехал 5 августа. Тем не менее

Мария-Антуанетта успела организовать великолепный ночной праздник в Трианоне. После ужина, на котором собралась вся королевская семья, Мария-Антуанетта пригласила брата на спектакль «Ифигения» Глюка, который давали по ее просьбе, в небольшом уютном дворцовом театре. Королева собственной персоной любезно встречала гостей, которых было 263 человека, каждого из них она выбрала и пригласила лично. Апофеозом вечера стал фейерверк в английском саду Трианона: на деревья подвесили маленькие лампочки — стеклянные сосуды, которые освещали весь огромный парк. Впечатление производилось невероятное, огоньки горели разными цветами и давали иллюзию сверкающего сада. Поскольку многие придворные остались в стороне от праздника, разумеется, поползли слухи. Но какое это имело значение для королевы? Разве не вправе она была подарить брату столь изысканный праздник?

Во время ужина, накануне отъезда, она скрывала слезы под широкими полями шляпы, а как только Иосиф покинул Версаль, закрылась в своем кабинете и долго плакала.

Перед отъездом император оставил сестре письмо для короля, с которым они говорили очень мало. Людовик смущенно признался Марии-Антуанетте в том, что он любит ее брата и глубоко уважает его. Что касалось министров, они сделали несколько примирительных заявлений в адрес Мерси. «Министры сохраняли дружелюбный и доверительный тон, как и их монархи. В предыдущую среду Вержен сказал мне, что присутствие Вашего Величества и тот доверительный тон, которым Вы говорили с ними, произвел весьма благожелательное впечатление, этого было достаточно, чтобы разрушить все прусские хитросплетения», — писал удовлетворенный посол своему государю. Стратегия кабинета состояла прежде всего в ослаблении Австрии, избегая отчуждения. Тем не менее через несколько дней, к ужасу Мерси и его императора, Людовик XVI отверг предложение о посредничестве. После вежливого отказа Вержена Мерси решил попросить вмешательства королевы. Людовик XVI ответил жене, что согласен с ней. В действительности же король был уверен, что перспектива мирных переговоров вернет Англии утраченную силу и позволит ей извлечь большую выгоду, необходимую для будущей кампании, что поставит Францию в слабую позицию. Убедительных обещаний мужа было достаточно, чтобы успокоить Марию-Антуанетту. Она чувствовала себя очень хорошо и думала только о будущем ребенке, который должен был родиться со дня на день.

Глава 14. ДОФИН

22 октября 1781 года после непродолжительных схваток королева родила долгожданного дофина. Предупрежденные принцессой де Ламбаль, которая известила всех, как только королева почувствовала первые схватки, принцы и принцессы расположились в комнате, где находилась «родильная кровать». По правилам Этикета, у подножия кровати расположился министр юстиции. Чтобы избежать неприятного инцидента, жертвой которого стала его жена в предыдущие роды, король распорядился не пускать никого лишнего в комнату во время родов.

«Между полуднем и половиной первого схватки усилились […] и в четверть второго, по моим часам, королева родила мальчика, — записал король. — Во время родов в комнате присутствовали лишь принцесса де Ламбаль, граф д'Артуа, тетушки, госпожа де Шимей, госпожа де Майли, госпожа д'Оссен и госпожа де Гемене. В большом кабинете расположился я, королева, ее приближенные, которые входили лишь иногда и стояли в глубине комнаты». В момент, перед тем как министр юстиции объявил пол ребенка, в комнате наступила гробовая тишина, и королева подумала, что снова родила девочку. Переполненный эмоциями и счастьем, король успокоил ее и произнес торжественные слова. От историков мы получаем противоречивые сведения об этих словах. Но в одном они все сходятся, что радость этого обычно владеющего собой человека была неописуемой. Он плакал от счастья, пожимал руки всем присутствующим и без устали повторял: «Наследник!». Когда акушерка королевы показалась в дверях, по огромному залу прокатилось: «Наследник, дофин!». Новость разнеслась но Версалю с невероятной скоростью. Несколько минут спустя в дверях появилась госпожа де Гемене, держа на руках очаровательного малютку. Переполненный счастьем и радостью, король торжественно шел за гувернанткой, прижимающей к груди долгожданного принца. Приемная королевы была заполнена придворными, все смеялись, плакали, обнимали друг друга. Неумолимый Этикет французского двора впервые был забыт напрочь. Кардинал де Роан огласил имя дофина — Людовик-Иосиф-Ксавье-Франсуа.

Несколько дней Париж и Версаль ликовали. Поговаривали даже о коронации королевы в знак благодарности за наследника династии. Три вечера подряд столица была освещена, по приказу короля, праздничными огнями. В сопровождении братьев и

принцев крови Людовик XVI отправился в Собор Парижской Богоматери, чтобы присутствовать на Те Бейт, мессе в честь рождения дофина. По дороге от набережной до самого собора стояли люди, приветствовавшие государя, который разбрасывал серебряные монеты. Но это было лишь началом торжеств, знаменовавших счастливое событие. Через несколько дней после родов магистрат королевы, а позднее и представители парижского духовенства обратились с речью к монарху, который отвечал им согласно священной формуле Этикета: «Я очень рад слышать ваше приветствие. […] К сожалению, вы не сможете увидеть королеву, поскольку она сейчас отдыхает; вы же пройдете к моему сыну и назовете его Монсеньером». Визит представителей народа и духовенства, разумеется, не был предусмотрен Этикетом, но Людовику XVI нравилось видеть проявление народной любви. Одетые по-праздничному, торговцы и ремесленники радостно прошли мимо мраморного балкона, где находился король, каждый из них преподносил что-либо в знак своей радости и восхищения. Это было похоже на настоящий карнавал. Так, например, мясники и булочники составили невероятную композицию из разных сортов мяса, колбас и всевозможных булочек. Трубочисты несли сказочный камин, из которого выглядывал мальчик, распевающий забавные куплеты, составленные в честь великого события. Что касается слесарей, которые знали, насколько король умел ценить искусство, они изготовили шкатулку с секретом, стоило нажать на пружину, из нее выскакивал маленький дофинчик. Людовик XVI захотел узнать механизм работы этой шкатулки: слесарь получил за это дополнительную плату, что-то около тридцати ливров. Пятого ноября король принимал во дворце делегацию из Галлии — сто двадцать женщин, приехавших высказать восторги в адрес маленького дофина. Поэты и ораторы из самых разных уголков Франции слагали стихи, поэмы, куплеты в честь знаменательного события. «Патриотическая горячка, связанная с рождением дофина, не стихала, восторг и общее оживление в городах и деревнях только увеличивались. У женщин радость выражалась в весьма фривольной форме», — читаем в «Тайных мемуарах от шестого ноября 1781 года». «Дофины» появлялись везде. Их можно было увидеть на поясах, туфельках, вышитых серебром и золотом, на кошельках и платках.

Наследника, который весил тринадцать фунтов и при рождении был двадцать два дюйма длиной, окружили заботой. Доставили кормилицу. Мощную крестьянку ни на минуту не оставляли одну, се сопровождали, даже когда она шла в гардероб. За ее здоровьем следили ежедневно, если не ежечасно.

Кормилица, только что сменившая крестьянское платье на наряд, соответствовавший ее новой функции, была растеряна и насмерть перепугана огромным королевским дворцом. Она не могла привыкнуть к постоянному вниманию. Королева вскоре оправилась после родов. Однако ее счастье нарушали слухи и памфлеты, которые поползли по стране, в них ставилась под сомнение законнорожденность маленького принца.

С пятнадцатого января улицы столицы начали украшать, готовясь к торжествам. Окна, мимо которых должен был следовать кортеж, красили и украшали. Наконец, двадцать первого января под зимним, но лучистым солнцем в сопровождении мадам Елизаветы, мадам Аделаиды, герцогини де Бурбон и принцессы де Конти Мария-Антуанетта вошла в карету, которая повезла ее в церковь Сенг-Женевьев и Собор Парижской Богоматери. Она получила огромное количество комплиментов, благодарностей за то, что подарила Франции наследника. После церемонии она отправилась в мэрию, где должен был состояться королевский пир, который устраивал городской совет Парижа. Здание городского совета не могло вместить толпы, которая ожидалась на пир. Специально для этого было построено здание, богато оформленное, которое могло бы стоять долгие годы, если бы не было построено из дерева.

Приехав в здание городского суда, королева и ее свита подождали короля, который вскоре присоединился к ним. В центре павильона был оборудован огромный зал. Королевский стол накрыли на семьдесят восемь персон. Король и его братья были единственными мужчинами за столом. Если верить «Тайным мемуарам», Людовик XVI очень скоро покинул пир, а другие гости были вынуждены последовать за своим государем. По окончании обеда королева и ее свита проследовали на террасу. Там разместили небольшие игровые столики, между которыми должны были прогуливаться придворные. А в это время в Париже на всех перекрестках играли оркестры, устраивались танцы, вино лилось рекой. Этот день должен был завершать грандиозный фейерверк.

Вечером двадцать третьего января король с королевой вновь приехали в Париж на бал в их честь. После веселого и шумного обеда они вернулись в павильон городского совета, который теперь был превращен в огромный танцевальный зал. Несмотря на огромную толпу, которая постоянно окружала супругов со всех сторон, король и его жена, казалось, веселились от души. Однако им гораздо больше понравился бал, который организовали в зале Оперы. Мария-Антуанетта танцевала там с неким господином де

Муре, который был весьма нескромен и кому она подарила золотую шкатулку.

Следовало вспомнить о политике. В который раз Мария-Антуанетта разочаровала свою семью. Мерси не хотел признавать себя побежденным и жаловался на то, что королева совершенно равнодушна к политическим делам. «Она использует свое влияние лишь для того, чтобы раздавать милости и привилегии приближенным, и позволяет королю сделать вывод, что совершенно равнодушна к вопросам государства. Она растрачивает свою энергию на легкомысленные и совершенно неважные дела, вместо того чтобы заниматься серьезными проблемами». Ничто не могло огорчить Иосифа II больше, чем эти слова. Он приписывал такое поведение сестры дурному влиянию французов. Что же касалось Кауница, он весьма терпимо относился к королеве, которая была ему так нужна, и заявил: «Нужно убедить ее в том, что поведение с королем может иметь решающее значение, нет ничего труднее, чем управлять глупцами, которые гораздо более подозрительны и непоследовательны, чем все остальные». Та неподдельная скука, которую испытывала королева ко всем серьезным делам, удовлетворяла и короля и его министров, которые оказывались свободными и независимыми от капризов избалованного ребенка, они делали все, лишь бы она не вмешивалась в государственные дела.

Мария-Антуаиетта тем не менее нашла возможность помочь брату в сложном политическом вопросе. Цесаревич Павел и его жена, которые путешествовали как граф и графиня Дюнор, собирались посетить Париж после пребывания в Вене. Такова легенда. На самом же деле Павел, сын Екатерины Великой, был направлен во Францию в качестве тайного посла своей матери. Он приезжал передать Людовику XVI просьбу сохранять нейтралитет в отношении раздела Оттоманской империи, о чем договорились Екатерина II и Иосиф II еще во время встречи 1780 года в Могилеве. Император воспринял этот визит как знак свыше и обратился к Марии-Антуанетте, подробнейшим образом проинструктировав ее, ведь она должна была встретить графа и графиню Дюнор с максимальным гостеприимством. Император описал ей их вкусы и нравы, посоветовав даже поставить фортепиано в комнату великой княгини, которая очень любила музицировать. Он даже предвидел темы разговоров между гостями и королевой. Он рекомендовал своей сестре относиться к ним с большим доверием и дружбой, как если бы она знала их очень давно: «Ваш разговор может касаться всего. Их Высочества очень заботливые и любящие отец и мать, разговор о воспитании

детей, который, я знаю, Вас очень занимает, покажется им весьма интересным». Демарш, предпринятый двором Санкт-Петербурга при поддержке Венского двора, поставил Вержена в весьма затруднительное положение. Оставаясь верным своей осторожной и осмотрительной политике, с того момента как король назначил его министром иностранных дел, Вержен не хотел слишком заискивать перед Россией. Однако тем не менее гостям был устроен пышный и торжественный прием. Людовик XVI поручил королеве организовать пребывание великих князей, «Дюноров», так их называли в Версале. Мария-Антуанетта очень серьезно и старательно отнеслась к этой задаче, что и было высоко оценено Мерси.

Когда гости прибыли в Париж 18 мая 1782 года, королева едва успела оправиться от рожистого воспаления. Однако болезнь никак не отразилась на ее красоте; она, казалось, произвела большое впечатление на великих князей. Цесаревич инкогнито отправился в Версаль, где среди толпы придворных внимательно наблюдал за королевой. Вернувшись к жене, в особняк посла России, он весьма живо и подробно описал Марию-Антуанетту, величие и великолепие Версаля, придворных, особенно его поразила красота королевы, «которая весьма беспокоила великую княгиню». Урожденная Вюртемберг, княгиня Екатерина, рослая и корпулентная, не отличалась особой красотой, однако была довольна умна и образованна. Она создала прочный и нерушимый союз с мужем, который был совершенно не красив и мог выглядеть даже нелепо, если бы не его природное обаяние и необыкновенная улыбка. Только ступив ногой в Париж, великая герцогиня пригласила к себе мадемуазель Бертен и заказала у самой модной модистки наряды, которые могли бы соперничать с нарядами королевы. Так что она предстала перед самым элегантным двором Европы во всеоружии.

20 мая Дюноры выехали в Версаль. Несмотря на великолепное парчовое платье, украшенное жемчугами, и чистейшими, как слеза, драгоценными камнями на шее, великая княгиня все же испытывала легкую дрожь оттого, что ей предстоит встреча с самой эрцгерцогиней Австрии, ставшей королевой Франции, о которой шла молва, как о наиболее красивой и элегантной царствующей особе того времени. Великая княгиня была того же возраста, что и Мария-Антуанетта. «Смогу, ли я потягаться красотой с королевой?» — спрашивала она своего мужа. Сама королева была еще больше напугана. Прежде чем отправиться в зал, где должен был состояться обед, Мария-Антуанетта зашла к себе в кабинет выпить стакан воды, призналась, «что только теперь поняла, насколько трудна роль

королевы, особенно в присутствии другой королевы». Тем не менее она успокоилась и, глядя как королева ведет себя с великой княгиней, трудно было не заподозрить се в том, что они знают друг друга всю жизнь. Мария-Антуанетта рассказала русской княгине о своих вкусах и привязанностях, она говорила лишь о том, что могло бы доставить удовольствие ее гостье, и в конце концов попросила навещать ее как можно чаще. После обеда все прошли в салон Мира, чтобы послушать концерт, на который были приглашены придворные русского двора.

Как и Иосиф II, великий князь и его жена хотели воспользоваться инкогнито, чтобы узнать Париж и посетить все достопримечательности столицы, что давало королю и королеве относительную свободу. Тем не менее они довольно часто приезжали в Трианон и Марли. Во время прогулок «между королевой и ее гостями установилось подлинное доверие, а великий князь доверял ей такие тайны, говорить о которых с женщиной, да еще высочайшей особой было не совсем удобно». Довольно откровенно он сетовал на личную жизнь своей матери-императрицы, чьи фавориты доставляли массу неприятностей и ему и многим придворным. Супруга обычно молчала, но, казалось, полностью поддерживала мужа. В ответ на доверие великий князь спросил Марию-Антуанетту, как она относилась к мадам Дюбарри при жизни покойного короля. Откровенность цесаревича очень удивляла королеву, и она старалась не оставаться с ними наедине.

Отъезд гостей был большим облегчением для королевы, которая имела тогда лишь одно желание — уехать в Трианон. Русские отбыли очень довольными, они оценили тот теплый прием, который им устроили французские государи. Вержен, в свою очередь, остался очень доволен тем, что не было дано никаких определенных обещаний. Мерси рассыпался в похвалах прекрасного поведения королевы, которая смогла высказать свое мнение но поводу прусских происков и не забыла упомянуть о своем брате.

В малом замке Трианона, где она бывала дважды за лето, Мария-Антуанетта забывала все свои беды и усталость. Никогда еще не была она так спокойна и полностью посвятила себя детям. Королева привезла детей с собой вместе с гувернанткой принцессой де Гемене и всей их свитой. Она подолгу занималась с малышами, не играла в комедиях, не ходила на спектакли, а довольствовалась лишь тем, что устроила несколько концертов. Мадам де Полиньяк воспользовалась этим внезапным приливом нежных чувств, чтобы поговорить с ней о министерских назначениях. Она хотела, чтобы граф д'Адемар, не имевший ни

единого шанса получить портфель военного министра, был назначен хотя бы на пост министра королевской свиты, обязанность, в которой он был совершенно не компетентен. Мария-Антуанетта не сказала «нет», но и не сказала «да». Мерси начал надеяться на грядущую немилость фаворитки. Ничего не последовало. Посол тем не менее не терял надежды.

Через несколько дней, 9 сентября, двор прибыл в Мюет, где маленькой принцессе сделали прививки. Как раз в это время произошло событие, потрясшее не только королевский двор, но и всю знать Парижа. В пух и прах разорился принц Гемене: долг составил более 30 миллионов ливров. Подобный скандал не позволял больше его жене оставаться гувернанткой королевских детей. Королева согласилась с отставкой мадам де Гемене, к которой она уже довольно давно не испытывала особой симпатии. Но враги не могли позволить уплыть вакантному месту не известно к кому. Безенваль поговорил с фавориткой. Вначале она была напугана идеей добиваться «поста столь ответственного и серьезного», разозлилась, что королеве самой не пришло в голову […] предложить ей занять пост принцессы де Гемене. Обрадовавшись, что ему удалось уязвить самолюбие фаворитки, Безенваль направился к королеве. «Выждав момент, когда она без сопровождающих проходила из одной комнаты в другую, — рассказывал он, — я подошел к ней и спросил о тех слухах, которые наполняли Париж. Дело касалось отставки мадам де Гемене и замены ее герцогиней де Полиньяк. Королева остановилась и посмотрела на меня так, как если бы она услышала для себя нечто новое, мгновение стояла молча. „Как! Мадам де Полиньяк! — ответила она наконец. — Но она не хочет этой должности. Ведь она сама отказала мне!“ „Однако это почетная должность, — снова сказал я, — и совершенно отличная от обычной придворной должности. Независимо от того, обладает ли мадам де Полиньяк всеми необходимыми качествами, я думаю, что Ваше Величество опустится в глазах общества, если не даст столь важную должность своей подруге“».

Через несколько дней нужно было видеть, с каким пылом Мария-Антуанетта уговаривала подругу принять эту должность.

Назначение фаворитки не удивило ни двор, ни общество, но все здравомыслящие люди пребывали в печали. Это новая милость только увеличивала власть мадам де Полиньяк, а также подтверждала то огромное влияние, которое она оказывала на королеву. Обязанности гувернантки требовали от нее никогда не покидать двора. Итак, они сблизились еще больше с королевой, отдавшей приказание приготовить в замке Трианон апартаменты, которые предоставлялись гувернантке и ее воспитанникам.

Мария-Антуанетта больше не хотела разлучаться ни с детьми, ни с подругой.

Интерес, который Мария-Антуанетта проявляла к дочери и к наследнику, не был выдуман. Разрушив традицию предыдущих и последующих государынь, она лично следила за воспитанием дофинов. Мария-Терезия, которой не было еще и четырех лет, часто появлялась в кабинете матери, к большому сожалению Мерси, которому не нравилась эта привычка. «Нет никакого способа поговорить с ней о чем-то серьезном и важном, в такие моменты всегда прибегает ее дочь, начиная играть и веселиться с матерью, все это еще более усугубляет и без того рассеянный и невнимательный характер Марии-Антуанетты», — жаловался он. К великому сожалению, посол не мог найти подходящего момента, чтобы объяснить Марии-Антуанетте просьбы и приказания Вены. Беспорядочные амбиции Иосифа II рисковали потерпеть неудачу в этом альянсе. По-прежнему сражаясь за Баварию, Иосиф мечтал о захвате земель. Его брат Леопольд, правивший во Флоренции, его брат Фердинанд, ожидающий наследства в Модене, его сестра Мария-Амелия, вышедшая замуж за болезненного герцога Пармского, его сестра Мария-Каролина, полностью подчинившая себе своего супруга, короля Сицилии, никто из них, так как он, не желал выйти за пределы итальянского полуострова.

Мир, который только что был подписан с Англией, позволял Людовику XVI свободно действовать в пределах Европы и у него не было никакой причины заигрывать с императором, игру которого он разгадал. Он мотивировал свой отказ, ссылаясь на опасность со стороны Пруссии, которая, естественно, потребовала бы компенсаций за раздел Оттоманской империи. По этому поводу Людовик написал длинное письмо свояку. Он описал в нем всю «ужасную систему компенсаций» и объявил о своем решении вступить в переговоры с Фридрихом II, чтобы избежать европейской войны из-за Турции. Итак, король Франции в третий раз нарушил планы императора Иосифа.

В это лето отношения между Веной и Версалем были как никогда напряженные. В августе они были близки к разрыву альянса. Мерси отчаянно пытался убедить королеву в том, что Вержен, искажая суть дела «до неузнаваемости», все же «оставался надежным министром для Франции». Ненависть Марии-Антуанетты и с отношению к Вержену лишь усиливалась, однако ей никогда не приходило в голову, что король и министр действуют сообща. Наоборот, она утверждала, что Людовик XVI «просто не в курсе всех дел и не может уловить всех нюансов игры своего министра».

В письме к сестре император не скрывает своих чувств. После обычных добрых слов он перечисляет все отрицательные стороны и недостатки в политике, которую вел ее муж, добрый христианин. «Франция, как всегда, была на стороне противников Империи, — продолжал он. — Она с еще большей энергией действует против альянса, отвергла предложение России […], и все это происходит в то время, когда я всячески стараюсь доказать свою преданность альянсу, показать преимущество, которое Франция может извлечь как из моей дружбы, так и из нашего альянса». За этим следует длинный анализ австро-французских отношений, целью которых было показать законность любого императорского поступка, с того момента как альянс был подписан.

Мария-Антуанетта прочитала письмо королю. Людовик XVI ответил ей, что, несмотря на чувства, которые он испытывает к императору, «разность интересов» между двумя государствами может иногда повлечь за собой и разную политику. Королева отныне очень хотела, чтобы ее брат не путал «свою сестру и подругу с королевой Франции», и надеялась, что у него скоро пройдет озлобленность, которой так и дышит его письмо.

Глава 15. ВОЛНУЮЩЕЕ ОЖИДАНИЕ

В июне 1783 года королева очень переживала за судьбу альянса, тщетно пытаясь изменить политику французского кабинета, однако мысли ее были заняты не совсем политикой, она жила в ожидании возвращения графа Ферзена. Дипломатическая переписка весьма пространно говорит нам о демаршах королевы в пользу своего брата. Но она остается очень осторожной по поводу возвращения героя Америки. Три года, которые красавец швед провел в составе армии короля, не ослабили страсти королевы к молодому человеку, она казалась такой же влюбленной, как в тот момент, когда тот покидал Францию.

Постаревший лет на десять, измотанный войной и климатом, Ферзен не растерял своего шарма. Как раз наоборот, его стало еще больше. Исчезла прелесть первой молодости, но появилась уверенность зрелого мужчины, к которой лишь немногие женщины могли остаться равнодушны. В Америке, как когда-то в Европе, он не столкнулся с особой жестокостью, а потому в нем сохранились легкая меланхолия и задумчивость «человека, предпочитающего слушать и молчать». Все это окончательно покорило дам. Сей романтический соблазнитель, однако, вдохновлял солдат, чьи командиры заслуживали лишь презрения. Генерал очень ценил его и называл «правой рукой на поле сражения».

17 июня 1783 года он причалил к Бресту. Перед ним открылись новые перспективы. Уже через несколько дней его жизнь приобрела новый смысл. 27 июня Ферзен отправляет три письма, адресованные Густаву III, отцу и своей сестре, все они свидетельствуют об этом. Он просит своего государя вмешаться, чтобы добиться королевского поста, умоляет его согласиться на это назначение, «от которого зависела его жизнь и будущее счастье». У отца он попросил 100 000 ливров, необходимых для этой акции, которые он просил выделить ему из его доли наследства. «Если Вы не сможете найти этих денег, мне придется искать их здесь, но Вас это не должно беспокоить», — поспешил добавить он. Тем не менее он смог убедить сенатора Ферзена в том, «что от этого зависит его жизнь». И наконец, в письме к сестре он просит ее победить упрямство отца и доказать ему, что «счастье всей его жизни» зависит от этого решения.

В Париже Ферзен нашел графа Бретеля, который только что вернулся из Вены. Бретель добивался поста министра, обхаживая для этого королеву. Он не забыл Ферзена, к которому испытывал

большую симпатию, и очень долго пытался уговорить Сегюра доверить полк молодому и способному шведу. С помощью Марии-Антуанеггы министр удвоил свои старания. Бретель предложил Ферзену 100 000 ливров, которых тому не хватало, и предложение было принято.

Через три дня, получив письмо от Креуца, министра иностранных дел в Стокгольме, который объявил, наконец, о согласии его отца и короля, Ферзен был как никогда счастлив. «Я не могу ни о чем думать, настолько я счастлив, и на это есть все основания, о которых я расскажу подробнее при встрече, — писал он 31 июля своей сестре, благодаря за помощь и сообщая о том, что собирается навестить Швецию этой осенью. — Несмотря на всю радость от будущей встречи с Вами, я не могу без сожаления покидать Париж. Вы найдете это совершенно естественным, когда узнаете причину; я обязательно скажу Вам ее, поскольку я не хочу, чтобы у нас были секреты друг от друга. […] Я надеюсь, что больше не будет поводов судачить обо мне, поскольку не хочу когда бы то ни было связывать себя семейными узами, это против моей природы. […] Я не могу принадлежать тому, кому хотел бы принадлежать, той, которая действительно любит меня, вот почему я не хочу принадлежать никому».

«Та единственная, которая действительно любила его», была не кто иная, как Мария-Антуанетта. Естественно, он не мог упоминать о ней ни в официальных письмах, «хотя говорил о ней с отцом», ни в личных письмах. Что касалось его дневника, то он был уничтожен на период с 1783 по 1790 год.

Как только он вернулся в Версаль, Мария-Аитуанетта сделала все, чтобы добиться того, что он хотел. Со своей стороны, Густав III ни в чем не отказывал человеку, который так хорошо выполнил свою миссию в Америке. Ферзен сделал первые шаги в торговых отношениях между Швецией и бывшими английскими колониями. Договор, подписанный 13 апреля 1783 года, должен был развивать их. С другой стороны, его отношения с королевой Франции могли стать серьезным козырем для короля Швеции. Густав III, знавший Людовика XVI как человека, склонного все преувеличивать, старался найти его поддержку против того, что предпринимали русские. Влияние, которое приписывали Марии-Антуанетте в делах государства, становилось поводом для того, чтобы искать ее дружбы. Разве можно было найти лучшего посредника, чем Ферзен? Несмотря на удовольствие, которое мог бы испытывать Густав, имея при дворе столь блистательного молодого человека, он предпочитал поддержать личные амбиции молодого шведа. Именно он убедил сенатора Ферзена уступить желаниям сына. Затем лично написал Людовику, которому

рекомендовал протеже и у кого к тому же просил назначения Ферзена командующим полком. Ответ не заставил себя ждать. 12 сентября Ферзен пишет благодарное письмо Густаву: «Король согласился на это назначение и выразил большое желание сделать приятное Вашему Величеству. Королева хотела вмешаться в это дело, как только узнала, чего Вы хотите. Все прошло хорошо, и я думаю, что могу уверить Ваше Величество в том, что вскоре буду командовать королевским полком». Несколько дней спустя МарияАнтуанетта написала шведскому королю, убедив его, что «никогда не забудет этой помощи и воспользуется первым же случаем, чтобы доказать свою признательность». Участие королевы в судьбе Ферзена не могло пройти незамеченным при дворе. «Клевета вновь подорвала репутацию королевы, которую обриняли в связи с этим молодым человеком и особенно в желании полностью подчинить себе короля, — писал маркиз де Бомбе ль. — Даже я замечаю, что интерес, который она испытывает к этому шведу, не просто доброе участие и королевская милость. Граф Ферзен приехал в Версаль лишь когда барон де Бретель заставил его там показаться. Если бы королева и испытывала к нему особые чувства, то для нее не составило бы труда оставить его в Париже на всю зиму, вместо того чтобы он ехал в Стокгольм. В этом, говорят, весь талант королевы — общаться с господином Ферзеном на публике совершенно обычно. Мне кажется, что королеве, обладающей такой властью, совершенно не нужно было устраивать спектакль. Она могла бы оставить его во Франции, и никто не осмелился бы сказать о своих подозрениях королю».

Решив вернуться в Швецию, чтобы повидаться с семьей и уладить финансовые проблемы с отцом, Ферзен покинул Версаль в конце сентября. Когда он находился в Визмаре, то получил письмо от своего государя, который просил сопровождать его в Италию. Отказавшись от семейных планов, Ферзен присоединяется к Густаву III, который принимает его «как нежно любимого брата».

Во время того долгого путешествия, в котором он сопровождал экстравагантного монарха, путешествующего под именем графа Дага, они пересекли итальянский полуостров. Путешествие представляло собой настоящий водоворот праздников, во время которых Ферзен покорил сердца многих молодых женщин. Больше всего ему запомнились две англичанки: «бедняжки» Эмили и Елизавет. Эмили, невестка лорда Купера, хотела бы продолжить их роман, начатый во Флоренции в январе 1784 года, однако Ферзен заявил, что «это просто невозможно». Он попросил лорда Купера «поговорить и поубедительнее».

Бедняжка долго плакала и на прощание оставила ему свой портрет. В Неаполе он встретил леди Елизавет Фостер из свиты Чарльза Эдварда Стюарта. Он испытывал искреннюю симпатию к этой очаровательной даме, которая также слишком серьезно восприняла его ухаживания. Однако эту приятную связь также надо было прервать. В своем дневнике для переписки, где он вкратце описывал те письма, которые получал, и те, которые отправлял, Ферзен пометил очень коротко: «Все решено». Если мы и не знаем точного смысла этого высказывания, то, вероятно, Ферзен доверял леди Елизавет и уважал ее, именно поэтому он объяснил ей причину их разрыва. Между ними оставались лишь эпистолярные отношения, и в 1793 году, узнав о смерти королевы, он напишет ей проникновенное письмо. Но в 1784 году фортуна улыбалась Ферзену. Никто во время путешествия не мог подозревать, что этот молодой дворянин писал королеве Франции и она ему отвечала.

В знаменитом дневнике на самом деле можно часто встретить среди всех других женских имен имя *Жозефина.* Шведская исследовательница Альма Шодергельм в свое время занималась анализом архива Ферзена, и ее работы до сих пор являются для нас основным источником информации. Она первая открыла то, что под именем Жозефины скрывалась сама Мария-Антуанетта.

Переписка Ферзена с Жозефиной делится на несколько серий. Благодаря письмам Ферзена мы можем установить, что каждая новая серия совпадала с его отъездом из Версаля или Парижа. Содержание писем к Жозефине очень разнообразное, в одних он говорит о политике, в других о своей службе, остальных — о своей личной жизни. К сожалению, эти письма не были найдены. Франсуаза Кермина, которая довольно часто консультировалась в шведских исторических архивах, нашла несколько неизвестных писем. Но это были не они. «Из замечаний, которые появляются в дневнике, мы можем сделать вывод, что письма передавались специальному посреднику и очень часто переписывались кем-то, но не Ферзеном», — отмечает Альма Шодергельм. Тем не менее мы не сомневаемся, что ответы писала Жозефина, и в дневнике Ферзен ясно дает понять, что это была сама королева.

Без всяких сомнений, лето 1783 года было самым счастливым в жизни Марии-Антуанетты, несмотря на политические волнения, о которых она, разумеется, хотела бы забыть, если бы не Мерси и ее брат с их бесконечными нравоучениями. Наконец, она полностью отдалась своей мечте о личной жизни. Человек, которого она любила, приезжал к ней почти каждый день, и она к тому же умела создать для него что-то вроде идеальной жизни. Лето ознаменовалось еще и тем, что она вновь упростила Этикет.

Теперь ее можно было видеть лишь в белых муслиновых платьях, без всяких украшений, их называли «детские платья». Мадам Лебрен вывесила в своем салоне портрет королевы, одетой в такое платье и в соломенной шляпке. Некоторые находили это совершенно неприемлемым, они считали, что королева одевалась как горничная. Ее больше не ругали о немыслимых париках, а, наоборот, упрекали в чрезмерной простоте. «Ее Величество прекрасно выглядит; у нее очень легкий и свободный вид и эта простота, которую она предпочитает скованности и Этикету, раздражает придворную знать. Кое-кто из критиков находят се чересчур худой: по их мнению, это некоторый недостаток в ее внешности. И наконец, свежесть лица, элегантность поведения, естественность в общении делают ее портрет еще более привлекательным», — это можно было прочитать в парижских газетах, описывающих салон мадам Лебрен. Однако большинство критиков проявили себя не в пример более строгими. Поговаривали также о том, что королева якобы вошла в сговор с императором и целью этого сговора было разрушение торговой промышленности в Лионе и обогащение фабрик в Брюсселе. В итоге, весь треп вылился в газетные заголовки: «Франция задыхается под гнетом Австрии и превращается в труху». Право, те, кто высказался по поводу портрета, были куда более корректны.

Этот инцидент, которому Мария-Антуанетта не придавала особого значения, позволяет определить уровень непопулярности, до которого она скатилась. Конечно же, она винила во всем знаменитую французскую легкомысленность, о которой так часто твердили ей мать и брат. В своих иллюзиях спряталась за зеркало, которое отражало реальную жизнь. В самом Трианоне, который она так любила, уже начинали поговаривать о ее необычном поведении, ведь там она особенно любила забывать о королевских обязанностях. Но Трианон — был всего лишь замком для развлечений, обычным капризом, подобные замки были у многих монархов, однако Мария-Антуанетта в том году стала чуть ли не символом полного разрыва между реальной действительностью и мечтами, и более того, что было гораздо серьезнее, разрыва между королевой и королевством.

Страсть к переменам, которая охватила королеву, распространилась и на весь дворец. В 1782 году, после смерти мадам Софи, дочери короля Людовика XV, Мария-Антуанетта решила переделать первый этаж в мраморный двор, где находились бы небольшие апартаменты, в которых она могла наслаждаться полным спокойствием. Внутренними лестницами соединили бы эти апартаменты с основными комнатами замка.

Будущее строение называли «новой обителью королевы». Мария-Антуанетта приказала перенести туда кровать, на которой рожала детей, и повесить тяжелые драповые портьеры зеленого цвета на центральное окно зала. Мебель в салоне должна была быть строгой и темной, с бронзовым орнаментом.

Когда Ферзен в конце лета уехал из Версаля, все были под впечатлением новой пьесы Бомарше «Женитьба Фигаро». Она была написана в 1778 году, однако долгое время ее запрещала цензура. В прошлом году автор пьесы был удостоен чести читать ее перед цесаревичем и его супругой. Кружок мадам де Полиньяк и Водрея мечтал поставить эту пьесу на сцене Парижа. Возглавляемые графом Прованским при поддержке министерства юстиции многие придворные упорно ставили рогатки скандальной пьесе. Однако друзья королевы все же уговорили ее получить разрешение короля на постановку пьесы. Мария-Антуанетта очень долго обрабатывала мужа, и он, наконец, согласился прослушать пьесу. Читала ее мадам де Кампан. Долго сдерживаясь, Людовик XVI все же прервал чтение. После знаменитой тирады о государственных тюрьмах он воскликнул: «Да это же просто ужасно, этого никто никогда не услышит: только когда рухнет Бастилия, эта пьеса не будет опасной. Этот тип высмеивает все, что должно уважаться в Государстве!». Королева была очень огорчена. «Так что же, ее не будут играть? — расстроенно спрашивала она. „Естественно, нет, — отвечал Людовик XVI, — в этом могу Вас уверить“». Вообще-то Мария-Антуанетта так и не уловила в пьесе политической подоплеки. Там, где по ее мнению, были лишь юмор и шутки, король углядел атаку на монархию.

Узнав о реакции короля, Бомарше внес некоторые изменения в пьесу, но цензура по-прежнему не давала согласия на постановку. Тем не менее в Комеди Франсез ее репетировали с весны 1783 года. Никаких санкций не последовало, и это позволяло надеяться, что граф д'Артуа сможет добиться от короля разрешения на постановку. Узнав о том, что пьеса репетируется и готовится к постановке, несмотря на запрет цензуры, Людовик XVI отменил спектакль всего за несколько часов до премьеры. Этот королевский указ был встречен с большим негодованием. Из зала кричали о тирании, кто-то заявлял, что пьеса запрещена по политическим мотивам, другие же считали, что спектакль был отменен по моральным соображениям. «Диалоги, мизансцены и даже сами декорации, все, начиная с первой сцены и заканчивая последней, все было запрещено», — вспоминал граф д'Артуа. И королева, и граф д'Артуа, и соратники мадам де Полиньяк, продолжали уговаривать короля разрешить постановку. И в конце

концов Людовик XVI уступил. Он разрешил при условии, что она пойдет на сцене частного театра. И в сентябре 1783 года в поместье Водрея на подмостках самого изысканного и аристократического театра прошла премьера пьесы — премьера, о которой автор мог только мечтать. Мадам де Полиньяк даже попросила разрешения у королевы оставить на время ее королевских питомцев, чтобы присутствовать на столь знаменательном событии.

Уже на следующий день окружение королевы вновь принялось за работу. Теперь ее убеждали в том, что пьеса не представляет больше никакой опасности, после того как автор внес некоторые изменения. Королева уговаривала мужа дать еще одно разрешение. Ни Людовик XVI, ни сама Мария-Антуанетта не испытывали желания проверить, какие именно изменения внес Бомарше. В этих условиях произведение, которое подверглось лишь небольшой переделке, победило цензоров и 27 апреля 1784 года первый спектакль был дан на сцене Комеди Франсез. Скандал, который за ним последовал, вызвал у Марии-Антуанетты недоумение и удивление. «Королева полагала, что Париж увидит в спектакле лишь несколько сатирических и фривольных сцен, после того как ее убедили, что вымарали все вольнодумные эпизоды. Автор, убежденный в безопасности своего творения, сидел в почетной ложе уже на первом спектакле, — рассказывает мадам де Кампан. — Все чувствовали, каким бы ни был восторг публики, автору это не принесет ничего хорошего. Вскоре после премьеры Бомарше был заключен под стражу, тогда как его пьеса произвела настоящий фурор. Королева высказала недовольство тем особам, которые помогали автору „Женитьбы Фигаро“ в получении королевского разрешения. Упреки касались непосредственно Водрея и были направлены лишь на то, чтобы заставить его играть по другим правилам. Жестокий и властный характер друга фаворитки обернулся против него немилостью».

Вне всякого сомнения, что именно в течение этих месяцев, которые последовали за отъездом Ферзена в путешествие с Густавом III и одновременно до премьеры скандального спектакля, дружба королевы с мадам де Полиньяк начинает ослабевать. Любовь, которую она испытывала к молодому шведу и которой она останется верна до последних дней, полностью поглотила ее, не оставив в сердце места для романтической дружбы со своенравной герцогиней. Во время поездки в Фонтенбло королева обращает внимание на одну из своих фрейлин мадам д'Оссен, и таким образом мадам де Полиньяк отступает на второй план. «Мадам д'Оссен становится моей преемницей, — горестно отмечала она. — Я делаю все возможное,

чтобы сохранить расположение королевы, посвящаю ей все свое время, выполняю все ее капризы». Можно лишь удивляться, как могла эта женщина, напрочь лишенная ума и обаяния, добиться успеха у королевы. Никто не думал, что эта «крайняя свобода, которая царила в ее душе, страсть к развлечениям и шуткам будут отмечены королевой». МарияАнтуанетта продолжала встречаться с мадам де Полиньяк и сохранила с ней дружеские отношения, но в них уже почувствовали холодок. Интрига, связанная с назначением де Калона на пост верховного смотрителя, явилась первым сигналом полного разрыва.

Мария-Антуанетта казалась очень огорченной, поскольку де Флери и д'Ормессон испытывали явные трудности, занимая этот пост. Де Флери лишь увеличил недостачи, связанные с расходами на войну в Америке, д'Ормессон же потерпел полную неудачу. Государство находилось на грани банкротства, в финансовых кругах назревала паника. В октябре 1783 года, когда министр принял решение увеличить арендную плату для частных владельцев, это вызвало протесты и негодование в финансовой и промышленной среде. К большому облегчению Людовика XVI в пятницу 31 октября д'Ормессон подал в отставку. Выбор кандидата на столь деликатную должность был нелегкой задачей, поскольку решение надо было принять в самый короткий срок. Промышленники и финансисты видели на этой должности Калона, который был тесно связан с их средой. Возможно, он смог бы тогда занять этот пост, если бы не противодействие Морепа. Сразу после отставки д'Ормессона королевский казначей, господин д'Арвелей, говорил с Верженом от имени всех финансистов страны. Уговаривая его назначить Калона на этот важный пост, он получил обещание и уверение в том, что сам министр не имеет ничего против этой кандидатуры, если только он не будет единственным ее защитником.

«Д'Арвелей сразу же пришел к мадам де Полиньяк, которая протежировала Калона, чтобы убедить ее в том, что не стоило рассчитывать на Вержена и им следовало бы найти другую поддержку, — рассказывал Ожар. Она обратилась к барону де Бретелю, который в тот же день пошел с ней к королеве, чтобы начать переговоры по поводу Калона. Сначала королева была совершенно безразлична к этому вопросу; она велела прийти им завтра, в пятницу, в тот же час, чтобы поговорить об этом с королем. И наконец, после волнующих переговоров все же удалось получить от Его Величества назначение Калону». Секретарь королевы, Ожар, в свое время был тесно связан с Морепа и находился в прекрасных отношениях с Верженом, а также с самим Калоном и с высокими финансовыми кругами, и

теперь надеялся, что назначение нового министра, умело сфабрикованное мадам де Полиньяк, заставит Марию-Антуанетту вскоре пожалеть о своем решении. Разумеется, Полиньяки были очень заинтересованы, чтобы один из их друзей занял этот пост, и именно это объясняло настойчивость мадам. Убедить королеву в необходимости назначения было непросто, поскольку тогда она была гораздо больше занята внешней политикой. Тем не менее Людовик XVI выбрал бы Калона и без вмешательства королевы и ее друзей. В той обстановке финансового кризиса Калон был единственным человеком, способным восстановить доверие. И к тому же давление со стороны финансовых кругов было гораздо более сильным и существенным, чем просьбы приближенных королевы. Однако Мария-Антуанетта была уверена в том, что сыграла решающую роль в решении этого вопроса и, как справедливо отмечал ее секретарь, очень скоро пожалела о своем решении.

«Она никогда не простит себе этой фатальной ошибки», — утверждал Ожар. Мария-Антуанетта поделилась своим разочарованием с братом. «То что вы говорите мне о мадам де Полиньяк и ее друзьях, совершенно естественно, но я весьма далек от мысли, что они ошибались насчет Калона, — напишет он ей позже. — Наоборот, они прекрасно знали, кого хвалили, они знали, что этот человек посвятит всего себя тому, чтобы защитить их».

Двор находился на отдыхе в Фонтенбло. 1 ноября королева, при полном параде, немного уставшая и измученная началом новой беременности, ужинала. На следующую ночь у нее вдруг начались внезапные боли и произошел выкидыш. Этот случай, очень взволновавший весь двор, только ускорил официальное назначение Калона, которое состоялось 3 ноября. 13-го королева вновь появилась в обществе. В тот день она позвала к себе барона де Бретеля и сказала ему: «Барон, поговорим о вашем деле, потому что это и мое дело». Тогда они очень долго разговаривали о будущей пенсии господина Амело, министра королевской свиты, а также о ее желании видеть самого Бретеля на этом посту. Королева высказала свое пожелание мужу, однако оно имело очень мало веса, поскольку Людовик XVI и Вержен в любом случае собирались назначить Бретеля на этот пост. Тем не менее Мария-Антуанетта польстила себе, думая, что это была целиком и полностью ее заслуга.

Через несколько дней Мария-Антуанетта снова вошла в свой привычный режим, однако посчитала необязательным возобновлять интимные отношения с королем в течение нескольких месяцев, несмотря на «его огромное желание иметь

второго сына».

Мария-Антуанетта не возобновляла супружеских отношений с супругом, а здоровье наследника вызывало серьезные опасения врачей. Уже четыре месяца мальчик не прибавлял в весе. В мае у него отказала мочевыводящая система, маленькое тельце стало невероятно худым, начались приступы лихорадки. Врачи не могли ничего понять, однако выглядели довольно уверенно и с завидным спокойствием смотрели на столь странный случай: они считали, что их уверенность может укрепить ослабленное тело принца, жизнь которого была гораздо более драгоценна, чем диета короля и привычки королевы. И драгоценность эта только возрастала в цене ввиду странных платонических отношений короля и королевы. Людовик XVI не мог сдержать слез, когда состояние мальчика улучшилось. Что же касалось королевы, «она не подозревала, какая опасность грозила ее ребенку, — утверждал маркиз де Бомбель. — У нее было очень доброе сердце, она очень любила своих детей, но ее рассеянность мешала проявлениям чуткости и нежности». Оптимизм врачей ее успокаивал. Тогда она с нетерпением ожидала возвращения Ферзена из поездки. Густав III решил вернуться в Швецию, заехав по дороге во Францию. Безусловно, у него были намерения подольше задержаться в Париже. Мария-Антуанетта была знакома с ним и очень обрадовалась, узнав о его визите. Ей так не терпелось увидеть Ферзена, что она даже попросила его оставить короля и приехать в Версаль раньше его. Немногословный дневник Ферзена сообщает нам, что он написал ей 18 и 21 мая. «Я не могу приехать раньше своего государя», — пишет он в письме, адресованном Жозефине, под номером 27.

7 июня граф Дага явился ко двору как снег на голову. Охотясь в окрестностях Рамбуйе, Людовик получил срочную депешу от королевы, что король Швеции прибыл в Версаль. Король тут же отправился в замок. Однако он не нашел там ни одного слуги, чтобы переодеться. В довершение ко всем несчастьям исчез ключ от гардеробной. Несколько придворных помогли королю переодеться. Все очень торопились, стараясь. Наконец, Густава III пригласили в зал для аудиенций, где его ждал король. Как и Иосиф II, северный монарх отказался от апартаментов с роскошной мебелью и с дорогой отделкой, которые были приготовлены в отдельном замке. Злые языки говорили, что ему не хотелось делать подарки в пять тысяч ливров слугам, как было принято среди монархов того времени. В сопровождении Ферзена граф Дага прибыл в аудиенц-зал. «Два государя провели вместе шесть или семь минут. В зале пе было слуг, за исключением господина Монморена, управляющего

замком в Фонтенбло, который только что прибыл вместе со свитой короля Швеции, господина де Виомениля и меня», — рассказывает Бомбель. В тот же вечер Мария-Антуанетта и Людовик XVI пригласили Густава III на ужин в «свои апартаменты». Именно так государь сказал графу Ферзену, который ожидал в гостиной королевы. Маркиз де Бомбель проводил друга королевы до Посольской резиденции.

Мария-Антуанетта и Густав III не испытывали друг к другу никакой симпатии. Даже страсть к театру, любовь к развлечениям, присущее обоим легкомыслие не могли сблизить их. Все искусство для Густава III состояло лишь в том, чтобы сделать из своей жизни спектакль, который бы постоянно обновлялся и режиссером которого был бы он сам, тогда как Мария-Антуанетта оставалась очаровательной марионеткой в том театре жизни, в котором она жила. Женственность, ее очаровательное кокетство и глупость раздражали этого эстета, который хотел унизить ее в глазах самого блистательного молодого человека шведского двора. Император, который совсем недавно встретил Густава в Италии, предупредил сестру на его счет. В конце концов и Мария-Антуанетта сохранила о нем не самые лучшие воспоминания, когда тот приезжал в Версаль еще в 1771 году и очень старался понравиться всемогущей мадам Дюбарри. Вечером, ужиная с королевской семьей, он говорил о том, какие советы давал королю Неаполя, которого презирал как человека, не способного переступить через все для блага двора и монархии. Он прекрасно понимал, что этот разговор раздражает королеву, и так как никто не мог прервать его, то продолжал говорить безо всякого смущения. На другой день он сделал так, чтобы его снова пригласили к королю на обед, хотя у королевы были другие планы. Мария-Антуанетта обращалась с ним очень любезно, но за все эти любезности нужно было благодарить Ферзена.

Король Швеции и его свита задержались в Париже еще на месяц. Они уехали только 20 июля, после того как нанесли визиты всем членам королевской фамилии. Густав был полностью удовлетворен. Он получил обещание в военной и морской помощи Франции на случай военного конфликта Швеции с Россией или Норвегией. Он также уладил проблемы Ферзена, добившись для него содержания в размере 20 000 ливров в год, что позволяло тому безбедно жить при дворе.

Ферзен знал, кто был настоящим героем всех праздников в Версале. Хроники весьма скрытны насчет разговоров Ферзена и королевы, которые, вне всякого сомнения, имели место быть. Не успев покинуть ее, он регулярно писал: 26 июля из Шантильи, 23

— из Дюссельдорфа, 25 — из Доснарбрука и т. д. Сразу по прибытии в Стокгольм он выбрал для нее в подарок замечательного шведского щенка. В одном из своих писем он спрашивает ее, как она назвала его, «если это не тайна». Ведь он потратил несколько недель, чтобы найти его. 9 ноября он написал несколько слов господину де Бойе, умоляя его «отослать ей щенка, который не был уже слишком маленький. […] Скажи, что это для королевы Франции», — отмечал он в своем дневнике. Ферзен, наконец, вернулся на родину, где провел со своей семьей восемь месяцев.

Уже на следующий день после отъезда короля Швеции Мария-Антуанетта переехала в Трианон, где должна была оставаться со своими детьми до 6 августа. Именно в это время она позировала для шведского художника Вертмюллера, который сделал ее портрет вместе с дочерью и маленьким дофином, по настоянию Густава III. Мария-Терезия, будучи еще совсем маленькой, вела себя «как настоящая дочь королевы, очень достойно и послушно. Австрийская гордость чувствовалась в ней с самого раннего детства, так что некоторые считали, что ее надо перевоспитывать». Она общалась с детьми самого обычного происхождения, однако все они проявляли к ней особое внимание. Следуя новым веяниям моды, Мария-Антуанетта устроила для дочери небольшой садик, где та воплощала свои детские фантазии при помощи лопатки и маленьких грабелек. Это был ее собственный садик (который продадут во время революции на аукционе под номером 11 833). Ей принадлежало также небольшое стадо козлят и ягнят, за которым следил специально приставленный пастух. Принцесса ухаживала за своими животными, которых разместили недалеко от оранжереи. Одетый в коротенькие штанишки с помочами, дофин был еще слишком мал, чтобы играть с сестрой, но уже разговаривал. У него было очаровательное личико, наивное и доверчивое. Каждый раз, когда он говорил: «Я хочу», его поправляли. «Король должен говорить: „Мы хотим“, — повторяла няня. „Ну да! Король и я, — рассуждал он, — мы *оба хотим*; видите, я прав, мой папа не говорит *мы* для одного себя“». Королева вела вольготную и свободную жизнь, которую она так любила. По вечерам король приезжал к ней ужинать, они играли в лото или смотрели спектакль, который давали в малом театре Трианона.

Визит принца Генриха из Пруссии почти не коснулся ее. Она не принимала его в Трианоне. В июле она снова забеременела, и это был еще один повод, к тому чтобы заняться своим здоровьем.

Глава 16. «НО ЧТО Я ИМ СДЕЛАЛА?»

Счастье и безмятежность королевы были нарушены неприятностями в сложном деле с Голландией, за которым Мерси следил самым тщательным образом. Никогда еще франко-австрийский альянс не был так близок к краху, как в то лето 1784 года.

В конце июля Мерси предоставил Вержену ультиматум императора Голландии. Этот ультиматум содержал требования самого Иосифа II, посол которого поговорил с министром за несколько недель до этого, но император попросил у Франции ответный ультиматум Голландии. Этот демарш, разумеется, повлек за собой серьезные проблемы в отношениях между двумя дворами. Франция ни в каком случае «не могла диктовать свои порядки голландскому правительству», — так сообщил Вержен послу Франции в Вене, маркизу де Ноай. Мерси, таким образом, получил вежливый отказ. Последней его надеждой было вмешательство МариинАнтуанетты, которую он старался держать в курсе дела. Выражая свое не слишком сильное беспокойство, она поговорила с королем, который объяснил ей, в какое рискованное положение может попасть Франция от такого поступка. Успокоившись тем, что она сделала все, что могла, королева сообщила о своей неудаче Мерси, который на этот раз умолял еще раз поговорить с мужем и Верженом. Итак, она вызвала к себе министра. «Самым строгим и недовольным тоном она заявила ему, что каждый раз, когда интересы Франции становятся вразрез с интересами Австрии, она балансирует, она не может противостоять народу своего супруга, которому она богом была дана в жены и для которого ей было суждено родить наследников. Но в данном случае, когда она видит, что Версалю ничего не стоит продемонстрировать императору свою добрую волю, она, не колеблясь, заявляет о том, что король потеряет всякое уважение, если не проявит своих союзнических обязательств». Так как Вержен объяснил ей, почему король ограничивается лишь «дружеской поддержкой» по отношению к Голландии, она ответила на это, что Франция просто обязана сдержать свои союзнические обязательства перед Австрией, что станет «настоящим доказательством реального альянса». Серьезно настроенная Мерси и вдохновленная братом, Мария-Антуанетта вновь вернулась к этому вопросу в разговоре с мужем. И начала она сразу с критики всех министров, лишь затем перешла к вопросу об ультиматуме. Людовик XVI повторил ей то же самое, что сказал Вержен, и, следуя его совету, он настаивал на том, что

было «опасно представлять Республике, свободной и независимой, такой ультиматум, как желание Франции и французского короля». Королева была в гневе. Она не могла понять, как он, король, мог следовать таким дурным советам. Еще долго она яростно обвиняла министров в некомпетентности, в желании разорвать добрые отношения с Австрией. Людовик XVI покорно ждал окончания бури.

Два дня спустя она вновь атаковала мужа все по тому же поводу. Напомнив ему о традиционной, национальной неверности французского народа, Мария-Антуанетта решила ударить по самолюбию мужа. Она утверждала, что во всем этом она видит лишь его нежелание. По ее словам, народ все больше и больше верит в то, что у его короля нет ни воли, ни собственного мнения, он лишь пешка в руках министров и просто не способен сдержать свои обещания, данные старому и могущественному другу. Если о такой репутации станет известно за границей, то король не может рассчитывать на то, чтобы иметь верного и надежного союзника. Людовик XVI ответил жене довольно резко. Она поняла, что план не сработал. Весь ее гнев обрушился на Вержена. Королева была так откровенно настроена против него, что Мерси, опасаясь взрыва ненависти и презрения с ее стороны, счел необходимым попытаться немного успокоить ее.

Иосиф II и Кауниц по-разному воспринимали волнения во Франции. Сохраняя любящий и нежный тон по отношению к сестре, Иосиф писал ей о том, «что поведение Вержена мало что может изменить в отношениях Франции и Австрии». Император также не проявлял симпатии к этому министру, который, по его мнению «заботился прежде всего о себе, нежели о своем короле», который прислушивался к каждому его слову. «В ничтожных и совершенно бесполезных делах они заставят Вас поверить в то, что Вы обладаете определенной властью, но сами же будут вершить важные государственные дела за Вашей спиной, когда Вы и знать ничего не будете. Они не станут спрашивать Вашего совета или хотя бы считаться с Вашим мнением», — писал он. Задетая упреками императора, Мария-Антуанетта хотела оправдаться и доказать, что это не так. Ответ ему 22 сентября 1784 года стал одним из самых главных писем, которые она когда-либо писала брату. Ее политические мысли как никогда ясные и здравые, она сумела правильно проанализировать политическую ситуацию, а также положение и роль самого короля в ней, поэтому мы приводим его полностью. Королева редко изъяснялась столь логично и верно.

«Не стану противоречить Вам, дорогой мой брат, насчет тех недостатков, которыми обладают все наши министры. Уже очень

давно и серьезно я размышляю о том, что Вы написали. Я не раз говорила об этом с королем, но чтобы правильно понять его поведение, нужно его хорошо знать. Он никогда не бывает разговорчивым и откровенным, иногда не разговаривает со мной о политических делах, не потому, что хочет что-то скрыть от меня. Когда я спрашиваю, он всегда отвечает, но никогда не предвосхищает события. Когда я узнаю о каком-либо деле, то прекрасно понимаю, что он сказал мне только половину того, что я хотела бы знать. Тогда я обращаюсь к министрам, делая вид, что король мне рассказал все. Если я упрекаю его о том, что он не сказал мне о каком-то деле, он вовсе не сердится, у него совершенно потерянный и виноватый вид, и он совершенно откровенно отвечает, что просто не подумал, что меня это интересует.

Я признаюсь Вам, что политические дела не слишком интересны для меня. Что же касается подозрительности и недоверчивости короля, то это результат его воспитания. Еще до нашей свадьбы господин де ла Вогийон пугал его тем, что жена может командовать им, очернить его душу, что всех девочек при австрийском дворе обучают этому. Морепа, хотя и в меньшей степени, но все же способствовал тому, чтобы эти мысли казались королю еще более ужасными и опасными. Вержен следует такому же плану и, может быть, прибегает к самым низким и коварным средствам, чтобы поддерживать в короле эти мысли и опасения. Я неоднократно говорила с королем откровенно. Он и слушать ничего не желает. Я не могу убедить мужа, что министры обманывают его.

Я прекрасно осознаю пределы своей власти и своего влияния и знаю, что, особенно в политике, не отличаюсь большим умом и не могу повлиять на короля. Однако я стараюсь заставить окружающих поверить в мою власть и влияние, которого я не имею на самом деле, лишь потому, что в противном случае я могу лишиться и того, что имею сейчас.

Признание, которые я делаю Вам, это не лесть самолюбию, я просто не хочу ничего скрывать от Вас. Я хочу, чтобы Вы могли справедливо оценить меня, настолько, насколько это возможно на таком огромном расстоянии, которое разделяет наши судьбы».

Растроганный письмом, которое Мария-Антуанетта ему показала, Мерси перестал повторять императору, что не может пользоваться своим влиянием. В первый раз Мария-Антуанетта была совершенно права.

Поскольку король Франции отказался представлять ультиматум Голландии, Иосиф II отправил свои корабли к Шельде. 8 октября один из них был атакован голландцами.

Трудно преувеличить серьезность этого инцидента. Конфликт мог перерасти в войну между Голландией и Австрией, что прямо угрожало франкоавстрийскому альянсу. Мерси поспешил сообщить королеве новость, которая пришла во Францию И октября. Мария-Антуанетта сразу же написала королю, который охотился в Фонтенбло, насколько она поражена «оскорблением, нанесенным Голландией Австрии, оскорблением, которому не было оправдания». Людовик XVI ответил сразу же, что так же поражен поворотом событий и надеется, что им удастся найти приемлемый для всех выход из сложившегося положения. Чтобы хоть как-то успокоить жену, он напомнил ей дело о Баварском наследстве, которое было не менее сложным и деликатным и все же закончилось мирно и благополучно.

Не дожидаясь ответа мужа, королева вызвала к себе Вержена. Она указала ему на те опасности, которые могут последовать за расторжением франко-австрийского альянса. Министр не без опасения старался уверить королеву в своей поддержке, указывая на то, что ситуация, в которой сейчас оказалась Австрия, явилась следствием поведения самого императора. Он заявил, что будущее в большей степени зависит лишь от Иосифа. Вернувшись в Версаль, король сразу же поговорил с королевой, убедив ее в том, что иного исхода дела кроме дипломатического быть не может. Он написал свояку об этом твердом намерении. Король показал письмо жене, которая, прочитав его, сказала, что в нем слишком много снисходительности по отношению к голландцам. Подозревая, что этот шаг короля был результатом работы Вержена, Мария-Антуанетта потребовала, чтобы муж изменил текст письма. Она согласилась лишь со второй версией письма, хотя «оно было очень похоже на первое». Королева тем не менее была убеждена, что ей все же удастся внушить королю свою волю и настроить его против министра. Она писала императору, как бы оправдываясь: «Министр не имеет никакого отношения к письму. Он лишь дал королю план, но король, прежде чем отправить письмо, показал его мне. Я сказала ему, что письмо слишком длинное, и в нем было слишком много пространных размышлений. Уверена, что письмо, которое Вы получили, не было прочитано Верженом». Мария-Антуанетта, однако, ошибалась. Людовик XVI никогда не действовал, не посоветовавшись с Верженом, который прочитал письмо, прежде чем оно было отправлено.

Людовик XVI не хотел объявлять о своем решении, ие посоветовавшись с Марией-Антуанеттой. Он мог предположить себе ее реакцию. Это был взрыв гнева и негодования. Она выступала против «ужасного демарша». Последовала долгая сцена

объяснений с мужем. Она добилась в конце концов, чтобы послание отправилось на несколько дней позже, стараясь выиграть время для Иосифа. После этого вызвала к себе Вержена и обошлась с ним весьма грубо. Она бросила ему обвинения в том, что он покушался на интересы французской монархии, стараясь разрушить франко-австрийский альянс. Разозленный бесконечными обвинениями женщины, которая ничего не знала об истинных намерениях Иосифа, Вержен, не колеблясь, рассказал все о реальных планах Вены. Она, по его словам, была просто поражена. Министр осмелился даже сказать королеве, «что та не могла себе и представить, с каким презрением Кауниц говорит о Франции». Она не переставала повторять, что посылать подобное письмо «было просто ужасно», не дождавшись ответа брата на письмо короля. Вержен заявил, что долгое молчание императора лишь подтверждает его слова. Мария-Антуанетта гневно и надменно заявила министру, что ее мужу не хватает силы воли и характера, чтобы противостоять ненужным советам министров.

Мария-Антуанетта была единственной поддержкой Иосифа в Версале. Он написал ей два письма по этому поводу. В первом, которое она должна была показать королю, он говорил об урегулировании этого конфликта, как «о необходимом для всех». И только поведение Голландии могло помешать мирным переговорам. Во втором письме, тайном, он умолял ее полностью подчиняться Мерси, следовать всем его советам в вопросе, касающемся планов обмена. «Этот план крайне важен для нашей родины и для нашей семьи, кроме того, он сможет поддержать столь хрупкий альянс. Наконец, это просто государственный переворот, если это удастся сделать, успех этого плана зависит исключительно от того, как и когда будет поставлен этот вопрос. Я буду вечно благодарен Вам, моя дорогая сестра, если Вы будете способствовать этому демаршу». Однако для успеха было недостаточно разбудить чувство патриотизма в королеве, чувствовал Иосиф II. Король явно не одобрял этого решения. Однако, как обычно, он сказал несколько оптимистичных слов, чтобы успокоить жену. Сразу после этого она позвала к себе Вержена, с которым говорила гораздо более дружелюбно, чем когда-либо. Однако этого также было недостаточно, чтобы получить уверенность в победе.

Оставаясь верной наставлениям брата, который попрежнему писал ей самые нежные и доверительные письма, королева хотела уверить его в поддержке Франции. Разумеется, она по-прежнему не доверяла «шайке» Вержена. Не верила ни единому их слову и была уверена в том, что он использует слабые стороны короля.

Королю подобные умозаключения жены позволяли прикрывать его истинные действия, ведь он не мог признаться, что это и его решения тоже.

Король со своим министром беседовали уже около пятнадцати минут, как вдруг в кабинет вошла королева, прервав их разговор. Без предупреждения она вклинилась в обсуждение, удивив короля своей решимостью. И так как король не произнес ни слова, она обратилась к Вержену. Он был очень вежлив и доброжелателен с ней, объяснил ей, что для самого императора было бы крайне нежелательно ставить вопрос об обмене, и сейчас, когда самым важным является урегулирование конфликта, не стоит привлекать внимания опасных соседей. Разумеется, такая отговорка не могла удовлетворить королеву. Тогда Вержен вынужден был обрисовать ей всю опасность, которая возникнет при подобном обмене, опасность прежде всего для Франции. Понимая, что министр совершенно не поддерживает проект императора, Мария-Антуанетта не могла больше сдерживать себя. Она взорвалась как бомба против ненавистного министра, обвиняла его в грязных махинациях, оскорбляла, заявила, что все члены Совета делают лишь то, что приказывает он, и он же является «автором всех решений Совета». Король молчал, обвинения королевы были столь серьезны и оскорбительны, что Вержен попросил отставки. Но ничто не могло успокоить разъяренную женщину, которая слепо защищала Австрию, не желая обратить свой взор к Франции и к интересам ее народа.

И тот, которому всегда отводилась роль молчуна в спорах с женой, впервые защищал своего министра. Он утверждал, что Вержен поддерживает альянс и не желает вреда ни Австрии, ни ее императору, что у него никогда не было намерений поссорить две державы. Злость, которая охватила королеву, была основана лишь на подозрениях. Тогда она снова начала просить поддержать проект брата. Однако ей не удалось получить ни одного обещания от Людовика XVI. Выходка королевы ничего не изменила в отношениях короля и его министров. Мария-Антуанетта все еще надеялась на то, что проект ее брата будет реализован. Людовик XVI, со своей стороны, предложил императору в своем письме возобновить мирные переговоры с Голландией.

8 ноября 1785 года в Фонтенбло представители Голландии и Австрии подписали мирный договор при содействии Франции и Пруссии. Через несколько дней Франция заключила договор с Голландией, о котором она мечтала уже несколько месяцев. Мария-Антуанетта почувствовала облегчение. Не понимая того, что ее связи с императором только что оборвались, она наивно

полагала, что «тучи над альянсом развеялись. Если бы союз был расторгнут, я бы ие знала ни счастья ни покоя всю свою жизнь», — признавалась она брату.

Королева не поняла, что Людовик XVI, сумев противопоставить себя амбициям императора и его политике захвата земель, содействуя подписанию мирного договора между Австрией и Голландией, стал арбитром в Европе. Франция очень давно не имела такого веса на международной арене. «Какая же большая разница между бесславным концом монархии и престижем Франции того времени!» — читаем в «Тайных архивах». Все газеты того времени отдавали должное мудрости и справедливости французской политики, Франция стала гарантом мира в Европе. Самолюбие и гордость королевы были задеты, она видела превосходство своего мужа и теперь думала только о том, как избавиться от Вержена. «Придет то время, когда она, наконец, возьмет реванш за все былые обиды», — писал Мерси Иосифу II.

При дворе никто не поддерживал императора, хотя все знали, что Мария-Антуанетта делает это изо всех сил. Эта ничем но оправданная верность была совершенно неприемлема для матери наследника. Приближенные старались не затрагивать столь болезненную тему. Мария-Антуанетта чувствовала себя совершенно одинокой. Беременность мешала ей отдаться любимым развлечениям. В конце марта, когда срок родов уже был близок, она казалась очень неуверенной в себе и разрываемой на части внутренними противоречиями.

27 марта, утром, королева почувствовала первые схватки, однако решила все же пойти к мессе. Вскоре по Версалю пронесся слух, что королева рожает. Когда она вошла в приемную, в ней уже было полно народу. Однако королева заявила, что это ложные симптомы и она сегодня будет ужинать у принцессы де Ламбаль. Все разошлись к великому облегчению королевы, которая послала предупредить госпожу Полиньяк о своем действительном состоянии, попросив ее сохранить тайну. В семь часов вечера, принцы даже не успели собраться к ее постели, Мария-Антуанетта родила второго сына, который получил титул герцога Нормандского. По обычаю, гувернантка королевских детей получила новорожденного из рук матери. Малыш был просто великолепен. Так же, как и его брата, новорожденного окрестили через час после рождения. Крестными родителями стали королева Неаполя, представленная мадам Елизаветой, и епископ.

Король был невероятно счастлив, он не принимал никого во время «церемонии», однако на улице его ждала огромная толпа, поздравлявшая с рождением второго сына.

Как и после рождения дофина, королева быстро окрепла. Тем не менее она несколько раз откладывала традиционную церемонию празднования рождения сына, которая должна была проходить в Париже. И снова по столице распространились вульгарные и пошлые памфлеты по поводу рождения принца. Некая дама по имени Сент-Элен была заточена в Бастилию как автор одного из памфлетов, тема которого оставалась все та же: королева имеет множество любовников, а король ничего об этом не подозревает. Нравы королевы представали в таких стишках в самом черном свете. Королева знала, что ее не любят, и поэтому очень боялась поездки в Париж. Однако нужно было назначить дату.

24 мая в платье, расшитом серебром, она отправилась в столицу. В ушах ее были прекрасные бриллиантовые серьги, которые она приобрела по случаю рождения сына. В общем, украшения на пей стоили 800 000 ливров.

Королева внимательно слушала все речи, произносившиеся в ее честь. Больше всего ей понравилась речь аббата церкви Св. Женевьевы, которая была, по счастью, очень короткой. Однако когда он начал кадить, получилось довольно смешно. Ему мешало окружение королевы, кресло, стоявшее очень неудачно, короче, ему нужно было совершить церемонию и при этом умудриться не задеть королеву. Все это так похоже на сцену из комедии «Мещанин во дворянстве»: «Подвиньтесь еще немного, мадам, чтобы я не задел вас кадилом». Вечер этого безумного дня Мария-Антуанетта провела в Опере, что вызвало новые пересуды. Холодность толпы, которая приветствовала ее суровым молчанием, очень задела ее. Она не понимала причины такого приема. В своих апартаментах в Тюильри, где обычно останавливалась во время поездок в Париж, она шептала, едва удерживаясь от слез: «Но что я им сделала?».

Глава 17. ИСТОРИЯ С ОЖЕРЕЛЬЕМ

Через несколько дней Ферзен вернулся во Францию, чтобы принять под командование свой полк. Прежде чем уехать из Стокгольма, он написал «Жозефине». Это было для него самое светлое время при дворе. Его видели на королевских играх в мяч, небольших ужинах у мадам д'Оссен, которые часто посещала сама королева. В это время он тайно отправлял письма своей сестре Софии, в которых рассказывал о своей связи с королевой: «Со вчерашнего дня я в Версале, никому не говорите, что я здесь, поскольку я адресую письма из Парижа. Прощайте». Играя роль официального придворного, скромного и внимательного, он стал невольным свидетелем непопулярности королевы во время ее поездки в Париж. «Королеву принимали очень холодно. Ее окружала гробовая тишина, ни одного возгласа», — писал он Густаву III. Однако он добавил, что вечером в Опере ее встречали бурными и долгими аплодисментами, которые длились около пятнадцати минут. Охваченная радостью от возвращения Ферзена, Мария-Антуанетта забыла о холодном приеме парижан и сразу же отправилась в Трианон. Лето обещало быть очень веселым, полным развлечений и праздников, несмотря на отъезд Ферзена, который намечался на начало августа.

Мария-Антуанетта продолжала жить мечтами и выполняла все свои капризы. В своем замке она лично следила за всеми преобразованиями, как, например, за установкой новых часов с двумя металлическими циферблатами, которые обошлись королевской казне в 18 000 ливров. Работы по обустройству деревушки занимали теперь все се внимание. 15 июня туда привезли коз и овец, стадо коров. Вскоре закупили 3 петухов, 68 кур, 8 голубей и кроликов. Для ухода за этим хозяйством была нанята крестьянская семья, садовник, пастух, слуга, кротолов, крысолов, косарь и горничная. Мария-Антуанетта следила за ходом полевых работ. За сотни лье от Версаля была известна новая забава королевы, о которой ходило много легенд. Она любила прогуливаться по аллеям, наблюдать за работой крестьян. В 1786 году, когда работник Вали заявил, что им нужен новый козел, если хотят, чтобы на свет появились маленькие козлята, королева «совершенно серьезно заявила, чтобы козлята были не злыми и совершенно белыми». Неужели она верила в то, что по-настоящему узнала жизнь крестьян? Качели, которые поставили перед ее домом, символизировали стремление к чему-то непознанному и неизвестному.

Еще с прошлой осени Трианон не был единственной

резиденцией королевы. По ее просьбе, Людовик XVI подарил ей замок Сен-Клу, который принадлежал герцогу Орлеанскому.

Из экономии средств король предложил сначала обменять дворец на две королевские резиденции, но принц предпочел деньги. Несмотря на протесты главного управляющего, 24 октября 1784 года Людовик XVI купил дворец Сен-Клу за 6 миллионов ливров. Эта уникальная для французской монархии покупка была сделана от имени королевы, которая стала владелицей Сен-Клу, при условии жить в нем вместе со своими детьми. В то же самое время отношения с императором были крайне сложными, Габсбурги и Бурбоны находились в состоянии конфликта. Мерси был убежден, что король и министры удовлетворили этот дорогостоящий каприз королевы только для того, чтобы устранить ее от политических дел. Однако дело не ограничилось только этим. Это приобретение лишило королеву тех остатков популярности, которые у нее оставались после истории с братом. Итак, королева окончательно пала в глазах народа.

Совершенно не воспринимая критику, она заявила о своем намерении устроить здесь английский сад. Чтобы освободить землю, планировалось снести часовню, служители которой были уволены, и переделать ее в зал для спектаклей. Из тех же соображений планировалось снести больницу и разогнать весь персонал.

Мария-Антуанетта предполагала, что двор сможет переехать в новый дворец уже в сентябре. Тем временем все готовились к этому переезду, но чтобы ожидание не было слишком скучным, в Трианоне постоянно устраивались концерты. В садах разворачивались великолепные представления, за которыми следовали чудесные балы. Охваченная своей давней страстью к театру, королева решила возобновить работу домашнего театра и поставить на его сцене «Севильского цирюльника», где она должна была играть роль Розины.

12 июля, после мессы, королевский ювелир Бомер показал Марии-Антуанетте бриллиантовые эполеты и подвески, заказанные по просьбе молодого герцога Ангулемского. Он воспользовался этой встречей, чтобы вручить ей письмо, где выражал свою радость, которую испытал, увидев на ней самые красивые бриллианты, когда-либо виденные. Если верить мадам де Кампан, Мария-Антуанетта ничего не поняла из этого письма, которое сразу же сожгла, решив, что это «бред воспаленного ума» ее ювелира. Из того же источника: 3 августа этот ювелир с весьма взволнованным видом нанес визит мадам де Кампан в ее загородном домике. Он спросил, нет ли у королевы особых

поручений или заказов для него. Узнав, что его письмо сожжено, он принялся объяснять что к чему. Закончил он заявлением, будто королева должна ему 1,5 миллиона ливров за покупку ожерелья, которое заказал от ее имени кардинал де Роан. Наконец, он показал несколько чеков, подписанных самой королевой, которые ему передал прелат несколько дней назад, сумма составляла 30 000 ливров. Горничная королевы заявила, что эта какая-то ошибка, поскольку она не видела у королевы никакого ожерелья. Она посоветовала ему пойти к барону де Бретелю, придворному министру, и изложить ему свое дело. Ювелир предпочел отправиться к кардиналу, затем пошел к королеве, которая отказалась его принять.

Через два дня в Трианоне Мария-Антуанетта с беспечным видом спросила у своей горничной, что хотел ее ювелир. Мадам де Кампан рассказала ей о своем разговоре с Бомером. Королева была поражена, она даже вскрикнула от ужаса, как могли возникнуть фальшивые чеки, подписанные ее именем, и как в этом мог быть замешан сам кардинал; это было для нее полной загадкой. Она тут же позвала к себе аббата Вермона и барона де Бретеля, чтобы они разъяснили ей ситуацию. До сих пор рассказ мадам де Кампан полностью совпадает с тем, что излагал ювелир и его компаньон Бассенж. Следует уточнить, что в своих показаниях оба ювелира свидетельствуют, что кардинал де Роан не советовал им обращаться к Бретелю.

В своих «Мемуарах», которые были впервые опубликованы в 1823 году, мадам де Кампан хотела показать, что она была лицом, особо приближенным к королеве. По всей вероятности, она знала все детали и подробности личной жизни государыни, однако это ее право приписывать себе особую значимость, поэтому историки с большой осторожностью обращаются к ее воспоминаниям. Что же касается знаменитой истории с ожерельем, то мы не можем игнорировать такого важного свидетеля, как мадам де Кампан, поскольку из многочисленных авторов воспоминаний она была более всех близка к королеве.

Свидетельство аббата Жоржеля, главного викария кардинала, его доверенного лица, опровергает все обвинения. Преданный своему хозяину, он играет главную роль в этом процессе. Он лично вел переписку с министрами, адвокатами. Кардинал и его приближенные руководили разбирательством, которое раскрыло основных участников этой интриги. Естественно, Жорже ль принимал во всем самое активное участие. Именно защитник кардинала де Роана смог опровергнуть все обвинения, которые предъявлялись королеве ее врагами. В своих «Мемуарах» он приводит резкую и жесткую критику в адрес не только королевы,

но и многих других персон. Его воспоминания являются наиболее точными и полными. Они подробно и беспристрастно оценивают ситуацию. Итак, согласно Жоржелю, ювелиры не сказали всей правды. В 1797 году в Балле аббат вновь встретится с Бассенжем. «Он признался мне, — писал аббат, — что все показания, которые звучали на процессе, были подчинены указаниям самого Бретеля, они были вынуждены умолчать о том, что Бретель считал нежелательным для огласки». Жоржель надеялся, что королева узнала о сделке Роана относительно ожерелья до августа 1785 года (точной даты он не приводит). Ювелиры не хотели заключать сделки на такую значительную сумму, которая должна была выплачиваться не сразу, не зная точно, действительно ли от королевы поступил заказ. И Мария-Антуанетта позволила им заключить сделку с Роаном, не предупредив, что ее именем могут злоупотреблять и их могут обмануть. «Как же теперь могло выразиться ее негодование? — вопрошает Жоржель. — Предположим, Ее Величество решила отомстить кардиналу, в таком случае того, что она сию минуту узнала, было более чем достаточно, чтобы выслать его со двора и убрать с поста. […] Однако не было ни скандала, ни суда, ни Бастилии».

Как бы там ни было, дело приобрело новый оборот (точную дату привести невозможно, примерно между 16 и 30 июля), когда ювелиры в присутствии аббата Вермона заявили, что «кардинал де Роан заказал им это бриллиантовое ожерелье от имени королевы» и в тот день они избежали разговора об оплате. Охваченная негодованием Мария-Антуапетта не могла произнести ни слова. После этого рассказа Вермон попросил ювелиров принести договор, который они заключили с прелатом на покупку. «Королева, взяв копию этого договора, позвала на тайный совет барона Бретеля и аббата Вермона обсудить с ними ее поведение в сложившейся ситуации. […] Вермон считал, что нужно было немедленно обратиться к королю: действия Его Преосвященства он характеризовал как преступление против Ее Величества, которое должно быть жестоко наказано. Барон Бретель считал, что не стоит принимать скоропалительных решений: договор был составлен только от имени Роана, а обвинить его в преступлении невозможно. Показания ювелиров могут быть опровергнуты покупателем, королева будет скомпрометирована в глазах общественности, если потребует наказания преступника, вина которого не доказана, к тому же она сама находится под подозрением. Он предлагал не предпринимать ничего какое-то время, пока не подошел срок платежа, поскольку необходимо узнать мотивы и цели дерзкой махинации».

Итак, Бретель начал расследование, выслушав внимательно подробный рассказ ювелиров. Те потратили много лет, отбирая бриллианты одного размера, самого высшего качества, собрали ожерелье стоимостью 1,8 миллиона ливров и тщетно пытались его продать. Они надеялись, что Людовик XV подарит его мадам Дюбарри. Но смерть короля разрушила их надежды. В 1782 году, после рождения дофина, ювелиры предложили ожерелье Людовику XVI для подарка Марии-Антуанетте. Они знали страсть королевы к бриллиантам. «Король собирался уже купить это редкое украшение для королевы, когда всплыло злополучное дело с господином де Грассом, которое изменило планы государя. Он вернул ожерелье ювелирам. И огромный капитал, который заключался в нем, снова оставался невостребованным в течение двух лет», — так писал маркиз де Бомбель в своем дневнике 7 февраля 1783 года.

В конце 1784 года после нескольких безуспешных попыток ювелиры начали искать посредника, который имел бы влияние на короля и королеву и смог уговорить их сделать эту покупку. Некий господин Ашет убедил их в том, что его зять, адвокат Лапорт, знает некую графиню де ла Мотт, «известную еще при дворе Валуа», которая хвасталась своими дружескими отношениями с Марией-Антуанеттой. Во время первого же визита к этой даме она им пообещала «замолвить словечко королеве об ожерелье». Спустя три недели, 21 января 1785 года она заявила, что королева хочет купить его, однако личные причины мешают ей сделать эту покупку самой и что она купит ожерелье через одного высокопоставленного господина, который получит от нее «точные инструкции». Она советовала ювелирам соблюсти все необходимые формальности, чтобы они были уверены в том, что покупка будет оплачена именно в те сроки, которые укажет этот господин. 24 января в сопровождении своего мужа мадам де ла Мотт отправилась к ювелирам, чтобы известить их о визите покупателя, о котором она говорила. Через некоторое время явился кардинал де Роан. Он посмотрел украшение, обговорил цену — остановились на 1,6 миллиона ливров, добавил, что делает эту покупку не для себя. И посоветовал «сохранить сделку в тайне».

29 января кардинал, который «получил новые инструкции», пригласил к себе ювелиров. Он «показал им документы, подтверждающие законность сделки. Сумма 1,6 миллиона ливров будет выплачиваться в течение двух лет, по 400 ООО ливров каждые полгода. Первый взнос должен состояться 1 августа». Ювелиры согласились на условия и подписали документы.

1 февраля кардинал попросил ювелиров снова прийти к нему

и принести ожерелье. Он показал им документ, в котором говорилось, что королева согласна на такие условия, и внизу стояла ее подпись: «Мария-Антуанетта Французская», а выше было написано: «Одобрено». Роан добавил, что должен сохранить у себя документ. И чтобы дать им гарантии, он извлек из секретера письмо. Как он утверждал, это было письмо королевы: «Я не привыкла общаться с моим ювелиром таким образом. Вы сохраните эту бумагу у себя и можете получить оставшиеся деньги, когда сочтете необходимым». Поскольку дело провернули так удачно, он добавил, что может сказать откровенно, что не советовал королеве покупать ожерелье: «Он считал, что это большая глупость тратить такую огромную сумму на украшение […], но желание приобрести это ожерелье оказалось для королевы слишком велико». Наконец, он пообещал ювелирам попросить в нужный срок оплаты, если вдруг королева забудет. Он добавил также, что их согласие па кредит оказалось очень нужным в данной ситуации. Бомер и Бассенж покинули кардинала очень довольными и оставили ему ожерелье.

3 февраля они были очень удивлены, не увидев на королеве украшения, и даже поинтересовались у Роана. Он ответил, что требуется время, чтобы король узнал об этой покупке. Ювелиры решили пригласить мадам де ла Мотт на ужин, чтобы отблагодарить се. Она, однако, отказалась от их подарка.

10 июня за три недели до срока первой выплаты, которая составляла 400 000 ливров, ситуация резко изменилась. Кардинал вызвал к себе ювелиров и заявил им, что королева требует скидки до 200 000 ливров вместо 400 000, зато через несколько дней они получат 700 000 ливров. Ювелирам пришлось согласиться на новые условия. Тогда кардинал попросил их написать письмо королеве. Кардинал сам продиктовал им это письмо.

Двенадцатого июля Бомер лично вручил это письмо королеве. Так вот, это было то самое знаменитое письмо, которое королева сожгла. Согласно рассказу Бассенжа, который совпадает в точности с рассказом мадам де Кампан, ювелир встретился через несколько дней с горничной королевы. Она попросила у него объяснений по поводу письма, которое королева совершенно не поняла. Тогда ювелир не на шутку забеспокоился. Бассенж тотчас отправился к кардиналу. По совету. последнего, он попросил аудиенцию у королевы, но напрасно. Роан не настаивал на том, чтобы ювелиры встретились с Марией-Антуанеттой. Когда им пришлось дать показания, ювелиры тщательно скрыли от Роана встречу с королевой и аббатом Вермоном, на которой они рассказали почти все, что знали. Они предполагали, что барон де Бретель вызовет их и им придется выложить ему все об истории с

продажей украшения.

31 июля кардинал, нескольку обеспокоенный, вызвал к себе ювелиров и заявил им, «что королева не сможет выплатить полностью сумму в размере 700 000 ливров, а обещает выплатить в первых числах октября», однако кардинал дал им 30 000 ливров от себя, «за задержку, которую она заставляет их испытать».

Через несколько часов банкир Сент-Джеймс изъявил желание встретиться с аббатом Вермоном и сообщил тому, что кардинал собирался занять у него 700 000 ливров от имени королевы. Осознавая размеры такой суммы, которую банкир был готов дать, он все же хотел получить точный и непосредственный приказ королевы. Пораженная наглостью подобной махинации, Мария-Антуанетта совершенно обезумела от гнева: еще никогда она не сталкивалась со столь продуманным и коварным планом, целью которого было скомпрометировать ее самым низким образом. Она хотела прервать этот поток лжи и дерзости, упрекала себя, но было слишком поздно: теперь честность выражалась в ее молчании; как только она узнала о переговорах по поводу продажи ожерелья, ее охватила ненависть, которая только усилилась со временем и совершенно не вписывалась ни в ее характер ни в рамки ее положения. Бретель, которого она тут же вызвала, сумел успокоить ее: «Это преступление слишком хорошо подготовлено, поэтому ни в коем случае нам нельзя торопиться; проявления власти хороши только когда они подкреплены законом, в противном случае вы еще больше скомпрометируете себя. Мы должны действовать исключительно в рамках закона: тогда виновник будет наказан». Итак, он решил вступить в сговор с банкиром Сент-Джеймсом и попросил его подписать декларацию. Таким образом, всем стало известно, что кардинал просил от имени королевы 700 000 ливров. Согласно рапорту банкира, кардинал ему заявил: «Я только что видел королеву, которая попросила меня сделать это…».

3 августа мадам де ла Мотт, о которой Бассенж не слышал уже несколько месяцев, попросила его прийти. К его большому удивлению, он нашел ее в состоянии полного разорения. Квартира была пустой. Графиня объяснила, что кардинал «попал в ужасную переделку, поскольку подтвердил и подписал фальшивые документы королевы». Роан сравнил этот почерк с почерком королевы и только тогда увидел, что его обманули. Мадам де ла Мотт советовала ювелиру взять с кардинала подтверждение того, что он сможет оплатить указанную сумму. Ювелиры же решили, что они должны «отдаться на милость Ее Величества и рассказать ей всю правду об этих переговорах». Они признались и 9 августа рассказали обо всем королеве, которая

попросила их написать письменный доклад. Нет никаких сомнений, речь идет об одной из хитрых уловок Брегеля. Во время процесса на самом деле было совершенно невозможно, чтобы ювелиры признались в том, что королева и ее министр были в курсе всего уже около месяца, и Бретель, в надежде найти виновных, попросил ювелиров продолжать свои переговоры о продаже ожерелья, как если бы они ничего не подозревали. Если бы они сказали правду, королева оказалась бы виновной в том, что в течение нескольких недель скрывала от короля столь серьезные сведения, министр был бы также обвинен в укрывательстве важных сведений от членов правительства и короля, который должен узнавать все первым. Королева, об этом все знали, ненавидела Роана еще с тех времен, когда тот был послом Франции в Вене, в те времена он позволял себе слишком смелые высказывания в адрес императрицы. Все помнили о тех письмах, которые писала Мария-Терезия своей дочери и где она настраивала ее против ненавистного прелата. Кардинал в то время принадлежал к партии д'Эгийона, которого Мария-Антуанетта также ненавидела. Он был откровенно настроен против альянса и относился к нему с большим подозрением. В 1771 году на этот пост выбрали барона де Бретеля, которого рекомендовал Шуазель еще до своей отставки. Сразу после того как Людовик XVI стал королем, он выполнил желание своей тещи и заменил Роана Бретелем. Тем не менее Мария-Антуанетта не хотела простить этого наглого священника. Она была настроена решительно против его назначения на пост кардинала, но король, который был связан прежними обещаниями, все же согласился с этим назначением, хотя и не очень уважал этого человека. Назначение Роана на столь высокий придворный пост лишь усилило ненависть королевы, которая еще ни разу не говорила с Роаном. Что же касалось Бретеля, он ненавидел соперника, которого считал глупым и недальновидным политиком. Он знал, что этот церковник повязан долгами, встречался с весьма сомнительными и даже опасными личностями. Знаменитый шарлатан, который называл себя графом Калиостро, возможно, жил именно у Роана. В начале августа Бретель был убежден, что кардинал замыслил эту историю с ожерельем лишь для того, чтобы избавиться от собственных кредиторов. Министр был убежден в этом сам и убедил королеву. Бретель и Мария-Антуанетта надеялись, что их враг, воспользовавшись именем государыни и замыслив подобную интригу, сам обрек себя на поражение.

Вокруг Марии-Антуанетты все больше и больше ходило скандальных историй, она настаивала на том, чтобы придать это

дело огласке. После долгих споров между ней и министром, которого поддерживал и аббат Вермон, они решили, что 14 августа министр поговорит с королем: «Король должен был увидеть, что Мария-Антуанетта совершенно не виновата. Необходимо было и описать во всей красе поведение кардинала, который воспользовался деликатностью супруги короля; нужно было показать королю всю наглость этой сделки, крайне оскорбительной для французской монархии; и, наконец, надо было представить это дело как преступление против короля, преступление, требующее самого сурового наказания». Получив письменные донесения ювелиров, Бретель отправился к королю.

15 августа в Зеркальной галерее весь двор с нетерпением ждал короля, который должен был присутствовать на мессе, посвященной назначению кардинала де Роана. Еще никто не знал, что король, королева, министр финансов, барон де Бретель и Вержен собрались для обсуждения в кабинете короля. Только после этого всем стало известно дело с ювелирами, а также история с банковским займом. Королева с бьющими через край эмоциями требовала самого сурового наказания для человека, посягнувшего на ее честь. Потрясенные тем, что они только что услышали, министр финансов и Вержен предложили выслушать самого кардинала, прежде чем принимать какое-либо решение. Бретель убедил короля в необходимости решительных действий, однако его коллеги настаивали на том, что лучше всего действовать осторожно и не торопясь. Людовик XVI согласился с их мнением. К полудню, во время официальной церемонии назначения на эту божественную должность, всех ждал сюрприз. Король вызвал кардинала.

Так, неожиданно, принц де Роан предстал перед судом. Ему дали прочитать показания ювелиров и показания банкира. Без всяких сомнений и колебаний кардинал признал то, что он купил ожерелье для королевы. Королева прервала его, чтобы узнать, кто наделил кардинала этой миссией, на что он ответил: «Вы, мадам». — «Я! Я, которая не разговаривает с вами с момента вашего возвращения из Вены; я, которая отказывала вам в аудиенциях; я, которая всегда сохраняла с вами ледяной и высокомерный тон, это я просила вас о такой услуге?!» «Вы, Ваше Величество, — повторил кардинал, — у меня есть письмо с этой просьбой, подписанное лично вами». «Где это письмо?» спросил король. «Сир, я не взял с собой своего портфеля с бумагами». «Это письмо, — вскричала королева, не имея возможности более сдерживать себя, — грязная ложь!» Тогда кардинал, по-прежнему настаивавший на своем, взглянул на королеву нагло и надменно.

От этого взгляда она изменилась в лице. Король приказал Роану покинуть зал.

Королева была на грани истерики. Позже она призналась мадам де Кампан, что ей стало страшно. Мария-Антуанетта прокручивала в голове разные мысли, что еще более пугало ее. Ведь если основным мотивом интриги было желание унизить королеву в глазах короля и всей Франции, кардинал будет продолжать настаивать на том, что у королевы есть это ожерелье.

Король и его министры от изумления не могли произнести ни слова. Барон де Бретель предложил арестовать кардинала. Король согласился. Приказ был отдан герцогу де Виллеруа, капитану придворной гвардии, — кардинал Людовик-Эдуар де Роан, принц-епископ Страсбурга, кардинал Франции должен быть взят под стражу. Дверь королевского кабинета распахнулась и барон де Бретель громко объявил: «Арестовать господина кардинала!». Никогда еще Виллеруа не приходилось выполнять столь ответственное задание. Бретель торжествовал. Королева чувствовала, что победила, но до сих пор содрогалась от возмущения и гнева. «Ни титул, ни пурпурная лента никогда не укроют преступника от правосудия, пусть об этом знают вся Франция и вся Европа», скажет она мадам де Кампан. В Зеркальной галерее царила полная тишина, все были ошарашены. История с ожерельем закончилась, но скандал только начинался. Ни король, ни королева, ни даже барон де Бретель не могли представить какой!

Роана окружил караул, испытывая вполне понятный ужас, он повернулся к стене, якобы поправить свои подвязки. Ловким движением извлек откуда-то клочок бумаги, нацарапал на нем несколько слов и незаметно отдал его своему слуге. Тот на повозке помчался в кардинальский дворец, передал записку Жоржелю, который поспешно сжег письма из маленького красного портфеля. К трем часам дня кардинал прибыл к себе в сопровождении графа д'Агу, помощника начальника королевской гвардии. Несмотря на инструкции, последний все же оставил заключенного на несколько минут одного. Так что Жоржелю хватило времени сообщить ему о том, что компрометирующие бумаги уничтожены. Через час прибыли барон де Бретель и лейтенант полиции Тиру де Кроен вместе с секретарем. Министр начал искать документы, подписанные Марпеи-Антуанеттой, все бумаги кардинала и Жоржеля были опечатаны. В тот же вечер кардиналу разрешили встретиться с родственниками. Принц де Субиз, его кузен, в тот же день явился к королю. Людовик XVI рассказал все, что знал. В семьях Роанов и Субизов царила полная паника. Было решено любой ценой спасти честь семьи. В

половине двенадцатого ночи кардиналу сообщили, что завтра его поместят в Бастилию. Это была катастрофа.

Началось официальное расследование. Арестовали графиню де ла Мотт, игравшую роль посредника в этой истории, которая входила, судя по всему, в число ближайшего окружения кардинала. Из собственного дома 18 августа она была препровождена в Бастилию, в то время как ее муж спешно уехал в Англию. В тюрьму были отправлены также граф Калиостро и его жена.

Убежденный в виновности Роана, Бретель хотел, чтобы процесс начали немедленно, не дожидаясь результатов допросов и без нужных бумаг. Поскольку кардинал обвинил Бретеля, а заодно и Тиру де Кросна в чрезмерной личной предвзятости, Людовик XVI принял протест. На место Бретеля и де Кросна были назначены Вержен и маршал де Кастри. Процесс начался 17 или 18 августа. Из дневника маршала де Кастри мы можем самым подробным образом узнать, как это происходило. 19 августа Роан спросил министров, как ему следует теперь к ним относиться — как к друзьям или как к судьям. На что они ответили: как к министрам короля — и посоветовали ему говорить правду. Поскольку Роан очень беспокоился о том, что его слова могут быть неверно истолкованы, маршал де Кастри объявил ему, что показания будет записывать писарь — это явится основой дела. «Итак, протокол либо оправдает вас, либо обвинит. Следовательно, вы не сможете ни оправдать себя необоснованно, ни утаить правды». Исповедь Роана обоим министрам была очень мало похожа на обычные показания в судебных делах.

В сентябре 1781 года маркиза де Буленвильер из Саверна представила ему свою внучку, без приданого, но знатного происхождения. Обе заявляли, что были в родстве с Генрихом II и принадлежали к династии Валуа. После смерти бабки кардинал оказал помощь этой бесприданнице, которая вышла замуж за некоего графа де ла Мотта, однако по-прежнему жила в бедности. В марте 1784 года, переселившись в Париж, она нанесла визит кардиналу, чтобы отблагодарить его за доброту, которую он так часто проявлял. Дама знала о его положении при дворе и той немилости, которая ожидала его по возвращении из Вены, и, ссылаясь на то, что королева питала к ней дружескую симпатию, предложила кардиналу свою помощь. Заинтересовавшись этим предложением, кардинал стал все чаще и чаще принимать у себя мадам де ла Мотт, которая, не переставая, говорила о своих возможностях. Но Роану требовались доказательства.

«Я согласился, чтобы она устроила мне аудиенцию с королевой, во время которой я смог бы с ней поговорить.

Обнадежив меня, она заявила, что королева подозревает за этим какую-то интригу, но тем не менее согласилась увидеться со мной на террасе в Версале вечером после ужина. В тот же самый день мадам де ла Мотт пришла сообщить, что королева хочет встретиться со мной в полночь на террасе. В назначенный час я увидел женщину в черном парике с веером в руках и решил, что это королева. Я сказал ей, что был счастлив видеть се в здравии и ее доброта служит доказательством того, что она перестала сердиться на меня. В ответ она сказала несколько слов и внезапно ушла, как я после объяснил себе, из-за того, что в двух шагах от нее появились граф и графиня д'Артуа. Больше я ее не видел.

Разумеется, я был мало доволен таким коротким разговором и, кроме того, королева по-прежнему не проявляла ко мне никакой благосклонности. Я высказал свои опасения мадам де ла Мотт. На что она ответила мне: „Надо подождать, и вы увидите“.

В тот день, когда она сказала мне это, я проходил через галерею и встретил королеву. Она была со мной настолько любезна, что даже господин Белзумс, с которым я шел, сказал мне: „Не знаю, почему думают, что королева к вам плохо относится — она очень благожелательно смотрела на вас“. На самом же деле это была лишь случайность, интрига молодой женщины, которая дала мне надежду на расположение Ее Величества».

Итак, кардинал был уверен, что в июле 1784 года в полночь в версальском парке он тайно встречался с королевой, и это свидание организовала мадам де ла Мотт. После уже кардинал ни в чем не мог отказать этой женщине. Через некоторое время она пришла попросить у него 5 000 ливров для персон, в которых заинтересована сама королева. Он поспешил дать ей эту сумму. В ноябре новая просьба: 100 000 ливров на те же нужды. Кардинал, счастливый оказать услугу королеве, выложил нужную сумму. А в январе 1785 года мадам де ла Мотт попросила его от имени королевы купить бриллиантовое ожерелье и добавила, что королева могла поручить столь деликатное дело только ему. Итак, он встретился с ювелирами, договорился о сделке, а она тем временем принесла ему письма, подписанные Марией-Антуанеттой.

1 февраля он передал ожерелье мадам де ла Мотт. Вскоре к нему пришел человек, во всем черном, и ознакомил его с условиями, которые выдвигала королева. Первая выплата должна была состояться первого августа. Поскольку ювелиры были вынуждены взять заем под ожерелье у банкира Сент-Джеймса, они попросили кардинала дать им гарантии того, что королева купит

украшение. Роан встретился с банкиром и показал ему письмо, подписанное Ее Величеством. В начале июня мадам де ла Мотт передала кардиналу, что Мария-Антуанетта находит ожерелье довольно дорогим и просит скидки 200 000 ливров. После некоторых колебаний ювелиры уступили. Прошло несколько дней, и так называемая наследница де Валуа предъявляет письмо, в котором королева сообщает, что не может выплатить 1 августа 400 000 ливров, но обязуется выплатить 700 000 через несколько дней.

В начале июля кардинал спросил ювелиров, согласовали ли они с королевой последнее предложение, связанное со сделкой. И так как они этого не сделали, он продиктовал им письмо к Марии-Антуанетте. Именно это письмо и получила королева, из рук Бомера в Трианоне. После этого новый визит мадам де ла Мотт к кардиналу: на этот раз речь шла о том, что королева находится временно в затруднительном положении и не сможет заплатить к 1 октября указанную сумму, но обязуется выплатить все 700 000 ливров в течение месяца. Бассенж забеспокоился. Можно ли доверять посреднику кардинала? Мысль об этом точила его постоянно. Роан был уверен в надежности дела, но его все же охватывали сомнения, и тогда он сравнил почерк королевы с почерком на письмах, переданных ему мадам де ла Мотт, и с ужасом понял, что его обманули. Тем не менее кардинал не смог лишить мадам де ла Мотт доверия, поскольку та почти сразу же передала 30 000 ливров для ювелиров якобы от королевы, в качестве гарантии того, что она купит ожерелье.

В начале августа мадам де ла Мотт разыграла перед кардиналом настоящую драму. Она сообщила кардиналу, что королева из соображений безопасности отправляет ее пожить некоторое время в деревне, а пока, в ожидании более точных указаний королевы, она попросила у него убежища. Через несколько дней авантюристка отбыла в деревню. Сразу после этих событий кардинала арестовали.

Когда Роан закончил свой рассказ, маршал де Кастри сразу же спросил, сохранились ли у него письма, о которых он говорил. «Пет, — ответил он, — я все их сжег». «По, — сказал маршал, — что если мадам де ла Мотт будет отрицать все, что вы утверждаете?» Кардинал и представить себе не мог ничего подобного. Какое страшное заблуждение! Заключенная в Бастилию, эта женщина давала совершенно противоположные показания. Она никогда не разговаривала с королевой. Роан никогда не передавал ей никакого ожерелья, а лишь попросил ее продать несколько бриллиантов каким-то евреям.

Да, под ногами принца, можно сказать, земля горела. Вержен и маршал, не на шутку озадаченные, не могли тем не менее поверить, что этот человек, в котором они видели лишь плута и развратника, мог оказаться таким мошенником и преступником. Мадам де ла Мотт не внушала им никакого доверия. Она выглядела уверенной в себе аферисткой, но никаких доказательств ее виновности не было. Доподлинно известно лишь то, что кардинал действительно вел переговоры с ювелирами; купчая была оформлена на его имя, и бедняга верил, что тогда, ночью, в Версале он встречался с Марией-Антуанеттой. Совершенно логично предположить, что существовала переписка между ним и королевой. Оба министра прекрасно понимали, что сожженные бумаги и были предполагаемые письма королевы. И если следствие продолжится процессом, то еще не известно, какие факты могут всплыть?

В четверг 25 августа Людовик XVI вызвал к себе Вержена, маршала и министра финансов Миромесниля, чтобы подвести итог. Королева, тихая и старающаяся остаться в тени, что совершенно для нее не типично, пришла как раз, когда маршал де Кастри рассказывал о результатах расследования. «Меня обвиняют, — промолвила она. — Я хочу знать, кто посмел использовать мое имя для своих грязных махинаций. Родственники кардинала хотят справедливости; он, кажется, тоже хочет того же; я же хочу, чтобы дело рассматривалось в суде». В кабинете воцарилось гробовое молчание. Опасаясь общественного процесса, во время которого может разгореться сильнейший скандал, маршал де Кастри предложил, «поскольку с самого начала дело не было передано в суд, то следует продолжать расследование в той же неофициальной форме. Это будет гораздо безопаснее». Министр принял сторону юридического разбирательства. «С того момента, как дело перейдет в руки правосудия, мы уже ничего не сможем сделать, — высказал свое мнение маршал. — Я думаю, нам следует выбирать то, что выгоднее прежде всего для нас, пострадавших». Вержен, выражаясь не столь откровенно и ясно, все же поддерживал маршала. Бретель молчал. Слово взяла королева: «Я считаю, что кардиналу тоже надо предоставить выбор; пусть члены его семьи решают, каким они хотели бы видеть разбирательство: административным или судебным, они должны представить свой ответ в письменной форме». После ее слов Людовик XVI приказал министрам донести это решение до кардинала. Ответ должен быть получен в трехдневный срок. Кардинал Роан передал через своего адвоката, что ждет официального судебного разбирательства. И добавил пожелание, чтобы его судил Высший

королевский суд. В конце послания он приписал фразу, которая позволила избежать громкого скандала: «Могу ли я надеяться на милость Вашего Величества, поскольку вина моя лишь в том, что я был обманут. Я осмеливаюсь просить Ваше Величество быть ко мне снисходительным». Письмо подписали не только кардинал, но и его ближайшие родственники, принц де Монбазон, принц де Субиз, принц де Роан и архиепископ де Камбре.

Итак, кардинал был передан в руки правосудия. Система правосудия во Франции того времени выглядела примерно так: король, главный судья, делегировал свои полномочия верховному суду, т. е. парламенту. В случае, если речь шла о чести королевы, было вполне естественно то, что король сам оставался верховным судьей. Можно задать вопрос: а подумали ли Мария-Антуанетта и ее августейший супруг об общественном мнении, пытаясь взять бразды правления процессом в свои руки. Тем более, что королеву и так слишком критиковали. Дело в том, что Людовик XVI, недооценивая Парижский парламент, решил, что процесс пойдет по его плану. Однако король и предположить не мог, что он и королевская власть могут существенно пострадать в ходе этого разбирательства.

В Версале, как, впрочем, и в Париже, только и говорили, что об аресте кардинала. Ходили тысячи разных слухов. Вначале говорили о заговоре против всего государства, после которого последуют репрессии. Самые большие пессимисты подумывали залечь на дно. «Эта история была покрыта мраком таинственности», — сообщает нам «Тайная переписка» от 17 августа. Несмотря на то, что не было абсолютно никакой официальной информации, слухи распространялись невероятно быстро. «Известно то, — узнаем мы из того же источника, — что мадам де ла Мотт купила это ожерелье от имени королевы, то самое, которое ювелир думал продать еще мадам Дюбарри во время ее правления; известно также, что кардинал был связан с этой женщиной, но, по всей вероятности, хитрая мошенница его обманула». Убедительная и романтическая версия истории была очень распространена в тех слоях, где отказывались верить в предательство кардинала. Другие считали, что он стал жертвой своих врагов, которым не терпелось расправиться с ним.

Вот как Мария-Антуанетта рассказывает эту историю императору: «Вы наверняка уже знаете, мой дорогой брат, о той катастрофе, что произошла с кардиналом Роаном. Я воспользуюсь курьером Вержена, чтобы поведать вкратце эту историю. Кардинала попросили купить от моего имени ожерелье, заручив его письмом с подписью, которую он посчитал моей; ожерелье из

бриллиантов стоит 1,6 миллиона франков. Он утверждает, что был обманут некоей мадам де ла Мотт. Эта низкая интриганка никогда в жизни не встречалась со мной и все же действовала от моего имени. Вот уже два дня как она в Бастилии, и хотя во время первого допроса она призналась в связях с кардиналом Роаном, позже упорно отрицала свое участие в покупке ожерелья. Примечательно, что все бумаги о покупке были с моей подписью. Эта, с позволения сказать, Валуа де ла Мотт подписалась: „Мария-Антуанетта Французская“. Если сравнить мой почерк с почерком этой дамы, то в них нет ничего похожего, кроме того, я никогда не подписываюсь „Французская“. Эта странная история дает повод многим думать, что я действительно давала кардиналу какие-то тайные поручения.

Мы договорились с королем, и министры ни о чем не знали до того момента, когда король приказал арестовать кардинала. Я была очень тронута его непреклонностью и решительностью. Уже при аресте кардинал попросил короля не делать этого, на что тот ответил, что не может не сделать этого ни как король, ни как муж. Я надеюсь, что вся эта история скоро закончится. […] Во всяком случае я хочу, чтобы все стало ясно и понятно и тайна не повлекла за собой никаких домыслов и слухов».

Глава 18. СКАНДАЛ

Несмотря па переживания и волнения, связанные с этим делом, Мария-Антуанетта не прекращала репетиций «Севнльского цирюльника». В конце августа, в уютном театре Трианона, она сыграла Розину с «большим успехом, который отразился в бурных аплодисментах», — так писал Гримм, который считался «строгим критиком». Партнерами королевы были граф д'Артуа в роли Фигаро, Водрей — графа Альмавивы. Королева очень высоко ценила пьесу Бомарше и пригласила автора на премьеру, где присутствовали лишь приближенные Ее Величества. Напомним, что «Женитьба Фигаро» имела небывалый успех в Париже. И снова Мария-Антуанетта оказалась на высоте, почтив своим вниманием самого модного драматурга того времени, который казался ей просто очаровательным.

29 августа 1785 года двор переселился в Сен-Клу. Ничто не могло развлечь королеву больше, чем ее жизнь в новой резиденции, которая отныне принадлежала только ей. Однако большинство придворных не разделяли этого веселья. Дворец оказался слишком тесным, чтобы вместить всех придворных, и поэтому некоторым пришлось стоять на квартирах у местного населения. Так, было зарезервировано несколько самых красивых деревенских домов для придворных Марии-Антуанетты. Одна пожилая хозяйка, разгневанная, что ей не платили за снятое жилье, решила подать жалобу на нарушение закона. История дошла до ушей Людовика, который лишь посмеялся над ней вместе с королевой. «Могу я надеяться, по крайней мере, — спросила королева с улыбкой, — что меня не привлекут за это к суду?» «Ну, разумеется, — ответил король, — но советую вам уладить это дело, поскольку репутация ваша может от этого пострадать».

Дело кардинала ее полностью удовлетворило. 5 сентября король вручил официальное решение парламенту. Официальный текст письма передает нам общую тональность процесса: «Мы можем быть уверены, что те, кто осмелится использовать имя королевы, понесут наказание, несмотря на заслуги и звания. Мы думаем, что наш долг осудить перед лицом Франции вышеупомянутого кардинала. Мы принимаем во внимание то, что он был обманут некоей мадам ла Мотт Валуа, однако, хотя и невольно, но явился соучастником преступления». Король передал свое послание парламенту, а также наделил его полномочием осудить «соучастника».

Везде — от Версаля до самых бедных парижских кварталов —

говорили о деле кардинала. Он представал этаким старым совратителем, святошей, который серьезно подмочил свою репутацию. На память приходили сразу его забавы и утехи, и вот теперь наступила расплата за тайные наслаждения. Слухи ходили разные. Говорили даже, что граф Калиостро помогал ему своими потусторонними силами. Франция и Европа внимательно следили за событиями, в которые самым странным образом была замешана королева. В Ландресизе, где находился гарнизон Ферзена, также стало известно об этой истории. В одном из своих писем Густаву III от 9 сентября Ферзен пишет: «Вся эта история, в которую замешан кардинал, здесь, в провинции, кажется совершенно невероятной. Трудно поверить, что все дело в ожерелье, подписи королевы стало причиной суда над кардиналом. Здесь гораздо охотнее верят в существование неких политических причин, которых на самом деле могло и не быть. В Париже все говорят о какой-то тайной игре между королевой и кардиналом, о том, что их связывает что-то, и королева действительно попросила купить его это ожерелье. […] Говорят даже, что королева притворялась, будто она ненавидела кардинала, лишь для того чтобы скрыть от короля свой роман, и король, узнав об этом, решил отомстить кардиналу».

В письме Ферзена можно найти все те обвинения, которые выдвигались против королевы. Эта история с ожерельем окончательно закрепила в обществе сложившийся портрет королевы — легкомысленной и взбалмошной женщины, которая легко забывала о своих обязанностях, о своем долге перед народом, забывала обо всем ради забав и развлечений, которая обманывала короля, пользовалась его слабостями. Ее обвиняли в том, что она продолжала служить интересам Австрии. В это время, согласно договору, Франция должна была выплатить 2 000 000 флоринов Голландии, чтобы прекратить конфликт между Австрией и Голландией. Теперь королева была виновата и в этом…

Из всех сплетен Мария-Антуанетта запомнила лишь те, предметом которых становилась ее личная жизнь и история с ожерельем. «Кардинал обесчестил мое имя своими махинациями, — писала она брату 19 сентября. — Возможно, из-за неимения средств он решил, что сможет заплатить ювелирам когда-нибудь, и считал, что его обман не раскроется. […] Что до меня, я очень хочу не слышать больше об этом кошмаре; суд состоится в декабре. Я никогда не забуду, как король повел себя в это время; я была поражена его поведением и поведением министров […], никто из них не встал на сторону кардинала, хотя многие связаны с ним или с его родственниками». Тем не

менее, несмотря на уверенность королевы и обвинения, выдвинутые против кардинала, симпатия народа была на стороне последнего. Он выглядел, скорее, жертвой в этой истории, и его просто жалели. Критика не обошла барона де Бретеля, который был известен как министр, особо приближенный к королеве и пользовавшийся доверием короля. Ему ставили в вину поспешные действия во время ареста кардинала.

«Протокол процесса не определяет историю с ожерельем, как правонарушение, хотя именно этот термин используется в обвинительных письмах, — читаем мы в „Тайной переписке“. — Слухи свидетельствовали о том, что, по мнению народа, вся история с кардиналом лишь плод интриги барона. Трудно себе представить, как подобная идея вообще могла появиться и сколько сторонников кардинала рассуждали именно так. Воистину, кардинал был для них жертвой министерских махинаций». Те же мысли мы можем встретить и в записках аббата Вери, он как раз находился в Париже. Аббат задает себе вопрос, почему министру, который сразу же взял под стражу кардинала, понадобилось целых три дня, чтобы арестовать мадам де ла Мотт? И почему не схватили ее мужа? Почему ему позволили сбежать? Судьба кардинала «очень интересует всех, — отмечал Вери 10 октября. — Мне все же кажется, что суд признает его невиновным».

Пребывание в Сен-Клу очень не нравилось Людовику XVI. Он жаловался на то, что видел здесь одних лишь праздношатающихся. И действительно близость к Парижу и Булонскому лесу привлекала сюда толпы людей, сильно отличавшихся от тех, кого можно было встретить обычно в Версале. Король заторопился ехать в Фонтенбло, а королева не стала просить его остаться, поскольку хотела от души насладиться своими грандиозными преобразованиями в этом дворце. Ее апартаменты были полностью готовы. Помимо других новшеств она совершенно переделала кабинет, заполнив его зеркалами, а другой кабинет обставила в восточном стиле, вечером он освещался лампами, которые находились в гардеробной за огромным стеклом. Благодаря разноцветным драпировкам из тафты освещение могло менять окраску. Чтобы отправиться в Фонтенбло, Мария-Антуанетта приказала построить специальную лодку — это был ее очередной каприз. Лодку, на английский манер, называли яхтой. Каждая деталь яхты была сделана с большим вкусом и истинно английским качеством: мрамор, красное дерево, скульптуры, позолота, будуары, кают-компания и даже гостиная с кухней — все было на королевской яхте. Подобный каприз обошелся Франции в 100 000

ливров. При большом скоплении народа 10 октября Мария-Антуанетта поднялась на яхту. «Королева была в веселом расположении духа», — писал один из очевидцев аббату Вери. «Это было словно новые туфли для четырехлетнего ребенка, — именно так аббат воспринимал ликование уже взрослой и уже королевы. — В тридцать лет пора бы стать и серьезнее. Это может позволить себе восемнадцатилетияя дочь богатого промышленника, которая […] поднялась на борт ослепительно красивого судна, но, когда речь идет о тридцатилетней женщине, хотелось бы видеть нечто более серьезное и подобающее не только возрасту, но и рангу». Какое странное сравнение в устах высокопоставленного дипломата, аббата, придворного, знающего все тонкости дворцовых интриг! На самом деле ничего удивительного. Аббат Вери представлял Марию-Антуанетту как фаворитку, которая в конце концов добилась своего и вышла замуж. Впрочем, автор далее проводит сравнительный анализ между Марией-Антуанеттой и мадам Дюбарри. И в итоге делает вывод, что капризы королевы «гораздо более дерзкие и наглые, чем капризы любовницы покойного короля». Вкусы становятся «значительно дороже», поскольку они должны отражать достоинства и ранг своего хозяина.

Королева очень внимательно следила за ходом «дела». С момента ареста кардинала его родственники решили во что бы то ни стало вытащить Роана. Они умножили попытки в этом направлении, нанимая все новых и новых адвокатов. Расследование велось с невероятной быстротой, разумеется, благодаря Жоржелю. Они выясняли результаты у главного судьи парламента. Затем принц де Субиз и аббат Жоржель обратились к прокурору де Флери. Ничего не получалось. Отчаявшись, они обратились к королю, надеясь на «его справедливость». Король приказал Миромеснилю заняться этим делом вместе с де Флери, последний же препоручил его своему доверенному Дюлоренселю. Тот подготовил все необходимые бумаги для своего начальника. Так, бумаги, часто игнорируемые историками, оказались у прокурора де Флери. Исследование документов из первых рук показывает, что кардинал был признан виновным еще до слушания свидетелей. Совершенно очевидно было желание прокурора осудить кардинала. И де Флери и председатель суда д'Алигр преследовали одну и ту же цель. Оба получили приказ де Бретеля, который говорил, — разумеется, не напрямую, — устами королевы. Вмешательство придворного министра короля было лишь относительно независимым. Миромесниль всегда старался отстаивать справедливость и правосудие.

Семья кардинала не могла ни ознакомиться с документами,

ни даже участвовать в этой пародии на судебное разбирательство, которое рисковало затянуться на неопределенный срок. Следствие выяснило, что мадам де ла Мотт, возможно, имела несколько соучастников, арест которых был чрезвычайно важен для дела. Показания подозреваемых могли существенно изменить ход разбирательства: господин Вилет и мадемуазель д'Олива. Вилет, «личный друг» мадам де ла Мотт, был кроме всего прочего ее секретарем. Говорили, что он «уже привлекался к суду за подделывание подписей», однако, по слухам, сбежал через несколько дней после ареста своей любовницы. «Этот человек мог бы многое прояснить», — говорили родственники кардинала. На полях страниц, которые касаются Вилета, Дюлоренсель отмечал: «По всей вероятности, он сбежал, и поймать его будет невозможно». Мадемуазель д'Олива была отмечена, как «соучастница, сыгравшая роль королевы в саду Версаля», она получила 1 000 экю от мадам де ла Мотт. Она также скрылась, узнав об аресте Роана. По поводу этой молодой особы Дюлоренсель пишет: «Об этой девушке мы не имеем никаких сведений. Ее можно было бы только допросить по поводу мадам де ла Мотт».

Среди других документов находилось досье, свидетельствовавшее о займе в размере 200 000 ливров, который де ла Мотт получила, воспользовавшись именем кардинала. Дюлоренсель настаивал на том, что этот факт свидетельствовал не в пользу кардинала: «Зная о том, что эта дама использует его имя […], кардинал должен был прекратить с ней всякие отношения».

23 октября 1785 года Дюлоренсель пришел к следующему выводу: «Следует заметить, что основу процесса составляет подделка почерка и подписи королевы на документе, подтверждающем покупку ожерелья. Кардиналу вменяется в вину совершение торговой сделки от имени королевы; ему надлежит вернуть часть бриллиантов указанного ожерелья».

Следствие продолжалось. Мадам де л а Мотт утверждала, что никогда не имела чести быть знакомой с королевой и всем своим состоянием она действительно обязана Роану. Она отрицала тот факт, что вечером в Версальском саду организовала встречу, во время которой кардинал был уверен, что говорит с Марией-Антуанеттой. Авантюристка высказалась, что маг Калиостро был злым гением кардинала, и обвиняла его в соучастии. Наконец, если бы она была виновной, почему же сразу не сбежала в свое имение, узнав об аресте Роана. Несмотря на все ее отрицания, судьи начали с подробного разбирательства. Они отбросили все предположения и начали планомерно распутывать историю.

Любовница кардинала де Роана, мадам де ла Мотт видела в нем доверчивого человека, который может стать жертвой ее гигантской, по замыслу, махинации. Ей легко удалось убедить его в том, что пользуется дружбой и доверием у королевы, она пообещала ему вернуть былые привилегии при дворе. Для этого она организовала мнимое свидание с королевой в Версальском саду. Итак, за кардиналом захлопнулась мышеловка, с этого момента он не только не мог ни в чем отказать этой женщине, но и наивно верил всему, что она говорила, якобы от имени королевы. Таким образом эту грандиозную ложь разыграла мадам де ла Мотт. Она убедила кардинала в том, что королева хочет купить ожерелье без ведома короля. Сделка прошла уже известно как. Теперь ожерелье было в руках мадам де ла Мотт. Она заставила поверить в то, что она отдала ожерелье королеве, тогда как на самом деле разделила его на части с помощью своего мужа. Тот уехал в Лондон, чтобы продать там камни. Однако план изобретательной женщины, которая содержала семью благодаря необыкновенному шарму, внезапно рухнул. Нам известно, каким образом это произошло.

Хотя многие моменты этой истории остаются для нас неразгаданными, ясным кажется одно: кардинал оказался жертвой талантливой интриганки. Не хватало только доказательств, которые бы подтверждали невиновность Роана. Какими бы ни были личные убеждения прокурора, он продолжал рассматривать кардинала как основного виновника преступления. Это приводило его к решению о закрытии дела, однако нужно было убедиться в том, что большинство судей согласны с такой формулировкой процесса. Чтобы изучить мнение каждого из судей, прокурор снова позвал на помощь Дголоренселя. 11 ноября тот составил подробный отчет по поводу тайной просьбы де Флери. Документ составлен с большой точностью. «Все это представляет собой лабиринт с невероятно сложными и запутанными ходами», писал он в преамбуле. «Все понимают, что доброе имя королевы скомпрометировано, — продолжал он. — Речь идет о преступлении против королевского величества, что является серьезным правонарушением. Но мы не располагаем никакой информацией, которая бы подтверждала то, что подпись королевы подделал именно кардинал. Следует добавить, что кардинал сам был обманут и вовлечен в махинацию. […] Молено сделать вывод, что кардинал был всего лишь соучастником и жертвой обмана, а настоящие виновники — это мадам де ла Мотт и ее муж», которые украли и продали ожерелье, разобрав его по бриллиантам. Как доказать в таком случае виновность кардинала? Однако Дюлоренсель легко справляется и с этой

трудностью:

«Но господин де ла Мотт мог продать его [ожерелье] только после того, как его передал ему кардинал, поскольку именно кардинал непосредственно взял его у ювелиров.

Однако он мог знать, что ожерелье предназначалось не для королевы.

Он знал, что компрометирует имя королевы» и т. д.

Зима выдалась довольно скучной. Мария-Литуапстта, испытывавшая непонятные недомогания, отказывалась согласиться с тем, что была беременна, хотя вот уже три месяца у нее не было менструаций. Опасаясь ее гнева, врачи не осмеливались громко заявлять о причине ее болезни. К 15 февраля она уже и сама убедилась в этом. «Признаваясь мне в своей новой беременности, она говорила, что была совсем не рада ей. Она не хотела больше детей, писал Мерси,[…] Я сказал ей об опасностях подобного настроения. Однако она была настроена не вступать больше в супружеские отношения с королем, чтобы не иметь больше детей. Эта идея обеспокоила меня еще больше, к сожалению, стало модным среди молодых женщин прекращать супружеские отношения с мужем, родив одного или двух детей». В который раз Мерси от имени императора пытался напомнить ей о ее долге перед супругом. Вскоре она убедила своего наставника, что «сумела оценить преимущества интимных отношений с королем, и плачевные последствия противоположного». Неприязнь, которую она испытывала к этой беременности, было лишь «временным настроением».

Расследование закончилось. Следователи написали свои доклады на имя прокурора де Флери, и тот передал их своему помощнику Дюлоренселю. Бумаги последнего доказывают, что Роан был виновен в мошенничестве против королевы. Работа помощника прокурора была тайно связана с королевой и Мерси, однако даже сам прокурор об этом не знал. «Мы сделали все необходимые выводы по предложенному плану, — писал де Флери председателю суда д'Алигру 21 мая. Теперь уже нет никаких сомнении, поскольку перед глазами все те показания, которые нам удалось собрать. Первая часть обвинения представляется особенно важной, и она пройдет без всяких осложнений».

Де Флери предъявил три обвинения: оскорбление, ложь, мошенничество. «Первая часть», о которой говорилось в письме, касалась оскорбления королевы. Что до двух остальных пунктов, они не могли быть полностью доказаны, поскольку не было достаточных фактов (или были слишком неубедительными), несмотря на старания Дюлореиселя. Он пишет об этом в своем

дневнике: «Из того, что уже доказано по поводу мошенничества, невозможно обвинить его как соучастника или как организатора преступления. Ничто не может в достаточной степени доказать его соучастие или организацию. […] Гораздо более разумно, с этой точки зрения, вынести ему оправдательный вердикт на эти обвинения». Если Роан не может быть обвинен в мошенничестве и краже, его надо наказать за оскорбление королевы. На самом деле преступление кардинала было преступлением против королевы: с его стороны было просто безрассудно и даже нагло поверить в то, что королева пришла к нему ночью в сад и вообще поручила ему купить ожерелье от ее имени.

«Эти размышления заставляют предположить, — продолжал он, — что будет невозможно дойти до приговора и уж тем более до ссылки, которая подразумевает общественную смерть и влечет за собой вакансию той должности, которой удостоил его король.

Думается, что для подобного дела, где трудно было четко определить состав преступления, поскольку нет примеров даже в судебном регистре, столь же трудно определить наказание». Так, Роан должен будет нижайше просить прощения у короля и королевы «за оскорбление их чести и достоинства». Его вышлют из Версаля и обяжут сложить с себя сан кардинала.

Слушание дела закончилось 29 мая. А 30 мая парламент слушал дело об остальных обвиняемых. Де Флери потребовал для мадам де ла Мотт наказание кнутом, клеймением в виде буквы V, что означало «воровка», и пожизненное заключение в Сальпетри, пожизненные работы на галерах для де ла Мотта, заочно, и Вилета. Говоря о деле кардинала, де Флери настаивал на формулировке «оскорбление чести и достоинства». Вспоминая сделку с ювелирами и сцену в Версальском саду, он обвинял кардинала «в наглости, в совершении преступления, требующего строгого наказания».

Когда де Флери закончил свою обвинительную речь, адвокат Сегиер взял слово. Он обвинил всех судей в том, что они преследуют лишь интересы двора. Он заявил во всеуслышание, что все судьи продались Версалю. Его обвинение было ни для кого не новостью. Мадам де ла Мотт продолжала отрицать все обвинения, которые ей вменялись. Что касалось Роана, он предстал перед судом совершенно больной и заявил, что «ослеплен желанием вернуть расположение королевы».

31 мая в шесть часов утра снова открылось заседание суда. Огромная толпа осаждала вход в здание.

Роаны, Субизы и все их родственники в полном составе оделись в траур. Заседание началось в назначенный час. По поводу вердикта мадам де ла Мотт не было никаких разногласий.

Ее признали виновной и приговорили к наказанию, ее муж также был признан виновным, хотя и заочно. С графа Калиостро и его жены, а также с мадемуазель д'Олива были сняты все обвинения. Вилет был приговорен к ссылке. Жаркие дискуссии начались, когда дошла очередь до кардинала. Вслед за деканом ассамблеи де Монгофруа, который первым выступил с предложением снять все обвинения с кардинала, с таким же предложением выступили большинство советников. Председатель пытался успокоить защитников кардинала. Понимая, что прокурор зашел слишком далеко в своих обвинениях, председатель вернулся к его выводам и попытался смягчить их насколько это было возможно. Затем парламент начал обсуждение. Через семнадцать часов кардинал был оправдан двадцатью шестью голосами против двадцати двух.

Как только новость покинула стены суда, огромная толпа на улице начала скандировать: «Да здравствует парламент! Да здравствует кардинал!». Несколько тысяч человек провожали Роана в Бастилию, где он должен был провести еще одну ночь. Судей осыпали цветами. Толпа ликовала, но полиция знала свое дело.

Глава 19. СИЛА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Чтобы сообщить вердикт суда королеве, потребовалось много уловок. Раньше ей и в голову не могло бы прийти, чтобы суд не согласился с решением председателя, который обязан был выполнять ее приказы. Для нее суд был лишь исполнителем воли королевы и ничьей другой. Как могли они даже попытаться ослушаться ее приказа! Это было равносильно новому преступлению против высшей особы — оскорбление ее чести и достоинства. Не зная основных законов, составляющих основу судебного права королевства, Мария-Антуанетта уяснила лишь один закон — ее власть и власть короля. Она совершенно не разделяла мнения брата, который, получив от Мерси выводы прокурора, сделанные еще до решения суда, возмущался тем, что «за десять или двенадцать дней до суда приговор был уже известен». И если император не мог согласиться с идеей «правосудие вплотную связано с политикой», то Мерси находил это совершенно нормальным. Он говорил с королевой о кардинале. «Я никогда не верил, что он мог настолько измениться, чтобы участвовать в гнусных интригах, — писал он своему государю. — Арест […] был произведен по особому приказанию Ее Величества и короля, которые в данном случае являлись пострадавшими», — из его официального отчета. Конечно же, сам Мерси вряд ли верил в виновность кардинала и столь сильное желание королевы отомстить очень удивляло его. Он убеждал Ее Величество, что лишь высокий пост и влияние семьи кардинала позволили ему так легко отделаться.

Мадам Кампан застала Марию-Антуанетту в слезах одну в своем кабинете: «Подойдите сюда, — сказала мне Ее Величество, — подойдите пожалеть вашу королеву, жертву сплетен и несправедливостей. Но в свою очередь я пожалею вас как француженку. Если бы я считала судей несправедливыми в деле, затрагивающем мои интересы, могли бы вы на что-либо рассчитывать, будучи предметом подобного разбирательства, которое затрагивало бы вашу судьбу и вашу честь? […] Несчастен тот народ, где такой верховный суд, для которого одни всегда останутся жертвами, а другие виновниками лишь потому, что обладают властью». В этот момент зашел король и сказал мне: «Вы видите королеву слишком огорченной, что ж, у нее есть на это все основания. В этом деле они поддерживали одного лишь служителя церкви, принца Роана, тогда как в их помощи нуждался не только он. […] Он думал, что сможет договориться с ювелиром, чтобы со временем выплатить всю сумму за это

несчастное ожерелье, […] не стоит больше думать об этом и не надо быть Александром, чтобы разрубить гордиев узел». Людовику XVI на самом деле было не по себе от поведения парламента. Как только он узнал решение суда, то отдал письменный приказ барону Бретелю, касающийся кардинала. Принц де Роан лишался своего высокого поста и фактически ссылался пожизненно в одно из аббатств. Имелась в виду Овернь. Эта мера поразила знать, но все мольбы родственников были напрасны. Невиновность Роана была доказана, однако приговор короля был слишком жесток. Такое решение короля после вынесения вердикта парламентом провоцировало явный скандал. Почему бы после этого не обвинять короля в тиранстве?

О деле не переставали говорить, поскольку в нем было слишком много белых пятен. Многие задавались вопросом, какой была на самом деле степень вины каждого из участников? Никто не упускал случая напомнить о вмешательстве королевской власти в судебное расследование. Решение самого прокурора вызывало сильное возмущение и неодобрение, хотя оно принято не было. Даже такому министру, как маршал де Кастри, оно казалось «откровенно продиктованным королевской властью, и уж, разумеется, парламент никогда бы не принял решения, от которого явно тянуло Версалем». Своим последним решением король моментально зачеркнул смысл парламента, который от создания в 1774 году противостоял монархии и королевской властью. Жесткий авторитарный шаг короля, поддерживаемого бароном де Бретелем, дал повод многочисленной критике в адрес абсолютизма.

Для Марии-Антуанетты подобная ситуация была крайне нежелательна. Ее обвиняли во вмешательстве, которое на самом деле имело лишь формальный характер. Возникало подозрение, не была ли вся эта темная история подстроена самой королевой лишь для того, чтобы уничтожить человека, которого она ненавидела десять лет. Слухи плодились, несмотря на то, что судьи очень пристрастно допросили участников и доказали ее непричастность. Она была в центре процесса, хотя на следствии ее имя практически не произносилось. Ни у кого даже в мыслях не возникало желания вызвать ее в качестве свидетельницы. Тайные королевские службы представили в парламент что-то из документов, написанных ее рукой. Были найдены несколько протоколов, касающихся этих документов, которые впоследствии исчезли. Знаменитый договор о покупке ожерелья, содержащий поддельную подпись королевы, также исчез.

Если сегодня обратиться ко всем этим документам и досье, связанным с делом кардинала, становится ясно, что все уловки

судей и следователей имели лишь одну цель: избежать компрометирующих фактов, связанных с королевой. Мадам де ла Мотт, авантюристка и мошенница, разумеется, лгала больше, чем все. Она признавалась в своих мемуарах: «Ни кардинал, ни я не сказали ни слова правды; причина крайне проста — ради спасения нашей жизни мы не должны были упоминать имя королевы». Мадам упомянула также о том, что ее адвокат господин Доилот советовал ей «крайне осторожно изъясняться насчет королевы». В своем дневнике она не раз будет возвращаться к этой истории. Не стоит утверждать, будто они «ради спасения жизни» умалчивали о *многих* подробностях. О каких? Для нас это остается загадкой. Кое-что в этой истории крайне трудно объяснить. Почему, например, Роану дали время сжечь бумаги? Почему мошенницу арестовали лишь через три дня после ареста кардинала и дали возможность сбежать и уничтожить все, что казалось опасным? Почему наказание сообщников было таким легким по сравнению с тем, какие обвинения им вменялись, и почему формулировка этих обвинений менялась несколько раз в ходе процесса? Почему ювелиры показали, что Роан утверждал, будто лично разговаривал с королевой по этому поводу? Зачем кардинал сказал банкиру, что видел 700 000 ливров в руках королевы? И, наконец, зачем Мария-Антуанетта написала своему брату 19 мая: «Я не буду говорить вам ничего важного относительно этого дела, барон расскажет все лично при встрече, и в частности, я не буду останавливаться на свидании в Версале. Он сам объяснит вам причину». На все эти вопросы можно найти лишь элементы более или менее удовлетворительных ответов. Но самое главное оставалось необъяснимым. Как кардинал де Роан, дипломат, мог поддаться на такую уловку лишь в надежде вернуть расположение королевы и как он мог при этом совершить столько ошибок? «Что действительно остается невероятным, так это то, как кардинал мог стать жертвой такого обмана», — писал сам Вержен Ноаю, послу в Вене. Наивность кардинала слишком неправдоподобна. Тем не менее иной версии у нас нет, хотя и эта кажется совершенно неудовлетворительной. При дворе королева, увы, далека от того, чтобы быть вне подозрений. Все легкомыслие, которое она лелеяла в себе эти десять лет, свидетельствовало против нее. Кто знает, может быть, она действительно покупала драгоценности через посредников, втайне от короля? А свидание ночью в саду, разве это не похоже на королеву, которая так любила прогуливаться инкогнито в поздние часы? Во многих салонах Парижа дворянство, не стесняясь, явно намекало на виновность королевы.

Вот уже более двух веков это дело вдохновляет романистов, драматургов, режиссеров. Что же касается историков, то одни яростно защищают королеву, тогда как другие позволяют себе находить множество подозрительных фактов, свидетельствующих о ее причастности. Самыми уверенными утверждениями о виновности являются заметки Лакура в его предисловии к воспоминаниям господина де ла Мотта, опубликованным в 1858 году. Согласно воспоминаниям этой супружеской четы, «капризная и кокетливая Мария-Антуанетта захотела купить это ожерелье, но затем отказалась из-за отсутствия денег, однако потом пожалела о своем отказе. Кардинал де Роан убедил ее все же взять ожерелье в долг на очень выгодных условиях. Его целью было завоевать эту особу, которая уже много лет проявляла к нему явное презрение. Согласившись, королева нашла способ унизить этого человека, которого так ненавидела, обнадежив и осчастливив его своим вниманием».

Унижение Роана забавляло королеву. Уверенность в своем успехе заставила ее так низко пасть. Предаться таким гнусным интригам, разыгрывать комедию, выдавая себя за гризетку! Тем не менее королева, назначив точный день выплаты, понимала, что не сможет расплатиться за ожерелье, и чтобы не отказываться, она попросила скидку в 200 000 франков. О, радость! Они согласились на скидку, но Мария-Антуанетта должна была просить о следующей отсрочке. Ювелиры злились, и тогда Бретель, злейший враг Роана, пришел к королеве и предложил этот план: «То, что вы собираетесь сделать без ведома короля, погубит вас, если вы не погубите кардинала». Без сомнений, Роан был обречен. Если утверждения Лакура основываются на клевете, распространенной супругами де ла Мотт, то она кажется нам весьма правдоподобной. Наши сведения находятся в таком состоянии, что утверждать что-либо с уверенностью просто невозможно.

Беременность королевы подходила к концу. Как и при рождении герцога Нормандского, королева до последнего старалась скрыть начинающиеся роды, лишь для того, чтобы избежать любопытства придворных. Вечером 9 июля она родила пухленькую девочку, которую назвали Софи-Элен-Беатрис. Ее тут же окрестили в королевской часовне. Уже на следующий день королева чувствовала себя достаточно отдохнувшей, чтобы принять близких друзей. На этот раз она очень быстро оправилась после родов и сразу приняла свою сестру Марию-Кристину, прибывшую с мужем, принцем Саксонским. Мария-Антуанетта испытывала к старшей сестре какую-то странную и необъяснимую любовь, тогда как Мария-Кристина отчаянно завидовала ей. Не

зная о переписке, которую вел Мерси с ее матерью, она представляла себе, что Мария-Кристина была в курсе всех событий, благодаря брюссельской прессе. Приезд этой строгой и серьезной женщины сразу после скандала с ожерельем стал для Марии-Антуанетты настоящим испытанием. Встреча двух сестер прошла довольно холодно. Мерси пришлось приложить все дипломатические способности, чтобы смягчить напряженность обстановки. Кроме своей обычной гостеприимности Людовик XVI понял, как наладить отношения с принцем Альбертом. Оба они были большими любителями охоты, поэтому очень быстро нашли общий язык. В это время Мария-Антуанетта изо всех сил старалась не сблизиться со своей сестрой. «Устройте так, чтобы в эти дни я была очень занята государственными делами, тогда мне не пришлось бы приходить к ней, поскольку меня это страшно смущает», — писала она Мерси, устав от присутствия Марии-Кристины. Последняя, не будучи лишена чуткости, прекрасно понимала стеснение сестры. Вместе со своим мужем она ездила в Париж, так же как это делал Иосиф II годом раньше. Однако для них не устраивали ни праздников, ни ужинов в Трианоне. Обычные спектакли, визиты министра, придворные приемы вот, пожалуй, и все. Эрцгерцогиня и принц Альберт покинули Париж 28 августа. Мария-Антуанетта с большим облегчением переехала в Трианон на несколько недель. Теперь там устраивались балы, приемы, праздники. Они проходили в саду, в беседке, в оранжерее. Королева вновь вернулась к своему привычному образу жизни, к большому разочарованию Мерси.

Людовик XVI занимался прежде всего внутренними вопросами королевства, поскольку с 1776 года государство жило в долг. Дефицит составлял 10 000 000 ливров. В августе Калон отправил королю «план улучшения финансовой ситуации». Система, которую он предлагал, подразумевала, что все французы, без исключения, будут облагаться налогом. Такая мера рано или поздно повлечет за собой народные волнения. Поэтому план гораздо больше беспокоил короля, нежели финансовую верхушку. Предвидя протест со стороны парламента в ответ на упразднение многих налоговых привилегий, Калон предложил королю собрать ассамблею, состоящую из знати, финансистов и других влиятельных людей королевства, выбранных по принципу верности традиционным устоям монархии. Людовик XVI согласился с этой идеей, поскольку после одобрения реформы знатью никакое давление парламента не будет слишком серьезным. И палаты согласятся на принятие новых законов. Франция уже не в первый раз прибегала к подобным сделкам. Всем нам хорошо известна ассамблея, собранная по такому же

принципу Ришелье в 1626 году.

В первый раз Мария-Антуанетта поняла, что не все гладко в королевстве. Она осознавала, внутренне содрогаясь, что начинаются новые времена. Ее поездки в Париж сопровождались ледяным молчанием народа. Уже не слышно было криков: «Да здравствует королева!», радостные возгласы в честь монарха становились все более и более редкими. Это лето ознаменовалось ужасным событием. 19 июня королева потеряла младшую дочь, которой еще не было и года. Здоровье дофина не улучшалось, нужно быть большим оптимистом, чтобы надеяться на то, что маленькое, тщедушное создание будет жить. Королева отказывалась признавать эту ужасную реальность. Людовик XVI, напротив, впал в страшную меланхолию. Он забывал обо всех горестях лишь на охоте, ею он компенсировал все свои переживания и проблемы.

Королеву уже обвиняли во всех бедах Франции. Посреди финансового кризиса сочинители пасквилей находили все новые и новые источники вдохновения в истории с мадам де ла Мотт. Они предполагали, что «графине» удалось сбежать из тюрьмы в Англию. «Тайная переписка» утверждала, что этот обман «зародился в правительстве». Рассказывали также, что Мария-Антуанетта приказала отпустить мадам де ла Мотт. Такой ценой она якобы хотела добиться от ее мужа отказаться от публикации компрометирующих писем, адресованных его жене первой дамой королевства. Мадам де Полиньяк и Водрей внезапно уехали в Англию. Они должны были вести переговоры с господином де ла Моттом по поводу писем. Вернувшись, герцогиня нашла свои апартаменты отреставрированными, с новой мебелью, обставленные лично королевой. «Этот факт подтверждает то подозрение, что некоторые особы были втянуты в интригу, что и объясняет поведение барона де Бретеля во время процесса». В июле принцесса Ламбаль также уезжает в Лондон. Говорили о каком-то особом поручении. Она должна была что-то уладить с Калоном, который предпочел уехать за границу, получив отставку. Наконец, аббат де Вермон отправился в столицу Британии. Все эти странные поездки приближенных королевы вызывали подозрение. Многим нравилось придумывать тысячи историй, связанных с этой поездкой, кое-кто предсказывал даже второй процесс над мадам де ла Мотт.

В то время как общественность явно демонстрировала свое недовольство по отношению к королеве, сама Мария-Антуанетта решила провести реформы в своей свите; она урезала сумму на собственные расходы, которая теперь составляла 900 000 ливров. Следуя политике жесткой экономии, которую внедрял Ломени де

Бриен, преемник Калона, она проводила ряд изменений в дворцовых порядках, все эти меры были далеко не популярны среди ее приближенных, поскольку угрожали их привилегиям.

Король заболел. Чувствуя неуверенность своей власти перед нервным, нерешительным, а иногда и жестоким монархом, Ломени де Бриен искал поддержки у королевы. Она слушала его, как никогда еще не слушала ни одного своего советника. Архиепископ предложил ввести ее в состав Совета, она начала участвовать в министерских собраниях.

После роспуска ассамблеи положение ухудшилось. Министр, который хотел утвердить через парламент свои финансовые реформы, по-прежнему получал отпор со стороны знати. Но судьи, словно в отместку монархии, отказались поддерживать новую систему налогообложения и потребовали, чтобы король утвердил их особое положение в государстве. Призывая к собранию Генеральных штатов, они втайне мечтали об аристократической революции, которая бы ограничила королевскую власть. Несомненно, судьи не ожидали, что Генеральные штаты ограничат их собственную власть. Как бы то ни было, Людовик XVI проявил твердость, и судьям пришлось уступить.

6 августа Людовик XVI вызвал к себе судей, чтобы заставить их зарегистрировать новую систему налогообложения. Министр финансов, который говорил от имени монарха, напомнил им, что король является единственным «администратором своего королевства», отвергнув тем самым идею о созыве Генеральных штатов. Обсуждая принудительное решение о регистрации налога, судьи изложили свое решение, отказавшись от этой процедуры, и попросили открытия судебного дела против деятельности Калона, что означало практически обвинение самого короля. Осознавая серьезность противостояния, Ломени де Бриен предложил королю разогнать парламент. В ночь с 1А на 15 августа министры получили приказ отправиться в Труа. Волевое решение положило конец долгой борьбе парламента и монархии. Людовик XVI был уверен в своем праве на этот шаг, но никогда не был так растерян и даже испуган. Он продолжал следовать советам Ломени де Бриеиа. Впервые с момента вступления на престол его личность была так подавлена.

26 августа Ломени де Бриен был назначен первым министром, такой чести король не оказывал никому, даже своему наставнику Морепа. Столь быстрое назначение после роспуска парламента могло быть расценено как триумф абсолютизма. Не было никаких сомнений в том, что Мария-Лнтуанетта вдохновила мужа на этот шаг. Назначение Ломени де Бриеиа укрепляло в

королеве веру в свою власть. Прежде всего она хотела облегчить участь своего мужа, который нес на себе непосильное бремя власти. Король принял это решение без малейшего энтузиазма. Однако это не беспокоило королеву.

Назначение архиепископа повлекло за собой ряд министерских изменений. Сепор и Кастри оказались в немилости, поскольку не разделяли взглядов де Бриена на внешнюю политику. Это стало поводом для их отставки. Оба военных министра отказались становиться «союзниками архиепископа». Итак, пост военного министра де Бриен отдал своему брату, пост морского министра графу де Лузерну, племяннику Молезерба. Государственный советник Ламбер заменил Лорана де Вильделя. Только Бретель и Монморен оставались на своих постах. Королева не принимала никакого участия в назначениях. Она полностью положилась на архиепископа и аббата Вермона, который тоже принимал активное участие в министерских назначениях. Тем не менее ее обвиняли во всех переменах. Непопулярность де Бриена, который прослыл лютым врагом парламента, в конечном итоге падала на нее.

По всему Парижу ходили слухи и не умолкали разговоры о короле, королеве и их министрах. Бросались обвинения в непомерных тратах, которые стали причиной финансового кризиса. «Невозможно пресечь недовольные разговоры. Народ был охвачен гневом, сотни людей отправлялись в тюрьму, однако гнев становился все сильнее и это угрожало революцией — таково мнение французской полиции. Понятно, что популярность, которой лишился король, не вернется к нему никогда, сколько бы усилий и времени он для этого ни потратил», — никогда еще Мерси не изъяснялся столь печально и тревожно в своих официальных рапортах за все свои годы службы французским послом. Повсюду требовали созыва Генеральных штатов, как если бы Франция внезапно лишилась правительства.

Памфлеты и фривольные стишки стали символом того времени, и королева была их излюбленной темой. По-прежнему всплывала история с ожерельем, о которой якобы писали все английские газеты, но никому не доводилось читать этих статей. По рукам ходили даже карикатуры, на которых можно было увидеть Марию-Антуанетту, оседлавшую троянского коня вместо с бароном де Бретелем и архиепископом де Бриеном. «Не стоит бояться, они не греки», — можно было прочитать под этим рисунком. Из-под полы продавали картину под названием «Франция больна». Это было гротескное изображение королевской семьи. Подобные картинки продавались со словами: «Король пьет, королева ест, а народ кричит». В Лондоне были

выгравированы восемь портретов: Шилперик и его жена Фредегонда, Шарль IV и Изабелла Баварская, Генрих II и Екатерина Медичи и, наконец, Людовик XVI рядом с пустым медальоном. А в парижском театре публика аплодировала стихам *Атали*:

Смешай все замыслы жестокой королевы,
Изволь, Господь, изволь
И обрати весь страшный груз ошибок
В губительный конец
Для праздных королей.

Отныне имя королевы было связано с образом проклятых королей.

Когда в Художественном салоне была открыта выставка, то картину, изображавшую французов, прогоняющих англичан, после того как Изабелла Баварская отдала корону своему сыну, изъяли из страха «возникновения ненужных ассоциаций и странных намеков». Как на грех, художница Виже-Лебрен, не успевая закончить портрет королевы с ее тремя детьми, повесила пустую раму, которая оставалась незаполненной несколько дней. Свято место пусто не бывает, и в пустом проеме кто-то написал: «Вот он дефицит!». *Мадам Дефицит* — таким было новое прозвище королевы.

Глава 20. СОМНЕНИЯ

За несколько месяцев королева поняла, что стала объектом ненависти всей нации и ее муж был слишком слаб для того, чтобы противостоять оппозиции, которая отчаянно боролась с абсолютизмом. Она поддерживала во всем де Бриена, единственного человека, который, как ей казалось, был способен противостоять натиску и показать свою власть. Мерси был занят только внешними проблемами, не оказывая на нее никакого влияния в вопросах, которые касались внутренней политики, и говорил с королевой лишь о конфликтах с Турцией, Россией и Австрией, ее же они совершенно не интересовали. В надежде на укрепление альянса он старался всеми силами убедить ее в силе своего влияния.

Не имея никакого политического опыта, а также будучи совершенно невежественной в вопросах политики, Мария-Антуанетта выдерживала все испытания. Без определенных мыслей и знаний она действовала инстинктивно. Опасаясь свержения существующего строя, она готова была согласиться на политические изменения, но не на структурные и с ужасом отвергала все, что могло ослабить королевскую власть в том виде, в котором она привыкла ее воспринимать, то есть в абсолютном. Королева не читала теоретиков концепции монархической власти. Эту легкомысленную и сентиментальную женщину сильно удивило, если бы ей сказали, что абсолютная монархия по своим принципам очень близка к деспотизму и тирании. Настроенная враждебно против ассамблеи, не признающая претензий парламента — одна только мысль о созыве Генеральных штатов заставляла ее вздрагивать, она не знала, что эти институты были известны еще в древности.

С конца августа 1787 года де Бриен работал не покладая рук. Новое назначение существенно укрепило его власть. По-прежнему готовя план реставрации финансов, он подумывал о переговорах с распущенным парламентом и хотел убедить Людовика XVI согласиться с созывом Генеральных штатов. Так, думал он, мы удовлетворим желание нации и успокоим массы. Предполагаемые переговоры должны были состояться в Труа со всеми изгнанными судьями. Де Бриен отказался от одной части налоговой реформы, но решил выпустить новый заем, который улучшил бы финансовое положение до 1792 года. Финансовое положение могло стабилизироваться уже в этом году, и король обещал созвать Генеральные штаты. Парламент принял предъявленные условия. Если Людовик XVI и согласился с финансовым проектом

своего министра, все равно по-прежнему испытывал отвращение при одной лишь мысли о созыве Генеральных штатов. Де Бриен убеждал его, что подобное собрание совершенно безобидно, поскольку Франция через пять лет окончательно преодолеет финансовые трудности. Король и его министр, проводившие наедине очень много времени, приняли решение вместе, в тиши королевского кабинета. Остальные министры узнали о нем гораздо позже, без всякой возможности высказать свое мнение по этому поводу. Архиепископ легко управлял государем. «Мы подарили королю замечательного министра, и теперь надо дать возможность ему действовать», — говорила королева. И она дала ему такую возможность.

19 ноября Людовик XVI отправился в парламент на торжественное заседание, которое запечатлелось в истории этого двора.

Когда дебаты были закончены, не дожидаясь результатов голосования, Людовик XVI негромко и твердо произнес: «Услышав ваше мнение, я считаю необходимым установить заем по моему единоличному решению. Я пообещал вам созвать Генеральные штаты к 1792 году, моего слова должно быть достаточно. Я приказываю, чтобы мое решение о займе было зарегистрировано». Именно тогда герцог Орлеанский и заявил о том, что действие короля незаконно. На что король ответил кузену: «Это законно только потому, что я так хочу». «Все увидели, что герцог, которому только что указали на его место, едва сдерживал себя», — напишет Талейран несколько лет спустя. Разгневанный поведением кузена, Людовик XVI сослал его в имение.

Королева рассказывала об этом своему брату с завидным хладнокровием. Она защищала королевский абсолютизм: «Король управляет парламентом, управляет Советом и при этом ему не нужна поддержка большинства», — говорила она. Кроме того, с ее уст уже не раз срывались обвинения в адрес герцога Орлеанского во враждебности по отношению к политике Людовика XVI.

Осень в Версале выдалась на редкость скучной. Из соображений экономии было решено отказаться от поездки в Фонтенбло. Расходы двора по-прежнему сокращались. Придворные были недовольны, а фавориты не переставали жаловаться. Мария-Антуанетта уединилась в своем небольшом обществе, однако теперь уже спрашивала себя, насколько искренни остались ее друзья, когда она не осыпала их милостями. «По этому поводу иллюзии были практически развеяны, теперь это лишь приятные собеседники для королевы, — писал Мерси. — В своем сердце королева очень хотела вернуть любовь и

признание народа, который несправедливо и незаслуженно обращался с ней так сурово». Никогда еще Мария-Антуанетта не была так задета ложью и сплетнями в ее адрес. Все эти невидимые и бесчисленные враги лишили ее радости и легкомыслия. Однако теперь она была охвачена новой страстью — реформами при дворе. «Все эти реформы не имели по собой никакой теоретической основы и определенной цели. Рядом с этими бесконечными новыми правилами появлялись странные и несправедливые исключения, которые лишний раз давали повод для бесконечных интриг; в результате эти преобразования лишь усугубили ее и без того шаткое положение при дворе; сплетники и клеветники продолжали свою грязную работу. Зерно зла было посеяно, и клевета, словно буря, нарастала с невероятной силой», — говорил Мерси. Заботы и переживания сильно подействовали на короля и королеву, основательно пошатнув их здоровье. У Людовика XVI обнаружилось сильное рожистое воспаление, тогда как Мария-Антуанетта стала быстро полнеть по причине неправильного обмена веществ. При дворе прошел слух, что она беременна, этот слух докатился даже до Вены. «Если бы я была беременной так часто, как об этом говорят, то у меня было бы столько же детей, сколько у великой герцогини. На этот раз все это чистый вымысел, можете мне поверить», — ответила она брату. Недомогания взрослых в королевской семье не внушали беспокойства, тогда как здоровье дофина заставляло многих сильно переживать. Мария-Антуанетта жаловалась императору: «Хотя он всегда был слабым и худеньким, я не думала, что это закончится таким кризисом. Вот уже несколько дней у него сильный жар, он еще больше похудел и ослаб. Мне кажется, у него такой хрупкий и искривленный позвоночник». У малыша рос горб. «Я бы заплакал, если бы посмел, какой жалкий и несчастный мальчик, которого судьба искривила, словно старика. Он боится людей, как будто ему стыдно появляться перед ними», — рассказывал маркиз де Бомбель. Врачи, не имевшие достаточных знаний, чтобы определить причину столь жестокой болезни, пытались объяснить это странное состояние мальчика осложненным процессом прорезывания зубов. Вскоре был приглашен для консультации еще один специалист. Он убедил монархов, что ему удастся выпрямить спинку ребенка. Отныне дофину приходилось носить ужасный железный корсет, который лишь доставлял ему еще больше страданий. Менялась и дочь, она, казалось, теряла детское очарование. С явными признаками меланхолии, ее характер отражал положение этой маленькой особы — она удивляла всех несвойственными возрасту сухостью и строгостью. Только герцог Нормандский приносил королеве

счастье и радость. «Он сильный и здоровый, обладает тем, чего так не хватает его брату. Настоящий крестьянский ребенок. Крупный, толстячок и очень живой», — писала она своему брату. Врачи тем не менее не испытывали оптимизма по поводу здоровья этого ребенка, у которого случались «сильные истерики».

В течение той зимы Мария-Антуанетта находила утешение лишь в общении с Ферзеном. Вернувшись во Францию еще в апреле 1787 года, он разрывался между Версалем и своим полком. Практически всю зиму он провел рядом с королевой. Их связь укреплялась. Если верить графу де Сен-Присту, Мария-Антуанетта «нашла способ примирить короля с Ферзеном; она повторяла супругу все, что слышала в обществе по поводу этой интриги. Разумеется, она утверждала, что все это не более чем слухи и, как обычно, гнусные домыслы интриганов. Этот иностранец — единственный, кому она может доверять. […] Ожидая ее, Ферзей отправлялся верхом в парк, неподалеку от Трианона. Свидания, которые случались три или четыре раза в неделю, вызвали в обществе большой скандал, несмотря на скромность и сдержанность фаворита». Некоторые предполагали, что для него были устроены апартаменты, которые находились над апартаментами МариинАнтуанетты. Дневник Ферзена подтверждает это, он пишет *Жозефине* 3 марта 1787 года: «Она предложила мне апартаменты наверху, куда я могу переселиться 15 мая». 20 апреля: «Это она должна жить наверху». 8 октября: «Надо, чтобы она сделала нишу в камине; 18-го я выеду и 19-го буду в Париже, а вечером у нее; хорошо, если она отправит мне письмо около трех или четырех часов и скажет, что я должен делать». На первый взгляд весьма странно то, что шведский офицер общается с королевой Франции по поводу странных каминных сооружений! Однако следующая записка, адресованная смотрителю дворца, кажется еще более странной, она датирована 10 октября: «Королева послала за шведским печником, который делал камин в апартаментах Ее Величества, и приказывает сделать еще один во внутреннем кабинете, чтобы отапливать небольшую комнату рядом с кабинетом». Несомненно, Мария-Антуанетта собиралась построить эту печь для того, чтобы принимать любимого человека в этой маленькой комнате.

Подобные вольности не удивительны. Королева уже не раз удивляла своих придворных. Безенваль рассказывает, что в начале своего правления королева устроила для него тайное свидание, на котором обговаривались детали дуэли между графом д'Артуа и герцогом де Бурбоном. Мадам де Кампан провела барона по длинному коридору, затем по лестнице,

которая привела их в небольшую комнату, о существовании которой он узнал лишь когда стал членом ее тайного общества. «Я был удивлен не тем, что у королевы возникали всевозможные желания, а тем, как она добивалась их осуществления», — говорил он. После отъезда двора в октябре 1789 года паж д'Эзек обнаружил огромное количество небольших апартаментов, о которых он даже не подозревал. «Большинство из них были темными, — говорил он, — или выходили в маленькие пустынные дворики. Они были очень просто отделаны, почти все в зеркалах». Личная жизнь королевы казалась гораздо более интересной, чем можно было представить. Тем не менее Ферзен оставался очень скрытным в своих письмах к королю Швеции, которые он писал очень часто.

С завидным спокойствием он описывал то, что ему приходилось видеть при дворе: «Мадам де Полиньяк по-прежнему сохраняла свое влияние при дворе. Она осталась такой же, как и была, однако после отъезда Калона многие приближенные королевы лишились привилегий и былого влияния. Король по-прежнему слабый и подозрительный, он доверяет лишь королеве, более того, кажется, что именно она принимает все решения и все министры докладывают ей обо всех государственных решениях. В обществе все чаще и чаще говорят, что король начал пить, а королева пользуется этим для того чтобы подписывать все документы. Однако все это ложь». Ферзен постоянно присутствовал на интимных обедах и приемах в Версале. Он сопровождал королеву на все балы в Оперу. Правда, теперь она развлекалась гораздо меньше, чем раньше. Над столицей витали опасные слухи. Маскарады и карнавалы были словно проникнуты этим странным мрачным настроением. Королева вздрагивала лишь от одного слова о мемуарах, опубликованных мадам де ла Мотт. Их появления ожидали со дня на день, и, несмотря на все принятые меры предосторожности, никогда еще королева не боялась так сплетен и грязных стишков.

Людовик XVI был подавлен. Де Бриен уже не способен управлять ситуацией, и это еще больше угнетало короля и королеву. «Королю говорили: „В каждом уголке вашего королевства полыхает огонь“. Так оно и было на самом деле. Де Бриену понадобилось много времени и усилий, чтобы убедить короля в том, что это лишь происки врагов монархии и только страх короля может помочь им», — отмечал тогда Бомбель. Измученный и истерзанный первый министр 5 июля объявляет о созыве штатов, не уточняя даты созыва. «Внутреннее положение становится все более и более критическим, — писал Мерси императору. — Королева беспокоится о судьбе королевства

гораздо больше, чем предполагает народ, который по-прежнему считает ее виновной во всех бедах. Она становится от этого еще более неуверенной в себе, и, мне кажется, я с большим трудом могу как-то повлиять на нее».

Несмотря на все волнения и проблемы во внутренней политике, Мария-Антуанетта 15 июля переехала в Трианон. Она собиралась пробыть там месяц в своем обычном кругу. Теперь уже не устраивали ни балов, ни спектаклей. Лишь иногда довольствовались танцами на террасе и играми в мяч. Король ездил на охоту в Рамбуйе. Он обычно проводил там дневное время, но всегда возвращался к семейному ужину. 24 июля королева пригласила Тетушек на обед. В их честь, несмотря на экономию, количество блюд было удвоено. В общей сложности, было четыре вида супа, два — мясных закусок, шестнадцать — легкой закуски, четыре — горячих и шестнадцать — десертов! Полный список всех блюд займет слишком много места, правда, скучно не будет. Подобное меню стало бы серьезным потрясением для современных гурманов: обилие паштетов, котлет, баранье жаркое, индейка под соусом из зелени и чеснока, поросенок в молоке, телячьи отбивные, ветчина по-вестфальски, фаршированные яйца, залитые сметаной, и многое-многое другое…

Финансовое положение ухудшалось. В начале августа казна была совершенно пуста. На бирже с каждым днем усиливалось волнение. Чтобы восстановить потерянное доверие, де Бриен объявил о созыве Генеральных штатов 1 мая 1789 года, однако это никак не повлияло на экономическое положение и кассы по-прежнему оставались пустыми. 16 августа, находясь в экстремальной ситуации, первый министр предложил прибегнуть к срочному займу. Началась настоящая паника. Владельцы ценных бумаг кинулись к банкам и кассам, требуя немедленных выплат. Спекулянты предсказывали инфляцию. Де Бриена обливали грязью, так же как и королеву. Их обвиняли во всех смертных грехах. Людовик XVI, чувствовалось, был неспособен принять хоть какое-то решение. Ситуация обострялась. Мадам де Полиньяк, которая всегда защищала Калона, не лишала себя удовольствия покритиковать де Бриена. В начале августа она довольно решительно настаивала на его отставке, однако Мария-Антуанетта уже не злилась на подругу за ее ненависть к первому министру. Она и сама начинала думать о смене министра в надежде изменить ситуацию. Она приходила к выводу, что одним из выходов может стать возвращение Некера, человека, единственного способного спасти ситуацию, человека которому доверяли массы. Де Бриен все это понимал, он не сомневался в

том, что Некера возвращают лишь из-за тяжелого экономического кризиса. Осталось только убедить короля и Некера, что было не так уж просто. Королева поняла впервые, что может рассчитывать лишь на помощь немногих верных ей людей. Бретель был отправлен в отставку еще в июле, и поэтому Мерси казался ей единственным кто смог бы достойно провести переговоры с Некером, несмотря на то, что речь шла о сугубо внутренних делах королевства. По крайней мере, она могла быть уверенной в полной тайне этого рискованного шага. 19 августа она вызвала к себе дипломата. «Я нашел ее совершенно подавленной и растерянной, — говорил он. […] Она хотела, чтобы я помог ей в этом сложном деле, и сказала, что видя неуверенность и постоянные провалы первого министра, пришла к выводу, что для спасения страны необходимо вернуть Некера». Удивленный подобным поручением, Мерси тут же направился к де Бриену, который дал свое согласие, а затем закрылся с королем в кабинете, чтобы подготовить его к принятию этой меры ради общественного спасения. Мария-Антуанетта жила в состоянии постоянной тревоги и страха. Тем же вечером она написала Мерси, стараясь поделиться с ним своими переживаниями: «Я очень боюсь, что Некер не согласится и архиепископ останется у власти. Общественное недовольство настолько велико, что это может испугать его, и он прав, это становится слишком опасным. Но что же делать? Мы не можем принести в жертву человека, который отдал нам все свои силы, может быть, даже жизнь, потому что, боюсь, все это может убить его. […] Меня страшит, что архиепископ будет вынужден уехать навсегда, и тогда кто займет его место и возьмет на себя весь тяжкий груз власти? Это может сделать только Некер. Только он может удержать бразды правления. Человек, который стоит надо мной, не в состоянии этого сделать, а я, что бы там ни говорили, всегда лишь вторая и, несмотря на доверие первого министра, понимаю свое положение и осознаю, что очень часто он просто давал мне „поиграть во власть“. Какая откровенность! Какое признание!».

Де Бриен с облегчением вздохнул, узнав о переговорах Мерси, и попросил последнего «уговорить Некера согласиться». Ему еще не удалось победить упрямства короля, которое оставалось по-прежнему очень сильным. На следующий день Мерси провел у Некера три часа. По просьбе королевы, посол вселял в него уверенность, что все надежды возлагались на него, и только на него. Некер же сильно сомневался в происходящем, поэтому вел себя довольно сдержанно. Он отказался войти в министерство, которым управлял архиепископ. Прежде чем дать окончательный ответ, Некер попросил два дня на размышление.

Мария-Антуанетта не могла поверить: ее план сработал. В первый раз она приняла важное политическое решение, и в первый раз она действовала вместо короля. В эти тяжелые времена Людовик XVI словно отстранился от правления страной. Сам того не осознавая, он возложил всю власть на королеву, которая была совершенно не готова нести этот груз. С отъездом де Бриена у Марии-Антуанетты было впечатление, что она потеряла единственную опору. Королева стала жертвой одиночества, которое усиливалось ее нежеланием управлять королевством. Ее одолевали тяжелые предчувствия, вечером 25 августа она написала Мерси: «Архиепископ уехал. Я не могу передать вам, каким тяжелым был для меня этот день. Понимаю, что это вынужденный шаг, но боюсь, что он повлечет за собой несчастья, которые будут связаны с парламентом и Генеральными штатами. Я только что написала Некеру и пригласила его завтра к десяти часам для переговоров. Больше нет сомнений; если завтра он согласится на эту должность, это будет самое лучшее. Это так важно. Я дрожу от мысли, что я сама пригласила его вернуться. Моя судьба будет несчастной, я знаю; и если он не сможет улучшить ситуации и повлиять на короля, если он не возьмет на себя всю силу и полноту власти, меня будут ненавидеть еще больше. Я боюсь, что нам придется назначить его премьер-министром. Самое главное, чтобы Некер это осознавал». 26 августа Некер получил аудиенцию у короля, которая прошла в присутствии королевы. Впервые Людовик XVI попросил свою жену присутствовать при официальной беседе с министром. Приглашенный на должность управляющего финансами, Некер был на второй день назначен государственным министром. Это позволяло ему присутствовать на всех советах.

Людовик XVI не назначил первого министра, все его функции выполнял Некер. Его задача оказалась гораздо более сложной, чем он мог себе предположить. Ему нужно было не только урегулировать финансовые трудности, но и подготовить страну к созыву Генеральных штатов. «Найдя слишком поздно человека, единственного, который мог вернуть страну к нормальной жизни, он наделил его столь трудными обязанностями, что те просто пугали его», — писал Мерси.

Кризис приобретал такие масштабы, о которых монархи и не подозревали. Финансовые проблемы отходили на второй план. И настоящие дебаты разворачивались насчет политического режима. Этим была охвачена вся страна. В трактирах, клубах, салонах только и говорили, что о новой конституции, которая должна была разрушить деспотизм и устранить все привилегии. Если до этого момента патриоты и парламентарии были едины в

своем желании созвать Генеральные штаты, то теперь они спорили о роли и задачах этого собрания. Парижский парламент, а также большая часть знати настаивали на том, чтобы штаты были созваны по образцу собрания 1614 года. Это означало, что количество депутатов третьего сословия будет весьма скромным, однако они соглашались с правом третьего сословия на голосование. Либеральная знать и буржуазия мечтали об ассамблее, способной произвести реформы, которые сделают Францию демократической страной, страной, о которой философы мечтали еще в прошлом веке. Желая примирить патриотов и знать, Некер убеждал короля в необходимости создания новой ассамблеи для решения этой важной проблемы.

Король выжидал, по-прежнему надеясь на поддержку духовенства и знати, которые тем не менее хотели ограничить власть монархии. Он не испытывал никакой нежности по отношению к третьему сословию, и тем более их требованиям на права, которые становились все более настойчивыми. Как обычно, он колебался. Некер советовал ему не считаться с мнением принцев, которые не выражали мнения народа. Людовику XVI нужно было противостоять принцам, чтобы вернуть свою популярность, в которой он так нуждался. Для него все это сводилось к увеличению количества депутатов третьего сословия в Генеральных штатах, и ничему больше. Он даже не ставил вопроса о праве на поголовное голосование.

Прежде чем принять решение, он решил собрать особый совет, в котором участвовали в первую очередь его жена и братья. До сих пор Мария-Антуанетта довольствовалась лишь тем, что заседала в министерском комитете, не принимая никаких решений. «В таком противоречивом союзе королева вела себя очень мудро, сохраняя при себе свое мнение и избегая очевидной поддержки одной из сторон», — писал Мерси императору. На этом совете 27 декабря 1787 года она не произнесла ни слова, но одобрила решение удвоить количество депутатов третьего сословия, что вызвало большое недовольство ее родственников. Так же как и се муж, она уступила требованиям министров, которые, как ей казалось, обеспечат будущее монархии.

Глава 21. 1789

Никогда еще Мария-Антуанетта не чувствовала себя так одиноко, как в начале 1789 года. Большинство се современников, начиная с Мерси, видели в событиях прошлого года начало ужасной революции. С момента отставки Ломени де Бриена, королева понимала, что ни на кого из своих друзей она не могла положиться. Время шло, и теперь уже неоткуда ждать помощи. Аббат Вермон настаивал на том, чтобы она рассталась с герцогиней де Полиньяк. Подруги несколько раз даже ссорились. Прекрасно осведомленная о том, какие меры предпринимает аббат, чтобы разлучить их с королевой, герцогиня попросила королеву защитить се. Однако королева «обращается довольно сухо со своей подругой». По словам Бомбеля, отношения между ними были близки к разрыву. Королева тем не менее удержалась от разрыва с мадам де Полиньяк прежде всего потому, что над ее собственной головой нависла угроза и ей нужно было найти укрытие и защиту у своей подруги.

Отношения в королевской семье также не отличались теплотой и любовью. Принцы становились на сторону патриотов, а граф д'Артуа выступал, как защитник знати. Однако все они, не колеблясь, противостояли королю, когда все трое собирались вместе. Мария-Антуанетта грустно заключала, что Людовик XVI не осмеливается предстать перед своими братьями как властный монарх. Королева всегда испытывала большое недоверие по отношению к родственникам со стороны мужа. Отношения придворных к ней стало намного более подозрительным, они словно наблюдали за ней. Вот уже несколько месяцев при дворе распространялся странный слух. Говорили, что брат короля еще на первом заседании ассамблеи представил досье, которое доказывало незаконность детей Людовика XVI. Формальных доказательств не было, а потому на эту тему говорили лишь в полголоса. Шептались даже о возможной ссылке королевы в Валь-де-Грас. Тетушки предложили своему племяннику выслать ее назад, в Вену. Для некоторых апологетов старого королевского двора это мера рассматривалась как «единственное и последнее лекарство, способное излечить страну от ненависти». Многие хотели убедить Людовика XVI в том, что Мария-Антуанетта «увезет с собой проклятье и ненависть народа, и ее отъезд вернет королевской власти силу и мощь». Однажды в лесу друзья короля по охоте обнаружили его сидящим па траве и читающим пасквильные письма против королевы. Однако все попытки разлучить короля и королеву лишь сближали их еще больше.

Людовик XVI по-прежнему был искренним и правдивым с королевой.

«Знаете ли вы женщину, которая была бы более несчастна, чем я?» — спрашивала она у графа Эстергази, которого считала своим близким другом. «Можно себе представить, насколько эта добрая и милая женщина должна страдать, — писал Бомбель. — К сожалению, трудная задача — доказать ей, что большинство подобных страданий всегда сопутствуют роли королевы Франции. Ее собственное самолюбие ослепило ее, и чувствуя свое превосходство над королем, она посчитала, что вправе поставить себя выше обстоятельств и даже выше собственной роли. Ее желание помочь брату разрушило образ королевы для нации, которая хотела и должна была считать ее идолом. Вполне возможно, что императрица, которую королева боготворила, изначально старалась воспитать в своих детях чувство власти и превосходства. Однако чтобы сбылись все ее проекты, ей нужно было воспитать в се детях серьезность, решимость перед опасностью, мудрость в принятии решений, умеренность в делах, последовательность в планах, ловкость в поведении и, наконец, уважение к иностранцам. Когда хотя бы половина всех этих качеств не присутствует в характере женщины, ей лучше развить в себе любовь и уважение, благовоспитанность и религиозность, качества, угодные Богу». В начале года королева стала все меньше и меньше вмешиваться в общественные дела. По-видимому, ничего не могло изменить ее образа жизни. Она все чаще и чаще проводила вечера у мадам де Полиньяк, мадам д'Оссен, графини д'Артуа. В сопровождении фортепиано она пела плохо поставленным голосом арии Дидоны, Армиды, Химены, вызывая маленькое общество на аплодисменты. Она не отказывалась и от тура вальса, игры в лото, спектаклей и представлений. Мария-Антуанетта наносила в Медоне визиты своим тетушкам, которые ненавидели ее. Однажды она долго играла там с маленькой Адель д' Осман, будущей графиней де Буан, которая получила в подарок от мадам Аделаиды великолепную куклу. Для карнавалов королева готовила своим детям красивые маскарадные костюмы, ее часто видели у герцога Нормандского, а также у своей дочери.

В ноябре 1788 года Ферзей вернулся во Францию после нескольких месяцев войны в Финляндии, в армии Густава III. Все это время, когда он был вдали от своей королевы, он писал сотни писем «Жозефине», об этом свидетельствует его личный дневник, с большим нетерпением ждал курьеров из Версаля. И снова зимой 1788–1789 года он разрывался между Версалем и полком.

Беспокойство королевы лишь еще больше подтверждало для некоторых необходимость меры, которая приближала день созыва

Генеральных штатов. Она старалась скрыть свое волнение, чтобы поддержать волю и решимость короля, настроенного очень жестко, который, однако, по-прежнему опасался этого критического момента. Наставления Мерси не могли успокоить и убедить ее. В Версале, говорил он, «представляют этот факт, как ужасное бедствие, пророчат даже, что оно станет началом ужасного конца для всего королевства». Посол, не колеблясь, говорил о «революции, которая готовилась против монархии». Франция вступила в страшную предвыборную прелюдию этого необычного собрания. На улицах теперь можно было услышать самые свободолюбивые высказывания. По всей очевидности, народ с нетерпением ждал изменений. Не вдаваясь в подробности всех этих преобразований, можно отметить, что большинство, которое, впрочем, еще проявляло уважение к своему монарху, хотело ограничить его власть. И король и королева по-прежнему думали, что Генеральные штаты, затронут лишь экономические проблемы, проблемы финансового кризиса, а также изменения налогового законодательства. Ни один, ни другая не могли себе представить изменений, которые назревали во Франции.

Помимо финансового кризиса, который обрушился на Францию, королевство было ввергнуто в небывалый экономический кризис. Все это лишь усиливало народное негодование и могло привести к еще одному, уже политическому кризису. К концу 1788 года знать и духовенство, ведомые за собой третьим сословием, окончательно утвердились в своем намерении бороться с абсолютизмом. Экономический кризис поднял народные массы на борьбу, и все это король с королевой не осмеливались назвать революцией.

Королева сопровождала супруга на открытие Генеральных штатов, которое должно было состояться в зале Мешо-Плезир. Этот зал уже не раз служил местом для заседания ассамблеи. Депутаты прибыли к девяти часам, однако до полудня им пришлось ждать, пока король займет свое место на возвышенном троне из голубого велюра, украшенного золотом. Кресло, которое стояло рядом, предназначалось королеве. Король говорил мало, но очень твердо. К большому разочарованию третьего сословия, обсуждение финансовых проблем и государственного долга стало единственной темой, которую король затронул в своем коротком выступлении. Прежде чем окончить его, он высказал свое недовольство «желанием депутатов изменить политическую систему». После короля слово взял министр финансов. Он довольно долго распространялся на отвлеченные темы, упоминая о необходимости налоговой реформы, пообещал собранию, что правительство сможет обсудить вопрос о свободе прессы для

общественного спокойствия. Так же как и Людовик XVI, в конце своей речи он назвал желания депутатов третьего сословия как опасные инновации. Все с нетерпением ждали выступления Некера. Какое ужасное разочарование для его защитников! Главный финансист страны долго распространялся о технических проблемах управления бюджетом, говорил также о налоговой реформе. За все два часа своей речи он ни разу не упомянул слово «конституция». Он также не упомянул о проблеме голосования. Когда он закончил свою речь, депутаты знали лишь то, что их приглашают собраться, чтобы обсудить права. Король покинул зал заседания в полной тишине. То подчеркнутое безразличие, которое он на публике демонстрировал по отношению к королеве, стоило последней легких аплодисментов. Она отблагодарила их грациозным реверансом.

Несмотря на то, что Некер вел себя крайне осторожно, его противники не сложили оружие. Самым ожесточенным из них был Ожар, один из приближенных королевы. Он не признавал не только политических идей Некера, но и критиковал с такой же ожесточенностью все его финансовые предложения. После заседания 5 мая он направил два рапорта графу д'Артуа и старому придворному хитрецу д'Арнувилю. И один и другой посоветовали ему изложить все свои мысли в письме королеве, что тот не осмеливался никогда делать.

Мария-Антуанетта сразу же углубилась в чтение писем в присутствии автора. В действительности это были два проекта речи, которую король мог произнести перед депутатами. Первая весьма толково была направлена на обсуждение проблемы финансов. Он предлагал, чтобы Людовик XVI раскрыл планы Некера. «Средства, которые предлагает мой министр, чтобы погасить годовой долг, могут быть хороши в любое другое время, но они ничего не дадут в этом году, а тем более в следующем», — должен был сказать он. Он также поднимал вопрос о создании бумажных денег, временных, которые помогли бы «преодолеть все долги». Во второй речи король собирался объявить о создании провинциальных штатов, по образцу штатов Бретани, в которых каждый субъект имел собственный парламент. Такой должна была стать политическая реформа, которая носила лишь юридический характер и с помощью которой Генеральные штаты лишали себя всякого будущего. Однако этот пункт для Ожара был основным, который с тревогой предвидел те претензии, которые могут предъявить депутаты. «Неужели вы думаете, что Некер хочет обмануть нас?» — спросила королева своего секретаря. «Я не знаю, мадам, имеет ли господин Некер подобные намерения, но я уверен, что он ошибается сам: а для государства это одно и

то же», — ответил он. «Как! Господин Некер заставит нас играть по своим правилам?» — «Мадам, я не хочу пугать вас: у Вашего Величества будет, по крайней мере, шанс, но у других его нет». «Глупости! Что вы говорите?» — «Истинную правду». — «Я очень сердита на то, что вы показали это письмо моему брату д'Артуа». — «Но почему, Мадам? В семьях, когда случается несчастье, все собираются и поддерживают друг друга, даже когда речь идет о небольших стычках с родителями». — «Я не хочу сказать, что наш брат, граф д'Артуа, не любит нас, но он толкает на действия, которые приведут всех нас к краху», — ответила королева и разрыдалась.

Разговор не убедил королеву. Она сказала о своих сомнениях королю, который вообще не придал им значения. По поводу переговоров Ожар встретился с Тарже, депутатом от третьего сословия, и с самодовольным видом заявил, что располагает средством, с помощью которого можно преодолеть финансовый кризис, «не прибегая к займу, налогам, банкротствам, а также не прикасаясь к собственности граждан». На весь этот пафос Тарже ответил, что финансовый кризис в конечном итоге удачная находка, потому что «сегодня мы можем с его помощью подчинить себе короля». Убежденный в том, что в стране зреет заговор против королевской власти, Ожар снова попросил аудиенции у королевы. Он напомнил ей о том «монстре», которого нужно было победить любой ценой, пока не поздно. И предложил план: король должен был уехать вместе с семьей в Компьен и перевести Генеральные штаты в Суассон, а парламент в Нойон. В Компьене Людовик XVI соберет отряд из тридцати тысяч человек, обеспечив свою безопасность. При малейшей выходке Генеральных штатов он может, не колеблясь, судить их за преступление против короны. Небольшая речь, произнесенная столь взволнованно, в глубине души потрясла королеву, которая по-прежнему не была ни в чем уверена. На самом же деле заседание Генеральных штатов не начиналось из-за распрей между депутатами третьего сословия и депутатами со стороны духовенства и знати. Высказав свою волю собрать вокруг себя знать и духовенство, чтобы образовать настоящее Национальное собрание, депутаты третьего сословия предложили сделать подтверждение власти общим для всех сословий. Знать и духовенство отклонили эту идею, время проходило в жарких дискуссиях, которые правительство не могло остановить. Не желая ущемить права первых двух классов, король и королева понятия не имели, какое средство применить для удовлетворения амбиций третьего сословия, которое претендовало на Vox populi (глас народа). Беспокойство и недоверие Их Величеств возросло,

особенно, когда они увидели, что Некер поддерживает, хотя и весьма скромно, третье сословие.

Не понимавшая всех течений и направлений, которые росли как грибы после дождя при дворе, неспособная осознать желание своего народа в момент, когда экономический кризис перерастал в кризис политический, Мария-Антуанетта не могла осмыслить желания третьего сословия. Однако идея, предложенная Ожаром, которая, по сути, была направлена против монархии, не могла оставить ее равнодушной. Это столь простое объяснение всем трудностям было одновременно успокаивающим и ужасающим. Королева начинала обдумывать этот план. Тем не менее в тот момент, когда на нее обрушился народный гнев, она открыла еще один оплот против себя, в непосредственной близости от нее, аристократический оплот, возглавляемый графом д'Артуа. Членами его были принцы крови. Если она и разделяла их ненависть по отношению к претензиям третьего сословия, то их концепции королевской власти в корне различались. Она знала об их мечте возвратить монархию, которая бы регулировалась советом аристократии и знати. Ее размышления, которыми она поделилась с Ожаром по поводу действий графа д'Артуа, весьма показательны с этой точки зрения. С одной стороны, она отказывалась от того, что Людовик XVI делал значительные уступки большинству, и с другой — не могла принять раздела власти с принцами и аристократией. Так же как король, королева не знала, к какой партии ей стоит присоединиться.

В это же время умирал дофин. Вот уже несколько месяцев врачи не надеялись спасти несчастного ребенка, лицо которого было искажено от переносимых страданий. Малыш знал, что умирает, и стойко переносил свои муки. И что бы ни происходило вокруг королевы, не было ничего, что могло бы заставить ее забыть об этом горьком ожидании, которое лишь усугубляло и без того тяжелое положение. Мадам де Кампан утверждает, что дофин, который находился под присмотром герцога и герцогини д'Аркур, чувствовал настоящее отвращение к мадам де Полиньяк, и эта неприязнь распространялась даже на королеву: «Мальчик в ее присутствии только молчал». Врачи запретили Марии-Антуанетте приносить ему сахар, как она это обычно делала. «Мне не по силам выразить ту физическую боль, которую испытывает бедный ребенок, к тому же он видит, что его мать гораздо больше любит герцога Нормандского, ведь он так и пышет силой и здоровьем, а то что происходит со старшим сыном, повергает ее лишь в легкую печаль», — продолжала мадам де Кампан. Некоторые историки, наоборот, рассказывают нам о

необыкновенной нежности маленького принца к своей матери, и что незадолго до смерти он попросил принести все блюда, которые она любила, и они ели их вместе.

Каждый день король с королевой приезжали к сыну в Медон. Королева была рядом с ним и в страшные минуты агонии. Он умер 4 июня в 12.45. В Версале монархи скрывали свое горе весь день. Господин де Вильдель, министр королевского двора, объявил маленькому герцогу Нормандскому, что он стал дофином. Так же как и его сестра, мальчик расплакался. При дворе говорили, что здоровье этого ребенка было таким же слабым, как и у покойного дофина. Причиной этим разговорам служили частые нервные приступы, которые были похожи на приступы эпилепсии.

Согласно этикету, родители покойного ребенка не присутствовали на похоронах, которые проходили в присутствии его гувернеров, герцога и герцогини д'Артуа. Согласно древнему обычаю, гроб, в котором покоился Людовик-Иосиф, был обит серебристым драпом. Ждали принцев, депутатов Генеральных штатов, а также представителей монархов, которые должны были окропить тело святой водой. Король отказался от церемонии в церкви Сен-Дени, чтобы не вызывать дополнительных расходов, а также чтобы избежать ссоры между представителями его и Генеральных штатов. Он приказал отслужить тысячу месс за упокой души его сына. Поскольку не знали, где достать деньги, король решил, что воспользуется придворной серебряной посудой…

Седьмого июня соболезнования королеве принесли придворные. В черных платьях, черных перчатках, вся «эта черная вереница молча проползла перед королевой».

12 июня тело дофина было перевезено в Аль-де-Грас. На следующий день в 8 часов вечера, согласно обычаю, принц Конде сопровождал тело в Сен-Вени, где оно было принято монахами и помещено в склеп после скромного отпевания. Король и королева по-прежнему оставались в Версале. Убитая горем, королева начала страдать бессонницей. Она ложилась все позже и позже. «Вечером она сидела посреди комнаты, — рассказывает мадам де Кампан, — и тут произошло ужасное предзнаменование, которое касалось королевы, и она заметила его: на ее столике всегда стояли четыре свечи, первая погасла сама, я вновь зажгла ее, вскоре — вторая, затем третья тоже погасла; тогда королева схватила меня за руку и, дрожа от страха, сказала: „Страшное несчастье грозит мне, и если четвертая свеча погаснет, как и все остальные, ничего не сможет предотвратить это“. Четвертая свеча погасла».

На следующий день весь двор уехал в Марли на похороны дофина. Политическая действительность не давала ни королю, ни королеве времени на то, чтобы погрузиться в свое горе. Депутаты третьего сословия очень настойчиво желали исполнения своих требований. 13 июня депутаты третьего сословия в последний раз предложили другим классам присоединиться к ним. Трое кюре последовали их призывам, и прошел слух, что многие другие готовы присоединиться к ним. Некер в карете по дороге в Марли читал проект декларации, которую он подготовил для короля, чтобы урегулировать этот вопрос. Королева, будучи осведомленной, вызвала к себе Некера сразу после его приезда в Марли. Она выказала неприятие этого проекта, однако Некер решил не уступать, настаивая на том, что объединение всех трех сословий имеет общенациональный интерес. Твердое решение депутатов третьего сословия заставило правительство принять важные решения. Подавленные король и королева узнали 17 июня, что третье сословие, к которому присоединилось около 20 представителей духовенства, провозгласило себя Национальным собранием. В Марли царила напряженная обстановка.

18 июня, когда духовенство объявило о своем воссоединении с третьим сословием, в Марли состоялся внеочередной Совет, па котором присутствовали только министры. Разъясняя свои планы, о которых он уже докладывал королеве, Некер представил теперь их королю и своим коллегам. Он посоветовал Людовику XVI объединить депутатов всех трех классов. Однако ему следовало напомнить о создании особой палаты. В то же самое время следовало пообещать уравнивания в налоговой политике таким образом, чтобы все граждане платили одинаковый налог государству. Речь шла о настоящей революции.

19 июня Людовик XVI собрал своих министров в отсутствие Некера, который вынужден был остаться в Париже, поскольку его невестка была при смерти. Отношение короля, который на первый взгляд одобрял проект Некера, позволяло думать, что последний его уговорил, однако во время этого совещания Мария-Антуанетта «предупредила короля о своей просьбе встретиться с ним. Это вмешательство крайне удивило всех членов Совета. Король отсутствовал около часа, и, после того как он вернулся, в его поведении замечалось явное беспокойство, — рассказывал Сен-Прист. — Гораздо позже мы узнали, что королева вместе с графом д'Артуа напали на короля, заставив его отклонить этот проект и добившись от него обещания, что никакие решения в данный момент приниматься не будут». Министры расстались, так ничего и не решив. Король вновь собрал министров уже в Версале, 21 июня.

20 же июня возмущенные проявлением власти со стороны короля депутаты собрались в зале для игры в мяч и дали друг другу знаменитую клятву, согласно которой они разойдутся лишь после того как подарят Франции конституцию.

Атмосфера, в которой открылся Совет 21 июня, где присутствовали королева и братья короля, была достаточно тяжелой. Некер должен был предстать перед коалицией королевской семьи и министров, которые обвиняли его в пособничестве третьему сословию. Тем не менее было решено, что король выступит перед гремя сословиями, чтобы изложить им свою волю. На самом деле Людовик XVI переделал декларации Некера, по совету одного из своих секретарей. Некер узнал об этом и вовсе не появился на заседании 23 июня, дав таким образом сигнал контрреволюции.

Людовик XVI обратился к Генеральным штатам. Он начал с бичевания депутатов третьего класса, которые провозгласили себя Национальным собранием. Он объявил их решения «незаконными и неконституционными». Тем не менее король согласился принять некоторые свободы, как, например, свободу печати. Не настаивая на своем решении об уравнивании налогов, король надеялся на то, что духовенство и знать с этим согласятся. На самом же деле Людовик XVI хотел сохранить всю государственную систему без изменений. Таким образом, классовое деление должно было остаться нерушимым, никто не поднимал вопроса об уравнивании прав всех граждан. Что касалось голосования в штатах, этот вопрос претерпел ряд изменений. В конце концов Людовик XVI согласился на то, что некоторые вопросы будут голосоваться поголовно, а не посословно, как было принято. Это отныне будет называться революцией. Был ли он искрен? Были ли его уступки спровоцированы силой и угрозой, или они явились проявлением его собственной воли? Вопрос мог возникать лишь до 27 июня, когда он отдал приказ собрать войска под Парижем.

Вернувшись во дворец, король был встречен многочисленной толпой, обеспокоенной отсутствием Некера на последнем заседании. Его отсутствие, как спущенный курок, спровоцировало бунт в Версале. Людовика XVI это совершенно не удивило, как и то, что у себя на столе он нашел прошение об отставке. Отставка стала бы для него облегчением, если бы не манифестации на улицах. Убежденные в том, что толпа разойдется, король и королева решили подождать, прежде чем предпринимать какие-либо действия. После обеда толпа стала еще больше, она была уже во дворе и в галереях дворца. А в это время из зала заседания слышались возгласы депутатов третьего сословия, которые

отказывались покинуть зал, как им приказывали. В Собрании беспокойство усилилось, поскольку «всем было известно, что существовал заговор, во главе которого стояли граф д'Артуа, принцы Конде и Конти, а также господа Люксембург и Кони, яростные враги общественных свобод», — писал очевидец.

К шести часам вечера Мария-Антуанетта, сильно обеспокоенная, вызвала к себе министра и сопроводила его к королю. «Король, — рассказывал Некер, — пе проявлял никакого неудовольствия, однако он попросил меня отказаться от решения покинуть министерство, он был при этом столь настойчив, что я уступил его воле. То волнение и напряжение, которое царило в Версале, не позволило мне колебаться». Этот день оказался триумфальным для министра. 24 июня большинство депутатов духовенства присоединились к депутатам третьего сословия, а 25 июня 47 депутатов знати последовали тому же примеру. 27 июня король попросил «духовенство и свою верную знать» присоединиться к третьему сословию. Король и королева уступили народному давлению. Смирились ли они с революцией или готовили контрреволюцию?

Никогда еще королевская чета не испытывала подобного ужаса. «С 23 июня до 27 июня все словно потеряли голову, и это не было лишено оснований, поскольку одновременно навалилось столько бед и угроз: и опасность голода, и банкротство, и гражданская война, — писал Мерси Кауницу. — Двор уже подумывал об утверждении своих прав, что было не так просто, видя передвижение войск, которое было прекрасным доказательством их волнений. Если бы Некер ушел в отставку, как он предполагал, или граф д'Артуа и его приближенные осуществили свой нлаи и арестовали бы этого министра, несомненно, во Франции разразился бы невиданный бунт, гибельный для монархии. […] Теперь, когда, наконец, Собрание объединилось, король правит в скорее иллюзорном, чем реальном спокойствии; напряжение и неприязнь, которые царят в Собрании, приведут к тому, что по каждому вопросу будут разгораться ожесточенные споры». В присутствии короля, который сомневался во всем, принцы, министры и все придворные могли полагаться только на королеву. Сторонники революции, как, впрочем, и контрреволюции, надеялись на нее. «В таком бедственном положении» Некер, Сен-Прист и Монморен, зная о влиянии, которое Мерси может оказать на королеву, просили его играть роль посредника «между королем и министрами». Мерси, однако, имел весьма пессимистические прогнозы на будущее французской монархии. «В данных обстоятельствах, когда невозможно было сделать то, что могло бы

предотвратить плачевный исход, невозможно также иметь определенное мнение, воспринятое как совет или руководство к действию», — говорил Кауниц. Он довольствовался тем, что «заставил королеву заметить, насколько она была впутана в интриги, и что люди, которые вились вокруг нее в такой момент, не заслуживали доверия». Он посоветовал ей выждать время.

Но королева уже сделала свой выбор. В надежде умерить ненависть графа д'Артуа к себе, она начала тайно способствовать контрреволюции. Несмотря на свою осторожность, при дворе, где царила полная неразбериха, она «позволила себе слишком эмоциональные высказывания и поведение против министра финансов», — писал Мерси. По словам Сен-Приста, Мария-Антуанетта «сразу же после 23 июня решилась бы на то, чтобы снова его свергнуть и назначить нового». Однако, выжидая время, она продолжала сотрудничать с Некером. Зная ненависть принцев, чувствуя недоверие со стороны короля и королевы, Некер снова предложил Людовику XVI уйти в отставку, который отказал ему. Большинство придворных утверждали, что они совершили ошибку, созвав Генеральные штаты. По словам Бомбеля, «страх чувствовался и в поведении короля и королевы». Однако теперь, убежденный горячими порывами жены и братьев, король решился на государственный переворот, пока в стране не разразилась революция. «Несмотря на свою нерешительность, на слабость своего характера, король хотел абсолютной власти, он никогда не откажется от тех завоеваний, которых добился предок Людовик XIV», — писала мадам де Сталь. Это предполагало отставку Некера, а также всех остальных министров, которые поддерживали его, создание нового кабинета министров, состоящего из сторонников абсолютизма. Роспуск депутатов выглядел бы как следствие министерских изменений. Подобный план нельзя было осуществить без поддержки армии. Так, Людовик, без ведома Некера, 27 июня вызвал к себе старого маршала де Брольи. А уже 30 июня назначил его маршалом королевских войск. Теперь военные полки начали стягиваться под Париж.

В это время депутаты продолжали свою работу, усиленно наблюдая за передвижениями войск вокруг Парижа. 8 июля, по предложению Мирабо, одного из наиболее влиятельных ораторов, Собрание потребовало от короля вывести иностранные полки из предместий Парижа. На следующий день, 9 июля, Собрание провозгласило себя Учредительным. Надг депутатами нависла далеко не призрачная опасность. Решение об отставке Некера было тайно приостановлено 8 июля, это было итогом нескольких совещаний комитета, которые проходили в Версале в те дни.

Несмотря на то, что формирование войск не было окончено, Людовик был готов действовать. 10 июля он объявил Собранию, что войска были собраны лишь для защиты. 11 июля он все же выслал Некера, попросив его тайно покинуть Францию во избежание неприятных инцидентов. Монморен, Сен-Прист были также отправлены в отставку. Людовик XVI вызвал Бретеля. 13 июля он начал формировать новое министерство с ла Вогийоном в должности министра иностранных дел и маршалом де Брольи в должности военного министра. Он хотел поручить пост морского министра маршалу де Кастри, но тот отказался.

12 июля Собрание, пораженное и подавленное назначениями, отреагировало довольно эмоционально. Париж был на грани мятежа, но королева, а вместе с нею и весь двор праздновали победу. Молодой шевалье де Шатобриан только что прибыл в Версаль, чтобы представить двору свои творения. «Остались еще люди, которые приходят в сады, к фонтанам, гуляют в парках посреди этого полного развала империи, — писал он в мемуарах. — Мария-Антуанетта взглянула на меня с улыбкой, которая означала милостивое приветствие; я видел как она проходила после мессы со своими двумя детьми. Она уже назначила день моего представления». Шатобриан, который уже видел Марию-Антуанетту год назад, нашел ее «цветущей и жизнерадостной». После обеда король и королева поехали приветствовать вновь прибывшие иностранные полки. «Все офицеры до последнего были представлены высочайшим особам», — докладывал Сальмур, министр Саксонии. 13 июля был организован праздник в их честь. Королева, граф д'Артуа и мадам де Полиньяк принимали участие в этом празднике. Американский губернатор Моррис писал, что они «провели весь день, разъезжая из полка в полк и осыпая их почестями». Королевская семья и двор наслаждались тем, что отныне парижские беспорядки и Национальное собрание были не более чем ничего не значащие события.

Однако триумф аристократов продолжался недолго. В столице и в Собрании возникли самые что пи на есть печальные слухи. «Ввод войск, вместо того чтобы внушить страх, лишь еще больше усилил злость и ненависть, которые уже несколько месяцев неудержимо росли», — писал Сальмур. Дипломат считал, что одним из зачинщиков контрреволюции был не кто иной, как советник д'Эпременсниль: «Согласно его плану, нужно было распустить Генеральные штаты, арестовать нескольких членов, наиболее активных, и обвинить их в государственной измене, а также в преступлении против короля. […] То, что должно было показаться наиболее необычным, так это публичное обвинение

преступников и их публичное наказание». Если бы подобный контрреволюционный план сработал, то в стране неминуемо разразилась бы гражданская война. К тому времени многие люди уже покидали Париж, чтобы найти убежище в небольших деревнях или за границей.

Дальнейший ход истории известен всем. Париж восстал, и Бастилия была взята. Тем не менее двор узнал об этом событии лишь вечером 14 июля. Сначала казалось, что король и королева не осознают всей важности и опасности случившегося. Но мало-помалу Людовик XVI начинает понимать, что речь идет не об обычном бунте, вроде тех, какие он с легкостью подавлял. В надежде вернуть спокойствие Его Величество отправляется в Собрание объявить о том, что войска будут отозваны. Депутаты, которые в большинстве своем были поражены жестокостью народного гнева, победоносно сопровождали монарха. Королева не была уверена в успехе подобного демарша. Однако крики: «Да здравствует король!» развеяли ее страхи, и она вышла на балкон, держа на руках дофина и маленькую принцессу. Королева плакала. Ей рукоплескали.

Аплодисменты никоим образом не убедили ее. Как раз наоборот. Она думала только о том, как убедить короля покинуть Версаль и уехать ближе к границе. Однако даже самые отчаянные защитники монархии видели в этом поступке крайний шаг для монарха. План об отъезде обсуждался при дворе на заседании Совета 16 июля. Граф Прованский уверенно советовал брату остаться в Версале, тогда как граф д'Артуа умолял его уехать. Королева уже собрала свои бриллианты, сожгла все письма и полностью поддерживала графа д'Артуа. Маршал де Брольи, пораженный силой революционного движения, полностью потерял способность сражаться и управлять войсками. Король выслушал то, что представлялось ему голосом разума. Он решил остаться. Мария-Антуанетта ушла с Совета в слезах.

Должно быть, Людовик XVI впоследствии горько сожалел об этом решении. «Я знаю, что упустил момент, и это было 14 июля», — скажет он Ферзену в 1792 году.

Невероятный ужас охватил короля и королеву. После 14 июля возник черный список. Он включал в себя графа д'Артуа, де Бретеля, Брольи и Безенваля. За голову королевы назначена награда! Версаль охвачен страхом. Король предлагает младшему брату бежать за границу. Королева убеждает в том же Полиньяков, герцогиню де Гиш, графиню де Поластрон, Водрея и аббата Вермона… Вечером 16 июля и на следующий день на рассвете все они уехали. Ком в горле вызывало прощание королевы со своей подругой. Королеве очень хотелось

расцеловать подругу, однако за ней следили множество глаз; она вынуждена была сдерживать свои чувства. Водрей подошел попрощаться с ней и нашел ее «бледной, грустной и исхудавшей». «Водрей, вы были правы, Некер — предатель, мы погибли», — сказала она ему со слезами. Людовик XVI отправил Бретеля и новых министров, так же как и старых. Им приказано было немедленно оставить Францию, пока король не вернет Некера. Чтобы признать народ победителем, Людовик XVI пообещал отправиться в столицу 17 июля и запротоколировать это публично. Убежденная в том, что ему не удастся вернуться живым из Парижа, королева пыталась помешать ему ехать. Поскольку он настаивал на своем решении, она умоляла его взять ее с собой, но он отказал. Все кончено, она знала, что Людовик уезжал навстречу своей смерти. Едва за ним закрылись ворота, она удалилась в свои апартаменты вместе с детьми и написала заявление, которое считала нужным представить Собранию в случае если король будет арестован в Париже. «Я несколько раз подходил к двери ее комнаты, как, впрочем, и другие придворные, — рассказывал герцог д'Эскар. — Как только ее предупредили о нашем приходе, она вышла спросить, знаем ли мы что-нибудь о короле; однако мы не могли ничего ей сообщить. Ночью ужас королевы и наши страхи усилились. Наконец кто-то сообщил о возвращении короля». Королева и дети побежали к нему навстречу, и все крепко обнялись.

Глава 22. ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Версальский двор был охвачен ужасом. Каждый день придворные покидали свои апартаменты и уезжали, одни в деревню, другие заграницу. Дворец пустел. Крыло, где раньше жили принцы, теперь было закрыто из-за отсутствия жильцов. Во дворце отныне было страшно услышать эхо собственных шагов в пустынных залах. «Все приближенные королевы испарились, — писал Сальмур, — некоторые из ее фрейлин оставили ее, не сказав ни слова. В общем, все приближенные Ее Величества, все принцы теперь опасались нежелательного родства и близости с королевой». Мерси, вернувшись во Францию в эти тяжелые дни, «заметил лишь отчаяние и страх. Ждали любых и самых неожиданных мер: арестов, ссылок, гонений», — писал он императору. «Дворец больше не охраняется, он открыт для любого прохожего. […] В Версале не знают ни что делать, ни то, что со всеми станется», — свидетельствовал Сальмур.

Потрясенная событиями предыдущих дней, королева оставалась в своих апартаментах, проводя время с детьми и беседуя с королем. С тех пор как за се голову была назначена награда, все боялись за ее жизнь. Она осмеливалась лишь иногда подниматься на террасу. Однажды вечером королевская семья ужинала в апартаментах маленькой принцессы, и Мария-Антуанетта удалилась довольно рано. Прошел слух, что она уехала в Сен-Сир. «Королева выдерживала свое ужасное положение с большим мужеством и терпением», — писал Мерси. Тем не менее посол был очень огорчен «исступлением, которое […] охватило разум и сердце королевы». Она не хотела больше ни во что вмешиваться. Мерси подолгу беседовал с пей о политическом положении. В такие минуты он «пытался объяснить ей, что она попала в нелепую ситуацию» и пытался убедить ее в поддержке Некера (которого по-прежнему ждали), как в свое время король вернул Сен-Приста и Монморена. Мнение королевы оставалось весьма расплывчатом о том, какую партию ей следует поддерживать. Некер, узнав о своем новом возвращении, прибыл в Версаль 29 июля, после триумфального путешествия по всем провинциям. Королева лично приняла его. «Она проявила большую любезность, была весьма доверчива с нами и попросила служить королю, воспринимая это как высокую награду, — рассказывает Сен-Прист, — на что министр ответил ей, что его долг служить королю, но ничто не заставит его отступить от своих принципов». В конце беседы, не испросив разрешения, Некер взял руку королевы и поцеловал ее, что она восприняла как

крайнюю невоспитанность. Этот жест «заставил почувствовать королеву, что власть и права короля сильно пошатнулись».

Франция продолжала жить в странных конвульсиях и потрясениях от «Великого Ужаса», который Национальное собрание всячески старалось уничтожить, проголосовав 4 августа за отмену привилегий и классов. Итак, классовое общество, которое так яростно защищал Людовик XVI во время своего правления, теперь было уничтожено. Тем не менее все по-прежнему ждали, чтобы Людовик XVI ратифицировал этот декрет. Продолжая работать над конституцией, которая шла полным ходом, депутаты вскоре решили отменить право королевского вето. Желая, чтобы король мог проявлять свою власть, Мунье, Мирабо и те, кого отныне называли монархистами, высказывались за сохранение права абсолютного вето за королем, тогда как патриоты, возглавляемые Барнавом, Дюпортом и Ламетом, ратовали за ограничение вето. Последних поддерживал сам Некер. Однако Собрание пошло еще дальше: король не должен был иметь инициативу в законотворчестве, теперь этим правом располагала выборная палата, которая являлась единственным законодательным органом. Что касалось Декларации прав человека, которая провозглашала гражданское равенство и суверенитет нации, она наносила серьезный удар но традиционной монархии, признавая законы и принципы, высказанные философами Просвещения, против которых всегда выступал Людовик XVI. Слова *свобода* и *равенство* звучали у всех на устах. Мерси видел в этой будущей конституции «могилу королевской власти».

Тогда как Старый Режим таял на испуганных глазах королевской семьи, жизнь двора вроде бы возвращалась в Версаль. Король ездил охотиться вместе со своей обычной свитой, встречал по средам послов с супругами. В огромных апартаментах, еще более гордая чем когда-либо, Мария-Антуанетта возглавляла свои обычные игры. 16 августа незаметный и скромный свидетель видел ее, одетую в платье из индийского белого шелка, усеянного цветами. «У нее, — говорил он, — прекрасное лицо, однако очень высокомерное, и божественные руки». Министерские жены устраивали у себя званые обеды. Так, например, обеды мадам Некер и мадам Дюпен пользовались большой популярностью. На Святое Успение государь и его жена устроили грандиозный традиционный прием в стиле Людовика XIII.

Этикет вновь вернул свою власть, однако огромная машина, управляемая лишь символами, казалось, была без тормозов. 25 августа отмечали день Святого Людовика. По случаю дня ангела

короля из Парижа приходил народ, который поздравлял своего короля. Национальная гвардия, возглавляемая Лафайетом, а также парижский муниципалитет под руководством

Бали также захотели присутствовать при традиционных поздравлениях. В зеленом салоне, напоминающем огромную спальню, в окружении фрейлин и герцогинь величественно восседала королева, принимая делегации. Когда объявили Бали, он, войдя в зал, сделал глубокий поклон, однако не преклонил колено, что было серьезным нарушением протокола. Оскорбленная подобным пренебрежением, королева «ответила ему едва заметным кивком, все это выглядело не очень доброжелательно. Он произнес короткую речь, где говорил о нуждах, проблемах и чаяниях народа, о тех угрозах, которые нависли над страной», — рассказывала мадам Дюпен.

Лафайет подошел затем к королеве и представил своего помощника национальной гвардии. Королева покраснела, и я почувствовала ее крайнее возбуждение. Она прошептала что-то срывающимся голосом и кивнула. Они ушли весьма недовольные ею, и, «как я узнала позже, несчастная королева никогда не придавала значения обстоятельствам, в которых она находилась; она всегда позволяла эмоциям брать верх над собой, — продолжала мадам Дюпен. — Офицеры Национальной гвардии ушли из Версаля с дурным настроением и распространили по Парижу свое недовольство, что лишь усилило ненависть народа к королеве». Ее всегда обвиняли в том, что она являлась стержнем и двигателем «огромной аристократической машины», которая имела лишь одну цель — подавить сопротивление парижан и поглотить весь город. И снова по всему Парижу распространяются гнусные памфлеты о королеве.

В это лето Мария-Антуанетта не переезжала в Трианон. Она довольствовалась лишь частыми прогулками туда в сопровождении своих детей, которыми теперь занималась больше, чем раньше. Для замены мадам де Полиньяк на должность гувернантки она выбрала мудрую и благовоспитанную графиню де Турзель, которой написала 24 июля это длинное письмо.

«Моему сыну 4 года и 4 месяца, без двух дней; я не буду говорить ни о его росте, ни о его внешности: это лучше увидеть. Его здоровье всегда было хорошим, но еще в колыбели у него были замечены странные нервные припадки, и даже малейший шум мог вызвать у него плач […]. Его всегда пугал непривычный шум. Он, например, боялся собак, поскольку однажды услышал их лай совсем близко от себя. Я никогда не заставляла его смотреть на них, поскольку, я думаю, что по мере того как он будет

вырастать, страхи пройдут. Он, как и все дети, очень активен, однако немного капризен, довольно легко может разозлиться, но он добрый ребенок, нежный и любящий. У него развито самолюбие, которое когда-нибудь обернется для него преимуществом. До сих пор он был любезен со всеми, с кем ни встречался. Он умеет понравиться, может даже подавить в себе нетерпение и капризы лишь бы казаться милым и нежным. Он всегда остается верен своему слову, когда обещает что-либо; однако очень нескромен; он повторяет все, что где-то слышал, и часто, не из желания соврать, добавляет к рассказу плоды своего воображения. Это самый большой его недостаток, который трудно исправить. Наконец, я повторяю, он очень добрый ребенок, очень чувствительный и в то же время довольно жесткий, но пе жестокий. Он привык к тому, что все делают то же, что требуют от пего. Грубость вызывает в нем протест, потому что для его возраста у него очень ярко выражен характер. Например, с самого раннего детства он не мог сказать: „извините“. Он будет делать и говорить то, что от него хотят, даже признается, когда он не прав, но „извините“ он произнесет лишь если довести его до слез.

Мои дети привыкли доверять мне. Когда они не правы, то всегда сами говорят мне об этом. Ругая их, я стараюсь быть скорее строгой, по не злой. Я приучила их к тому, что мои „да“ и „нет“ не подлежат обсуждению, и всегда стараюсь разъяснить им причины любого события соответственно их возрасту, для того чтобы они могли понять причину моего недовольства. Мой сын не умеет читать и учится довольно плохо; его не научили прилежанию. У него нет особых возвышенных идей и высокомерия, и я хочу сохранить в нем эту черту: наших детей начинают обучать довольно рано именно этому. Он очень любит свою сестру, у него очень отзывчивое сердце. При первой же возможности, когда речь идет об удовольствии или о чем-нибудь вкусном и приятном, если кто-то угощает, его первое желание, попросить то же самое для своей сестры. Он от рождения очень весел. Для его хорошего самочувствия ему нужно много бывать на воздухе, и, я думаю, гораздо лучше оставлять его играть или заниматься на террасе, чем вести куда-то далеко. Упражнения, которые малыши выполняют, бегая или играя, на воздухе, гораздо более полезные и действенные, чем, когда их заставляют маршировать или делать зарядку, что очень утомляет и наскучивает им». Так писала королева.

Уехав из Версаля еще в июне, Ферзен не покидал своей «Жозефины». Он писал ей и иногда приезжал в Версаль на несколько дней, во время этих приездов «он продолжал открыто приходить к ней и устраивать свидания в Трианоне». Очень

озабоченный судьбой Марии-Антуанетты, он решил с сентября поселиться в Версале. Опасаясь, что его переписка перехватывается, он просил свою сестру Софию «с большой осторожностью говорить ему о делах этой страны и о Ней». Отныне именно так он называл королеву в переписке и даже в своем дневнике.

Несмотря на то, что двор решительно не хотел этого замечать, ситуация в королевстве, и в частности в Париже, стала критической. Проблемы брали за горло, и с июля финансовое положение стало катастрофическим, Некер был вынужден просить у Собрания заем. Последствия могли быть довольно неприятны, поскольку министр просил у депутатов то, что должно было ударить по карману всех французов. Это был новый налог. Он представлял четверть дохода каждого плюс определенная часть капитала, выраженная в драгоценных металлах. Таким образом, женщинам приходилось отдавать свои драгоценности, некоторым приходилось прощаться со скромными серебряными или золотыми распятиями. Король и королева пожертвовали своей посудой. В конце сентября подходил срок «голодного времени», которое в этом году представлялось особенно трудным. Речь шла о том периоде, когда запасы предыдущего урожая заканчивались, а новый урожай еще не был убран. Реально замаячила впереди опасность голода.

В провинции королеву обвиняли в уму непостижимых контрреволюционных заговорах. В Кольмаре утверждали, что она собиралась «взорвать бомбу в Собрании» и «послать армию убийц на Париж». В Дижоне доказывали, что она хотела поджечь столицу, отравить короля и принца. Французы, казалось, хотели быть убеждены в том, что королева всячески пыталась навредить Франции.

30 августа, завоевав поддержку народа, маркиз де Сент-Урюж хотел провести в Версаль небольшое войско, состоящее из 1 500 человек, решивших положить конец оплоту аристократии. Лафайет, генералиссимус национальной гвардии помешал ему, выставив свои войска на улице Сент-Оноре.

Однако спокойствие от этого не вернулось. Прошел слух, что король хочет уехать в Метц, чтобы возглавить контрреволюционное движение. Народ, казалось, был готов подняться на мятеж, как это было в июле. Знать в провинциях начинала вооружаться.

Со всех сторон было слышно об интригах, заговорах, которые теперь зарождались в апартаментах герцога Орлеанского — принц мечтал захватить корону.

Опасаясь того что гвардия не могла больше контролировать

народные волнения, Лафайет расположил свои войска вокруг Версаля. Он не скрывал своего беспокойства от Сен-Приста. Он написал ему довольно грустное письмо, датированное 17 сентября. Никакой другой документ не мог лучше выразить намерения королевского министра, который три дня назад отдал приказ полку во Фландрии вернуться в Версаль для защиты короля и его семьи. Однако эта мера могла рассматриваться как применение силы и поэтому требовала согласия муниципалитета. Письмо министра дает нам подтверждение, что решение было принято только лишь королем и могло рассматриваться как новая попытка монархического переворота. Именно так можно объяснить фразу Сен-Приста из его мемуаров: «У меня были серьезные основания для принятия подобного решения».

Нерешительность короля, который отказывался верить в возможность революции, беспокоила его противников и поражала его сторонников. Прибывание новых войск воспринималось некоторыми придворными безразлично, других же приводило в бешенство. 21 сентября суд, по предложению Мирабо, попросил короля объяснить эти военные перемещения. Людовик XVI занялся военными укреплениями, отказавшись санкционировать декреты 4 августа. Прежде чем полк Фландрии вошел в Версаль, Париж был готов к бунту. На всех улицах кричали о государственной измене. Во всех трактирах, клубах, на всех перекрестках повторяли о необходимости перевезти короля в Париж. В некоторых журналах можно было прочесть: «Аристократы пытаются одеть на вас оковы и заставить молчать! Если вы не затянете петлю на их шее, то они затянут ее на вашей или повергнут в несправедливость».

23 сентября полк Фландрии во главе с Тамбуром вошел в город. Никаких опасных последствий это не вызвало. Людовик XVI и Мария-Антуанетта вздохнули с облегчением. Отныне их охраняли помимо 1100 солдат Фландрии, полк национальной гвардии, который насчитывал 600 человек, кроме этого, национальные стрелки. Король и королева были довольны расстановкой войск. Мария-Антуанетта даже подарила национальной гвардии флаги.

Когда полк прибывал в город, гарнизонные офицеры, по обыкновению, устраивали банкет в честь своих новых товарищей. Вновь прибывшие офицеры получили от короля приглашение в зал Оперы. В партере был накрыт стол на 210 персон. Прием начался в три часа, и скоро все расслабились и приятно проводили время. Произносили тосты за здоровье короля, королевы, дофина и королевской семьи. Кто-то предложил выпить за народ, однако никто не поддержал этот тост. Мария-

Антуанетта сначала из осторожности решила не показываться на банкете, но вскоре оказалась побежденной уговорами своего окружения. К концу обеда королевская семья вошла в зал. Оркестр заиграл «О Ричард, о мой король!». Под аплодисменты присутствующих королева и король поднялись в свою ложу. Шведский офицер подошел к королеве и попросил доверить ему юного принца, чтобы провести его по залу. Она согласилась, малыш вовсе не испугался шума и такого количества народа. Офицер поставил ребенка на стол, а затем пронес его по всему залу среди криков и смеха, несшихся отовсюду. Однако чувствовалось, королева беспокоилась, пока не вернули дофина, которого она нежно обняла. Настало время Людовику XVI и Марии-Антуанетте покинуть Оперу. Все офицеры под аплодисменты проводили королевскую чету до их апартаментов. Вино лилось рекой. Кто-то из офицеров взобрался на мраморный балкон. Другие танцевали под балконом и кричали: «Да здравствует король!», «Долой Собрание!».

Правда, эйфория охватила далеко не всех участников праздника. Презрительное отношение офицеров к Собранию вызвало недовольство у присутствующих депутатов.

Рассказы о праздниках неимоверно скандализировали столицу. Все газеты, начиная с «Вестника Версаля», описывали оргии военных в честь королевской семьи, на которые были потрачены огромные деньги. Гулянья военных — провокация в тот момент, когда парижане выстраивались в длинные очереди за хлебом. Взрывоопасность возрастала, и передислокация войск все больше воспринималась как попытка задушить революцию. В то же самое воскресенье самые известные журналисты и ораторы призывали парижан взяться за оружие: Марат — в своем «Народном друге», Дантон — в клубе кордильеров… Вперед, в Версаль, чтобы привезти короля в Париж!

В Версале все казалось настолько спокойным в понедельник, 5 октября, что король поехал около десяти часов поохотиться, а Мария-Антуанетта отправилась прогуляться в Трианон. Королевские дети были на прогулке, и мадам Елизавета решила поехать верхом в Монтрей, в свое имение, и там же обедать. К одиннадцати часам к Сен-Присту прибежал его слуга и сообщил ему, что «парижская гвардия […], сопровождаемая огромной толпой движется в сторону Версаля». В страшной спешке министр с одним из офицеров отправил сообщение королю. Он же настаивал на необходимости предупредить королеву. Сразу же к ней отправили юную принцессу. «Мама была очень удивлена, обычно мы не встречались с ней в этот час», — рассказывала принцесса. «Она прошла в другую комнату и вернулась оттуда

вскоре очень взволнованная, узнав о судьбе отца», — продолжала она.

Когда офицеры поехали искать короля, в Версале все обо всем уже знали и все ждали. Уже закрыли решетки и установили заграждения. Королева удалилась в свои апартаменты. Сейчас можно было довольно легко покинуть Версаль вместе с детьми па прогулочной карете дофина. Был дан приказ распрягать. «Постоянно посылали гонцов на дорогу, чтобы узнать новости, — писала мадам Дюпен. — Мы узнали, что огромная толпа мужчин, и еще больше женщин, двигалась на Версаль, а вслед за этим авангардом — парижская гвардия».

В отсутствие короля с никто не мог взять на себя ответственность за силовой отпор. К трем часам Людовик, наконец, вернулся в Версаль. Посланник Сен-Приста нашел его недалеко от Шантильона. Галопом возвращаясь в Версаль, он даже не остановился перед гвардией, которая торжественно приветствовала его возгласами «Да здравствует король!». На ходу объявив, что Совет собирается через полчаса, он закрылся в своих апартаментах.

Национальная гвардия в спешке готовилась к обороне, поскольку прошел слух, что солдаты отказываются стрелять по толпе. И вот в Версале появились первые мятежники — женщины, их было около четырехсот.

Измученные, промокшие до нитки, женщины и мужчины, вооруженные палками и пиками, просили хлеба. Людовик XVI принял делегацию от женщин. Одна из них упала в обморок. Король приказал отвести их на кухню, покормить, выдать по семь луидоров и пообещал, что хлеб у них будет. Они ушли, удовлетворенные, но толпа на улице продолжала недовольно покрикивать.

Осознавая всю серьезность бунта, министры советовали Людовику XVI и его семье уехать в Рамбуйе, затем в Нормандию и, наконец, собрать Совет в Руане. Многочисленные депутаты, казалось, поддержат это решение и уговорят короля. Король не стал давать никаких обещаний. Некер их отвергал. «Сир, если завтра вы окажетесь в Париже, ваша корона будет потеряна», — кричал Сен-Прист. Взволнованный, король не переставал повторять, что не хочет никого компрометировать. Бегство казалось ему недостойным монарха. Однако он желал знать мнение королевы. Мария-Антуанетта была решительно настроена ехать, однако не хотела расставаться ни с королем, ни с детьми. Итак, Людовик XVI приказал министру закладывать карету. Толпа, стоявшая за воротами дворца, начала уплотняться и угрожающе зашевелилась. Выехать было практически

невозможно. Раздался крик: «Король бежит!». «Сию же минуту толпа набросилась на карету, били стекла, увели лошадей, отъезд стал невозможен», — рассказывает мадам Дюпин. Вскоре войскам было приказано вернуться на свои позиции.

С полным самообладанием королева удалилась в свои покои вместе с графиней Прованской и мадам Елизаветой. «Хотя ее нельзя было назвать отважной, никто не смог заметить в ней ни малейшего признака волнения; всем своим видом она успокаивала окружающих, занималась теми, кто был дорог ей больше всего». Вместе с мадам де Турзель они отвели детей к королю.

Зал, где заседало Собрание, представлял собой что-то вроде кабака, где пьяные женщины распевали песни в обнимку с депутатами. Министров встречали криками: «Хлеба, хватит дискуссий». В Зеркальной галерее топтались придворные, ждали новостей, обретали надежду и тут же теряли ее. Волнения, страх и неуверенность мешали прислушаться к чьему-либо мнению. К девяти часам вечера вместе с приходом Лафайета прошел и страх. Измученный, грязный, герой американской войны появился в королевских апартаментах около полуночи. Он считал своей обязанностью убедить короля в верности и готовности «умереть за Его Величество», если потребуется. Из-за парижского бунта он практически потерял национальную гвардию.

К тому моменту большинство манифестантов находились уже в трактирах, другие расположились лагерем у ворот Версаля в ожидании раздачи хлеба. Казалось, установилось спокойствие. Лафайет вышел, чтобы осмотреться, и остался доволен. Только теперь король решил, что можно отдохнуть. Придворные тоже удалились. Людовик XVI передал королеве, что положение нормализовалось, и просил ее лечь спать. Марии-Антуанетте посоветовали провести эту ночь у короля. Она отказалась. «Я предпочитаю быть рядом с детьми», — сказала она мадам де Турзель. Несколько офицеров выразили желание дежурить у ее апартаментов, но королева их отпустила. Когда Лафайет вернулся в Версаль доложить результаты своей инспекции королю, тот уже спал. Лафайет тоже отправился спать. К двум часам ночи дворец, наконец, погрузился в сон.

На рассвете, те, кто провел ночь у ворот Версаля, проснулись все как один, а те, кто ночевал в трактирах, уже направлялись к дворцу. Очень быстро образовались две колонны. Одна направилась к воротам Принцев, которые были таинственным образом открыты, а другая — к часовне, которая также не была заперта. Они спокойно пошли внутрь дворца. В приемной королевы многие ее фрейлины не спали всю ночь. Разбуженная

странным шумом, Мария-Антуанетта сразу же спросила мадам Тибо. Посмотрев в окно, та ответила, что это бунтовщики. Несмотря на потрясшую ее новость, Мария-Антуанетта оставалась в постели. Через несколько минут дверь приемной сотряслась от ударов мятежников, вооруженных до зубов палками и дубинами: «Смерть королеве!». Один из королевских гвардейцев крикнул: «Спасайте королеву!». Из приемной слышались вопли ее фрейлин. Мадам Тибо буквально стащила королеву с постели, набросила на нее плащ, и они побежали через узкий проход. Запыхавшись, женщины пытались открыть спасительную дверь, однако она не поддавалась. Прошло несколько мгновений. Нескончаемых секунд. Наконец, слуга в гардеробной услышал крики и впустил их. Королева задыхалась и рыдала: «Помогите мне, спасите меня, друзья!». Ее провели к королю, но тот исчез.

Разбуженный в то же самое время слугой, Людовик XVI пробрался с ним в один из своих потайных кабинетов, откуда можно было видеть двор. Полураздетые, смотрели они на ужасную толпу, как вдруг в комнату ворвался граф Люксембург. Поняв, какая опасность угрожала королеве, король бросился в ее спальню через тайный коридор, который соединял их комнаты. В спальне се не было. Он побежал к дофину. Укутанный в одеяло ребенок был уже на руках у горничной, которая собиралась отнести его в апартаменты короля по темному внутреннему коридору. Король взял сына и, дунув на свечу, приказал горничной схватить его за полу халата, следуя таким образом за ним. Мария-Антуанетта ждала короля, «словно жертва, готовая на заклание», скажет много лет спустя ее дочь, впоследствии герцогиня Ангулемская. Обретя вновь сына и мужа, королева отправилась к дочери, которая все еще была с мадам де Турзель.

В апартаментах короля все очень волновались о принцах. Однако вскоре пронесся слух, что те спали как ни в чем не бывало глубоким сном, а бунтовщики до их крыла не добрались. У всех был чрезвычайно растерянный и испуганный вид, только королева показывала выдержку и завидную смелость; в комнате воцарилось напряженное молчание, министры пришли только через тридцать минут, которые показались вечностью. Некер был в красивом фраке, все остальные — в сюртуках. Мария-Антуанетта сидела между золовкой мадам Елизаветой, и дочерью, а дофинчик, зарывшись в волосы сестры, беспрестанно повторял: «Мама! Я есть хочу».

Король беседовал в своем кабинете с министрами, когда в зал вошел Лафапет. Он, наконец, привел с собой два отряда гвардейцев, но было уже слишком поздно, чтобы помешать бунтовщикам. Тем не менее он успокоил присутствующих, что

мятежники не смогут пройти к этому залу.

Снаружи нарастало напряжение и недовольство. Народ требовал короля. Лафайету удалось убедить королевскую семью появиться на балконе. Окна в комнате открыли. Король, королева и их дети подошли к ним, Лафайет попытался успокоить толпу. Слышали ли его вообще? Он пытался напомнить собравшимся о любви короля к своему народу, продолжал обещать улучшения от имени Людовика XVI. И наконец, его импровизированная речь была прервана криками: «Да здравствует король!». За все это время, включая и необычный поворот событий, Людовик и Мария-Антуанетта не произнесли ни слова. Лафайет продолжал говорить. Однако теперь уже слышались другие крики: «В Париж!». Людовик XVI и его семья вернулись в апартаменты. Лафайет пытался успокоить толпу, крики усилились, и воздух сотрясли несколько выстрелов. Теперь уже требовали на балкон королеву. «Королева появилась в салоне, — рассказывает мадам де Сталь, — волосы растрепались, лицо бледное, но какое благородство, все в ее внешности вызывало уважение: народ требовал, чтобы она появилась на балконе. Во дворе, да и в салоне полно людей с оружием, и, конечно же, королеве было страшно.

Однако она, не колеблясь, вышла на балкон с двумя детьми, которые были ее защитой. Толпа, казалось, сникла, увидев королеву-мать, политический гнев утих. Те, кто хотел этой ночью убить ее, странным образом смягчились. […] Королева, на балконе подойдя к моей матери, шепнула ей, едва сдерживая рыдания: „Они хотят заставить нас, меня и короля, переехать в Париж“. Крики усилились: „Короля в Париж!“». Подавленный и замкнувшийся в себе, король ходил по своему кабинету взад-вперед и не мог принять никакого решения. Под давлением Сен-Приста он решил уступить требованиям народа. Королевская чета снова появилась па балконе вместе с Лафайетом, который объявил это толпе. Людовик XVI произнес несколько слов, которые потерялись в крике и воплях. «Я никогда не смогу простить себе, что не уехала вчера вечером», — прошептала королева Сен-Присту. Каждый вернулся к себе, чтобы подготовиться к переезду. Спешно собирали бумаги. Мария-Антуанетта сложила в небольшой ларец, который носила с собой, все свои бриллианты. Отъезд был назначен на час дня.

Когда королева выходила из дворца, она имела привычку говорить, но какой лестнице будет спускаться. На этот раз ничего подобного не было. Король решил, что они спустятся по маленькой лестнице. На главной лестнице по-прежнему толпились бунтовщики, солдаты, гвардейцы.

Под лучистым осенним солнцем сквозь плотную толпу пробиралась карета с королем, королевой, принцем, мадам Елизаветой и королевскими детьми. Королева держала дофина на коленях. Люди свирепо стучали по карете, угрожая королеве виселицей. Некоторые совали в окна палки и копья. Король прикрыл платком лицо, чтобы не было видно слез, которые он тщетно пытался сдержать. Королева прятала лицо в волосы сына, который крепко обнимал ее. По мере того как приближался Париж, скорость кареты замедлялась, поскольку все толпились на пути кареты.

Королевская семья отправилась в городскую Ратушу.

Столица была ярко освещена. Отовсюду неслись крики. Теперь уже кричали: «Да здравствует король и народ!». Прислонившись к окну, дофин удивленно смотрел на все происходящее и ничего не понимал. В половине девятого карета въехала на Плас-де-Грев. Толпа была настолько плотная, что король решил дальше идти пешком, опасаясь задавить кого-нибудь. Королевская семья вышла из кареты, дофина, который уже спал, несла на руках мадам де Турзель. Людовик XVI произнес импровизированную речь, как он рад находиться в прекрасном и любимом им городе. К десяти часам Людовик XVI и его семья отправились в Тюильри, где их ждали министры и верные им придворные, в том числе и Ферзен. Незадолго до приезда королевской семьи во дворец, Монморен заметил Сен-Присту, что «присутствие графа Ферзена, о связи которого с королевой было всем известно, могло поставить и короля и саму королеву в щекотливое положение». […] «Я нашел наблюдения Монморена весьма точными и справедливыми, — согласился Сен-Прист, — и я сказал Ферзену, что было бы лучше ему удалиться, что он и сделал». В десять часов во дворце Тюильри состоялся ужин для королевской семьи. Здесь никто не жил еще с детства Людовика XV. Король сохранял невозмутимый вид. Королева в парике и черной накидке не выглядела очень страдающей.

Глава 23. ТЮИЛЬРИ

«Я чувствую себя хорошо, не волнуйтесь за меня, — писала королева Мерси 7 октября. — Забывая о том, где мы и как сюда попали, мы должны быть довольны народным приемом, особенно этим утром. Я надеюсь, если хлеб не исчезнет, то многое станет по-прежнему. Я разговариваю с народом. Торговцы, лавочники, все пожимают мне руку, и всем я подаю свою руку. […] Народ этим утром попросил нас остаться. Я им сказала от имени короля, который находился рядом, что это зависит от тех, кто держит пас здесь, мы не просим ничего лучшего, и ненависть народа обязательно пройдет, что король не допустит пролития крови. Я велела им рассказать всем о нашем разговоре. […] Никогда не думала, что такое может произойти за двадцать четыре часа». «Напрасно говорили — „ничего страшного“, произошло то, чего мы никак не ожидали», — добавит она позднее.

Вскоре произошла еще одна манифестация, и огромная толпа ворвалась во дворец. Движение стало следствием обещания королевы насчет выплаты денег и переустройства Мон-де-Пиете. Его служащие отказались подчиняться приказу королевы о реорганизации. И снова массы людей оккупировали королевский дворец. Людовик XVI закрылся для обсуждения ситуации со своими министрами. Во дворце началась страшная паника, которая на сей раз захватила и Марию-Антуанетту. Неужели сейчас повторится недавнее? «Королева оставалась среди нас, она не могла войти в кабинет, поскольку дверь была заперта, каждый спасался как мог», — рассказывал Сальмур, министр Саксонии. Лафайет успокаивал толпу, объявляя о тех мерах, которые были приняты по приказу королевы. Людовик XVI пообещал отдать все необходимые приказы, поскольку проект королевы обошелся бы казне в три миллиона. Такой расход было очень трудно себе представить. Самые лучшие намерения королевы оборачивались против нее.

Французский народ, которого она как следует не знала до самого 1789 года, представлялся ей чудовищем, способным на убийство. Что могла она испытывать к нему, прочитав статью Лусталота, появившуюся 10 октября в «Революционном Париже»? С откровенной жестокостью журналист обрушивается на королеву, находя самые обидные слова, чтобы выразить отношение народа к ней. Было ли возможно положить конец этому конфликту, как того желал молодой революционер?

«Последовав за нашим королем в этот город, […] вы начали, мадам, разрушать все представления о себе, вы поразили всех

честных французов. […] Вы предали свой народ, мадам, народ, который рукоплескал Вам, и верил в вас.

Мы знаем, что клевета и ложь не знают рангов и добродетелей; но мы знаем также, что значат для короля лесть и любовь к абсолютной власти, мы знаем, на что способно сердце жены и матери, желающей сохранить права, которыми обладает отец, для своего сына. […] Но он не принадлежит вам, мадам, мы не можем судить вас, вас может судить только Бог и ваш супруг; наш долг избавиться от вас, от вашей безграничной власти в этом городе, который мы защитим.

Наша история знала мало королев, которые беспокоились бы о счастье народа. […] Нам нет нужды углубляться в далекие века правления королев, каждое действие которых было преступлением, а каждая мысль беззаконием, чтобы доказать, что наша королева хитроумно ищет счастья лишь для себя.

Нам очень не хватает королевы, мадам, жизнь которой была бы великолепным примером служения нации, королевы, которая бы старалась воспитать своих детей в духи любви и верности своему народу, которая сделала бы счастливым своего мужа, стала заступницей несчастных и обездоленных, вызывала восхищение своего народа.

Вот, мадам, то, что мы ждали от вас, и у вас было все, чтобы добиться этого, сама природа вас одарила этим. Французы […] хотят любить вас, так же как они любят своего короля; и он не пользуется этим чувством лишь из страха быть отвергнутым своим народом. Придя к нам с доверием, которое не предаст нас, вы завладеете нашими сердцами; прекратите выставлять на показ ваш патриотизм, прекратите терзать народ своими ужасными проектами». Могла ли королева когда-либо слышать подобные откровения?

Все друзья покинули ее, за исключением Ферзена, который вновь вернулся в Париж, и Мерси, которого долг заставлял оставаться во Франции. Мария-Антуанетта тем не менее посоветовала ему оставаться в своем имении в Шеньвре в ожидании, когда в столицу вернутся порядок и спокойствие. В момент особенного отчаяния королева придумала послать гонца к своему верному Ожару, который находился в деревне вместе с ее дочерью. Он без задержки явился в Тюильри и после мессы пришел в покои королевы. Мария-Антуанетта предприняла тысячу предосторожностей, прежде чем начать разговор. Проверив, не подслушивает ли кто-нибудь под дверью, она увела его во вторую комнату, где уже не боялась шпионов. И только тогда принялась рассказывать «все ужасы» последних часов в Версале. «Королева оказала мне высочайшую честь, спрашивая

моего совета!» — мелькнула у него мысль, и он повторил ее вслух в виде вопроса. «Да, разумеется. Ваше Величество — пленница». — «Бог мой, что вы говорите мне!» Тогда Ожар объяснил королеве, что новые гвардейцы совершенно бессильны и положение королевской семьи крайне критическое.

«Но, — промолвила королева, — должен же быть какой-то выход». Ожар ей предложил обратиться за помощью к императору: «Ему надо представить себе ваше положение во Франции, как свое собственное. Вам просто необходим человек надежный и проверенный, которому можно полностью доверять». Мария-Антуанетта согласилась с ним — это было неплохим решением. Она надеялась, что Ожар предложит себя для важной миссии посредника. К ее большому удивлению, он посоветовал ей самой тайно ехать в Австрию с детьми, как «частное лицо». Это предложение поразило ее, она задумалась. Королева плохо представляла идею оставить мужа, хотя советник настаивал на том, что это был единственный выход «спасти жизнь короля и своих детей». Ожар попросил у нее двадцать четыре часа, чтобы точно обдумать свое предложение. На другой день он представил ей подробный план бегства. В половине восьмого вечера в платье служанки вместе со своими детьми, причем дофина нужно переодеть девочкой, она покинет Тюильри по лестнице, ведущей во двор Принцев. Там будет ожидать карета, которая довезет ее к дому Ожара, где она пересядет в другую карету. Он утверждал, что к девяти часам утра она прибудет в Реймс, а к вечеру доберется к замку Ла Тур, в десяти лье от Люксембурга. Перед отъездом королева должна тайно предупредить обо всем супруга. Тем не менее, чтобы не скомпрометировать его, она должна будет оставить своей служанке письмо для мужа, которая горничная передаст только утром. Это послание должно сообщать, что она «решила приговорить себя к долгой ссылке вдали от Франции, куда она собиралась вернуться, лишь когда в стране воцарятся мир и порядок». Королева внимательно слушала Ожара, однако не могла решиться оставить короля. «Боюсь, для него это будет слишком», — повторяла она. Ожар настаивал: «Вы спасете его и весь народ, мадам, потому что когда у них не останется ни королевы, ни матери дофина, они не осмелятся причинить боль королю. Эти люди знают, что во Франции король будет всегда».

Королева попросила время на размышления. Ожар все же решил, что она согласится на его план. На картах, купленных по его приказу, он прочертил маршрут, которым придется проехать. Однако Мария-Антуанетта не рискнула пуститься с детьми в довольно опасное путешествие. 19 октября она приняла окончательное решение — остаться в Париже. Король только что

отправил герцога Орлеанского в Англию. Королева, которая считала его ответственным за мятежи 5 и 6 октября, была убеждена, что король только что избавился от своего возможного убийцы. Отсутствие ненавистного ей принца успокаивало ее. «Когда он уедет, мы почувствуем себя спокойнее», — говорила она Ожару. «Именно поэтому королева с такой уверенностью отказалась от бегства, — догадался он. — А кроме того, теперь все больше и больше поговаривали восстановить закон о разводе, и она боялась, что короля уговорят, зная его слабости, а ей придется навсегда расстаться с короной и Францией». Ожар продолжал настаивать, обрисовывая ей ситуацию в самых трагических красках и убеждая, что скоро будет уже слишком поздно бежать. Королева оставалась непреклонна: «Я все обдумала, я никуда не еду: мой долг умереть вместе с королем». Она добавила тем не менее, что не полностью исключает бегство: «Я думаю, если бежать — только вместе с королем».

«Королева, казалось, ждала всемогущих иностранцев или жителей провинций, которые смогут вытащить короля из той ловушки, куда он попал, — писал Сен-Прист. — Ложные надежды королевы длились несколько месяцев, во время которых ни король, ни королева не выходили из Тюильри. Это лишь ухудшило их положение, и французский народ привык к их замкнутости». Мария-Антуанетта, раньше не пропускавшая ни единой премьеры в столице, переехав в Париж, «отказалась теперь от королевской ложи, и этот вполне естественный в ее положении отказ от развлечений еще больше настроил парижан против королевы, — вспоминала мадам Дюпен. — Бедная королева не знала, что такое осторожность, или не хотела ее пользоваться. Она открыто выказывала презрение тем, чье присутствие ей не нравилось. Так, позволяя эмоциям брать верх, она не осознавала их последствий и того, насколько они вредят ей и королю. […] Она испытывала презрение ко всем французам и избегала показываться на публике». Все просьбы министров, все попытки открыть ей глаза на страшную реальность были тщетны: король, так же как и она, не покидал Тюильри.

Несколько недель спустя король и королева решили обустроить тот дворец, в котором им теперь приходилось жить. Из Версаля прибыли кареты с мебелью, посудой, одеждой, провизией, в общем, со всем необходимым.

Король и королева вели размеренную и однообразную жизнь. После завтрака, который королева съедала в одиночестве, она принимала у себя мужа и детей, затем они шли к мессе. После службы Мария-Антуанетта удалялась в свои апартаменты, где оставалась до обеда, который обычно назначался на час дня.

Обедали все вместе: король, королева, мадам Елизавета и юная принцесса. После обеда супруги играли партию в бильярд. Прежде чем уйти к себе, королева обычно немного вышивала. Вечером на ужин к ним заглядывал принц с супругой. В половине двенадцатого все расходились по своим покоям.

Больше не было ни балов, ни концертов, ни комедий. Тем не менее королева принимала у себя дважды в неделю, по воскресеньям королевская семья устраивала званые обеды. В Тюильри, как и в Версале, охотно принимали аристократию и знать.

«Я не могу закончить письма, не сказав ни слова о новостях придворной жизни в Тюильри, — писал граф д'Эшерни, одному из своих друзей. — Здесь собирается весьма знатное общество; я такого не видел даже в Версале. Огромный зал, действительно огромный, был заполнен людьми. […] Меня поразила одна вещь — представители революции и контрреволюции в одном салоне. В зале я встретил и герцога, и архиепископа, и депутата Собрания. В Париже такого не было уже очень давно». Эти октябрьские дни сильно изменили ход революции. Национальное собрание последовало в Париж за королем. В Собрании еще оставалось несколько «аристократов», которых называли *врагами революции.* Довольно много монархистов, побоявшись расправы, предпочли вернуться домой. Те же, кто остался, спрашивали себя, смогут ли они вернуть институт монархии под постоянной угрозой бунта, последствия которого были непредсказуемы. Бывшие патриоты разделились па «конституционников», тех, кто ратовал за ограниченную монархию, во главе этой группы стоял Лафайет, и демократов, которые уже начали выражать республиканские мысли, во главе их стоял Робеспьер.

Мария-Антуанетта, казалось, «забыла все, что было личным, и интересовалась лишь общественными делами, не желая влиять на них». Она соглашалась во всем с мнением короля. Все их действия сводились к тайным декларациям, тайным посланиям. С 12 октября король возглавил Бурбонов в борьбе против всех актов, которые были выпущены после 14 июля. Он осознавал себя монархом, поступки и действия которого не были больше свободными. Он передавал свои тайные послания через некоего Фонбрюна, секретного агента, рекомендованного испанским послом. Королева лично попросила Фонбрюна узнать об истинных намерениях Карла IV по отношению к Людовику XVI. Несмотря на то, что ее мысли растекались, она хотела, чтобы «между монархами образовался союз реставрации французской монархии». Она также хотела получить от испанского короля определенные денежные субсидии для оплаты тайных агентов, в

которых король и сама королева отныне так нуждались.

Ожидая поддержки со стороны иностранных монархов, Людовик XVI и Мария-Антуанетта опасались последствий, которые могут породить внешние союзники при столкновении с внутренними. Так, например, они были крайне удивлены инициативой, которую взял на себя граф д'Артуа в Турине. Принц просил Иосифа II, «обращаясь к нему с самыми нежными чувствами, […] помочь зятю и поддержать сестру, а также выполнить свой долг перед верным союзником во имя спокойствия во всей Европе». Он убеждал императора, что все принцы и он сам готовы взять в руки оружие и пролить кровь «до последней капли ради своего короля и Отечества». Это письмо «было для королевы большим удивлением и вызвало у нее недовольство», — писал Мерси. Император поступил довольно мудро с этим чрезмерно активным принцем. «Если бы Вы хотели счастья для Франции, то и король, и королева, и все, от кого это зависело, не упустили бы ни единого средства для восстановления счастья и покоя в стране. И для этого надо прежде всего устранить противостояние, во главе которого стоит партия, называющая себя аристократами. Я не знаю почему, но тот, кто слаб характером, всегда пытается найти силу вовне, осознавая свою несостоятельность сделать добро, он творит зло, и именно это может привести к краху королевство и его личность. Отставки министров, средоточие войск вокруг Парижа — все это вызвало к жизни иллюзию самых коварных и ужасных планов, которые якобы замышлял король против народ, который и без того напуган и истощен. […]

А если все это вызовет гражданскую войну, когда провинция пойдет на столицу или другую провинцию, брат станет сражаться против брата, горожанин — против другого горожанина, как в таком случае собираетесь Вы спасать своего короля? […] Поверьте мне, брат мой, […] никакой поступок не остановит сейчас всех этих несчастий, не вернет Вас на родину и не изменит общественного мнения против Вашей партии *аристократов.* Частные поступки так мало значат, когда речь идет об общих проблемах, и лишь время может прояснить эту смуту, лишь оно сможет ослабить напряжение, и выяснить, кто прав, а кто виноват».

Об этом письме не знали ни в обществе, ни придворные. Разумеется, оно вызвало бы поддержку и одобрение со стороны многих слоев населения. Зато попытки графа д'Артуа стали широко известны, и, безусловно, все решили, что он действовал с согласия или даже по просьбе королевы. Однако, по словам Мерси, Мария-Антуанетта аплодировала ответу императора/

Иосиф написал и лично сестре. К сожалению, это письмо (как многие другие, которые отправлял ей Иосиф) не сохранилось до наших дней. Мы можем лишь предположить, что император *изъяснялся* в том же тоне и с королевой. Содействие монарху и его жене неожиданно оказал Мирабо.

Мирабо по-прежнему оставался лидером Собрания. Оставаясь на страже буржуазной революции, основу которой предложил именно он, оп старался поддержать королевскую власть во избежание контрреволюции и народной диктатуры. Он мечтал совершить революцию совместно с монархией, став первым министром короля. Разочарованный Людовиком XVI с момента открытия Генеральных штатов, он разработал идею смены династий в пользу герцога Орлеанского, который в его глазах представлял оплот английской конституционной монархии — той, что Мирабо хотел установить во Франции. Однако герцогу помешала нехватка силы и размаха, из-за чего его предложение не было поддержано, однако в эти октябрьские дни он старался сблизиться с королем и искал его защиты и поддержки. Мирабо же был тогда сильно связан с графом де Ламарком, бельгийским аристократом, сторонником идеи императора, который теперь был депутатом Собрания. Королева не изволила выслушать этого умеренного человека, который когда-то служил ее матери и кого она знала с момента приезда во Францию. Отношение с Мирабо вызывали у нее недоверие к этому человеку. Ламарк прекрасно понимал все, с трибуны он однажды заявил, что хотел быть полезным королю, когда министры увидят силу и власть Собрания. 7 октября Мирабо обратился к Ламарку: «Если у вас есть средство, чтобы повлиять на короля и королеву, убедите их, что Франция и они погибнут, если королевская семья не уедет из Парижа. Я займусь планом, который позволит обезопасить их отъезд: сможете ли вы убедить их в том, что они могут полностью положиться на меня?». Ненависть государей к этим деклассированным аристократам, которые в их глазах выглядели такими же бунтовщиками, удвоилась после ужасных октябрьских событий. Мария-Антуанетта полностью винила во всем герцога Орлеанского. Может быть, это он предложил Собранию «объявить короля единственной неприкосновенной личностью, тогда как все остальные члены общества, кем бы они ни были, были равны перед законом»? Ламарк пообещал поговорить только с герцогом.

Мирабо не исключал возможности гражданской войны, тем не менее был уверен, что «лишь одно средство может спасти государство и зарождающуюся конституцию — то есть поставить короля в положение, которое позволило бы ему создать коалицию со своим народом». Таким образом, Мирабо делал короля

руководителем буржуазной революции.

В обстановке большой секретности, в полночь, во дворце Люксембург состоялась встреча герцога и Ламарка. Выслушав своего собеседника, который говорил в течение двух часов, герцог отказался беседовать на эту тему с королем. Ламарк ушел «с грустью в душе».

Принц действительно был не на шутку обеспокоен планом Мирабо, о котором рассказал ему Ламарк, поскольку этот план полностью противоречил его собственному. С сентября вместе со своими друзьями, герцогом Леви, графом Лашатром и графом Люксембургом, он разрабатывал план, о котором было известно Монморену еще в Версале. Речь шла о вывозе королевы, короля и их детей в место, довольно удаленное от Парижа. Вместе с их отъездом принц становился регентом королевства. Для осуществления подобного плана нужно было подкупить соучастников, а также нейтрализовать влиятельных лиц первого плана, таких как Лафайет и Балли. Все это стоило довольно дорого, и так как принц в данный момент не имел ничего, ему нужно было взять заем. По совету графа де Лашатра, он доверил финансовое управление этого предприятия маркизу де Фавраксу. Тот неусыпно следил за действиями Лафайета и уже договорился с некоторыми банкирами, когда принц встретился с Ламарком. В таких обстоятельствах граф Прованский решил встретиться с Мирабо, хотя нет ни одного документа, который бы подтверждал этот факт. Открыл ли он свой проект? Естественно, нет, по крайней мере не все, однако Мирабо стал для него в то время одним из тайных советников. Возможно, принц пообещал ему пост первого министра в случае, если придет к власти. Итак, Его Высочество и Мирабо устраивали свое будущее.

В канун рождества Ферзен ни на минуту не покидал королеву. «Наконец, 24 декабря я впервые провел с нею целый день. Представьте себе мою радость, только вы можете чувствовать это», — писал он сестре Софии. Если Мария-Антуанетта и могла почувствовать минуты счастья с этим человеком, который, казалось, посвятил ей всю свою жизнь, то даже эти минуты были омрачены постоянным беспокойством и волнением. На следующее утро по всему Парижу прошел ужасный слух. Газеты писали: «Маркиз де Фапракс был арестован вместе с супругой в ночь на 24 декабря по обвинению в попытке убийства господина де Лафайета и господина мэра. Во главе этого заговора был герцог, брат короля». И подпись: *Барро.* До сих пор осталось невыясненным, кто скрывался за ней.

Полученная информация вызвала у герцога большое беспокойство. Фавракс был, как ему казалось, готов рассказать

обо всем, что знал. Герцог просил разрешения у короля выступить перед Собранием с оправдательной версией. Мы не знаем, что он сказал королю, однако представляется возможным думать, что он рассказывал о плане захвата королевской семьи. Подобный план не мог удивить короля. Разумеется, герцог представил себя защитником Его Величества.

Королева с большим опасением отнеслась к поступку графа Прованского, который мог скомпрометировать королевскую семью, однако герцог действовал с большой ловкостью. Он представил Собранию красноречивый доклад: он узнал Фавракса лишь когда хотел попросить у него заем, который был необходим ему для государственных дел. Что касалось заговора, то он ничего не слышал о нем. Окончил свою речь патриотическими лозунгами. Собрание взорвалось аплодисментами. Никто не подозревал, что эту речь для герцога написал сам Мирабо. Видя в нем лидера, который может вести за собой толпу, в тот же вечер он написал Ламарку, объясняя ему, каким должно быть теперь поведение короля: Людовик XVI обязан утверждать, что возглавляет революционное движение и назначает герцога первым министром. Однако его ждал отказ короля, который действовал под влиянием королевы, а она всегда испытывала недоверие к своему родственнику. Разумеется, Мария-Антуанетта не могла даже представить себе истинных намерений герцога.

Дело Фавракса повлекло за собой настоящий психоз в рядах аристократов. Его обвиняли в контрреволюционном заговоре, имеющем цель убить Балли, Лафайета и Некера. Общественное мнение приписывало этому человеку такую власть и влияние, которых он никогда не имел. Его называли руководителем контрреволюции, он стоял во главе движения, которое должно было убить всех патриотов. «Все слухи, которые существовали в Париже, сводились к одному — вся эта интрига была словно айсберг, большая ее часть была скрыта под водой, и нити управления все равно вели к герцогу», — так писал Дюкенуа.

Этот заговор, в котором королева совершенно не была замешана, разумеется, обернулся против нее. В глазах парижан она хотела скрыть этот преступный план. И доказательством этого стало то, что через несколько дней после казни Фавракса его вдова и сын были приглашены на обед к королю. Этим шагом аристократия хотела преподнести Фавракса, которого повесили 19 февраля, как спасителя короля и тем самым скомпрометировать монархов перед народом. После обеда мадам де Кампан нашла королеву всю в слезах. «Как это ужасно, — говорила та, — когда против тебя люди, которые весь свой талант направляют во зло. Им удалось скомпрометировать меня сразу

перед двумя партиями, представив мне вдову и сына Фавракса. […] Роялисты обвиняют меня в том, что я не проявила участия к горю этой семьи, а революционеры — что я старалась понравиться им». Ни на минуту Мария-Антуанетта не задумалась над тем, кто стоял за Фавраксом и каковы были его истинные цели. Для королевской семьи процесс был очень некстати, но крайней мере ничего хорошего от него не приходилось ожидать. Теперь их обвинили в том, что они притворялись, соглашаясь играть в умеренную революцию. 4 февраля Людовик XVI был торжественно принят в Собрании, где объявил, что и он и королева соглашаются с принятием конституции, в которой он представляется главой революции, во благо народа. Что же касалось королевы, все это утро она провела в постели в слезах — это решение пугало ее своей крайностью. Она пригласила к себе Сен-Приста в надежде, что он поддержит ее. Несчастная королева не могла сдержать слез. Однако в Собрании она вела себя с большим достоинством, ей даже аплодировали, но вскоре ее успех был снова омрачен интригами оппозиции Национального собрания.

Мария-Антуанетта с ужасом поняла, что ничего не получит от иностранных монархов. Ответ короля Испании был весьма уклончив, Карл IV отказался выделить Франции кредит. На деле же в Мадриде к Людовику испытывали только презрение. «Если королю Франции нужны средства удержать свою власть, он не может быть монархом», — не без цинизма заявлял Флоридо Бланка.

Из Австрии королева также не надеялась получить поддержки. 20 февраля умер Иосиф II. Великий герцог Тосканский стал преемником Иосифа под именем *Леопольд II.* Он очень плохо знал Марию-Антуанетту, и никогда не переписывался с ней. Тем не менее он отправил ей довольно теплое письмо по случаю его вступления на трон. Весьма странно, но королева ответила ему только 1 мая.

В конце мая король и королева поздравляли друг друга по поводу сотрудничества с Мирабо. Последний добился от Собрания декрета, который защищал права короля на внешнюю политику: война могла быть начата только по предложению и с санкции монарха, хотя народ был вправе решать, при наличии выбора, мир или война. Мирабо оставался очень скрытным по поводу своих отношений с монархами, однако внезапные изменения уровня жизни породили слух о его «измене». Памфлет о его двойной игре не заставил себя ждать. Атакованный со всех сторон, Мирабо продолжал писать королю подробные отчеты и донесения, которые были довольно пессимистичны, в которых он

старался тем не менее польстить королеве. Именно в письме от 20 июня он упомянул об особой роли королевы: «Король только мужчина, но его жена придает ему уверенность и поддерживает в нем его королевскую власть. Очень скоро наступит момент, когда женщине и ребенку придется испытать свои силы».

Слухи были не лишены оснований. Возникла контрреволюция. Вокруг графа д'Артуа образовался целый комитет, старавшийся оживить на юге старую вражду между католиками и протестантами, последние с большим энтузиазмом воспринимали революционные идеи. В Монтобане, в Ниме, в Тулузе вспыхивали кровавые бунты, которые переместились в Лион, Баланс и Прованс. В Эльзасе принцы попытались использовать тот же способ религиозной ненависти. Эти бунты позволяли графу д'Артуа надеяться на то, что он сможет вернуться во Францию победителем. Король и королева, которые не хотели возвращать свою власть при помощи знати, возглавляемой принцами, постарались воспрепятствовать событиям, о которых они знали далеко не все.

6 июня под крики толпы: «Счастливого пути!», король и его семья покидали Париж. Этот отъезд стал причиной необычайного оживления в городе. Вся королевская гвардия провожала королевскую семью. Хотя Мария-Антуанетта уезжала с тяжелым сердцем, она все же испытывала облегчение, покидая столицу, где чувствовала себя в опасности. Приехав в Сен-Клу, она начала обдумывать встречу с Мирабо. «Нужно было иметь смелость, чтобы согласиться на встречу в такой момент», — говорила она Мерси 12 июля.

Встреча с Мирабо готовилась спокойно и без спешки. Ее назначили на 3 июля, на заходе солнца, в апартаментах королевы, вероятно, в присутствии короля, если верить Ламарку и историкам, которые могли *придумать* то, чего не знали. Нам очень мало известно об этой встрече. Согласно Ламарку, королеве не удалось подавить в себе «страх и испуг», когда она находилась в присутствии Мирабо. Но словам мадам де Кампан, Мирабо сказал королеве в конце встречи: «Мадам, монархия спасена!». Они оставались вместе около 40 минут. Это все, что можно утверждать. Все остальное лишь литературный вымысел. Что же касалось королевы, она не верила никому. Несмотря на всю таинственность и осторожность, с которой организовывалась эта встреча, слухи о ней распространились по Парижу.

В Сен-Клу король и королева вновь ощутили настоящую придворную жизнь, которая напоминала жизнь в Версале. Король часто ездил на охоту. Возобновились вечера и прогулки. Вновь ставили комедии и устраивали концерты. В Париже говорили о

том, что в Булонском лесу и Багатели скрывались роялисты, Людовик XVI собирается вновь захватить королевство с помощью иностранных войск. «Многие обсуждали эту тему, одни из страха, другие из любопытства», — свидетельствует «Тайная переписка». Хотя жизнь королевы сильно изменилась в связи с переездом в Сен-Клу, она не скрывала опасений по поводу патриотического движения. «Она начала говорить мне о печальном положении, в котором находились она, король и дофин, — рассказывал посол Испании. — И постоянно высказывала неуверенность в своей судьбе, которая должна была решиться 14 числа в день Федерации». Мария-Антуанетта часто плакала, как свидетельствует графиня де Буан, в те времена маленькая девочка Аде ль д'Осмонд. «Она была на террасе, вся в слезах, продолжает графиня де Буан. — Мое сердце сжалось, и я заплакала. Королева опустилась на колени и прижала меня к себе. По мне текли ее слезы. До сих пор слышу ее слова: „Успокойся, успокойся, милая моя Адель“. Я навсегда запомнила это. Оно живет во мне до сих пор. […] Королева была в белом платье, украшенном оборкой лилового цвета, на голове большая соломенная шляпа с широкими лиловыми лентами, которые развевал ветер».

Остатки королевской семьи уезжали в Париж под проливным дождем утром 14 июля. На Марсовом поле был сооружен грандиозный амфитеатр, вокруг которого толпились сотни депутатов, приехавшие со всей Франции, чтобы отпраздновать патриотическое единение короля с народом, которое означало начало новой жизни. Нарядно одетый, в костюме национальной гвардии, дофин был единственным из королевской семьи, кто улыбался на этом празднике. У короля был как никогда мрачный и отрешенный вид. Он отказался давать клятву на народном алтаре и просидел весь праздник в своем кресле, совершенно безразлично, некоторые сказали бы даже «презрительно». Королева «делала над собой большое усилие, чтобы скрыть дурное настроение, ей это более или менее удавалось». Такое отношение монархов сильно разочаровало народ. И если возгласы в честь короля раздавались достаточно часто, то в адрес королевы не прозвучало ни единого. Когда она поднималась, слышалось лишь: «Да здравствует народ!». Марии-Антуанетте так и не удалось вернуть популярность.

Глава 24. ПСИХОЗ

После патриотических «торжеств» Мария-Антуанетта вновь вернулась к своей обычной жизни в Сен-Клу. Каждый вечер она принимала у себя Ферзена, с которым могла встречаться теперь более открыто, чем в Тюильри. «Я предоставил ей полные удобства, — писал Лафайет, — ее апартаменты не охранялись, так что эти визиты оставались незамеченными, чем она охотно пользовалась. Она сумела внушить королю относиться к ней с большим тактом и скромностью. Так что с его стороны ее не ожидало никаких неожиданностей и неприятностей». Тем не менее в Сен-Клу, как и в Париже, за королевой тщательно следили. Помощник Лафайета спал в ее приемной под предлогом охраны. Однако это не мешало ей принимать Ферзена. Он остановился в деревне неподалеку, у своего друга, откуда добирался до Сен-Клу верхом. «Мне доложили, — рассказывает Сен-Прист, — что однажды сержант королевской гвардии, увидев Ферзена, выходящего из дворца в три часа ночи, чуть не арестовал его. Я счел своим долгом попытаться убедить королеву в том, что присутствие графа, его частые визиты могут быть очень опасны. В ответ услышал: „Скажите об этом ему, что касается меня, я не придаю этому никакого значения“».

Никогда еще отношения между графом Ферзеном и королевой не были столь нежными. В письмах своей сестре, с которой он очень откровенен, он не перестает упоминать о несчастьях, которые приходится переносить его любимой женщине. «Самое совершенное создание, которое когда-либо видел. […] Она была так тронута тем, как вы написали о ней: в несчастье проявляются все лучшие стороны души. Бедная, она заслуживает совсем иного. […] Она так несчастна, однако ее смелость просто поразительна. Настоящий ангел! Я передал ей от вашего имени все, что вы просили, и она была очень тронута. Ради нее я готов на все. Она слишком хороша для меня. […] Я расстроен, что не могу оградить ее от всех этих бед и сделать счастливой, как она того заслуживает». В начале августа Ферзен провел два дня у герцогини Фицджеймс, за городом. Однако эти прекрасные дни были омрачены лишь одним — отсутствием королевы. «Я не могу быть счастливым без пес, мне ее […] не хватает», — говорил он.

Романтичный поклонник королевы был также и негласным советником королевской семьи. Ни король, ни королева не скрывали от него своих планов в отношении Мирабо. Он достаточно подробно излагает эту весьма странную ситуацию —

не давая тем не менее никаких объяснений. В своем письме отцу, датированном началом февраля, он пишет так: «Мое положение при дворе отличается от положения обычного придворного, — писал он. […] Я очень привязан к королю и к королеве, которые всегда очень добры ко мне, и, с моей стороны, было бы крайне неблагодарно покинуть их в такой момент, когда я могу быть им полезен. Помимо их доброты ко мне, они очень откровенны со мной, что, разумеется, льстит мне». Вот уже несколько месяцев Ферзен горячо убеждал королеву покинуть Париж. Оставаясь наедине, они строили сказочные планы, реализация которых была весьма призрачна и туманна. «Лишь война, внешняя или внутренняя, может спасти королевскую власть во Франции, но как сделать это, если король стал парижским пленником? — ломал голову Густав II. — Необходимо вывезти короля из столицы».

Патриоты не ошибались, когда представляли себе размах и силу контрреволюции летом 1790 года. В личных апартаментах, при поддержке любовника, королева разрабатывала контрнаступление короля. Все эти мысли укрепляло чтение Библии, в частности «Деяния святых Апостолов». Она отправляла за границу и получала оттуда тайные сообщения, совершала долгие прогулки верхом, и многие думали, что это было подготовкой к побегу.

Видя, как королева позволяет втягивать себя в контрреволюционные заговоры, Мирабо пытался предупредить ее об опасности, а также о возможных ошибках, которые она могла при этом совершить. «Самая большая ее ошибка, — замечал он, — была в том, что она старалась подключить к этому заграницу». Однако он видел, что его задача с каждым днем становилась все более и более трудной и практически невыполнимой. Записи, которые он сделал 13 августа, подтверждают всю серьезность обстановки, а также решимость, с которой действовали монархи: «В данных обстоятельствах существуют четыре опасных врага, которые лишь удвоят свои силы при дальнейших попытках: налог, банкротство, армия, зима. Я хочу сказать, что к событиям нужно готовиться, управляя ими. В двух словах: гражданская война, может быть, даже необходима. Вопрос, нужно ли подтолкнуть ее или, наоборот, предотвратить». По его мнению, гражданская война становилась неизбежной, при этом король и королева должны были серьезно готовиться к ней, заручившись поддержкой армии. Начав советовать им «политику худшего», он разрабатывал план, подробностей которого тем не менее еще не мог представить. «Мне нужно обдумать целый ряд частностей», признался он в конце концов. Через три дня он стал более настойчив: «Настал момент, когда нужно выбирать между

активной и пассивной ролью короля, поскольку нерешительность лишь накаляет антагонизм, пробуждает недоверие и приводит к совершенно не предсказуемым последствиям».

Подобные предложения приводили королеву в ужас, о чем она подробно рассказывала Мерси. «Как Мирабо могло вообще прийти в голову, чтобы мы начали разжигать гражданскую войну?» — говорила она послу. Она отказывалась от новых встреч с Мирабо и одновременно не переставала разрабатывать свой план действий. От Мирабо она взяла идею побега королевской семьи с помощью верных монархии войск. Однако, по ее мнению, спасти монархию могли лишь европейские союзники. Именно поэтому она отправила в Вену своего тайного агента господина Сирселло, посла в Неаполе, который должен был описать Леопольду II все «ужасы и несчастья, в которые попала его бедная сестра». «Именно за границей мы сможем найти источник силы и поддержки», — писала она императору, желая объяснить роль и задачу тайного посланника.

В начале сентября королева, вероятно, думала, что контрреволюция начнется столкновением солдат королевского гарнизона с солдатами швейцарской гвардии, которых поддерживали революционеры. Репрессии, последовавшие за военным мятежом в Нанси, дали королю и королеве надежду, что генерал гвардии сможет спасти французскую монархию. Ферзен пророчил наступление счастливых дней для королевской семьи. «Нищета чувствовалась повсюду, она усиливала недовольство, и положение короля можно было назвать только крайне плохим, но надо было запастись терпением и дождаться зимы, и лишь после этого нужно будет действовать», — писал он 5 сентября 1790 года, намекая на тайный план, целью которого, по всей вероятности, была реставрация монархии. Угроза, нависшая над революционным движением, лишь удвоила ненависть и стремление патриотов к победе. В стане якобинцев готовились новые народные мятежи: таким образом революционеры хотели принудить короля отправить в отставку своих министров. Ползли слухи, что в Париже гражданская война начнется еще до 22 сентября. Говорили также о необходимости вернуть Людовика в столицу. Народная ненависть к королеве возрастала. Шептались, что «коварная и мстительная» женщина устроила концерт по случаю победы контрреволюционных сил в Нанси. Не проходило и дня, чтобы король не узнавал о новых волнениях и мятежах. «При дворе плетутся дьявольские интриги, каких я никогда не встречал. Министры, аристократы и господин дю Шатле явно связаны между собой», — писал автор «Тайной переписки». Этот наблюдатель утверждал, что «новая трагедия» была совсем

близка. «Аристократы хотели ее, демократы тоже, и обе партии готовились к ней, не скрывая», — добавляет он. Людовик XVI и Мария-Антуанетта очень боялись народных волнений. Мирабо не хотел им говорить, что они мало коснутся их и будут скорее «полезны им, чем наоборот». Под давлением внешних обстоятельств Людовик XVI неожиданно решил заменить кабинет министров. Некеру, доверие к которому исчезло вместе с его бессилием перед финансовым кризисом, было предложено уйти в отставку по собственному желанию. Он уехал в Швейцарию, не проявляя при этом никаких амбиций. Король утвердил новый кабинет, который отвечал желанию Лафайета: Дюпорт Дютертер, друг Лафайета, был назначен министром финансов, Пасторе заменил Сен-Приста на его посту, Лессар стал преемником Некера, Дюпорт сменил Дюпена. Только Монморен остался на прежнем посту министра иностранных дел. Этот выбор показался очень подозрительным для таких патриотов, как Марат. Сторонников Лафайета считали теперь продавшимися двору. Министерские изменения не успокоили народ. 6 октября планировали отпраздновать годовщину, отметив ее «кровопусканием, необходимым для лечения аристократического вируса».

Однако ничего особенного в этот знаменательный день не произошло, хотя поговаривали о новом заговоре Балли, который планировал побег королевской семьи в Руан. Монархи могли уезжать на довольно далекие расстояния от Сен-Клу, но всегда возвращались во дворец. Правда, однажды они задержались на прогулке так долго, что даже их приближенные поверили в побег. Все думали, что они уже далеко, как вдруг те появились. «Можно подумать, что во всех планах, которые изменялись каждый день, не было ни одного человека, который смог бы возглавить побег», — писали в «Тайной переписке». Несмотря на то, что источник был хорошо осведомлен, он не знал еще об одном тайном заговоре — барона де Бретеля, который и был настоящим планом побега.

Поселившемуся в Швейцарии сразу же после отъезда из Франции 14 июля 1789 года барону де Бретелю так и не удалось уразуметь, каковы же истинные намерения Людовика. Как и Мирабо, Бретель мечтал о реставрации монархии. Однако у них были совершенно разные представления о новой монархии. Мирабо мечтал о монархии по английскому образцу. Бретелю был ближе старый режим абсолютизма, разрушенный уступкой 23 июня 1789 года.

Через посредника, епископа Памьера — господина д'Агу, который отправлялся во Францию, Бретель передал королю

письмо, в котором предлагал «принять следующий план», чтобы положить конец «нерешительности, которая дает возможность партиям предпринимать свои шаги». Итак, он предлагал «покинуть Францию […] и остановиться в каком-нибудь надежном месте за пределами страны, находясь при этом под защитой войск Булье, к которому должны будут присоединиться австрийские войска».

Королева нашла этот план слишком опасным. В случае провала монархия будет уничтожена окончательно. Она считала, что «лучше просидеть лишний год в заточении, чем […] быть навсегда свергнутой». Не дав Бретелю определенного ответа, Людовик поручил ему вести переговоры от с его имени с иностранными дворами. «Я избрал вас для чрезвычайно важной миссии, вам доверена судьба французской короны. […] Я хочу, чтобы вы представляли меня, и наделяю вас всеми полномочиями в переговорах с иностранными державами, которые вы сможете устроить. Вы знаете мои намерения, и я рассчитываю на вашу осторожность и осмотрительность, я одобрю любой Ваш шаг на пути к нашей обшей цели: возвращению моей законной власти и счастью народа».

В конце октября король и королева по-прежнему находились в Сен-Клу. Мария-Антуанетта всеми возможными способами старалась продлить их пребывание там. Однако ей удалось выиграть лишь несколько дней, под предлогом ее больного горла они задерживались в Сеи-Клу, но 1 ноября им необходимо было вернуться в Париж, в Тюильри. Столица встретила их ледяным молчанием. Вся общественность была настроена против королевы. Вновь распространились памфлеты и грязные стишки о ней, которые стали еще более отвратительными, снова всплыла история с мадам де ла Мотт.

С момента приезда Марии-Антуанетты в Париж Лафайет не раз упоминал о разводе. «Он использовал все средства, чтобы пугать ее», — докладывал Ламарк Мерси. Надменность и холодность королевы не могли никого обмануть, она действительно была сильно встревожена этим разговором. Лафайет не на шутку решил заманить Ферзена в капкан, говоря ей о подозрениях в супружеской измене. Многие министры рассчитывали, что процесс о супружеской измене уничтожит королеву. Министр финансов, например, даже не скрывал этого. Когда Монморен озабоченно заявил, что «жестокое отношение и нападки не прекращают подпитывать народную ненависть, целью которой могла стать провокация убийства королевы», однако его коллега холодно отвечал ему, «что речь шла вовсе не об этом, они имели в виду только процесс». «Что, — закричал Монморен, —

вы, министр короля, и согласитесь на подобную низость?!» «Ну, — ответил тот, — а если нет другого выхода?» 13 ноября, разграбив дом маршала де Кастри, обвиненного «в преступлении против народа», огромная толпа ринулась в Тюильри, громко понося королеву. У Людовика XVI сдали нервы, и он заперся в своих апартаментах, тогда как Мария-Антуанетта отдавала приказы национальной гвардии: закрыть ворота, усилить охрану перед дверью. Вдохновленные королевой, солдаты выстояли против оголтелой толпы и оттеснили ее. Если королева и не знала об истинном отношении парижан к себе, то, должно быть, узнала об этом в тот день, 13 ноября. Все новые и новые провинции заражались парижским мятежом. Нам известно, что на юге Виваре несколько тысяч аристократов готовы были выхватить шпаги в защиту французской монархии. Они ждали новой волны эмиграции, чтобы поднять настоящее восстание. Король Сардинии и император собрали войска на границе Австрии и Испании. Вместо того чтобы запугать восставших, все эти приготовления лишь усложняли судьбу монархов. Во Франции, где католицизм признан государственной религией, епископы и кюре явились рупором народа. В гражданской конституции духовенство делило свою духовную миссию с миссией общественной. Рим же и высшее духовенство не поддерживали подобных направлений. Король обязан был разделять мнение епископов. Таким образом, он оказывался перед сложной дилеммой: если он не одобряет закон, то рискует вызвать тем самым народный гнев, а если одобряет, то зарабатывает дурную славу перед Римом. Он решил поручить кардиналу Берни особую тайную миссию: объяснить в Риме, что его выбор определен рядом обстоятельств и он не свободен в нем.

Королева была вне себя от ярости. Несмотря на опасность, которую представлял план Бретеля, отныне она решила последовать ему в самое ближайшее время. Король, измученный последними событиями, касающимися подписания закона о духовенстве, на этот раз решил послушать свою жену. Пока барон продолжал вести тайные переговоры от имени короля, сын Булье в декабре приехал в Париж, чтобы уточнить различные пункты плана. Ферзен принял молодого человека от имени монархов. Для выполнения плана требовалось 15 миллионов. Было обещано решить все трудности, связанные с финансовыми вопросами, договорились также, что после побега король, королева и их дети остановятся в крепости Монмеди, которая находится недалеко от границы. Людовик XVI не хотел, чтобы его обвинили в желании эмигрировать, поскольку, согласно конституции, в этом случае он лишался короны. Королева настаивала на том, что ни при каких

обстоятельствах не желает расставаться ни с королем, ни с детьми, тогда как Булье думал совсем наоборот. Он считал, что королевская семья должна ехать отдельно в легких каретах, что значительно увеличит скорость передвижения. Правда, принимая во внимание ненависть, которую испытывает народ к ней, королева вполне резонно боялась оказаться жертвой в случае, если будет арестована одна. Мария-Антуанетта отправила Булье письмо, в котором были изложены все эти разногласия. Вдохновленный программой 23 июля 1789 года, Людовик XVI опубликует манифест, который должен будет объединить всех сторонников монархической власти. Вдали от Парижа, находясь под охраной войск, в окружении своих приближенных, Людовик XVI станет судьей во всех конфликтах, разрывающих Францию на части. Тем не менее, по словам короля и королевы, успех задуманного зависел только от императора, немецких принцев, Швейцарии и Испании. Королева хотела, чтобы все сподвижники короля почувствовали поддержку и опору. Людовик XVI и Мария-Антуанетта оставались убежденными в случайности революции, таким образом, порядок мог быть восстановлен по одному лишь приказу короля.

После разговора с сыном Булье монархи и думать забыли о Мирабо и его планах. Последний настаивал на том, что невозможно вернуться к прежнему режиму, не принимая во внимание революции 1789 года. Отказаться от принципов конституционной монархии означало отказ от самого режима монархии. Сторонник равновесия в политики Мирабо все же хотел реставрировать монархию. Для этого нужно было прежде всего, чтобы король и королева официально отказались от контрреволюции. Опираясь на большинство, король, находясь вдали от столицы, распустит Собрание и проведет выборы. Будут вновь избраны депутаты, доверяющие конституционному строю. Очевидно, эти выборы должны быть «подготовлены» так, чтобы избрать нужных людей.

Для осуществления программы королю и королеве пришлось бы вновь завоевать любовь народа. «Ненависть к королеве во многом определяется ненавистью к министрам и правительству, — считал Мирабо. — […] Нужно, чтобы королева убедила народ в своем желании служить обществу, ее поведение приобрело иной характер и министры в определенной степени поддержали революционные идеи. Все это сможет вернуть ее популярность». Предполагалось, что королева изменит свои убеждения и согласится с условиями, принятыми в 1789 году.

Король не признавал многого в этих планах. Он отказывался от гражданской войны, так же как и от религиозной. Он

предпочитал уехать как можно дальше от Парижа вместе со своими приближенными, опираясь на поддержку могущественных иностранных держав. Он был убежден, что однажды его «добрый народ» оценит его, и он вернется в Париж победителем. «Я предпочитаю быть королем Меца, чем оставаться королем Франции в подобном положении», — скажет он позже Булье. В конце декабря Мария-Антуанетта дождалась, наконец, того, что Людовик XVI решился па план Бретеля и Булье.

Пятого января 1791 года королева предупредила испанского посла о побеге, однако не уточнила дату. После долгих раздумий она спросила у посла, «можно ли рассчитывать на Испанию — в какой форме и в какой мере»? Взволнованный и удивленный подобной откровенностью Фернан Нюнез слушал, не перебивая, «эту отчаявшуюся, доведенную до крайности женщину». В течение следующих недель Мария-Антуанетта предприняла подобные демарши в отношении всех своих друзей, начиная с Вены. Однако повсюду получала довольно уклончивые ответы. Ни один король не хотел открыто поддерживать Людовика, пока… Все ждали решения императора, который, казалось, не был готов к военному вмешательству. Мария-Антуанетта чувствовала себя совершенно измученной и отчаявшейся. Мерси покинул Париж еще в октябре предыдущего года — Леопольд II поручил ему необычную дипломатическую миссию, а затем назначил австрийским губернатором Брюсселя. Теперь она вела активную переписку с ее бывшим наставником и братом. Последний довольствовался лишь тем, что «искренне и нежно интересовался ее положением». Напуганная отказом многих стран в поддержке, королева умоляла брата повлиять на другие государства: «Развитие и успех этого дела сейчас полностью зависит от скорости, — писала она ему 27 февраля. — Они не думают о тех последствиях, которые может иметь эта революция. Революционные идеи могут перекинуться на многие страны Европы. Испания ответила нам, что поможет своей армией лишь в том случае, если то же самое сделаете вы. Король Сардинии поступил примерно так же».

Леопольд все еще противостоял настойчивым просьбам. «Обстоятельства сейчас очень сложны, […] в настоящий момент я не могу посоветовать вам принять определенное решение, — ответил он сестре. — Самой надежной мне представляется тактика выжидания, мы должны выиграть время, чтобы дождаться наиболее благоприятных обстоятельств, которые могут представиться, поскольку, несмотря на все мое желание, я не могу помочь вам без поддержки могущественных дворов Европы, а союз с одной лишь Швейцарией или Сардинией не кажется мне достаточно убедительным».

Подобные доводы приводили королеву в отчаяние. «Легко советовать быть осторожной и выдержанной, когда находишься далеко, ио это невозможно, когда к твоему горлу приставлен нож». Невероятный страх одолевал королеву, она теряла хладнокровие, в присутствии посла Швейцарии позволив себе сказать, что «если европейские державы ие вытащат королевскую семыо из этой ужасной ситуации, то в один прекрасный день они сами окажутся в подобной». В ответ она получила лишь уверения немецких принцев, которые соглас тлись бы ей помочь в обмен на территориальные компенсации.

В течение нескольких дней Мария-Антуанетта попрежнему продолжала надеяться. «Бедная женщина, […] жаль видеть ее в подобном состоянии, когда она готова пойти на любой шаг, который сможет спасти ее», — отмечал посол Нюнез.

В феврале атмосфера в Тюильри особенно сгустилась. Тетушки уехали в Рим под предлогом праздника Пасхи, который хотели отметить в Святом городе. Никто не осмеливался препятствовать этому, и при дворе вновь заговорили об отъезде короля. Путешествие тетушек, правда, было сопряжено с рядом трудностей. Они были остановлены в Арпе-Ледюк и смогли отправиться дальше лишь после вмешательства Собрания, подтвержденного приказом короля. Это событие вызвало большое оживление со стороны общественности. 22 февраля огромная толпа, настроенная довольно решительно, захватила дворец Люксембург, резиденцию принца, чтобы убедиться в том, что он не собирался покидать Париж. С невероятным хладнокровием граф Прованский попытался образумить толпу, которая насильно доставила его в Тюильри. Спокойствие было вновь нарушено. Все ожидали новых всплесков контрреволюции. Через неделю, 28 февраля, несколько представителей знати, вооруженные шпагами, охотничьими ножами и пистолетами, отправились в Тюильри защищать своего монарха. В ответ парижане пошли па Венсеннский дворец, бывшую государственную тюрьму. Собрание и король опасались, что повторится новая Бастилия, поговаривали, что бунтовщики после Венсенна отправятся на Тюильри. Волнения улеглись, и в пригороде установилось относительное спокойствие. Лафайет отправился в Тюильри, где разоружил аристократов, желавших защищать короля. Убежденный в том, что этот шаг будет поддержан народными массами, на самом деле Лафайет лишь скомпрометировал себя как в глазах восставших, так и в глазах защитников монархии.

Мария-Антуанетта и Людовик XVI боялись не только за себя, но и за своих детей. Король редко покидал свои апартаменты; его слуги утверждали, что он боялся. Королева же, наоборот, гораздо

чаще, чем раньше, показывалась со своей дочерью и дофином на прогулках по столице. Она призналась Сен-Присту в том, что хотела усыпить бдительность парижан. Стало известно, что она довольно часто принимает у себя молодого Ривароля, талантливого королевского публициста, что еще больше компрометировало ее в глазах парижан. «Двор по-прежнему пребывал в тоске и оцепенении», — писал автор «Тайной переписки». После долгих колебаний была назначена дата побега — 20 июня.

Император, наконец, решил вмешаться. Он начал с того, что старался убедить европейские державы в необходимости защитить короля Франции. Затем дал приказ Мерси распоряжаться деньгами и финансами. «Пусть ваш план завершится успешно!» — писал он сестре 12 июня. Однако королевской семье суждено было покинуть Париж, не зная о последнем решении Леопольда.

Глава 25. ВАРЕНН

Утром 20 июня 1791 года в Тюильри царила печальная и давящая атмосфера. После мессы королева закрылась в апартаментах, король удалился в кабинет. Как обычно, у принцессы были занятия. На улице дофин играл со своей гувернанткой. Даже самый внимательный и любопытный наблюдатель вряд ли смог заподозрить что-либо. Однако король уже написал свое обращение ко всем французам, королева позвала к себе, как обычно, Леонарда, парикмахера, однако теперь его ждало особое поручение. Она отправив, а непревзойденного мастера причесок к герцогу Шуазелю передать ему королевский парадный костюм, драгоценности королевы и маршальский жезл для Булье.

Король и королева собирались рассказать о своих планах принцессе Елизавете лишь после обеда, по традиции он проходил в присутствии всей королевской семьи. Через некоторое время объявили приход Ферзена. Он явился уточнить последние тонкости, связанные с отъездом, который осуществлялся под его руководством. «Я никогда не забуду того, что вы сделали для меня», — взволнованно сказал король, и вскоре ушел, оставив королеву наедине с ее рыцарем Она много плакала в тот день. Ферзен ушел от нее только в четыре часа. Как и планировалось, Мария-Антуанетта повела детей в любимое место всех парижан, Веселый сад. После прогулки она велела гувернанткам покормить и уложить детей.

Затем Мария-Антуаиетта удалилась в свои апартаменты, где ее ждали гвардейцы Мустьер, Мальден и де Валори, проникшие во дворец тайно. Все трое должны были сопровождать королевскую семью до Монмеди.

Беспокойства королевы начались еще за ужином в присутствии принца и его жены. Король предупредил своего брата лишь за неделю, не сказав ему, куда именно они отправляются. В тот вечер он ему сообщил, что едет в Монмеди. Не зная судьбы своего старшего брата, будущий Людовик XVIII должен был тоже разработать, со своей стороны, план побега. Он решил отправиться по дороге в Валансьен на легких каретах вместе со своим другом. Чтобы запутать следы, его жена должна была поехать по совсем другому маршруту вместе с мадам Гурбильон.

В 10 часов Мария-Антуанетта разбудила детей, их переодели в простые платья, дофина обрядили девочкой, чтобы избежать риска быть узнанными. Приключения начались. Пройдя

сложными и запутанными ходами, через многочисленные апартаменты, где уже долгое время не ступала ничья нога, они вышли вместе с детьми и мадам Турзель на задний двор. Перед экипажем стоял Ферзен, одетый извозчиком, и ждал их. Мария-Антуанетта передала детей гувернантке и быстро вернулась в салон, где ее отсутствия, казалось, никто не заметил. Как обычно, без четверти одиннадцать королевская семья расходилась по своим спальням. Принц и его супруга отправились в свой замок.

В половине двенадцатого ее вечерний туалет был закончен, королева легла и отпустила горничных. Мгновение спустя она уже на ногах стремительно проходит в кабинет, надевает утреннее платье и большую черную шляпу. Покидая апартаменты, она резко останавливается, увидев часового. Солдат прохаживался взад-вперед. Воспользовавшись моментом, когда тот повернулся спиной, она проскользнула на лестницу, еле переведя дух от страха. Сотрясаясь от бившей ее изнутри дрожи, быстро повторила тот путь, по которому вела детей часом раньше. У выхода ее ждал Мальден, который должен был проводить се до экипажа, стоящего на углу улицы де Лешель. И вот новая неожиданность: она видит карету генерала, неумолимо приближающуюся к ней. Но Лафайет проехал, не заметив ее. Королева, облегченно вздохнув, направилась дальше. Спутник королевы очень плохо знал Париж, не мог найти дорогу к карете и долго петлял маленькими улочками. Пришлось спросить дорогу у часового. Вскоре они вышли к карете, в которой Мария-Лнтуанетта увидела своих детей. Людовику XVI повезло гораздо больше, чем его жене. В зеленом сюртуке, круглой шляпе и меняющем его внешность парике он легко вышел из дворца и прошел по Парижу без всяких приключений. Узнать его было очень трудно. Опоздание королевы начинало беспокоить его, и он уже хотел возвращаться за ней. Наконец, она пришла. Супруги обнялись. Спасены!

За полночь карета отправилась в путь. Прежде чем покинуть Париж, Ферзен убедился, что были учтены все детали, он даже проверил рессоры на карете королевы. Не предупредив пассажиров, он сделал круг по улице де Клиши, прежде чем отправиться к воротам Святого Мартина. Это неожиданное изменение маршрута очень удивило короля, который довольно хорошо знал план Парижа. Он забеспокоился, думая, что их проводник ошибся дорогой, но вскоре они благополучно прибыли к воротам столицы. По счастью, в этот вечер стражники гуляли на свадьбе. Вскоре карета уже была на дороге в Бонди. Но где же дорожный экипаж, куда они должны пересесть? Ферзен спрыгнул с места кучера и пошел на поиски. Дорожная карета стояла

немного дальше по дороге и ждала их уже два часа. Пассажиры быстро пересели в этот небольшой дилижанс. Светало, Ферзен подошел к королю, умоляя его позволить их сопровождать. Людовик XVI тепло поблагодарил молодого графа, но категорически отказался от его предложения. Ферзен должен был присоединиться к королевской семье в Монмеди, проехав через Бельгию. Все было готово к долгому путешествию. «Прощайте, мадам де Корф!» — громко сказал Ферзен, услышав приближение незнакомой кареты.

В карете пассажиры смогли, наконец, дать волю своим эмоциям. Будущее казалось им неопределенным. Но тем пе менее все были уверены в успехе, если не в триумфе. Они сильно рисковали, покидая Париж. Както похоже на забавные спектакли, что ставили в Трианоне, только в жизни это не было комедией. Но все же премьера прошла на ура! «Мадам де Турзель должна была представляться баронессой де Корф, — рассказывала принцесса через много лет, — мать ехала как мадам Роше, гувернантка детей, отец — под именем Дюрана, слуги моей тетушки, которая звалась теперь Розали, мы с братом были дочерьми мадам де Корф, нас звали Амели и Аглая».

В шесть часов карета проехала город Мо. Король решил подкрепиться едой, которую заботливо приготовил Ферзен. В восемь часов пассажиры кареты смеялись над глупостью Лафайета. Чувство свободы изменило монарха, он был словно опьянен ею.

Людовик XVI был не первым королем Франции, который покидал столицу, чтобы покорить ее вновь через какое-то время. Генрих III, например, был вынужден бежать в Сен-Клу, спасаясь от нападок Лиги. Анна Австрийская, регентша юного Людовика XIV, бежала с ним среди ночи в Сен-Жермен. А король Генрих IV, после скольких скандальных эксцессов он вернул себе власть? Людовик XVI думал, суждено ли ему стать новым Генрихом? Он вспоминал о Карле Английском, историю которого он знал еще с детства. Тюрго написал ему 15 лет назад: «Сир, не забывайте, что Карла привела на эшафот его собственная слабость». Покидая Париж, Людовик XVI верил, что сможет доказать свою власть. В его глазах Собрание совершало настоящее преступление, отделяя его от государства. Победить людей, совершивших преступление против монархии, окончательно уничтожить конституцию, установить в государстве власть короля — именно так представлял себе Людовик свой священный долг монарха. Однако не эти высокие мысли посетили королеву. Для нее бегство, о котором она так долго мечтала, означало свободу и спасение жизни.

В семь часов в Париже заметили исчезновение королевской семьи.

Были разосланы курьеры в 23 департамента с приказом задержать короля. Людовик XVI становился жертвой контрреволюционного заговора.

Тем временем королевская карета продолжала свой путь. Они уже не торопились. Убежденные в счастливом окончании своего путешествия, король и королева время от времени делали остановки, прогуливались по дороге. Их видели и узнавали. Какая теперь разница! Речь шла о добрых крестьянах, по-прежнему любящих своего короля. Людовик XVI больше не старался прятаться. Теперь уже все вокруг знали, что в карете едет королевская семья. Но вскоре весть о побеге короля обогнала самого короля. В Шалоне все узнали короля и королеву, однако при этом не проявили никакой враждебности. Людовик XVI и Мария-Антуанетта больше не волновались. Несмотря на трехчасовое опоздание, они приближались к цели. На выезде из Шалона на мосту их ждал вооруженный конвой Булье, который должен был сопровождать королевскую семью.

Король и королева неторопливо продолжали свой путь. Измученные дорогой путешественники уже спали, когда в 11 часов они добрались до Варенна. Там они не смогли получить лошадей, поскольку те были нужны начальнику почты. Итак, им пришлось остановиться в первом же доме. Солдаты тщетно пытались найти сменных лошадей. Они теряли драгоценное время. Король вышел из кареты и постучал в дверь. Чей-то гневный голос приказал ему убираться. Разозлившись королева постучала в другую дверь, которую также не открыли. Наконец, лошадей нашли и карета снова собиралась продолжить свой путь. В тот момент, когда она находилась уже под сводом ворот, около дюжины вооруженных людей преградили путь. Лица у них были явно не дружелюбные. Сое, прокурор города, открыл дверь и потребовал у пассажиров паспорта. Король протянул документы, а королева, позабыв о своей роли служанки, заявила, что они очень спешат. Документы в порядке и не было никаких причин задерживать путешественников. Тем не менее начальник почты Друэ настаивал на задержании. Он был убежден, что человек в парике, не кто иной, как сам Людовик XVI. Сое предложил пассажирам выйти из кареты и отдохнуть у него. Нужно ведь во всем разобраться. Двое вооруженных солдат пригрозили, что откроют огонь, если задержанные попытаются удрать.

«Мой отец, — писала принцесса через много лет, — сидел в углу комнаты, где висел его портрет. Мама и мадам де Турзель, не переставая, кричали, что нас несправедливо арестовали». В

течение часа господин Сое в присутствии других жителей города пытался заставить короля признаться в том, что он и есть беглый Людовик XVI. Король продолжал все отрицать, до тех пор пока его не привели к судье, который раньше жил в Версале. Тот поклонился. «О, Сир!» — воскликнул он. Людовик XVI уже больше не сопротивлялся и начал излагать трогательную историю, которая должна была дойти до сердец этих отцов семейств: он покинул Париж, чтобы спасти свою семью и оказаться среди его добрых подданных, в которых он продолжал верить. Несмотря на все его трогательные излияния, жители города не были намерены отпускать его. Время шло, они по-прежнему пытались убедить короля вернуться в Париж. Королева пыталась уговорить мадам Сое повлиять на своего мужа. На что добрая женщина сказала, что ее муж рискует головой, вмешавшись в это дело. Она любила своего короля, но мужа своего она любила больше.

Во время следующих нескольких часов король принимал многочисленные делегации, которые приходили уговорить его вернуться в Париж. В гостиной у господина Соса сидели в ожидании новостей. Маленький город Варенн пережил сегодня историческую ночь. Вскоре капитан Дезлон, который ждал короля в условленном месте, приехал, наконец, в Варенн вместе с 60 солдатами. Заметив солдат национальной гвардии и просто жителей этого мирного городка, у городских ворот капитан оставил своих людей и попросил провести его к королю, чтобы получить приказ. «Приказ! — с горечью воскликнул король. — Вы видите, я не могу отдать приказ; я сам нахожусь под стражей». Удивленный капитан подошел к королеве и спросил ее по-немецки, что она думает о сложившейся ситуации. Ответив ему на том же языке, она рассказала все. Толпа на улице представляла собой уже мощный оплот. Людовик XVI приказал королеве и капитану замолчать. Последний остался с заключенными, тогда как его солдаты были готовы выполнить любой приказ.

В 6 часов на улицах Варенна толпилось около 3 тысяч человек. Король и королева ожидали приезда Булье. В то время как Мария-Антуанетта и ее супруг верили, что с минуты на минуту увидят своего спасителя и народ испугается Булье, вспомнив о его «репрессиях в Нанси», двое измученных мужчин буквально ворвались в городок. Это были Ромеф и Бейон, посланники Собрания, которые привезли декрет об аресте короля. Приведенные к монарху, депутаты предъявили этот роковой документ. «Во Франции больше нет короля», — прошептал монарх. Ошеломленная королева прочитала декрет. Король снова взял его, перечитал и положил на кровать. Вдруг Мария-

Антуанетта схватила его и швырнула на пол: «Я не хочу, чтобы он порочил светлое имя моих детей». А на улице толпа становилась все более и более многочисленной. «В Париж!» — неслось со всех сторон. Разумеется, Булье был уже недалеко. Еще несколько минут — и король будет спасен. Однако время шло, но никого не было. В половине восьмого нужно было возвращаться. Король вышел первым, за ним королева под руку с Шуазелем, затем мадам Елизавета под руку с Дамасом, мадам де Турзель вела королевских детей.

Итак, началось ужасное путешествие назад. На дороге стояли крестьяне, вооруженные ружьями, серпами, дубинами. В маленьком городке они остановились пообедать. Мэр встретил их довольно тепло и предложил гостям провести у него остаток ночи. У беглецов снова появилась надежда: у Булье будет время догнать их. Однако из-за толпы людей, вопящих о предательстве, было решено ехать дальше. К концу дня кортеж прибыл в Шалон, где, предполагалось, королевская семья проведет ночь. Людовику XVI предложили бежать, воспользовавшись потайной лестницей, при условии, что он будет один. Король отказался. Чем ближе Париж, тем более враждебно карету встречало население. В Шули королю пытались плюнуть в лицо, а королеве порвали платье. Измученная народной ненавистью, королева разрыдалась. В Эпернее делали остановку около часа, королевская семья должна была пройти через двор, наполненный «жестокими и вооруженными людьми […], которые громко говорили о том, что с большим удовольствием убили бы нас», — рассказывала принцесса.

В Париже их ждал Лафайет. Карета короля проезжала сквозь толпы парижан, которые ждали возвращения беглецов. «Это был один из самых грустных моментов, которые я помню, — напишет через 30 лет генерал Тибо. — Я видел в глубине кареты Людовика слева, с непокрытой головой, справа Мария-Антуанетта с дофином на коленях. Казалось, что карета ехала на плаху». Кортеж остановился перед статуей Людовика XV, у входа в сад Тюильри, который был полон людей.

Без четверти восемь королевская семья стояла у ворот дворца. Несмотря на все меры предосторожности, Лафайет очень боялся беспорядков. Для успокоения народа им было разрешено войти в вестибюль.

Измученные, уставшие, покрытые дорожной пылью, с воспаленными глазами король, королева, Елизавета и королевские дети вошли в комнату короля. «Мария-Антуанетта была взвинчена гораздо больше, чем король, однако не теряла достоинства, несмотря на то, что ее сердце разрывалось от

ненависти и гнева».

Обращаясь к депутатам, которые ждали короля в его апартаментах, Людовик XVI вновь пытался оправдать свое путешествие в Монмеди. Однако Лафайет в который раз представил убедительные доказательства, подтверждающие его вину. Людовик XVI заявил Лафайету, что он был прав, и это путешествие доказало, что французы были не согласны с его мнением. Слуги короля, как ни в чем не бывало, ждали приказов своего хозяина. Согласно неумолимому Этикету, они приступили к вечернему туалету короля. Королева удалилась в свои апартаменты принять ванну.

Глава 26. ДВОЙНАЯ ИГРА

«Я скажу Вам, что люблю Вас, поскольку у меня есть время только на это. Чувствую себя хорошо. Не беспокойтесь обо мне. Я хотела бы знать, как Ваши дела. Напишите мне на адрес господина Броуна, […] в двойном конверте на имя господина Гужена. Передайте мне через посыльных, на какой адрес я могу написать Вам, поскольку я не могу больше жить без этого. Прощайте мой возлюбленный, самый близкий мой человек. Люблю Вас всем сердцем». Какие короткие и простые слова, но сколько чувств! В этом послании больше всего поражает не лирика, а скорее крик души автора, заставляя еще долго плакать тех, кто в конце XVIII века читал это письмо. Нельзя не упомянуть о Марианне Алькофорадо, которая нашла это короткое послание королевы Франции человеку, которого она любила и которого она боялась не увидеть больше никогда. 4 июля 1791 года, примерно через неделю после возвращения из Варенн, Мария-Антуанетта позволила себе свободно переписываться со своим возлюбленным. Несмотря на суровость жизни в Тюильри, она уже отправила два нежных и любящих письма Ферзену. «Молитесь за нас, полагайтесь на нас; мы пока еще живы. Поговорите со своими родственниками о возможных вмешательствах извне. Если они боятся, нужно убедить их, — писала она ему 28 июня. — Я существую лишь мыслями и волнениями о Вас! […] Не выходите из дворца ни под каким предлогом». Больше она не была королевой-победительницей. Убитая горем, преждевременно постаревшая, униженная, она продолжала жить лишь «любовью к детям и к своему рыцарю Ферзену».

С того момента, как королевская семья вернулась в Париж, ее положение стало значительно хуже, чем до отъезда. Несмотря на то, что декрета об аресте не было, Людовик XVI, Мария-Антуанетта и дофин находились под присмотром офицера, назначенного Лафайетом. Королевская семья (за исключением, дочери и сестры короля) тоже была под арестом. Тюильри напоминал теперь тюрьму. В саду стояла стража, на всех этажах, вплоть до самой крыши, дежурили часовые. Нельзя было ни войти, ни выйти из дворца без особого разрешения. Все посетители тщательно проверялись. Двери закрывались на двойные замки. Ни один жест монархов не мог проскользнуть мимо бдительного ока стражников. Когда королева поднималась к дофину по внутренней лестнице, ее сопровождали четыре офицера. Один из них стучал в дверь и громко кричал: «Королева!». Офицер, который дежурил в комнате дофина,

открывал дверь, и Мария-Антуанетта входила в комнату вместе со своей стражей. Если юный принц хотел отправиться к матери, происходила та же сцена. Во время этих визитов Мария-Антуанетта не могла разговаривать с мадам де Турзель, однако ей было разрешено заниматься детьми. После возвращения из Варснпа королева должна была терпеть присутствие офицеров постоянно, даже дверь в ее комнату должна была оставаться незапертой, когда она спала. Лафайет отдал приказ ослабить слежку: стражники уходили и дежурили лишь у входа в апартаменты, когда королева отправлялась в кровать. Тем не менее дверь оставалась открытой, так чтобы офицеры могли видеть королеву. Ночью, когда королева читала, один из этих мужчин бесстыдно усаживался на ее одеяло, поскольку ему было удобно. Чтобы защитить себя от этой бесцеремонности, королева поставила кушетку своей горничной рядом с кроватью. В то время как королевская семья жила в унижении и лишениях, вопрос режима и власти был поставлен на Собрании. Можно ли было оставить монарха, после того как он в своем манифесте отказался от принципов конституционной монархии? Появилась возможность установления республики. Левые призывали именно к этому. Но умеренные депутаты были настроены на то, чтобы любой ценой спасти конституцию, которой был нужен такой слабый король. После долгих дебатов Собрание решило выслушать мнение короля.

Вечером 25 июня Людовик XVI принял трех депутатов, которым было поручено «выслушать» его заявление. Понимая, что эти люди хотели его спасти, он уверенно заявил им, что счастлив вновь находиться среди парижан. Довольно пространно и непонятно он утверждал, что привязан к народу Франции и конституции и что основным его желанием было выполнять волю народа. В полном несоответствии со своим манифестом он снова соглашался с революцией. Несмотря на все противоречия, депутаты ушли удовлетворенными. Затем они отправились к королеве, которая не могла их принять, поскольку находилась в ванне. Через два дня они вновь явились к ней и выслушали уже приготовленный ответ. Он был чрезвычайно простым. Долг жены заставлял ее повсюду следовать со своим мужем. Они вместе с детьми отправились в путешествие, однако у них никогда не возникало мысли бежать за границу. Депутаты так задавали вопросы, что и король и королева могли оправдать свои поступки, прежде чем быть обвиненными. Мария-Антуанетта сразу все поняла. «Собрание хочет обойтись с нами довольно мягко», — писала она Ферзену.

Однако заявление короля вызвали гнев и негодование у

республиканцев, якобинцы и кордельеры не прекращали твердить о крахе монархии. Якобинцы требовали суда над Людовиком и установления регентства в лице герцога Орлеанского, ставшего Филиппом *Равноправным.* Что касалось кордельеров, они требовали установления республики в чистом виде.

В то время как решалась судьба режима и одновременно судьба короля, королева обманывала бдительность своих охранников. В надежде спасти монархию и королевскую семью, она продолжала довольно ловко вести двойную игру. С момента своего возвращения из Варенн она тайно переписывалась с Ферзеном, Мерси и императором. Лишь письма своим близким продолжали оставаться искренними. Именно в них она показывала свои истинные чувства по отношению к событиям в королевстве.

Она получила письмо от Ферзена, датированное 27 июня. «Живя лишь ради того, чтобы служить ей», он выехал в Вену в надежде встретить императора, чтобы убедить его в необходимости решительных действий против революционной Франции. Он также спрашивал, согласится ли Людовик XVI отдать всю власть переговоров с иностранными державами графу Прованскому. Без труда выехав из королевства, принц отправился в Брюссель, где начал свои переговоры. 8 июля королева сообщила Ферзену намерения короля. «Он желает, — отвечала она ему, — чтобы добрая воля его родственников, друзей и других монархов проявилась в виде переговоров, цель которых была бы поддержать их и помешать свершению ужасного преступления». Что же касалось доверия ведения переговоров графу Прованскому, то в этом не было никаких разногласий, а барон де Бретель оставался представителем короля во всех европейских дворах.

17 июля после оглашения закона военного времени на улицах раздались выстрелы. Никто не знал, откуда они доносились. Национальная гвардия по приказу Лафайета стреляла по мирной безоружной толпе. В результате несколько десятков смертей. После кровопролития умеренные депутаты попытались оправдать действия гвардии, называя их необходимыми. Это означало установление порядка, который сводился к изданию нескольких указов об аресте руководителей республиканских партий. Теперь клубы не осмеливались вести свои заседания. Буржуазная революция победила. Ее лидеры не думали больше о репрессиях и кровопролитии на Марсовом поле. Для них существовало лишь одно — принятие конституции.

Душевная тоска Марии-Антуанетты окончательно подавила ее. июля она написала Леопольду II, что поездка во французскую

глубинку заставила задуматься, она открыла ей глаза на истинные желания французов. Именно поэтому она решила последовать за умеренным большинством в Собрании, которое только что подтвердило свои твердые намерения сохранить монархию. Посреди всей этой напряженности она хотела быть убежденной в том, что Австрия по-прежнему останется союзником Франции, что именно Австрия станет первой державой, которая официально признает конституционную Францию. Однако на следующий день она написала Мерси, чтобы тот предупредил императора, что это письмо всего лишь комедия, которую она была вынуждена разыграть. «Я. считаю своим долгом уступить желаниям лидеров конституционной партии», — писала она ему. «Это очень важно для меня, по крайней мере, еще какое-то время, они верят, что я на их стороне», — добавила она на следующий день.

Со всей своей высокомерной легкостью, на которую она была способна, Мария-Антуанетта продолжала лгать, притворяясь плохо осведомленной теми людьми, которые па самом деле рисковали многим ради того, чтобы что-то посоветовать ей. Молодой адвокат Барнав взял на себя трудную задачу переслать ей основной текст конституции, чтобы показать, какие преимущества могут извлечь из этой новой системы король и она сама. Она, во всяком случае, увидела в этом тексте лишь «набор непонятных и абсурдных фраз, которые трудно применить к реальности». Несмотря на хитрость, которую она использовала, чтобы замедлить принятие конституции, королева знала, что муж был вынужден согласиться с данной конституцией. «У нас нет ни сил, ни средств, и мы можем только выжидать», — в отчаянии признавалась она Мерси. И снова настаивает на вмешательстве иностранных монархов. «Я по-прежнему настаиваю и желаю, чтобы могущественные державы с реальной силой вмешались в политику Франции, однако я думаю, что было бы крайне опасно выказать это желание», — писала она Мерси.

Измученная той ролью, которую она взвалила на себя, неспособная здраво оценить преимущества нового режима, она категорически отказывалась принимать его. По мере того как приближался ужасный для нее момент принятия конституции, у нее начинали сдавать нервы, иногда с ней даже случались истерики. «В конце этой недели королю представят грамоту, — писала она Мерси 21 августа. Это ужасный момент. […] В этой грамоте будет идти речь о продолжении курса реформ, которые будут все дальше и дальше удалять нас от трона. […] Нужно, чтобы император вмешался. Это единственный способ, которым он может оказать мне услугу». «Невозможно больше так жить;

речь идет лишь о том, чтобы усыпить нашу бдительность, чтобы завоевать наше доверие, а после этого отыграться за все обиды. Поверье это должно было так случиться, поскольку я это говорила», — добавит она спустя пять лет. «Итак, у нас нет иного источника силы, лишь иностранные державы. Нужно любой ценой добиться их вмешательства, однако возглавить это должен именно император. […] Уверяю Вас, положение вещей на сегодняшний день таково, что было бы лучше быть королем маленькой провинции, чем огромной державы». То же самое она повторила своему брату, напоминая ему, «что это племя тигров поглотит все королевство», и патетически заявляла: «Нам не на кого больше полагаться, только на Вас».

Все угрозы делали планы Людовика еще более трудными для осуществления. В это время Барнав работал над речью, которую Людовик должен был произнести перед депутатами при принятии конституции. Он уговаривал королеву также приготовить речь для Собрания, повторяя ей, что эта речь должна будет сыграть весомую роль в ее будущем. Призвав на помощь всю свою мудрость, королева отказалась от этого предложения. «Пусть королева мужественно воспримет завоевание королевства, — говорил он ей. — Окруженная врагами, которые покушаются на ее власть, тем не менее королева должна быть всегда вместе со своим народом». Однако королева не видела в этих словах никакого реального смысла.

Когда все было улажено между Барнавом, королевой и королем, делегация, состоящая из 60 депутатов, принесла в Тюильри текст конституции 3 сентября к 10 часам вечера. Сохраняя приличие, Людовик XVI хотел выиграть время, чтобы внимательно ознакомиться со всеми статьями. Институт монархии был в этом документе значительно преобразован. Король Франции оставался наследным монархом, отныне он возглавлял нацию, которая наделяла его исполнительной властью. Король отвечал за исполнение законов и за решение законодательного органа. Его власть оставалась доминирующей во внешней политике, война могла быть объявлена только по его решению; он подписывал международные договоры и управлял посольской службой. Власть его становилась весьма условной в законодательной области, однако он сохранял за собой право вето. В своей деятельности король продолжал опираться на министров, которых он назначал и увольнял, однако под любым его решением должна была стоять их подпись. Министры имели право брать слово перед Собранием, однако они не подчинялись ему. Король больше не распоряжался национальным доходом. Наконец, конституция предполагала три случая, когда король мог

быть лишенным всех прав. Законодательная власть представлялась Собранием, избиравшимся голосованием, в основе которого был имущественный ценз. Депутаты обладали правом издавать законы и могли объявлять вотум недоверия министрам.

13 сентября Людовик XVI официально подписал конституцию. Тюильри охватило оцепенение. 14 сентября король отправился на торжественное заседание в зал манежа, чтобы дать клятву верности конституции, которую он подписал. Королева присутствовала на этой торжественной церемонии, не имея, однако, в себе сил скрыть свои истинные чувства, закрыла лицо вуалью. Когда королевская чета вернулась в свои покои, король разрыдался как маленький. Все же он должен был играть свою роль до конца. Нужно было создавать впечатление радости, участвуя в празднествах, которые состоялись в воскресенье, 18 сентября, по случаю этого события. Париж ликовал. В 5 часов вечера аэростат поднял в небо эмблему конституции. Вечером король и королева прогуливались по Елисейским полям в открытой карете до площади Этуаль. По воспоминаниям современников, это был грандиозный праздник. Повсюду слышалось: «Да здравствует король!», однако вряд ли эти возгласы были искренними. «Как грустно, — говорила королева, — что вся эта красота оставляет в нашем сердце лишь чувство беспокойства и печали!» Затем монархи отправились в Оперу, где давали балет «Психея». Как обычно, король не произнес ни слова и унесся мыслями куда-то очень далеко. Мария-Антуанетта старательно улыбалась. Мадам де Сталь присутствовала на представлении и рассказывала, что «лица короля и королевы были бледны при мысли о будущем, которое их ожидало». Уверенные в том, что принятие конституции было их роковой ошибкой, король и королева ни минуты не испытывали уважения к основному закону. Они желали, чтобы он оказался недееспособным.

30 сентября конституционное Собрание прекращало свою работу и отныне называлось Законодательным. В большинстве своем оно состояло из новых депутатов, юристов и адвокатов. Фракция правых депутатов насчитывала 264 человека, фракция левых — 136, якобинцы называли себя врагами двора и аристократии. Некоторые из них были представителями Жиронды. Между правыми и левыми находились так называемые независимые, или конституционники, их было 345. Они могли внезапно присоединиться к любой из фракций.

В новом Собрании королева видела лишь неуправляемую «толпу животных», которая «не могла предпринять ничего

действенного». Она мечтала о подавлении революционеров, полном уничтожении их идей. Однако, опасаясь будущего, старалась примирить и правых и левых. «Нужно быть очень осторожными с теми, кто располагает властью, нужно стараться понравиться им». Она делала все возможное для осуществления этого.

Тайная роль Барнава вот уже несколько педель была известна не только во Франции, но и за границей. Его обвиняли в пособничестве дворцовым интригам, многие коллеги молодого адвоката стали относиться к нему с недоверием. Его влияние на Марию-Антуанетту было подорвано той ошибкой, которую он допустил в разговорах с эмигрантами, в которых назвал королеву «демократом». «Ходили слухи, что королева спала с Барнавом», — утверждал Ферзен в своем дневнике. Сбитый с толку поступками женщины, которую любил и хорошо знал, он спросил ее откровенно: «Считаете ли Вы, что Вы искренне относитесь к революции, и как, по-вашему, есть ли иной выход? Есть ли у Вас план и каков он?». «Поверьте, я не позволю вести со мной двойную игру. Если вижу, что мои люди довольно часто совершают ошибки, я никогда больше не буду обращаться к ним», — ответила она ему.

В Тюильри обстановка была уже не столь напряженной-. Слежка, которой были подвержены король и королева, ослабла после принятия конституции, но Людовик XVI и Мария-Антуанетта были убеждены, что повсюду их окружают шпионы. Король пребывал в постоянной тревоге. Елизавета, которая переписывалась со своими братьями, резко критиковала политику, которую вела ее золовка. «Наша жизнь — это ад, иных слов нет, чтобы выразить то, что со всеми нами происходит. Моя сестра стала очень раздражительной, она окружена интриганами и шпионами, […] нет никакой возможности поговорить с ней, чтобы не поссориться», — жаловалась королева Ферзену. Принцесса Ламбаль устроила в своих апартаментах светский салон. У нее собиралась вся оставшаяся в Париже знать. Королева тоже иногда становилась гостьей этого салона. Несмотря на советы Барнава, она перестала ходить в театры и общалась лишь с персонами, «решительно настроенными против революции».

Мария-Антуанетта сильно изменилась. Художник Кухарский, которому она согласилась позировать несколько сеансов, оставил весьма лестный портрет, однако современники говорили о разительных переменах в ее внешнем виде. Она похудела, побледнела, волосы стали седыми. Постоянная тревога за будущее, груз невероятной ответственности, постоянные писания посланий — все это сказалось на ее внешности. Она уже не могла

узнать сама себя.

Барнав, наконец, понял, что король и королева ведут двойную игру, и поэтому прекратил переписку с Марией-Антуанеттой. «Тот план, которому Вы следуете, не принесет успеха, и Вы будете потеряны для Вашего народа еще прежде, чем сами отвернетесь от него», — писал он ей в тайном послании. Разочарованный и огорченный молодой адвокат оставил политику и уехал в Гренобль.

Глава 27. А ДАЛЕЕ… КОНЕЦ!

Ферзен и Мерси оставались для Марии-Антуанетты верными и надежными советниками. Вот уже несколько недель Ферзен пытался прорваться в Париж, увидеться с королевой и рассказать ей о новом плане. Речь шла о том, чтобы увезти королевскую семью в Нормандию, где Густав III планировал высадку. Несмотря на то, что королева сгорала от желания увидеть Ферзена, она была против этого свидания, которое было очень рискованным как для него, так и для нее. Все знали, что Ферзен организовывал бегство королевской семьи в Варенн. Тем не менее в начале февраля 1792 года она согласилась на этот визит.

Прибыв в понедельник 13 февраля поздним вечером, он тайно проник в Тюильри в ее апартаменты. Только его личный дневник может поведать нам об этой встрече: «Пройдя к королеве через охрану национальной гвардии, я оказался в ее покоях. Вокруг все спали. Остался здесь». Это все что нам известно об этой интимной встрече.

Ферзен встретился с Людовиком XVI на следующий вечер в десять часов. Ожидая своего спасения от войны, которая назревала, или от европейского конгресса, король отказался от побега. «Это останется между нами, и мы можем говорить свободно, — говорил он ему. — Я знаю, что мой недостаток это слабость и нерешительность, но никто и никогда не оказывался в моем положении. Я знаю, что упустил момент. Это было 14 июля. Нужно было бежать именно тогда, и я хотел этого. Но что поделаешь, когда принц умоляет тебя остаться. Я упустил время, и больше такого момента у меня не было. Я был покинут всеми». Людовик XVI попросил Ферзена повторить представителям европейских держав, что он не свободен и его официальные заявления не имеют никакого значения. Вскоре король удалился, оставив королеву с ее верным рыцарем. Согласно дневнику Ферзена, королева пробыла с ним довольно долго и рассказала ему все детали побега в Варенн. В половине десятого Ферзен ушел. Мы так же ничего не знаем о прощании Ферзена и королевы. Однако доподлинно известно, что он «заставил ее поверить, будто едет в Испанию, и через неделю вернется обратно».

10 марта было получено сообщение о скоропостижной смерти Леопольда. В связи с этим событием развернулись жаркие споры. Бриссо предложил вернуть прежнего министра, Вернио взял слово и заявил: «С трибуны, с которой я говорю, можно легко увидеть советников, которые обманывают короля и готовят заговоры,

которще повергнут нас перед Австрией. Я вижу окно, откуда веет ветер контрреволюции. […] Пусть эти обитатели дворца, эти советники знают, что наша конституция защищает интересы короля».

Король и королева ожидали последствий этого ужасного события. Мария-Антуанетта была поражена смертью брата, у нее начались нервные приступы. Принцесса Ламбаль всю ночь провела у ее кровати. На следующий день король, его дети и весь двор приняли траур, который, по обычаю, должен был длиться два месяца. Как только королева пришла в себя и обрела спокойствие, она отправила посланника с депешей к своему племяннику, новому императору Франциску II. Опасаясь доверять компрометирующее послание своему секретному агенту, она просто вручила ему бумагу, на которой было написано: «Доверяйте, дорогой мой племянник, этому человеку». Король добавил: «Я думаю так же, как ваша тетушка». Агенту было поручено описать молодому монарху «ужасное положение», в котором находились король и королева Франции. Война, должен был добавить он, безусловно, будет объявлена жирондистами, которые скорей всего начнут ее, атаковав со стороны Тревы или Кобленца. Посланник просил помощи от имени французских монархов.

Смерть брата только усилила надежды королевы. Двадцатичетырехлетний император, «военный по своей натуре», поддерживал контрреволюцию. В течение последних месяцев он подвергался резкой критике со стороны отца, которого считал слишком пассивным по отношению к революции. С момента своего вступления на престол, он принял воинственный тон но отношению к Франции, желая, чтобы она взяла на себя инициативу враждебности, «чтобы представить себя в роли правого, а также оправдать свои претензии и сохранить легитимность». Послание королевы было воспринято им с одобрением. И теперь Франциск II и его министры лишь искали предлог для объявления войны. Им его без труда удалось найти.

Атака французских войск, предпринятая 28 апреля в Бельгии, обернулась поражением. Половина офицеров эмигрировали уже давно, и войско не хотело подчиняться аристократам, которых обвиняли в сотрудничестве с врагом. Генерал Дилон, обвиненный в предательстве, был казнен солдатами без суда и следствия. 18 мая генералы собрались в Валансвене и попросили короля установить мир в самый короткий срок. Лафайет говорил, что был готов пойти вместе со своими войсками на Париж, чтобы уничтожить якобинцев и демократов. Робеспьер выступал с яростными речами против Жиронды, которую считал

ответственной за конфликт.

Вдохновленные поражением французов, не испытывая никакого желания к ведению переговоров, Австрия и Пруссия не хотели торопить события. Тем не менее 12 мая король Пруссии решился на взятие Парижа, герцог Бруневик был выбран генералиссимусом австро-прусской армии. Через графа Карамана, который представлял Бретеля в Берлине, Людовик XVI узнал о точном местонахождении прусских войск. «Глава прусской армии прибыл 9 июля. Все будет готово к 4 августа, — писал Ферзен королеве. — Герцог Брансвик будет продвигаться вместе с 30 тысячами отборных солдат прямо на Париж. Императрица посылает ˆтысяч солдат, из которых 3 тысячи кавалеристы. Они высадятся в Висмаре и пройдут через Германию». Он добавлял, что граф Караман теперь уже уверен в том, что король Пруссии откажется от переговоров. «Старайтесь продолжать войну и, главное, не покидайте Париж», — сообщал он ей. За этим письмом последовало другое письмо королевы, датированное 5 июня, в котором она писала Ферзену о проблемах в армии под командованием Люкнера. «В войсках всего не хватает, в них царит полный беспорядок», — уточняла она. В Тюильри наступили тревожные дни. Не зная ничего о действиях короля и королевы, прошел слух о том, что монархи изменили родине. Панический ужас перед возвращением старого режима пробудил в народе чувство патриотизма и увеличил ненависть и вражду между патриотами и контрреволюционерами. Народные массы начали водружаться.

Ни на минуту не сомневаясь в законности своих действий, Мария-Антуанетта уже отчаялась увидеть иностранные армии когда-либо в победном марше по Парижу. В ее письмах Ферзену по-прежнему слышны отчаянные призывы спасти ее от «еще более ужасной» катастрофы. Ненависть к королеве удвоилась, некоторые говорили о необходимости заточения ее в Аль-деГрас, другие говорили о смерти. С момента вступления на престол Франциска II появились новые памфлеты, озаглавленные: «Великое отчаяние Марии-Антуанетты по поводу смерти Леопольда и болезни принца, брата короля». Ей приписывали изречение: «Мое единственное желание увидеть, как эта столица умоется своей собственной кровью […]». Каждый день появлялись все новые и новые памфлеты, которые обвиняли королеву. Уже давно ее окрестили как «мать всех пороков», но теперь королева стала «чудищем в женском обличие», жаждущим французской крови. В Париже в театрах аплодировали пьесе, в которой поднимался лишь один вопрос — убийство короля.

20 июня толпа людей, вооруженная дубинами, палками,

вышла из пригорода Сент-Антуана и Сен-Марсо и направилась в Собрание. Напуганные этой вооруженной толпой депутаты получили лишь несколько петиций. В зал манежа невозможно было пройти, манифестанты заполнили все сады Тюильри, вплоть до ограды дворца. Вскоре вдоль забора была выстроена национальная гвардия, началось настоящее противостояние. Однако очень скоро большинство гвардейцев перешло на сторону бунтовщиков, число которых постоянно росло.

Во дворце королева, дети и мадам Елизавета собрались в комнате Людовика XVI, который не терял спокойствия. Королева и дети плакали. К трем часам дня жандармы и гвардия не могли больше противостоять натиску толпы. Двери дворца открылись, и за несколько секунд дворец заполнился вооруженными людьми.

Крики бунтовщиков, звуки разбивающихся стекол и хлопающих дверей привели в ужас всю королевскую семью. Несмотря на их протесты, несколько верных им людей, которые по-прежнему находились возле короля, увели королеву и детей в покои дофина, тогда как Людовик остался в своих апартаментах, ожидая, когда ворвутся бунтовщики. Его сестра оставалась с ним. В то время, как Людовик остался лицом к лицу перед мятежниками, охраняемый лишь несколькими верными гренадерами, королева, ее дети, мадам де Турзель и мадам де Таран заперлись в комнате дофина. Они оставались там, дрожа от ужаса, в течение двух часов, несколько раз королева просила разрешения присоединиться к мужу. Вскоре услышали, как ломали двери. Бунтовщики приближались. Они уже захватили апартаменты королевы. Чтобы скрыться от обезумевших людей, Мария-Антуанетта вместе с детьми бросилась в покои короля. Со всех сторон доносились крики, все более и более угрожающие. Находясь под защитой нескольких гренадеров, которые не покинули ее, с сыном на руках, еле живая от страха, по по-прежнему гордая и высокомерная, Мария-Антуанетта стояла на пороге комнаты своего мужа, пг.^д дверью в зал Совета. Двери внезапно распахнулись, и перед ней оказалась обезумевшая толпа. Слышались призывы отрубить ей голову. Дофин рыдал, хотя не видел, что происходило в соседней комнате. Король продолжал спокойно и твердо утверждать, что он ничего не изменит. Лишь к десяти часам вечера дворец и сад были полностью освобождены от бунтовщиков. Королевская семья была спасена. Измученная королева опустилась в кресло. Теперь уже она подумывала о коалиции.

Измученная этими событиями, королева написала три письма Ферзену. Не осмеливаясь выразиться откровенно в первых двух, она использовала метафоры и аллегории, чтобы описать

положение, в котором находилась королевская семья: «Ваш друг в ужасной опасности. Его болезнь прогрессирует с ужасающей скоростью. Врачи не могут ничего сделать. Даже самые опытные и знающие из них потеряли надежду. Мы также находимся в отчаянии. Сделайте со своей стороны что-нибудь и найдите людей, которые бы смогли нам помочь. Время не ждет». Через несколько дней она снова пишет ему зашифрованное письмо. «Я еще живу, но это настоящее чудо. День 20 июня был ужасен. Не только для меня, но и в большей степени для моего мужа. Он смог проявить твердость, однако опасность была слишком близкой в тот момент. Я надеюсь, что вы получите от нас эти новости. Прощайте. Сделайте что-нибудь для нас и не беспокойтесь». Несмотря на слежку и гонения, королева до сих пор получала письма Ферзена. Только он мог утешить и успокоить ее. Он сообщил ей последние новости о Брунсвике. Последний был готов к действиям: идти «прямо на Париж». Кроме того, Ферзен сообщил, что генералиссимус, прежде чем отправиться в поход, «издал манифест, от имени всех государств коалиции, которые признают Францию и Париж, в частности, виновными в нарушении европейского спокойствия». Убежденный в том, что внешняя угроза парализует действия революционера Ферзен видел в этом манифесте спасение королевской семьи. 26 июля он уточнил, что этот манифест содержит серьезные угрозы по отношению к революционерам. 28 июля он получил версию этого документа, известного в истории под названием «манифест Брунсвика», который на самом деле был задуман де Лимоном по идее Ферзена.

В то время как Ферзен активно действовал в Брюсселе, обитатели Тюильри после ужасов 20 июня вновь обрели надежду. Идея манифеста лишь подпитывала эту надежду. «Наше положение ужасно, — писала королева Ферзену 3 июля, — но я чувствую в себе силы и что-то мне говорит, что через несколько дней я буду спасена. Только эта мысль поддерживает меня. […] Когда же мы увидимся вновь?» Спустя три дня она погружается в тоску и беспокойство, думая о церемонии 14 июля, запланированной на Марсовом поле. Опасаясь убийства короля, Мария-Антуанетта сделала что-то вроде двойного нагрудника, который должен был защитить его от удара ножа. Однако король согласился надеть его только 14 июля.

Ферзен был не единственным, кто хотел спасти короля и его семью. Опасаясь одновременно и последствий вторжения и якобинцев, бывшие конституционники старались избежать падения монархии. Лафайет, который вступил в открытый конфликт с Собранием, и полагался на свои войска, предложил

королю охранять его во время опасной церемонии 14 июля и сопроводить на следующий день в Компьен. Он собирался осуществить свой план с помощью Люкнера и открылся Монморену, а также губернатору Моррису. «Через 6 недель будет слишком поздно», — заявлял американец, который поддерживал Лафайета в его решении. Людовик XVI не показывал особой враждебности к этому проекту, но королева его отвергла. В действительности Мария-Антуанетта опасалась доверять конституционникам, которых она воспринимала серьезным препятствием на пути восстановления королевской власти. Люди, которые пользовались доверием короля и королевы, были ненавистны Лафайету. Аристократы рисковали всем ради восстановления старого режима. Предложение Лафайета было отвергнуто, и король подчинился ужасной случайности, он надеялся увидеть однажды в Париже немецкие войска. Роялисты убеждали себя, что поражение французской армии испугает парижан, которые станут мягче и податливее. Тем временем положение во французской армии усугублялось. Несмотря на вето Людовика XVI, национальная гвардия тысячами стекалась к Парижу, они приходили праздновать 14 июля. Якобинцы Парижа, решили взять на себя организацию этого праздника.

Церемония 14 июля проходила без прежнего величия. Король и королева, которые присутствовали на ней, были убеждены, что настали их последние часы жизни. «Выражение лица королевы никогда не исчезнет из моей памяти, ее глаза были полны слез; величие ее туалета, достоинство ее поведения создавали контраст со всем, что ее окружало. Толпа, собравшаяся на Марсовом поле, создавала впечатление, будто она собралась не для праздника, а для бунта», — писал Ферзен.

9 августа Людовик XVI был предупрежден о том, что восстание вспыхнуло повсеместно. Жители всех кварталов, пригородов и даже центральной части Парижа полностью вооружились. В руках федералов оказалось 5 000 ружей из городского склада, что представляло серьезную угрозу. Восставшие, придя в городскую Ратушу с намерением захватить слишком умеренных судей Коммуны, установили революционную Коммуну Парижа. В Тюильри сохранялось видимое спокойствие. Мандат отдал приказ об обороне дворца, прокурор Коммуны Родерер пришел к королю и сообщил, что 2 000 человек уже подняты и столица восстала. Через сорок минут послышался звон колокола монастыря кордельеров. Ему отвечали другие колокола. Все парижские церкви звонили в колокола.

Бледная, но все же с достойным видом, королева отошла от окна и опустилась в кресло. Елизавета и фрейлины окружили ее.

Никто не произносил ни слова. Вдруг все стихло. Тишина казалась зловещей. Все переглянулись. Королева поднялась. Елизавета пошла за ней в небольшой кабинет на антресолях, где обе сели на канапе. Король спал, не раздеваясь, в своих апартаментах. Дети спокойно отдыхали в своей комнате под присмотром мадам де Турзель. Ночью выстрел разбудил обитателей дворца и напомнил им об ужасающей действительности. Все собрались в комнате короля, сон которого еще не был нарушен. К 4 часам утра, когда уже светало, Мария-Антуанетта вышла из комнаты мужа и направилась вместе со своей свитой в зал Совета. Немного позже проснулся Людовик. Измученный и утомленный он показался в зале. Все находились в ожидании. Казалось, время остановилось, тогда как рассвет уже проникал в окна дворца.

Вдруг послышался странный шум: народ проснулся вместе с первыми лучами солнца. В первый раз королева услышала пробуждение парижан. Зарождался новый день, и никто еще не подозревал, какие угрозы таил он в себе. Для обитателей Тюильри реальность отныне представлялась беспощадной. Произойдет ли столкновение? Король и королева решили пройти к своим войскам. В сопровождении своей жены Людовик XVI тяжело спускался по лестнице дворца, и вот он стоял перед национальной гвардией, которая еще не представляла, какая миссия ее ждет. Из окна, которое выходило в сад, мадам Кампан увидела артиллеристов, покидающих свои посты и приближающихся к королю с угрожающим видом. Бледные, словно привидения, король, королева, Елизавета и дети вернулись во дворец. Проходя мимо своей горничной, Мария-Антуанетта сказала ей, что все пропало.

Родерер, воспользовавшись сильным напряжением короля, уговаривает его отправиться в Собрание. Королева протестует, нужно сражаться, нужно сопротивляться. Родерер настаивает. «Сир, — говорит он ему, — […] мы больше не вольны давать вам советы, но в сложившихся обстоятельствах мы просим у вас разрешения сопроводить вас в Собрание». Министр настаивает. Наконец, король уступил. «Идемте», — сказал он. Королева не стала ничего говорить, но ее молчание сказало больше, чем слова. Мадам де Турзель «увидела, как ее лицо на мгновение побагровело от гнева». Она взяла детей за руки и тоже отправилась в Собрание. На выходе из дворца майор швейцарской гвардии Башманн возглавил шествие сквозь огромную толпу. Впереди шел офицер. Королева держалась рядом с мужем, здесь же был дофин. Елизавета и юная принцесса шли следом, за ними следовали принцесса Ламбаль, мадам де Турзель и министры.

У короля была гордо поднята голова и ступал он уверенно, однако страдания оставили отпечаток на его лице; по щекам королевы текли слезы. Время от времени она вытирала их, но через минуту глаза вновь становились влажными. Ларошфуко подал ей руку и почувствовал, как она дрожит. Только маленький дофин ничего не понимал из происходящего вокруг. Он весело подбрасывал ножкой опавшие листья. У дверей Собрания огромная толпа встала на пути королевской семьи. Когда они, наконец, попали внутрь здания, король, войдя в зал манежа, заявил: «Я пришел, господа, чтобы избежать кровопролития. Думаю, что могу на вас в этом положиться». Он сел в кресло рядом с креслом председателя Собрания, а королева с детьми и свитой сели на места министров. Несколько депутатов заявили протест по причине того, что конституция запрещает проведение заседаний Законодательного собрания в присутствии короля. Было решено посадить короля и его семью в специальную ложу, которая находилась за председательским креслом.

Семья с трудом разместилась в узком проходе, где были отчетливо слышны выстрелы и канонада. В Тюильри началось сражение федералов и защитников монархии. Покидая дворец, Людовик XVI поручил командование маршалу де Майли, обещая ему вернуться, как только будет восстановлен порядок, однако король не отдавал приказа применять оружие. Собрание попыталось направить делегацию к дворцу, чтобы предупредить восставших в бесполезности захвата дворца, поскольку король находился в Собрании среди депутатов. Бунтовщики были уже во дворе, некоторые проникли внутрь. Раздался громкий выстрел из окна, положивший сразу несколько десятков человек. Швейцарские гвардейцы прикатили пушку, посеяв панику среди нападающих. Уже распространился слух о победе швейцарцев, когда появилось подкрепление для федералов из Бреста и Марселя. Они прибыли вместе с пушками и блокировали монархистов. Ситуация резко изменилась. Именно тогда король передал приказ швейцарцам прекратить огонь. Гвардейцы короля были вынуждены сложить оружие перед бунтовщиками, которые принялись убивать их. Народ и федералы кричали о предательстве, якобы защитники дворца впустили нападающих внутрь здания специально, чтобы организовать ловушку.

В то время как в Тюильри развернулся настоящий бой, Собрание голосовало за временную ликвидацию власти Людовика. Бриссо попросил подписать короля этот документ. Наконец, депутаты решили созвать Конвент, который должен был избираться всеобщим голосованием, для того чтобы дать Франции новый институт управления. Старая монархия была

разрушена. А в Париже бунтовщики крушили все символы старого режима. Начались массовые убийства аристократов.

Не представлялось возможным отправить королевскую семью назад во дворец. Собрание приняло решение, согласно которому король и его семья должны были оставаться под охраной до тех пор, пока в городе не восстановится порядок. После тягостно долгих часов, проведенных в душной и тесной ложе, королевскую семью отвели в апартаменты из четырех комнат — кельи бывшего монастыря. У королевы произошел нервный срыв, задыхающимся голосом она перечисляла все ужасы и несчастья, свалившиеся на них. В соседней комнате в глубоком молчании сидел король.

В монастыре королевская семья оставалась до 12 августа. Под натиском Коммуны, Собрание приняло решение поместить короля и его семью в башню Тампля. Судьба короля была теперь в руках Конвента, который должен был избираться в сентябре. Депутаты не упоминали о возможности процесса над монархией, но бумаги короля были все же изъяты еще 10 августа. Вскоре юридические власти начали процесс против Людовика XVI. На тот момент вопрос о суде над королевой не вставал.

13 августа в 5 часов вечера депутат Петион в сопровождении офицера полиции пришел за королевской семьей, чтобы препроводить ее в Тампль. Всех членов семьи вместе с принцессой Ламбаль и мадам де Турзель поместили в одну карету, которая направилась к бывшей резиденции графа д'Артуа, где когда-то королева проводила время так беззаботно. Карета, запряженная двумя лошадьми, сопровождаемая гвардейцами, медленно двигалась через город. Она остановилась на площади Вандом, где недавно была разрушена статуя Людовика XVI. Они хотели показать королю, как отныне будут обращаться с тиранами. В 7 часов узники прибыли к воротам Тампля. Красивое здание было построено в XVII веке и переоборудовано принцем де Конти в XVIII веке для приема гостей во время больших праздников. Людовик XVI и Мария-Антуанетта надеялись, что здесь они смогут жить спокойно. И действительно, в тот вечер им подали великолепный ужин, во время которого дофин, уставший и измученный, уснул на руках гувернантки, которая тщетно просила показать ей комнату юного принца. Уводя, наконец, ребенка спать, мадам де Турзель первая поняла, что королевская семья не останется в этом здании, которое называли дворцом Настоятеля. Пересекая ужасные темные коридоры, служитель проводил ее в башню, где было уготовано место королевской семье.

Странная жизнь монархов была похожа на жалкое существование узников. После нескольких дней пребывания в

Тампле, августейших заключенных лишили всей прислуги, за исключением Франциска, который оставался на службе короля. 19 августа в полночь увели в тюрьму Лафорс мадам де Турзель и принцессу Ламбаль. Королева, рыдая, попрощалась с подругами. Тюрьма захлопнула свои двери.

Дни проходили довольно спокойно. Король просыпался рано, около б часов утра он был уже одет. Помолившись, он читал до 9 часов. Королева вставала немного позже, одевала дофина и присоединялась к мужу вместе с детьми и Елизаветой только перед завтраком. Затем король занимался с сыном чтением и писанием, а также давал ему уроки латыни, истории и географии. Королева и ее золовка рисовали или музицировали с юной принцессой. Если новый командующий национальной гвардией Сантер позволял им, то гуляли в саду. Дофин был счастлив, он играл до обеда в мяч. Затем все поднимались к королю, обедали обычно в комнате королевы. Король иногда играл несколько партий с сестрой в триктрак. Затем он дремал в кресле, королева и Елизавета рукодельничали, а дети учили уроки. В 7 часов вечера принцесса читала вслух. В 8 часов ужинали, уложив дофина спать. Затем король поднимался в свою комнату и читал до полуночи. Мария-Антуанетта оставалась с Елизаветой до тех пор, пока им не приказывали идти спать. После этого комната королевы запиралась.

Глава 28. ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ…

3 сентября после обеда Людовик XVI, как обычно, попросил разрешения погулять со своей семьей, однако муниципалитет запретил выпускать узников. Это вызвало беспокойство у короля. Тюремщики так же казались обеспокоенными. Клери, бывший слуга дофина, который не оставил своих хозяев в тюрьме, вскоре вошел в комнату, он не мог произнести ни слова. Невыносимая тревога охватила узников. Король спросил, что все это значит? Голос его был твердым и уверенным. Ему сообщили, что прошел слух о его побеге, и народ хотел убедиться, действительно ли он находится в заключении. Толпа требовала, чтобы они с женой подошли к окну. Крики, доносившиеся с улицы, становились все сильнее и сильнее. В комнату короля вдруг вошли стражник и еще кто-то незнакомый. Этот незнакомец, помолчав, сказал: «Они хотят прислать вам голову принцессы Ламбаль, чтобы показать, как они собираются расправиться с тиранами. Я советую вам выглянуть в окно, если вы не хотите, чтобы народ заглянул сюда». Подойдя к окну, королева упала без сознания, а дети закричали от ужаса. Задергивая штору, Клери глядел, как за окном на острие пики застыла в страшной гримасе окровавленная голова принцессы Ламбаль.

При перевозке из одной тюрьмы в другую мадам де Ламбаль погибла от рук осатаневших революционеров, которые устроили накануне ночью резню, вошедшую в историю как Сентябрьские убийства. Убив прикладом молодую женщину, ей отрубили голову, а тело швырнули на дорогу — жертва для идолов революции…

После Сентябрьских убийств жизнь обитателей Тампля текла без видимых изменений. Королю, и особенно королеве, удавалось поддерживать связь с внешним миром с помощью Клери и Тюржи, бывшего королевского офицера, который также последовал за своими хозяевами в *тюрьму*. Имея право выходить из Тампля, они служили почтальонами для королевской семьи. Днем королева и ее золовка общались с Тюржи при помощи условных знаков: если австрийские войска одерживали победу, он должен был подносить указательный палец правой руки к правому глазу, если произошла высадка английских войск — мизинец к правому уху, и так далее. Король и королева ждали спасения со стороны иностранных армий, которые должны были захватить Париж. Они были уверены в победе союзников.

После заточения Людовика XVI военная ситуация резко осложнилась. 19 августа, отказавшись вводить свои войска в

Париж, Лафайет присоединился к вражеской армии, встав на сторону австрийцев. 20 августа прусские войска атаковали Лонги, который капитулировал три дня спустя, в тот же день пал Верден. Дорога на Париж была открыта. В столице началась паника. Коммуна удвоила аресты подозреваемых, именно на ее совести все преступления и убийства, совершенные со 2 по 6 сентября. Море крови лилось под видом наказания предателей аристократов. В этих условиях Дантон, министр юстиции временного правительства, заявил, что король — заложник до выборов в Конвент: мир в обмен па жизнь короля и его семьи.

21 сентября, в четыре часа, раздался стук копыт по мостовой, все услышали звуки трубы. Но это не были войска, которых так ждали заключенные монархи, это были глашатаи, которые извещали от имени Конвента об установлении Республики. Гебер, редактор журнала, один из самых злейших врагов Марии-Антуанетты, был в тот день у ворот Тампля. «Я курил […], когда вдруг услышал звук трубы, ее услышали и в глубине башни, что вызвало суматоху в комнате, где собрались все эти уроды, они там убивали время за детскими играми. Король уже думал, что приближается эскадрон спасителей, и захлопал в ладоши от радости. Ах! Черт побери, надо было видеть, когда он услышал, что объявляли декрет, согласно которому больше не существовало королевства Франции; он дрожал от ярости. Австриячка, чтобы скрыть свое горе, сказала, что плохо себя чувствует; толстуха Елизавета побежала в уголок точить слезки. Комедия продолжалась до ужина, где этот толстый кабан не забывал работать зубами; но мадам Дефицит убралась спать намного раньше, попила только водички». В королеве он больше не видел «тигру лютую, играющую в реках крови». Она была для него Иудой: с виду нежная и любящая, но скрывающая стальные когти в ожидании подходящего момента бархатными перчатками для броска. На следующий день королевская семья узнала, что 20 сентября французские войска под командованием Дюмурье и Келермана дали отпор прусским войскам. Это было большое потрясение для короля. Хотя победа и не была решающей, победа при Вольми отдаляла поражение революционеров, которые только что избрали новый орган правления — Конвент. Теперь в стране устанавливался новый режим.

Заменив Лафайета на посту командующего северной армией, Дюмурье предпринял первые дипломатические шаги в переговорах с Пруссией в надежде разрушить Австрийский альянс. Судьба короля и его семьи зависела от переговоров, которые начались 21 сентября. 23 сентября в части генерала Келлермана Дюмурье принял пруссака Манпггейна, который

уведомил его, что король Пруссии готов подписать мир лишь в случае, если во Франции вновь установится монархия. Было решено объявить перемирие, хотя Дюмурье не имел никакого желания уступать Пруссии. Его помощник встретился с самим Брунсвиком. Генералиссимус заявил, что очень обеспокоен судьбой короля и его семьи, и пообещал реставрацию монархии или хотя бы нормальное положение для королевской семьи, чего достаточно, чтобы положить конец войне между Францией и Пруссией. Конвент ничего и слышать не желал о реставрации монархии, так что война продолжалась. Людовик XVI оставался заложником, однако вопроса о переговорах с врагом по поводу его освобождения больше не возникало.

Король и его семья отныне считались политическими преступниками, их вина с каждым днем становилась все тяжелее. 29 сентября им передали решение о переводе короля в тюремную башню. На следующий день Марии-Антуанетте не разрешили ужинать с мужем. После долгих просьб королева получила разрешение находиться вместе со своей семьей, по крайней мере, на время обеда. Через три недели уже всех узников перевели в тюремную башню. Новые апартаменты состояли из двух этажей, первый и второй в общей сложности по четыре комнаты, меблированные довольно просто. Обои в гостиной навевали мысли о тюрьме. Окна забраны толстыми решетками, тяжелые занавеси совсем не пропускали воздух. Несмотря на печное отопление, там было холодно, и король заболел. Королева и Елизавета ухаживали за ним вместе с Клери, пока тот тоже не свалился. Женщинам добавилось работы.

Новый муниципалитет, избранный 2 декабря, ужесточил содержание заключенных. У них отобрали ножи, ножницы и все режущие предметы. Несмотря на строгий контроль и притеснения властей, королевская семья получала известия, которые их вовсе не радовали (эвакуация союзных войск из Лонги и Вердена, оккупация Майнца и Франкфурта французскими войсками). А вот о том, что Конвент готовил процесс над Людовиком XVI, они не знали. В то время, как депутаты обсуждали правомочность этого процесса, Ролан, министр внутренних дел, заявил, что он неизбежен. Во дворце Тюильри, в апартаментах короля, он нашел тайник с компрометирующими документами, в частности письма Мирабо. Документы доказывали, что Людовик XVI предпринимал подрыв революционной политики. Они доказали отношения короля с эмигрантами и тайные переговоры с Австрией. Итак, положение короля, мягко выражаясь, ухудшилось. 3 декабря Конвент принял решение вызвать Людовика XVI на заседание. Была организована комиссия по расследованию «преступлений»

Людовика, которые легли в основу обвинения. Таковы были новости, которые Клери передал своему хозяину. Ни король, ни королева не подозревали, что на процессе Конвентом будут поставлены политические и юридические вопросы. Они вообще ничего не знали о желаниях Конвента в том декабре 1792 года.

11 декабря с 5 часов утра послышался шум. Король, королева и Елизавета поняли, что процесс начался. Завтрак прошел в полной тишине под неусыпным надзором стражей. Людовик XVI и его близкие смогли перебросится лишь несколькими словами. Дофинчик с умилительным выражением лица попросил отца поиграть с ним. Король согласился, однако идиллия длилась недолго. За Людовиком пришли. Ребенка отвели к матери. Король должен был подчиняться мэру Парижа, который сопровождал его до Конвента. Марии-Антуанетте было объявлено лишь, что ее муж отправился на заседание Конвента. Вечером, несмотря на выраженный королем протест, ему запретили вернуться к жене и детям. Мария-Антуанетта ничего не знала из того, что происходило в Собрании. Все следующие дни короля по-прежнему запирали в его комнате, не давая возможности перемолвиться словом с близкими. Клери отчаянно пытался узнать хоть что-нибудь. Правдами и неправдами ему удалось передать несколько записок. 14 декабря Мария-Антуанетта узнала, что король встречался с Малезербом. Только и всего. С тех пор как короля заперли, у королевы часто случались нервные припадки, она часами плакала навзрыд, не имея возможности взять себя в руки. Клери удалось поговорить с королем и он изо всех сил старался убедить Марию-Антуанетту, что депутаты заинтересованы в депортации короля в какую-то нейтральную страну, например Испанию. 19 декабря Людовику XVI было разрешено встретиться с дочерью по случаю ее дня рождения. Принцессе исполнилось 14 лет. Первого января преданный Клери от имени короля пожелал всей семье счастливого Нового года…

Королеву парализовали страх и непроходящая тревога. Она знала, что 26 декабря короля допрашивал Конвент и суд был неминуем. Так получилось, что Людовик сообщил ей о наказании, которому он будет подвергнут. Королева ожидала этого, тем более, что вечером 20 января 1793 года ей было, наконец, разрешено встретиться с ним, мадам Елизаветой и ее детьми. Все бросились в объятия короля: несколько минут никто не мог произнести ни слова из-за непрекращающихся рыданий. Наконец, они успокоились и в течение двух часов разговаривали полушепотом. Тюремщики, следившие за ними через стеклянную дверь, ничего не могли услышать. В четверть одиннадцатого король встал. Людовик XVI и Мария-Антуанетта, каждый держал

дофина за руку. Принцессы обняли их. Все плакали. «Уверяю вас, — сказал им король, — завтра в девять утра я снова увижу вас». «Вы обещаете?» — в один момент, не сговариваясь, спросили они все вместе. — «Да, я обещаю». — «Почему не в семь часов?» — спросила королева. «Ах, да! Ну, конечно, в семь часов, — ответил король. — Прощайте». Он обнял их всех и ушел в свою комнату. Рыдая, принцессы разошлись по своим комнатам. Дрожа от ужаса, Мария-Антуанетта легла спать, не раздеваясь. С шести утра она ждала, что за ней придут, чтобы отвести ее к королю. Но никто не пришел. Аббат, который был с королем в последние минуты его жизни, посоветовал ему не встречаться с семьей. Это было бы ужасно! Послушав своего исповедника, король позвал к себе Клери: «Скажите королеве, моим любимым детям и моей сестре, что я обещал встретиться с ними утром, но я хочу избежать страданий от этой ужасной разлуки; сколько же это стоит мне — уехать и не проститься с ними, не обнять их в последний раз. […] Я поручаю вам… попрощаться с ними от моего имени». Он отдал ему шейный платок для сына и обручальное кольцо — для жены. «Скажите ей, я оставляю ее с большой мукой в сердце», — добавил он. И срезал локон — Марии-Антуанетте. Клери удалось обмануть охрану и передать послание короля.

Людовика XVI увезли на эшафот. Закрылись ворота, и королева уже больше никогда не увидела своего мужа. В Тампле, как обычно, подали обед. Молодые принцессы и дофин не могли прикоснуться к еде, несмотря на просьбы матери. Они застыли в ожидании известий. Ворота открылись и прошелестели колеса, им сообщили, что короля казнили, ему отрубили голову. Королевскую семью охватило полное отчаяние. Но спустя несколько минут королева встала на колени перед сыном и благословила его наследовать престол как Людовик XVII.

После смерти короля Мария-Антуанетта, казалось, тоже ушла из жизни. Она отказывалась от пищи, не выходила на прогулку. Частые приступы измучили ее, ее невозможно было узнать. Тридцатисемилетняя королева превратилась вдруг в дряхлую больную женщину. Один из тюремщиков был тронут ее горем настолько, что постоянно убеждал ее выходить на прогулки. Так как для нее было невыносимо спускаться во двор и проходить мимо двери в покои Людовика XVI, то, когда был на посту, он выводил ее по галерее, ведущей на вершину башни. Туда приводили детей и золовку. Она сидела на стуле, отрешенно и безучастно.

Во время процесса над королем никто не задавался вопросом о королеве. Жирондисты, получив власть, казалось, хотели всеми силами избежать этого. После казни Людовика XVI о королевской

семье вообще забыли. Однако в глазах многих номинально она оставалась главой Франции. Обмен ее, о котором говорили иностранные державы, казался в общем, не обязательным. Ни император, ни другие монархи, слишком занятые созданием коалиции против республики, не думали о будущем королевы и ее детей. Один лишь Ферзен пе переставал беспокоиться о ее жизни. 26 января прошел ложный слух об убийстве не только короля, но и всей его семьи. «О! Не оставляйте меня, пишет Ферзен сестре Софии. — Единственное мое счастье, та, ради которой я живу… Да, любимая моя Софи, я никогда не переставал любить ее, я дал бы ей сотню жизней… […] Никогда ее образ не исчезнет из моей памяти».

Узнав о том, что королева все еще жива, Ферзен очень беспокоился о ее судьбе. «Иногда я надеюсь, но надежда часто покидает меня. Бездействие, в котором я вынужден прибывать, отсутствие возможности помочь ей заставляют меня страдать еще больше. Среди друзей мы говорим только о ней. Мы ищем способ спасти ее, но мы пока можем лишь оплакивать ее судьбу», — писал он сестре. В длинном и гневном письме, которое он адресовал Мерси 3 февраля, Ферзен выдвигал невероятные проекты спасения вдовы Людовика XVI. Ферзен думал о возможности подкупа. Полагая, что революция — это всего лишь плод интриг герцога Орлеанского, он хотел подкупить Дюмурье, Сантера и Лакло.

В Париже несколько верных монархам людей продолжали надеяться на спасение Марии-Антуанетты, Елизаветы и детей. Королева была предупреждена об этом плане через тюремщика Лепитра. Этот революционер, который участвовал во взятии Тюильри 10 августа, был тронут ужасной судьбой королевской семьи, он делал все, что было в его власти, чтобы облегчить судьбу Марии-Антуанетты и передать ей какие-либо сведения. Вместе со своим коллегой, Туланом, он вошел в контакт с Жарьяром, который когда-то передавал письма Барнава королеве. Прекрасно ориентируясь в Тампле и зная привычки тюремной охраны, Лепитр и его друг Тулан собирались вывести принцесс и королеву в одежде тюремщиков, а дофина — под видом сына стражника. Подготовка заняла весь февраль и март. Спасители королевы пока не знали, где спрячут королевскую семью после побега.

К концу марта Коммуна заподозрила королеву в разработке коварных планов за стенами Тампля. Было решено сменить персонал. Лепитр был не в состоянии привести свой план в исполнение, но все же предложил Марии-Антуанетте спасти ее при условии, что она будет одна. Королева отказалась, но

воспользовалась случаем, который представился ей. Она просила передать шейный платок и обручальное кольцо мужа принцу (откуда ей знать, что он назначен регентом!), а также послание Ферзену. «Когда вы будете в надежном месте, — говорила она доверенному другу, — мне бы хотелось передать кое-что моему большому другу, который приезжал ко мне в последний раз в прошлом году. […] Я не осмеливаюсь писать, но передайте ему мои слова. Скажите, что особа, которой он принадлежит, чувствует, что никогда еще не была так близка к правде». Ферзен получил это послание только 21 января 1794 года. В своем дневнике он дает объяснение этим словам: «Эти слова — тайна, которую принес мне голубь. Я сохраню их в своем сердце». Послание королевы было написано на обрывке карты. К сожалению, текст стерся.

Для всех государств, которые были вовлечены в процесс создания коалиции против республики, главным являлась месть и сохранение своих государств от революционной заразы. В большинстве своем канцлеры сходились на одном — растоптать Францию. Раздавленная армиями коалиции она должна была стать второй Польшей, то есть добычей могущественных европейских государств. Барон Тугут, которому император поручил вести государственные дела как канцлеру, писал своему хозяину: «Тут действительно важно, […] что во Франции существуют партии, которые сражаются друг с другом и ослабляют страну. Пользуясь конфликтом, партии пытаются захватить первенство, многие из них хотят добиться мира, уступив часть своих завоеваний». Что касается Мерси, он без обиняков говорил: «Не было ни одного, ни тем более нескольких выигранных сражений, которые поколебали бы мощь народа, который может быть раздавлен только когда правящая партия покинет их. Разоружить народ, разрушить прекрасную столицу, сжечь города, вызвать голод и нищету — вот то, что сможет сделать успешной нашу операцию». За легкостью завоевания и разделом Франции австрийские правители мало заботились об узниках Тампля.

Первого марта началось наступление австрийских войск. Французам пришлось отступать. 2 марта они эвакуировались из Экс-ля-Шопель. На следующий день австрийцы дошли до Льежа, тогда как Дюмурье продолжал свою кампанию в Голландии. Конвент приказал ему свернуть операцию в Бельгии. Генерал подчинился, но написал гневное письмо членам Конвента, которых обвинял в пораженчестве. 18 марта, победив в битве при Нервиндене, он все же покинул Бельгию. Вступив с ним в тайные переговоры, союзники хотели облегчить свой план взятия

Парижа, роспуска Конвента и установления монархии. Но войска отказались последовать за своим командующим. Конвент отправил в его армию комиссаров, которым было поручено арестовать его, прежде чем он успеет продаться австрийцам.

Весть о предательстве Дюмурье, которого считали лучшим французским стратегом, полностью устроила Ферзена. Он уже представлял себе, как Мария-Антуанетта станет регентшей. «Я не удивлюсь, что злодеи, оставшиеся без оружия, побежденные, голодные и нищие, вернут на престол молодого короля и его мать», — говорил он своему другу Таубу 29 марта. 5 апреля в своем дневнике он отмечал, что «больше не опасается за судьбу королевы». Впрочем, он предложил барону де Бретелю отправить епископа Памьера к Марии-Антуанетте, чтобы «дать совет о том, что ей следует делать». По этому поводу он пишет 8 апреля Марии-Антуанетте идиллическое письмо: «Положение, в котором скоро Вы окажетесь, будет довольно стесняющим, у Вас будут определенные обязательства перед этим пройдохой (Дюмурье), которые Вам придется выполнить лишь в крайней необходимости, когда сопротивляться будет больше невозможно. Тем не менее этот человек очень полезен, им стоит воспользоваться, забыв о прошлом. […] Его интересы очень тесно связаны с Вашими, в частности, восстановление Вашей власти как регентши. […]

Ваше желание восстановить монархию будет также ограничиваться влиянием европейской коалиции. Нет никаких сомнений, что может иметь место частичное разделение королевства. Их интересы […] заключаются в том, чтобы дать Франции правительство, которое сделает ее слабым государством». Однако это письмо никогда не будет отправлено адресату, поскольку Ферзен узнает, что Дюмурье не сможет пойти на Париж.

Угроза, которая нависла над французскими границами, заставила Конвент принять ряд радикальных мер. 10 марта был создан *Революционный трибунал*, перед которым должны были предстать аристократы, их слуги, священники и те, кто внушал недоверие. 21 марта революционные комитеты должны были подготовить списки подозреваемых. Предательство Дюмурье только усилило панику. Борьба между Монтаньярами и Жирондой обострялась. С точки зрения первых, вторые хотели заключить мир с контрреволюцией, а потому необходимо организовать террор врагам Франции как внутри страны, так и за ее рубежами. Именно так 6 апреля постановил Комитет общественного спасения, который должен был следить за работой министров.

Впервые Робеспьер упомянул о судьбе королевы в своей речи

перед Конвентом 27 марта. Провозглашая призывы народу бороться и уничтожать внутренних и внешних врагов, он заявил, что «настал момент для патриотов собрать в кулак всю свою ненависть и энергию и нанести смертельный удар приверженцам монархии. […] Решение о наказании тирана, принятое после долгих обсуждений, должно дать нам равенство и свободу. Может быть, все наши страдания заключены в нашей традиционной привязанности к монархам, может, все мы плоды их преступлений? Великая Республика ожидает от вас толчка, который оживит нацию и сердца людей, пробудит в них спящее до сих пор чувство ненависти к тиранам и даст силы победить их», — вскричал он, прежде чем просить Конвент поставить Марию-Антуанетту перед Революционным трибуналом, обвинив ее в «преступлении против свободы и независимости Государства». 10 апреля, выступая с новой речью перед Конвентом, он снова повторил свое предложение в отношении Марии-Антуанетты.

Тогда как монтаньяры и жирондисты открыто противостояли друг другу, французская армия продолжала терпеть поражения. Убежденные в том, что Конвент будет очень скоро просить мира, Ферзен и Мерси усилили попытки спасти королеву. Им удалось переговорить с Дантоном, который, казалось, смягчился бы при получении значительных начислений. Как бы там ни было, Комитет общественного спасения отправил тайного посланца в Венецию и Неаполь, чтобы начать переговоры об освобождении узников Тампля. Республиканцы старались действовать тайно, чтобы их шаги не получили огласки на весь мир. Они считали, что если три государства — Венеция, Флоренция и Неаполь — примут французскую конституцию как условие альянса, то королева и ее семья будут освобождены. Однако этот план был приостановлен. Провал жирондистов, смена Комитета общественного спасения, во главе которого стал Робеспьер, положили конец мирным переговорам. Не имея возможности использовать репрессии по отношению к Венскому двору, Комитет решил на этот раз принять радикальные меры против королевы.

Вечером 13 июля Мария-Антуанетта и Елизавета вышивали, юная Мария-Терезия читала вслух, мальчик спал. Внезапно в комнату ворвались стражники забрать будущего Людовика XVII от матери. Слабая и беспомощная королева в эти минуты нашла в себе невероятные силы и энергию противостоять людям, которые хотели отнять у нее сына. В течение часа она пыталась защитить своего сына, который, проснувшись, кричал от ужаса. Лишь под угрозой смерти ее детей удалось остановить эту женщину.

Измученная жестокой борьбой, которая забрала у нее все силы, королева попросила золовку одеть маленького принца, он уезжал, рыдая, после того как она покрыла его поцелуями. Разлука с сыном убила ее. Теперь, похожая на приведение, в трауре, она ходила взад-вперед по комнате, не произнося ни слова. Если бы это было в ее власти, она улетела бы к своему сыну.

Восставшие жирондисты захватывали земли. 13 июля 1793 года был убит Марат. Роялистов и федералов обвинили в заговоре и подготовке восстания, целью которого было восстановление монархии. А тем временем союзники продолжали продвигаться вперед, внутренние конфликты французов только помогали им. 23 июля капитулировал Майнц, 28 — Валансьен. Марсель оказался в руках англичан. А в то же самое время австрийцы захватили Нижний Эльзас. 1 августа Конвент пребывал в полной панике. Было решено перевести Марию-Антуанетту в Консьержери, чтобы она могла предстать перед Революционным трибуналом. Конвент решил тем не менее оставить в Тампле мадам Елизавету и королевских детей, общение которых было сведено к минимуму.

Ночью 2 августа женщин разбудили и объявили, что Марии-Антуанетте надлежит отправиться в Консьержери, по приказу прокурора Коммуны. Не изменив выражение лица, королева выслушала декрет. Ей пришлось одеться в присутствии стражников, которым было приказано не терять ее из виду ни на секунду. Бывшая королева Франции крепко обняла золовку и дочь и ушла, не оборачиваясь. Женщинам не разрешили сопровождать ее, как они ни просили. Заключенная вошла в карету, которая вскоре остановилась перед тюрьмой, где обычно содержали государственных преступников. После всех необходимых формальностей ее как обычное частное лицо сопроводили в камеру, очень сырую. Таковы были новые апартаменты Марии-Антуанетты. Из-за ширмы за ней постоянно наблюдали два жандарма.

Ферзен, совершенно потрясенный, узнав о печальной новости, по-прежнему искал средство спасти королеву. После долгих переговоров с Ламарком он нашел лишь один выход — отправить в Париж отряд кавалеристов. Он пришел к Мерси, чтобы заручиться его участием в заговоре. Тот считал, что положение королевской семьи безнадежно, и никто не сможет ничего сделать ради ее спасения. По настоянию Ферзена, Мерси тем не менее согласился написать письмо герцогу Кобургу, которого просил помочь военной силой — пойти в поход на Париж ради спасения королевы. Кобург отказал. Тогда Мерси написал герцогу Йоркскому. «С этого момента я больше не живу,

поскольку мне больше не для кого жить. Я не могу ни страдать, ни мучиться, — писал Ферзен сестре Софии. — Если бы я мог сделать что-то для ее освобождения, тогда мне кажется, я страдал бы меньше, но невозможность помочь ей становится ужасной пыткой. […] Я не могу ничем больше заниматься, как думать о несчастьях благороднейшей из женщин. […] Если бы я мог умереть ради ее спасения! […] Нет мне прощенья, если она заточена в ужасную тюрьму».

Мадам де Сталь анонимно выпускает брошюру «Размышления женщины о процессе над королевой». Обращаясь к себе подобным, истинная дочь Некера прибегает ко лжи, которая производит на Марию-Антуанетту большое впечатление: «Приговор королевы будет бесполезным преступлением, и тем самым еще более унизительным. […] Защищайтесь, королева, если можете, Бог вам судья. Ступайте за своим ребенком, который вскоре сам станет мишенью для несчастья и неудачи и примет на себя все зло мира». Сталь отправила брошюрку Ферзену, который видел в ней лишь мудреное и ничего не значащее позерство.

Завернувшись в одеяло, королева читала дни напролет, пока достаточно было света. Ей было глубоко безразлично, кто бы ни сновал по ее камере. Находились любопытные, кому хотелось увидеть необычную заключенную. 3 сентября к ней привели некоего Ружвиля, которому было разрешено передать королеве гвоздику. Она приняла ее и нашла среди лепестков записку, в которой говорилось о возможности побега. У королевы не было чем писать и она нацарапала ответ колючкой на клочке бумаги. Он был перехвачен тюремщиками. Ружвиль скрылся. Провели допрос с пристрастием одного из жандармов, и снова прошел слух о попытке восстановления монархии. У королевы отняли даже те несколько колец, которые у нее остались. «Дело гвоздики» привлекло внимание к ней хотя бы на время. Как раз общественный обвинитель Фукье-Тинвиль жаловался, что до сих пор не получил никаких доказательств, чтобы предъявить обвинение. Тогда было решено допросить «вдову Капет» по делу о «заговоре с гвоздикой».

3 сентября в 4 часа пополудни делегаты комитета, которым было поручено вести расследование, Амар и Севестр, вошли в камеру к знаменитой узнице. Вначале допрос велся как обычно. Королева сочла необходимым все отрицать: никто не передавал ей никаких записок и она утверждала, что какой-то незнакомец приходил «во время ее нервного припадка». Вопросы стали более коварные. Депутаты, казалось, забыли о том деле, которое им поручили для подготовки обвинения. Они спрашивали королеву, что знает она о политическом положении на тот момент, знала ли

она о победах французской армии, сохранила ли «отношения с внешним миром». Настаивая на положении заключенной, Мария-Антуанетта утверждала, что она ничего не знает, кроме как то, что слышала от стражников в Тампле. «Вас интересуют успехи вражеской армии?» — спросили у нее напрямую. «Меня интересует успех армии, принадлежащей народу, которым должен править мой сын. Разве есть для матери что-то более важное?» — ответила она довольно ловко. Мария-Антуанетта утверждала, что единственное, что ее тревожит, так это беспокойство о счастье Франции. «Пусть Франция будет великой и счастливой — это все, что мне нужно», — заявила она людям, пытавшимся найти в ее словах компромат.

Допрос вскоре снова вернули к «делу о гвоздике». Ее допрашивали в тот же день свидетели и обвинители. 4 сентября замученная их вопросами она призналась, что получила записку от таинственного посетителя. По ее словам, записка содержала лишь несколько ничего не значащих фраз, на которые она просто ответила, что находится под наблюдением. Она утверждала, что заговор, в котором ее обвиняли, был лишь предлогом, чтобы разлучить ее с сыном. Как и во время первого допроса, следователи задавали самые обычные вопросы. Они спрашивали Марию-Антуанетту, имела ли она отношения и связи с депутатами законодательного собрания? Была ли осведомлена о положении страны в период до 10 августа? И снова Мария-Антуанетта выдавала себя за покорную жену, подчиняющуюся воле своего мужа-монарха: «Я знала лишь то, что мне говорил человек, которому я безоговорочно доверяла».

Расследование закончилось, и было решено перевести ее в другую камеру. Измученная и ослабевшая, Мария-Антуанетта угасала с каждым днем. Возможно, некоторые члены Комитета общественного спасения надеялись, что она умрет своей смертью. Тем не менее Мария-Антуанетта объявлялась виновной в связи с контрреволюцией. Общественность требовала смертного приговора для «подлой австриячки». 9 сентября якобинцы потребовали ускорить процесс и исполнение приговора, которого ждала вся Франция.

Нужно было ждать 3 октября, когда будет составлено обвинение. «Национальный Конвент, — сказал Билло, — только что дал пример жестокости по отношению к предателям, тем, кто разрушает страну. Вдова должна взойти на эшафот, наконец, все ее преступления будут наказаны. Народ ликует, […] хотя она была осуждена тайно! Я прошу, чтобы революционный трибунал на этой неделе представил свое решение», — добавил он. Предложение было принято.

Фукье-Тенвиль, общественный обвинитель, так и не смог собрать досье против Марии-Антуанетты. В Тюильри были пересмотрены все ее личные бумаги и письма. Хотя дело велось очень быстро, депутаты Конвента обратились в суд с делом о Марии-Антуанетте, так же как когда-то они поступили с делом Людовика. 13 октября, накануне первого слушания, Фукье лично отправился в архивы, чтобы найти там доказательства, «которые касались бы дела и могли стать полезными в процессе над вдовой». Не найдя целого ряда документов, он объявил, что все они были уничтожены во время бегства в Варенн, и этого было достаточно!

Кроме того, чтобы вершить обвинение «Австриячки», Фукье-Тинвиль решил воспользоваться обвинениями, которые исходили якобы от… Людовика XVII против своей матери. Когда Симон, которому было поручено воспитание королевского сына, задал ребенку вопрос о столь дурной привычке (мастурбации), ребенок, не задумываясь, ответил, что этому его научила мама. 6 октября официальная комиссия, состоящая из мэра, прокурора и двух членов совета, а также полицейского чина, отправились в Тампль, чтобы взять показания.

Сидя в огромном кресле и болтая ногами, которые не доставали до земли, ребенок *утверждал*, что его мать и тетка вели тайные переговоры с неким стражником Лепитром, а также Туланом, Венсаном. Он *подтвердил*, что эти люди передавали что-то королеве и ее золовке, под конец он, хихикая, рассказал, как мать и тетка «приучили его к этим дурным привычкам. […] Он говорил, что его мать не позволяла никому об этом говорить […] и это продолжалось уже довольно давно».

На следующий день, 7 октября, допрашивали дочь Людовика XVI в присутствии тех же следователей, к которым присоединился художник Давид, член комитета. Девушка отрицала, что ее мать имела связь с тюремщиками. Она только вспомнила, что слышала как кричали стражники, когда она уже спала. Несколько раз брат поправлял ее, доказывая, что она говорила неправду. Мария-Терезия не нашла иного объяснения, как только сказать, что ее брат сошел с ума. Наконец, когда ее спросили, было ли такое, что ее мать и тетка укладывали ребенка спать с собой, она ответила, что нет. После допроса Людовик XVII ничего не добавлял.

Детей отправили, а на допрос привели мадам Елизавету. Принцессе зачитали заявление ребенка, «который упоминал и ее персону». Принцесса была поражена настолько, что онемела от подобной лжи. Придя в себя, она заметила, что ребенок приобрел дурную привычку уже давно и его мать несколько раз ругала его за это. Поскольку ребенок настаивал на своих словах, принцесса

отказалась что-либо добавлять.

На заседании Революционного трибунала председатель обвинил королеву в пагубном влиянии на Людовика XVI: «Это вы научили Людовика искусству обмана, с помощью которого он лгал своему народу, который привык ему верить». Королева ответила: «Да, народ был обманут, жестоко обманут, но не мужем и не мной». Прекрасный искренний ответ человека, который по-прежнему убежден, что единственная законная власть в государстве — это власть короля. Столкнулись логика монархии и революционная логика.

Президент напомнил октябрьские дни 1789 года, ответственность Марии-Антуанетты в развязывании войны, и его обвинение заканчивалось «историей с гвоздикой». Следователь спросил у обвиняемой, не нужен ли ей адвокат. Она согласилась, но поскольку не знала никого, трибунал назначил ей двух адвокатов. Тарнсона-Дюкудрея и Шово-Лагарда. Предупрежденный 13 октября о том, что он является адвокатом королевы, последний прибыл в тюрьму, где впервые встретился с королевой. Потрясенный серьезностью своей роли, молодой адвокат, который узнал, что процесс начнется уже завтра утром, умолял королеву просить об отсрочке слушания дела. Королева сначала отказалась, но после убедительных советов адресовала в собрание прошение, которое осталось без ответа.

14 октября в зал слушаний, где толпились любопытные, одетая в траурное платье, вошла бывшая королева Франции. Едва ли можно было узнать в этой постаревшей, седой и измученной женщине Марию-Антуанетту. С высоко поднятой головой она подошла к креслу, которое находилось напротив стола общественного обвинителя. Судьи заняли свои места. Среди присяжных был хирург, библиотекарь, парикмахер, сапожник, владелец кафе, музыкант, журналист, бывший прокурор, бывший депутат законодательного собрания и еще несколько человек.

Мария-Антуанетта назвала себя, прежде чем опуститься в кресло. После короткой юридической преамбулы приступили к основной теме: «Слушается дело по обвинению Марии-Антуанетты, вдовы Людовика Капета, обвиняющейся, согласно доказательствам обвинителя, в государственной измене…». Затем последовали все инкриминируемые ей обвинения. В качестве доказательств использовалось все, даже памфлеты, даже убийство на Марсовом поле. Долгий перечень обвинителя «утомил трибунал». Итак Мария-Антуанетта обвинялась в государственной измене.

После этого были заслушаны 41 свидетель. Бывший командующий национальной гвардией Лорен Леконтр упомянул

банкет гвардейцев, который состоялся 5 и 6 октября 1789 года. С какой целью? Убедить присяжных, что королева уже тогда имела контрреволюционные намерения. Лапьер, адъютант генерала 4-го дивизиона, представил какое-то событие, которое произошло 20 июня 1791 года, не произнося никаких обвинений. Королевский хирург Руссило утверждал, что нашел под кроватью Марии-Антуанетты в Тюильри после 10 августа бутылки вина, которые предназначались для моральной поддержки армии. Кроме того, он объявил ее виновной за расправы в Нанси и на Марсовом поле, поскольку она передавала деньги своему брату.

Настала очередь Гебера, который обвинял ее в кровосмешении. Затем упомянул о роли стражников в Тамплс, о деле с гвоздикой, один из судей попросил королеву объяснить обвинение в кровосмешении. Возмущенная королева вскинулась: «Если я не отвечу, то это только потому, что моя природа противится отвечать на подобные обвинения, предъявляемые матери». Ответ вызвал гул в аудитории и возмущенные возгласы, не утихавшие несколько минут. «Не слишком ли высокомерно я ответила?» — спросила она у адвоката, который удивился подобному вопросу.

Свидетели, вызванные в течение всего дня, не дали никаких серьезных показаний против обвиняемой. В 11 часов вечера закончилось первое слушание. Когда измученная королева ложилась спать, она надеялась, что Трибунал приговорит ее к депортации.

На следующий день, 15 октября, свидетельские показания так же были не более действенными, чем вчера.

Когда последний свидетель закончил давать свои показания, королеву спросили, не хочет ли она добавить что-нибудь в свою защиту. «Вчера я не знала ни свидетелей, ни тех показаний, которые они собирались давать, — сказала она. — И вот никто из них не высказал против меня ничего более или менее определенного. Я закончу тем, что скажу, я всего лишь жена Людовика XVI и должна была подчиняться только его воле».

Дебаты закончились. После недолгого обсуждения Фукье-Тинвиль произнес обвинение, в котором он объявлял Марию-Антуанетту «врагом французского народа». Затем он позволил адвокатам взять слово. Имея время лишь сделать какие-то наброски на бумаге, те в основном импровизировали. Шово-Лагард построил свою речь «на мнимых связях с иностранными державами», Тарнсон-Дюкудрей «на мнимых связях с внутренними врагами», снова перечисляя основные обвинения против королевы, они настаивали на том, что у всех этих серьезных обвинений не было доказательств.

«Я еще не видел таких адвокатов, которые бы столь отчаянно пытались доказать невиновность этой уродины, кроме того, они осмелились оплакивать смерть Людовика и говорить судьям, что достаточно убийств и наказаний и нужно было проявить милость к этой женщине», — напишут на следующий день в газетах. Взволнованная и тронутая таким живым вниманием к ее судьбе, Мария-Антуанетта горячо благодарила своего защитника Шово-Лагарда.

Последнее слово не должно было принадлежать защите. После того как обвиняемую вывели из зала и до того как предоставить судьям время на вынесение приговора, председатель Германн произнес длинную речь, которая, по существу, являлась приговором. Объединив процессы короля и королевы, Германн обвинил Марию-Антуанетту «в сообщничестве, или скорее в подстрекательстве, в которых был обвинен последний тиран Франции». Он принимал все факты обвинения независимо от свидетельств и доказательств: «Если вы хотите иметь устные доказательства обвинения, спросите у французского народа. Материальные доказательства находятся в бумагах, которые были взяты их тайника Людовика. […] Антуанетту обвиняет народ Франции». Все политические события, которые имели место в течение всех этих 5 лет, обращаются против нее.

Присяжные вернулись в зал заседаний после обсуждения, которое длилось около часа.

В зал ввели Марию-Антуанетту. «Антуанетта, вот решение присяжных», — произнес Германн. Фукье взял слово и объявил узницу виновной в государственной измене и приговорил ее к смертной казни. «Слушая обвинение и приговор, она не выдала ни единого признака испуга или паники. Она вышла из зала, не сказав последнего слова ни судьям, ни публике», — рассказывал очевидец. Однако Шово-Лагард заметил, «что в душе назревал взрыв, который был заметен только ему. Она не выказала ни малейшего признака страха, негодования, слабости. Да, она была поражена подобным приговором. По спустилась в ряды, не произнеся ни слова, без единого жеста, пересекла зал, как будто ничего не слышала и не видела. И когда она проходила мимо зрителей, то гордо подняла голову и прошла с королевской величественностью. Может быть, в этот ужасный миг королева продолжала на что-то надеяться?»

16 октября 1793 года около 4 часов утра королева вернулась в Консьержери. Оказавшись в своей камере, она попросила бумагу и чернила и принялась писать длинное прощальное письмо мадам Елизавете: «Именно Вам, дорогая моя сестра, я пишу в последний раз.

Только что меня приговорили к смерти и скоро я присоединюсь к Вашему брату, однако считаю себя невиновной в совершении всех тех преступлений, в которых меня обвиняют. Я надеюсь показать в свои последние минуты силу и твердость моей души. Я спокойна и моя совесть ни в чем не упрекает меня, но глубоко сожалею, что мне придется покинуть своих детей; Вы знаете, что я жила только для них и для Вас, моя добрая и нежная сестра. В каком положении я оставляю Вас! […] Пусть мой сын никогда не забывает последних слов своего отца и пусть никогда не пытается отомстить за нашу смерть. Я говорю Вам о вещах, слишком тяжелых для моего сердца: я знаю, сколько этот ребенок, должно быть, доставил Вам забот. Простите его, дорогая моя сестра, подумайте о его возрасте, ведь ребенку так легко что-либо внушить, даже если он ничего не понимает. […]

Мне остается доверить Вам мои последние мысли. […] Я умираю католичкой, в той вере, в какую окрестили меня мои родители. Я прощаю своих врагов за то зло, которое они мне причинили. Я говорю „прощай“ моим тетушкам, братьям и сестрам. У меня были друзья, и мысль о расставании с ними тяготит меня не меньше; пусть они знают, что я, по крайней мере, думала о них до последних минут своей жизни. Прощайте, моя добрая и нежная сестра, пусть это письмо попадет к Вам! Думайте обо мне. Обнимаю и люблю Вас всем сердцем, так же как моих дорогих детей. Прощайте! Прощайте!»

Уже светало, когда служанка королевы вошла и увидела ее в слезах на кровати, одетую в траурное платье. Так как узница отказалась от еды, девушка уговорила ее выпить немного бульона, она смогла проглотить лишь несколько глотков. К 8 часам служанка помогла ей переодеться. Королева не должна быть одета в траур. «Ее Величество подошла к зеркалу […], сделав мне знак оставаться возле кровати, чтобы закрыть ее от взглядов жандармов. Она сняла с себя платье и белье в последний раз. Офицер жандармов подошел к нам в то же мгновение и, оставаясь за ширмой, смотрел, как переодевалась Ее Величество. Королева тут же набросила платок на плечи и тихо сказала молодому человеку: „Во имя чести, мой господин, позвольте мне переодеться в последний раз без свидетелей“. „Я не буду против“, — ответил жандарм.» Королева переоделась в белое платье и надела на голову скромный чепец.

К 10 часам Ларивьер вошел в камеру к королеве. «Вы не знаете, меня ведут убивать?» — прошептала она ему. Но у него не было времени ответить. Судьи уже собрались, чтобы второй раз объявить приговор. Тогда вошел Анри Сансон, палач. Он подошел к королеве и сказал ей: «Протяните руки!». Ее Величество сделала

два шага и с дрожью в голосе спросила: «Разве мне будут связывать руки, ведь Людовику их не связывали?». Судьи сказали Сансону: «Выполняй свой долг». Сансон связал ей руки за спиной, снял чепец и обрезал волосы. Она была готова. И никакой надежды!

Со связанными руками Мария-Антуанетта с трудом забралась на телегу, которая должна была отвезти ее на эшафот, на площадь Революции. Карета медленно ехала сквозь плотную толпу, собравшуюся с самого утра. 30 тысяч жандармов были поставлены по ходу следования, дабы пресечь любую попытку побега. На углу улицы Сент-Оноре кто-то вывесил портрет кисти Давида с изображением королевы Франции. Высоко подняв голову, бледная, белокурые локоны грубо острижены, Мария-Антуанетта ничего не видела и не слышала. Она не стала говорить со священником, который сопровождал ее, отказалась исповедоваться. Наверное, она даже не слышала криков: «Да здравствует республика! Долой тиранию!»

Прибыв на бывшую площадь Людовика XV, королева обернулась посмотреть на сад Тюильри. Заметила эшафот, побледнела. По-прежнему не замечая присутствия священника, не выслушав ни одного его слова, с легкостью спрыгнула с телеги и пошла к гильотине. Резким движением она сбросила с головы чепец и предалась в руки палача. Подготовка к казни длилась 4 минуты, которые казались бесконечными. Отодвинулся засов, и нож упал. Сансон схватил окровавленную голову. «Да здравствует республика!» — закричала толпа. Была четверть первого.

* * *

20 октября 1794 год. «То, что случилось в Консьержери, убило меня. Я ничего не чувствую. Я пытался поговорить о своем несчастье с моими друзьями, с мадам Ф. и бароном де Бретелем, и не нашел их. Я не прекращаю думать о ней, о ее страданиях […], о сомнениях, которые я мог разрешить. Эти мысли разрывают мое сердце. Я чувствовал, что потерял все: чувства, интерес, жизнь, все это было связано у меня лишь с ней, и все было потеряно». […]

21 октября. «Какими бы ни были ее последние минуты, скорее всего она была одна, ей не с кем было поговорить, ее некому было утешить, ей некому было передать свою последнюю волю, как это ужасно. Дьяволы! Нет! Мое сердце не успокоится, пока не

отомстит».

24 октября. «Ее образ, ее страдания, ее смерть и мои чувства не выходят у меня из головы. Я не могу ни о чем думать».

26 октября. «С каждым днем я все больше думаю о ней, с каждым днем я страдаю все больше. С каждым днем я все отчетливее чувствую, что все потеряно».

5 ноября. «О, как я виноват перед ней, только теперь я понял, как люблю ее. Никто никогда не заменит ее в моем сердце. Какая нежность, какая доброта, какая забота, какое любящее сердце, чувственное и ранимое…»

Ганс-Аксель, граф де Ферзен.

СЛЕД В ИСТОРИИ

Жизнь французских королей, в частности Людовика XVI и его супруги Марии-Антуанетты, достаточно полно и интересно изложена в увлекательнейших романах А. Дюма «Ожерелье королевы», «Графиня де Шарни» и «Шевалье де Мезон-Руж».

Но это художественные произведения, и история предстает в них тем самым знаменитым «гвоздем», на который господин А. Дюма-отец вешал свою шляпу.

Предлагаемый читателю документальный очерк принадлежит перу Эвелин Левер, французскому специалисту по истории конца XVIII века, и в частности — Революции.

Для достоверного изображения реалий французского двора того времени, характеров тех или иных персонажей автор исследовала огромное количество документов — протоколов заседаний Конвента, публикаций из газет, хроник, переписку дипломатическую и личную.

Живой образ женщины, вызывавшей неоднозначные суждения у французского народа, аристократов, даже собственного окружения, во всем блеске предстает перед нами под пером Эвелин Левер.